ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (477)

2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Игорь Силантьев. «Поеду ли я в Питер...» *и др. стихи*.....3
Каринэ Арутюнова. Мимо леса и реки.....7
Анастасия Андреева. «по ком здесь плачут наугад...» *и др. стихи*.....15
Владимир Тучков. Вышка. *Роман*.....19
Люба Макаревская. «Сколько раз я разрезала зрение» *и др. стихи*.....137
Андрей Тавров. Летчик. *Поэма*.....145
Виталий Лехциер. «Magna Mater» *и др. стихи*.....171
Сорин Брут. Безветрие. *Рассказ*.....175
Нина Косман. Моя пара. *Рассказ*.....182
Александр Вергелис. Тихими, тяжелыми шагами... *Рассказ*.....187
Сергей Ивкин. «Петербургский трилистник» *и др. стихи*.....194

ПЕРЕВОД

Олег Коцарев. «Бахчисарайский чебурек с орденами» *и др. стихи.*
Перевод с украинского ***Станислава Бельского***.....198

РЕТРОСПЕКТИВА

Сергей Боровиков. Из дневника. 2001 год.....209

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Вексель Спиридона Козлова.....221

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Александр Марков. Цикл с отброшенным ключом
О стихах Екатерины Симоновой из цикла «Уехавшие, высланные, канувшие и погибшие».....236

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Роман Арбитман: Признания человека-словаря.....242

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Владимир Коркунов. Мёртвые души Вадима Месяца
Вадим Месяц. Искушение архангела Гройса.....245

Вера Котелевская. Мужское – женское Герты Мюллер
Герта Мюллер. Как даме жить в пучке волос;
Герта Мюллер. Бледные господа с чашечкой кофе в руках.....249

Андрей Пермяков. «...В знак расставанья с детством»
Антон Васецкий. Монтаж все исправит;
Вячеслав Памурзин. Мертвая петля Веселого Роджера.....250

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Вячеслав Лопатин. Происхождение Радищевского музея *(Продолжение)*.....258

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2018 ГОД.....284

© «Волга», 2018

Игорь СИЛАНТЬЕВ

***

Поеду ли я в Питер,
Поеду ли в Самару,
Поеду ли в Коломну,
А то и в Сыктывкар,
Везде я первым делом
На Красную на площадь
Торжественно иду.

А там цветут ромашки,
Подпрыгивают птички,
Там бабочки порхают,
Жужжит лениво шмель.
И бодрые коровы
Пощипывают травку
Под стенами Кремля.

А рядом с мавзолеем
В платках и сарафанах
В теньке сидят бабуси
С айфонами в руках.
Болезни и прохожих
Неспешно обсуждают
И семечки грызут.

И в грохоте мотора
Отважно управляет
Уралом-мотоциклом
И едет прямо в Кремль
В фуражке капитанской
Сам местный участковый,
А может, президент.

И я ломаю шапку
И кланяюся в пояс
Вослед огню и дыму
Из выхлопной трубы.
Не зря, однако, съездил
В Тамбов я и Воронеж,
И в славный град Орел.

Игорь Силантьев родился в 1960 г., живет в Новосибирске. Доктор филологических наук. Профессор. Главный редактор журналов «Критика и семиотика» и «Сибирский филологический журнал». Проза публиковалась в журнале «Звезда» и «Квадрига Аполлона», стихи в журналах «Крещатик», Prosodia, «Футурум Арт», «Дети Ра», «Двоеточие», «Квадрига Аполлона», «Сибирские Огни» и в различных сборниках и альманахах. Автор четырех книг стихотворений и короткой прозы.

***

Маленьким мальчиком я очень боялся
Спрятавшегося под кроватью бабая.
Бабай этот по́ полу скребся когтями,
Глазищи таращил и искрами сыпал,
А также трубой завывал и ухал.

С тех пор я вырос в большого дядю.
Давно мои умерли папа и мама.
И дом родительский я покинул.
Работаю на очень важной работе.
Бояться вообще перестал по жизни.

А тут полез под кровать за тапком,
И вот он, бабай, – когтями скребется,
Таращит глазищи и сыплет искры,
И ухает ветром в трубе и воет.
Сел я, как маленький, и заплакал.

***

Человек зашел в лифт и кнопку нажал
На самый на верхний этаж.
Ну надо ему было туда.

А лифт этот взял и двинулся вниз.
Плавно так, тихо, но вдруг.
И музыка грустно звучит.

Но ниже ведь первого уехать нельзя!
И музыка, откуда она?
Стоит человек, как лежит!

Так это ж я умер! – догадался человек.
И руки скрестил на груди.
И круглые закрыл глаза.

А лифт опустился до цокольного этажа
И в него со шваброй, с ведром
Уборщица Клава вошла.

Человек тетю Клаву обнял горячо
И заплакал горячей слезой.
А музыки больше нет.

***

А сейчас, так и быть, расскажу вам секрет такой,
Что в любом автомате кофейном спрятан таджик.
Вот подходит мужик и насовывает в щель монет.
А таджик наливает из чайника кофе в стакан
И протягивает из автомата стакан мужику.
Ну а чтобы мужик не просек, что таджик внутри,
Тот гудит и дрожит старательно, будто мотор.

Слышь, таджик, вылезай ты из этого ящика вон.
Я тебя обниму и спрошу, как тебя, друг, зовут.
Автомат мы кофейный повалим на землю и пнем.
И пойдем мы по улицам вниз до широкой реки.
Будем взглядами мы провожать красивый закат.
Еще весело женщинам будем руками махать.
Слышь, таджик, я тебя раскусил, давай вылезай!

***

Когда стану я совсем уже крохотным старичком,
То возьму и побросаю городскую эту жизнь
И в деревне в избушке на отшибе поселюсь,
Буду пенсию на почте ежемесячно получать.
Не большую и не малую. А на обратном пути
Покупать я в сельпо буду красное вино.

А как выпью вина, так отправлюсь я в сад
И прилягу под яблонями в тихой траве,
И с прищуром задорным на небо взгляну,
И покличу к себе с облачка красных дев.
Только небо крохотного старичка засмеет
И завалит его красными яблоками навсегда.

Мне беззубому и яблочки-то нечем жевать.
Подгребу их под бок и безропотно засну.

***

Шел один человек, а потом его нет.
Только камешек на повороте лежит.
Шел другой человек, и тоже пропал.
И с камешком рядом лежит сучок.
И третий за ними отправился в путь.
И вроде ничего, миновал поворот.
Миновал ведь.

***

И когда проходил я по рынку мимо ларька с одеждой,
То встретил тебя. Ты была возбужденная вчера, живая,
А сегодня у ларька под дождем уже никакая мерзла.
Пластмассовые ноги и талия, а выше ничего больше.
Манекен, на который напялены дешевые джинсы.
А босые ступни жмутся на грязном асфальте.

Я схватил тебя в охапку и понес и побежал с рынка.
А за мной погнались эти крики все и топот и злоба.
Ну что поделать, меня приняли за базарного вора.
А я тебя спасал, ту, которая вчера еще была другая,
Возбужденная и живая, а сегодня под дождем в пластмассе.
Но все равно это ты. И что дальше нам будет, не знаю.

Только догнали меня и тебя отобрали. А назавтра
Я был рядом с тобой, я безногий, безрукий, безгласный.
Голова одна и торс. Манекен для шарфов и шапок.
И на безликом лице моем ни глаз и ни рта и ни носа.
А когда дождь утихает, то ветер приносит нам пыли.
И воробушки налетают и чирикают неприхотливо.

***

И я коллекционировал почтовые марки.
И больше других мне нравились рыбки
На марках далекой страны Бурунди.

Какие же невероятные они все были!
Тиляпии, дистиходы и аулонокары!
И лабидохромы, и какие-то фахаки!

Но больше других мне нравилась рыба
Мбу.

То была рыба с человеческими глазами
И голосом моего старшего брата.
Мы вдрызг напились с ним в мои двадцать,
Я рыдал на плече у него зачем-то.

Шелестит занавес папиросной бумаги.
Ею проложены альбомные страницы.
Рыба мбу уплывает в мою память.

Каринэ АРУТЮНОВА

МИМО ЛЕСА И РЕКИ

И что же потом? Наступит понедельник, момент подведения итогов. Внезапной трезвости и даже грусти. Вот так незадачливый Менахем-Мендл возвращается в свою прекрасную Касриловку

Он гладит по головам столпившихся вокруг детей, жену и улыбается печальной своей улыбкой.

Все ярмарки когда-нибудь заканчиваются, дорогие мои. Но у вас в запасе всегда должно быть что-то еще. Например, вечная игла и старая швейная машинка.

Абрикосовая косточка

У каждого армянина своя абрикосовая косточка. Конечно, лучше, когда плод, или дерево, или даже целый абрикосовый сад, но так бывает не всегда. Порой все, что у тебя есть – та самая косточка, которую сжимаешь в ладони.

Разрозненные воспоминания, их так сложно собрать воедино – например, – Азаран-блбул – это птица? или человек?

Про Азаран-блбул, красную корову, синьора Мартироса, про стертый камень из деревни Шикагох, про жертвенного ягненка из Мерцавана, про тонкие листы лаваша, горячий воздух из тонира, про Сис и Масис, про сладкую воду из источника, про хачкары на всей протяженности пути – все то, что мне предстоит узнать однажды, – сначала с тобой, потом – без тебя

Однажды. Наверное, именно она, эта косточка, заставит вслушиваться в слова, искать глазами глаза.

Только не надо о Комитасе, хорошо? Не надо упоминания о том, что и так существовало всегда. Ты уже родился с этим. Тебя еще не было, а Комитас – был. Не буду объяснять, что это значит. Каждый армянин рождается с этой мелодией. С этим плачем, с этим пеплом, с этим счастьем, с этой тоской, которая – слышите? – Ко-ми-тас.

Давай поспорим. Что было в начале? Старая яблоня, абрикосовое дерево, белая крыша соседского дома, нестройное блеяние овец, люди с острыми глазами из-под густых бровей и это слово смешное... «нани», – то ли из снов, то ли из сказок, напомни...

В сказке всегда была добрая красная корова, которая спасала. Она превращалась то в дерево, то в птицу, то в воду... Там были маленькие красные яблочки. От них прибавлялось сил. Ты помнишь, как бежали они, взявшись за руки, – мальчик и девочка..

Она всегда была рядом.

И тогда не пугали ни жажда, ни голод, ни одиночество.

Когда не останется воспоминаний, я возьму книгу.

Когда закончится книга, я скажу – вначале был Карс.

И, наконец, заплачу.

Каринэ Арутюнова родилась в Киеве, окончила Киевский экономический университет. Автор книг «Пепел красной коровы» (СПб, 2011), «Скажи красный» (М., 2012), «Дочери Евы» (Ridero.ru, 2015). Публикации в журналах «Зарубежные записки», «Сибирские огни», «Крещатик», «Полутона», «Интерпоэзия», «Иерусалимский журнал», «ШО» (Киев), «Новый мир», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 2013 года.

Пеленка

Все-таки удивительно, до чего же домашние питомцы похожи на своих хозяев.

Собственно, изначально формулировка неверна. Если я его с пеленок вынянчила, то на кого он, спрашивается, будет похож? А пеленку нам с собой аккуратненько завернули, вытащив из-под мамаши, порядком утомленной всем этим гвалтом. Она (в смысле мать, не пеленка) поволновалась для порядка, поголосила, чем вконец истерзала мое подштопанное во многих местах сердце, я еще долго помнила ее трагичный лучистый взгляд – а ну-ка покажите мне таксу, лишенную трагических изломов).

Так вот, вытащили нам эту самую материнскую пеленочку и дали в наследство, и наш новорожденный всю дорогу сопел в нее и что-то там причавкивал в беспокойном сне, напившись в последний раз молока из отчего дома. Я, конечно, клялась, что сохраню ее, пока дитя не вырастет окончательно и не возмужает, но, как это водится, торжественной клятвы, данной в момент душевного подъема легко и безрассудно, так и не сдержала.

Примерно с месяц мы с малышом по очереди нюхали и мяли это самое наследство, пока оно не кануло в Лету, смешавшись с бездной других тряпочек, пеленок, бумажек, подстилок.

Вот так предаешь самое святое. Но я, собственно, совершенно не о том хотела сказать. А о чертах характера, о родовых признаках, передающихся уж не знаю каким путем.

Возьмем, например, разлуку. В нашем доме хлебом не корми, а только намекни на нее. Чтобы вы понимали, речь не идет о непоправимых ситуациях. Понимаете? Боюсь, что не вполне.

Любое поползновение выйти за пределы родового гнезда сопровождается, знаете ли, тяжелыми предчувствиями и аллюзиями. Ну, вы помните незабвенное (и всякий раз навек прощайтесь...). В ежедневном употреблении этот убийственно прекрасный образ нависает дамокловым мечом над притихшими домочадцами.

Идеал – это когда все от мала до велика собираются за длинным столом и никто никуда не уходит. Могу добавить – никогда.

Первый, кто попытается нарушить гармонию, подвергается... Не то чтобы остракизму. Хуже, гораздо хуже. Господи, ведь так хорошо длить и длить это волшебное единение, а меж тем третья смена блюд и чувство естественного пресыщения (от затянувшейся беседы в том числе) подпирают, давят, вынуждают.

А, хорошо, только смотри там, недолго, да? разве что на минутку, – виновный пулей выскакивает из-за стола и под одобрительными взглядами (чуть ли не аплодисментами) возвращается обратно. Некоторое время сидящие переводят взгляд с солонки на сахарницу, барабанят пальцами по столу, обмениваются знакомыми фразами и междометиями, меняют позы, сдвигают стулья, – долгое «дааа» раздается то тут, то там.

Из нашего дома так просто не выйти, господа. Иной раз и посторонние вязнут в недрах совмещенных удобств и восточного гостеприимства.

Всякий раз, когда кто-то осмеливается покинуть обжитое и, безусловно, намоленное пространство (или хотя бы помыслить об этом), за кадром звучит дудук. Без абрикосовой дудочки никак.

Вообразите. Сидящие в молчании домочадцы и щемящий звук дудука. Ну, дальше понятно. Все как один дружно бросаются к окнам и провожают спину уходящего красноречивыми вздохами, удачными метафорами (в этом деле равных нам нет) и прочая. Звук захлопнувшейся входной двери долго еще стоит в ушах... разрывает сердце, бередит душу.

И тут вы можете (и это ожидаемо) спросить – господи, и как же тебе удалось? как? Решиться, зажмурить глаза, сделать шаг (над пропастью) и на долгие годы выскользнуть...

Не спрашивайте, как, через какие тернии, и чем все это закончилось. Скажу только – символ покинутого очага зиял и реял, опустошал, давал силы, приближался и отдалялся, являлся во снах...

Господи, сколько безутешных, сладких и горьких снов, в которых то смятый краешек занавески, то любимая настольная лампа, то печальный и тривиальный вид из окна, то какое-то особенное освещение, то величественные ряды, несметные орды книг ширятся и возносятся, рыдая и заклиная – вернись, вернись, вернись...

Конечно же, пытаюсь минимизировать эмоциональные затраты. Произношу какие-то стертые, нарочито небрежные слова. В нашем доме принято разворачиваться на пороге с прижатой к груди рукой.

Я скоро вернусь. Кто научил тебя колотиться грудью (наотмашь) о дверь, рвать когти о ковролин, кричать дурным голосом, изнемогая от предчувствия неизбежных утрат, – уходят, уходят же, – я знал, я так и знал, что этим все закончится, я чувствовал, я...

Он стоит у двери (живой укор), его маленькое вмиг исхудавшее тельце (эти короткие ножки, эти плюшевые ушки) содрогается от рыданий, и некто невидимый (о, каждый из нас успевает услышать этот глубокий, идущий прямиком из сердца саднящий сипловатый звук) достает абрикосовую дудочку, любовно протирает ее не очень чистой, но незаменимой в этом деле младенческой пеленкой, и начинает играть.

Нарекаци от Лилит

Лилит Меликсетян

На моей книжной полке два тома Григора Нарекаци. Один – папин (с иллюстрациями Тороса Рослина). Второй – от Лилит.

На моей полке два Минаса. Один (маленький, черно-белый). Второй – два кило весом, роскошный, цветной – от Лилит. Собственно, в тот раз уже все было «от Лилит». Осенний Ереван, мое причащение (иначе ведь и не скажешь), мое возвращение – все было от Лилит.

Это «от Лилит» распахнуты были двери домов, улиц и музеев – для того, чтобы я смогла войти, познать, прикоснуться. Там был Минас. Живой. На всю стену. Полыхающий столь нестерпимо, столь горячо.

Заверните, – произнесла Лилит, и я увезла с собой все, – все цвета и оттенки, все полотна (перед которыми не настоишься и не намолишься), все библейские звуки (под которые не наплачешься), весь воздух (которым не надышишься), весь лаваш (которым не наешься), всю воду (которую не выпьешь).

Заверните, – произнесла Лилит, и мне завернули – и охру, и лазурь, и умбру, и звон колокольчика, и плоские крыши, выбеленные полуденным зноем, и Комитаса. Свет и цвет (а второе от первого неотделимо) – от Минаса. Слово – от Григора. Армения – от Лилит.

Не та, первая, августовская (от моего отца), сразившая солнечным ударом, обмороком познания, причащения, – напоминающая сладкой болью (от невозможности вернуться в пылающий август четырнадцати, в июль девятнадцати).

А вторая, позднеосенняя, от Лилит.

Я больше ничего не скажу, потому что восток. И если, боже сохрани, вы делаете некое движение в сторону того, что вами давно любимо, то обязательно найдется кто-то, готовый «завернуть» это вам.

А столько счастья моя полка не вынесет. Она совсем хлипкая, эта полка, на ней едва умещаются Комитас, Нарекаци с Торосом, Минас (первый и второй).

Человек-транзистор

Чтобы узнать последние новости, вовсе не нужно выходить из дому. Достаточно открыть окно.

Здесь у нас все. Хроника, факты, комментарии. Один мужчина, к слову сказать, целыми днями сидит с транзистором под подъездом. Что-то из других времён. Не с планшетом, не со смартфоном, а именно с транзистором. Я даже завидую чуть-чуть, пробегая мимо. У него весь мир на ладони. Тут тебе и оперные арии, и джаз, и фолк, и холодная война, и тарапунька со штепселем. И, главное, без всякой суеты. Сидит себе, свежую прессу листает, свежим воздухом дышит. Человек этот интеллигентен, слова лишнего не скажет, а если скажет, то тихо, и даже дворовые урки преклоняются перед этой тихостью, шеи тянут, на корточки присаживаются, так, прости господи, и до Равеля недалеко, не говоря уже о Дебюсси.

Однако, самое основное, если хотите знать, это гаражи. Вот там разворачивается настоящая картина мира. Там старые голландцы, натёртый паркет, полотна живописуют, свечи трепещут, клавесин наяривает. Хочется, закрыв глаза, отдаться потоку изысканнейшей речи, полной двусмысленностей и утонченной недосказанности...

В раскрытое окно врывается поток весеннего бриза. Фрейлины шуршат по паркету, поют тревожными высокими голосами, транзистор хрипит, Брейгель старший и Брейгель младший, взявшись за руки, слетают с детской горки, сооруженной в семидесятых годах прошлого столетия, и, я вам скажу, сооруженной на совесть, – сколько поколений полировало ее покатый металлический изгиб...

Итак, утро. В щель раскрытого окна некто невидимый просовывает свежую газету, вместе с круассаном и грамотно сваренным кофе, что, согласитесь, немаловажно, – бегло просматривая новости, я отщипываю холеный бок круассана, прихлебываю прекраснейший из напитков, слушаю Риголетто, и знаете, что я вам скажу?

Я поступлю так, как поступала Песя Пятирубель в незапамятные времена.

В любой сложной ситуации, – слушайте сюда, – Песя Пятирубель брала потертую кошелочку и шла на колхозный рынок. Она шла на рынок, мечтая о копеечном квасе из бочки, о маринованной сельди, о бокастой редиске, о свежем пучке зеленого лучка, о скользких пупырчатых огурчиках, об упругих рыбьих хвостах, о квашеной капусте, о зеркальном карпе в эмалированном тазу... О чем она только не мечтала, эта самая Песя...

Посмеиваясь, она вытаскивала из нагрудного кармашка кошелек. Совсем маленький. И, шевеля губами, медленно пересчитывала медяки. Раз, другой, третий.

После третьего раза она глубоко вздыхала и, зажмуриваясь от предвкушения, покупала у знакомой торговки большой стакан черных семечек, – не сразу, конечно, а пробуя, торгуясь, прицениваясь тут и там, она покупала огромный стакан поджаренных семечек, – причем сыпали ей с походом, не скупясь, – Песю на рынке знали, узнавали издалека, – без Песи рынок был не рынок, день не день.

И вот, покупала Песя этих самых семечек и, счастливая, шла домой, – знаете, как это бывает? Солнце светит, ветерок поддувает, жизнь, какая-никакая, а идёт.

Поединок

Я помню ощущение бесконечного счастья, – в старом подольском доме, – когда выуженные из пристенного закутка несколько тяжелых тускло-зеленых томов Куприна еще сулили блаженство откровения, – и шелест переворачиваемых (с задержкой дыхания) желтоватых листов, и рельефно проступающие тисненые буковки, и запахи – клея, бумаги, выстроенных рядами книжных полок (все это приметы времени, уходящие вместе с последними читателями подписных библиотек), – уже пролились слезы над белым пуделем, уже прочитаны «Сапсан», «Барбос и Жулька», но впереди «Гамбринус», «Яма», «Поединок», «Суламифь», «Тапер», «Сентиментальный роман», «Кадеты», «Гранатовый браслет», «Жидовка», «Штабс-капитан Рыбников».

Впереди весь Чехов, его я еще по-настоящему полюблю, и отнюдь не только за «Каштанку», но и за полные иронии, беспомощной грусти и любви письма.

И Короленко, и Гарин-Михайловский, и Гаршин, и бунинские темные аллеи, и кисловато-вяжущий вкус антоновских яблок, этот смачный хруст, смятение, боль, очарованность – все это будет позже...

Пока же – Куприн. Полузапретный, ни с чем не сравнимый. Это потом ты усвоишь, что «Цветы осенние» – это Куприн, а «Цветы запоздалые» – Чехов, и влюбишься намертво и в то, и другое. Попробуйте прочесть, просто произнесите это медленно, вслух, окунитесь в неспешное, подробное, не пренебрегающее деталями струение слов.

Мы утратили (утрачиваем) подробность существования и повествования (одну за другой), при возрастающей скорости перерабатывания информации – мы стали небрежны, поверхностно чувствительны, поспешны

«Но иногда нами овладевала потребность в городском шуме, в сутолоке, в чужих людях. Затерявшись в незнакомой толпе, мы бродили, прижавшись друг к другу, и еще теснее, еще глубже сознавали нашу взаимную близость. Помните ли вы это, дорогой мой? Что касается меня, я помню каждую мелочь и болею этим. Ведь это все мое, оно живет во мне и будет жить всегда, до самой смерти. Я никогда, если бы даже хотела, не в силах отделаться от него... Понимаете ли – никогда; а между тем его на самом деле нет, и я терзаюсь сознанием, что не могу еще раз по-настоящему пережить и перечувствовать его. Бог или природа, – я уж не знаю кто, – дав человеку почти божеский ум, выдумали в то же время для него две мучительные ловушки: неизвестность будущего и незабвенность, невозвратность прошедшего» (Куприн).

«Выпал первый снег, за ним второй, третий, и затянулась надолго зима со своими трескучими морозами, сугробами и сосульками. Не люблю я зимы и не верю тому, кто говорит, что любит ее. Холодно на улице, дымно в комнатах, мокро в калошах. То суровая, как свекровь, то плаксивая, как старая дева, со своими волшебными лунными ночами, тройками, охотой, концертами и балами, зима надоедает очень быстро и слишком долго тянется, для того чтобы отравить не одну бесприютную, чахоточную жизнь» (Чехов).

Мимо леса и реки

Мы живем в параллельных мирах. Вайфай, чекин, смартфон, посадочный талон, онлайн-регистрация, слово фуагра щекочет язык обещанием изысканного, и тут же – чернеющие рытвины в асфальте, разбитая маршрутка, набитая пылью и мятыми пассажирами, едущими из пункта А в пункт Б, – под безудержный речитатив с пожеланиями любимой жене от любящего супруга, любимому племяннику от любящих дяди и тети – в пионерский лагерь, – панове, ведь пионеров нет, уж тридцать лет как нет, – а лагеря – есть! – счастливый хор дебелых пионервожатых в трепещущих на ветру кумачовых галстуках и минималистических юбчонках развеивает сомнения, – времена, наползая друг на друга, образуют дополнительное пространство, подобное машине времени, которая, ускоряя свой бег, в мгновение ока доставляет в будущее и далекое прошлое, – там сонные электрички, засцанные тамбуры, там петушиные головы, накрытые холстиной, выкрикивают прощальное «кукареку», в корзинах – россыпи ягод, на незнакомой станции – одинокая фигура в плаще, – время, делая резкий скачок вперед, оставляет следы, – тусклая лампочка в приемном покое, свежая побелка, драпирующая «света, я тебя лю...» и жирно прописанное (будто некий итог) слово из трех букв, – буковки, глумливо ухмыляясь, выскакивают из кармашков детской азбуки, – их можно переставлять так и этак, но итог от этого не становится иным, – а *** тебе, – в искреннюю заботу о ближнем сложно поверить в наших благословенных краях, везде ощутим подвох, двойные стандарты, – заааааходим, пассажиры, заааааходим, – у нашего водителя аккуратно выбритые седые височки, чистый воротничок, остановившийся взгляд военрука «в завязке», – слова он медленно процеживает сквозь ряд сцепленных зубов, не торопясь с результатом, – вопросы повисают в воздухе, ответы, провернутые в мясорубке рта, оказываются рубленными, нафаршированными порохом, свинцом, в них – ненависть плавает, перекатывается, подобная ртутным шарикам, – я вижу, как ходят желваки, натягивая кожу за ушами, – не будем же торопиться с выводами, панове, – водитель тоже человек, впрочем, как и любой из нас, – выходим на заправке, разминая члены, выпиваем дрянной кофе из бумажного стаканчика, выкуриваем сигарету, и тут же становимся значительно ближе друг к другу, понятней, – не вааалнуйтесь, всех

довезем, – улыбается (то ли скрытая угроза, то ли обещание) он, зажав в ладони окурок, – глаза его, начиненные серой пылью, оттаивают, обнаруживая человеческое, – он треплет по головам чужих детей, которые тут же, провожая проплывающие за окнами реки, поля и леса, задумчиво изрекают – вот мост, вот река, вот корова, – мама, почему корова грустная, почему бабушка плачет, она просто старенькая, да? – пахнет беляшами, солнцем и близким дождем, и серый человек, обернувшись, все машет и машет рукой, то ли провожая, то ли встречая проходящих мимо.

***

Однажды она чуть было не расплакалась, увидев, как ее отец гладит по макушке своего внука, его, соответственно, ее сына. Это стало открытием, тайным страданием и восторгом. Так вот на что, оказывается, способна мужская ладонь. Флюиды отцовской нежности поступали к ней через голову сына.

***

Наблюдать, как пожилой мужчина разводит в очаге огонь. Как языки пламени вырываются за каминную решетку. Он подкладывает поленья, ворошит угли. В одном этом действии больше смысла, нежели в долгих беседах ученых мужей.

***

Оказалось, она обращает внимание на руки мужчины. Запястье, суставы, пальцы. Руки бывают мудрее их обладателя. И, уж точно, они не обманут. Очень часто руки могут исправить то, что натворил глупый язык. Одним движением.

***

Если эти руки не гладили ребенка, они ничего не стоят. Если эти руки не ласкали женщину, они ничего не стоят. Если эти руки не утешали старика, они ничего не стоят. Никакие выспренные речи не заменят умной силы рук.

***

Он видел их тела, распластанные, беспомощные, лишенные дьявольской и божественной силы, способной свести мужчину с ума. Он видел изнанку того, что являлось загадкой. Он видел их дряхлеющими, вымаливающими лишний день жизни, он видел их полными жизни и сломленными, он видел их ликующими и бесплотными, проклинающими и скорбящими, – загадка, – он все еще продолжал любить их, желать, жалеть. Но никогда ненавидеть.

***

Она не знала еще, что жизнь вовсе не является прямой линией, – множество маленьких и больших жизней, отрезков, углов, многогранников, пересекающихся друг с другом граней, совпадающих точек, скорее уместны, нежели прямая линия. А еще острова, окруженные водой, – те самые, на которых отсутствует понятие времени.

***

Слаженный оркестр. Остановленное время. У каждого своя партия. Ночное неистовство лягушек. Утренний хоровод цветов. С наступлением зноя гаснет синева, никнут стебли. Резкий аромат мятного листа. Его можно растереть пальцами и провалиться в долгий целительный сон. Мясистый фиолет базилика. Лекарственная едкость зверобоя.

За забором ничья вишня. Набухает темной кровью, сочится зноем, просится в ладонь.

Вкус шелковицы откуда-то из беспечных времён. Хочется удержать его, но ускользает день, ускользают цвета, вкусы, желания, – зной размывает их остроту, оставляя, пожалуй, единственное, – божественность замысла, грандиозность исполнения.

И наивысшая точка – когда Творец и его возлюбленное дитя слышат друг друга, не нарушают границы, действуют в унисон.

В этих местах – время не абстрактная величина, а вполне конкретная. И дело вовсе не в секундной стрелке, и даже не в часовой. Время – или то, что мы считаем таковым, – всего только безучастный наблюдатель формирования персиковой косточки, ее мягкости, незрелости, молочности, – ее возмужания, крепости, силы, разрастания персиковой плоти, – мышц, нежной кожицы, кровеносной системы, по которой курсируют ночная влага, полуденный зной и предутренняя прохлада. Каким-то непостижимым образом жизнедеятельность персиковой косточки связана со стрижами, пикирующими сверху, с позывными кукушки, с потрескиванием сухих ветвей, сверчанием сверчков, пением цикад, деликатным шорохом травы, ласкающей ступни того, кто, отворяя дверь, ступает по ней, отмечая наполненность и осмысленность всякого мгновения, слаженность действия и звука, – будто невидимый дирижёр, взмахивая палочкой, наполняет смыслом всякий отрезок времени и всякую сущность, пребывающую в нем.

И все это всего лишь подтверждает его присутствие. Разрастание персиковой плоти, ее свечение, – целеустремленность, цепкость виноградной лозы, соединенной с ветвями вишневого дерева, – сладость и спелость падающих вишен, терпкость вина, в котором соединяются солнце, влага и, собственно, время, необходимое для его брожения и выдержки.

***

В последние дни места и обстоятельства казались ему чем-то вроде многократно прожитого, пережитого, исследованного вдоль и поперек. Лес, речка, проселочная дорога, одни и те же лица, относительная предсказуемость и повторяемость событий. Теперь уже можно было представлять себе другие места, – например, город, бегство из которого еще каких-нибудь три недели тому было таким желанным. Да, там духота, жара, невыносимость, но многообразие лиц, сюжетов, происшествий. А тут – лес, река, коровы, близость кладбища, – которое, к слову сказать, не производило гнетущего впечатления, – размалеванные аляповато лавочки, пестрые луговые цветы, которые в том же количестве произрастали и за оградой. Солнце уходило за горизонт, освещая кресты, ограды, могилы, – чуть поодаль, на развилке, шелковица роняла темные ягоды, – они уходили в землю, окрашивая ее в иссиня-черный цвет, и только случайные городские люди тянулись, нагибали гибкие ветви, ловили губами спелость и сладость, смеялись, точно от щекотки, вспоминая, должно быть, беспечные времена.

Сельский продмаг с джентльменским набором – каким-нибудь сухим алиготе, портвейном, чуть подсохшим бело-розовым зефиром, пряниками, только что завезенным мороженым. Пережидая полуденный зной, присесть под навесом, – смотреть, как хмельная струя наполняет стакан, как лениво растекается время, как медленно бредет чужая старуха, – острый запах немощи не отвращает, – здесь, под высокими небесами, ничто не кажется противоестественным – ни смерть, ни старость, – у них столько же прав, сколько у жизни. Голоногая девчонка на велосипеде, – вы с дачи? с турбазы? – забытые слова из прошлых жизней, забытое чувство летнего безвременья, – когда дождь выстукивает по крыше веранды, некто раскладывает пасьянс, сдвигая карты, а вместе с ними – планы, обязательства, подсчеты, – в права вступает иная реальность, – из мятой колоды карт – подробный перестук колес, исцарапанные ноги, запястья, след от укуса комара, приблудная собака, укладывая голову на сложенные лапы, полудремлет неподалеку, вскидывается, отбиваясь от мух, помахивает хвостом, лениво приподнимается, под свалявшейся шерстью ходят ребра, – она не просит, не скулит, просто смиренно ожидает – чего-нибудь, любого знака со стороны сидящего за пластиковым столом человека. Согбенная в три погибели чужая старуха, наконец, преодолевает ступени, – их ровно три, – смеется, прикрывая ладонью пустой рот, – в ответ на чей-то вопрос тело ее сотрясается от безудержного старушечьего смеха, – коричневолицый, сухой, точно кора старого дерева, человек сметает обертки, бутылки, – зной оплавляет, размывает лица, силуэты, верхушки сосен, – пожалуй, одно оставляя неизменным – явность присутствия, делающего осмысленным и связанным все – дорожку пепла на пластиковом столе, чужую стару-

ху, шелковицу, звуки, которые не нарушают тишину, а дополняют ее, – много позже, окруженный городским шумом, многообразием всего, обилием лиц, связей, возможностью выбора и невозможностью его, он вспомнит (между прочим) застывший кадр, в котором наполненность и бесконечность мгновения оставляют пространство как для сидящего под навесом, так для идущего по дороге, – туда, мимо кладбища и леса.

Пусть это будет, допустим, жаркий либо пасмурный летний день, проселочная дорога, виноградная лоза, опоясывающая плетень, солнце, проступающее сквозь травы, листы и цветы. Да, пусть это будут полевые цветы, растущие по обочине дороги. Повернутый к солнцу подсолнух, бесстыдно алеющий мак, невинная россыпь васильков, пустынная бескрайность поля, пьянящая тяжесть полдня. И всякий раз чувство быстротечности всего и бесконечности. Где-то посередине – точка, где эти двое пересекаются.

Набросок

Идут быстро. Мужчина возмущенно размахивает руками, женщина семенит рядом, грудь ее виновато подпрыгивает.

– Так я ж говорю, – мужчина выразительно стучит костяшками пальцев по собственной голове, – разумом надо думать, а не этой, как ее...

Чем на эту гневную, но беззлобную тираду отвечает виноватая спутница, мне уже не слышно.

Зато слышно, как вдохновенно поют сверчки, и запах речной воды напоминает о том, что буквально в пятнадцати минутах от меня народ живет наполненной жизнью, – там шашлыки, огни дискотек, там клуб одиноких сердец под названием «Жизнелюб», там ловят «оттакую рыбу» сивоусые крепкие дядьки, ловят, а потом жарят, пекут, едят, там карусели взмывают до небес, там пахнет пивом и яркой, там хрипят и взрываются динамики и живет последняя надежда, это она швыряет женщин в тесных платьях в объятия нестарых еще мужчин, это ради нее прическа, помада морковного цвета, перламутровые босоножки, едкость духов.

Разумом надо думать, – а где же его взять в эти жаркие дни, откуда, скажите на милость, разум, когда входит в метро девушка, ничего особенного, не модель, ничего такого, но я тут же успеваю пожалеть о том, что нет у меня чем и на чем – рисовать, да не рисовать. а перенести все, что я вижу, – запечатлеть, пригвоздить к листу бумаги, – она садится напротив, что ж, прекрасная возможность попытаться запомнить – эти скрещенные ноги, шею в вырезе простенького платья, сомкнутые плотно колени, неловко лежащие на них руки, – ничего особенного, ну, вы уже поняли, – но ведь так влюбляются навеки, – пока только в мягкость очертаний, зыбкость, поворот головы, – глаз придирчиво снимает мерку, пытаясь уловить закономерность красоты, – вычислить формулу, по которой уже потом воспроизвести все от начала до конца, от гладкой макушки с белеющим в темных волосах пробором до гибких пальцев ног, – вот так, – эти почти параллельные линии рук, тяжелые опущенные веки, некрасивый крупный рот, – ведь некрасивый же, а все вместе – поэзия, изысканное блюдо для гурмана, – ах, отчего я не он, – взять за эту безвольно лежащую руку и вести – неважно куда, – заглядывая время от времени под косо срезанную челку...

Разумом надо думать, – доносится уже издалека, и я хватаю блокнот, карандаш, – обрывки формулы еще витают, все компоненты налицо – август, жара, мягко покачивается вагон, блестит река, бренчит гитара, в кустах чей-то расслабленный смех, баржа плывет, катер несется, – все как тогда, но что-то определенно не складывается, не совпадает, – числа, размеры, расстояния, – раскладываю линии, вспоминая произвольность позы, беззащитность ее, свежесть попутного ветра, – там еще камыши шумели, гнулись, само собой, деревья, луна плескалась в камышах, – коричневые щиколотки, ниточки на запястьях, – помните, как это бывает, – две недели до школы, а школы нет и уже не будет, – берешь мелок и медленно ведешь его, охватывая впадины, выпуклости, отсекая второстепенное, утопая в деталях, – комкаешь, заталкиваешь в дальний угол, признавая тщетность попыток, бессмысленность формул, невыразимость слов, звуков, линий и цветов.

Анастасия АНДРЕЕВА

***

по ком здесь плачут наугад
небесный свет зеленый сад
взмывает ласточек отряд
раскачивая солнце
сверкает спинкой майский жук
и больше ни души вокруг
змей вырывается из рук
но ниточка не рвется
над чем смеется вдалеке
собор склонившийся к реке
ребенок дремлет в гамаке
раскачивая солнце

***

подснежники растут исподтишка,
дрозды в кустах копаются шурша,
бежит собака с мягкими ушами,
и человек с нелепыми руками,
похожий на китайского божка.

когда природа затевает пир,
выходят человеки из квартир
и с ними человечки и собаки,
воздушный змей из солнечной бумаги,
и временная будочка-сортир.

***

насекомые тихонько замерзают
засыпают где придется бедолаги
чур сегодня серый шмелик будет с краю
коллективный разум баю баю

Анастасия Андреева родилась в 1973 г. в Ленинграде. С 2004 г. живет в Брюсселе. Переводит на русский язык стихи современных фламандских поэтов. Член редколлегии литературно-публицистического журнала «Эмигрантская лира». Печаталась в журналах «Крещатик», «Плавучий мост», «Волга», «Слово/Word», «Новая Юность».

про дожить до лета это враки
не ходи сомнамбулический по свету
это вовсе свет не солнца никакого
это мчится скорой помощи карета
ибо нет ни доброго ни злого
никакого – ты стоишь раздетый
до последних усиков и крылышкуя
на пределе сил в темнеющей вселенной
и орешь свое беззвучное «могу я»
и бормочешь чье-то имя всуе
видишь – ты такой обыкновенный

***

черный лес и слепая вода
обращенная в камень
и живут поезда
между бывшими снами

где закончится ночь
оборвется молчание
станешь в ступе толочь
и любовь и отчаянье

городить огород
выходить из себя и
как любой идиот
заколачивать сваи

новый год новый дом
что дано то навеки
даже если мы в нем
расписные калеки

сколько хочешь тепла
от приблудной дворняги
и до слез ночь нежна
в человечьей общаге

***

и эти часы ручные ласковые заводные
на моей руке не приживутся
потикают немного – собьются
будто у них тоже выходные
только хвостик все виляет куцый
и течет на скатерть время из блюдца
а однажды жил на блюдце конфуций

он был гостем египетской цапли
собирал по капельке капли
и любил наводить порядок
чтобы рукопись без опечаток
он потом переехал в другое
чтобы ближе к корням корою
чтобы я тебе не открою
хотя час уже поздний ранний
нет часов у таких названий
вот записка на веточке ивы
как луна смотрит вглубь залива
так и я тебя вижу мой милый

это было написано на песке
тростниковой палочкой
в ночь растущей луны
не забыть

***

тех которых много
их тоже сначала мало
тех которым уже не больно
им тоже сначала больно
ничего что чаша твоя разбита
и молоко сбежало
так-тебе-и-надо-курица-помада
все равно довольна
верх окна застенчиво
паучок опутал паутинкой
ловит свет от фонаря первобытного
и не просит каши
путник приглядись и увидишь
летит в темноту пылинка
и дрожат кругосветным плетеньем
паутинки наши
ах когда бы знала я
когда бы говорить умела
с маленькими робкими посланцами вселенной
я бы полюбила всех
и даже это тело
где пытаюсь быть или не быть –
одновременно.

***

белый флажок дымка из трубы,
огонек неотложки пульсирует нервно,

морщатся лужи от ветра и лбы, –
вот и зима наступила, наверно.

ждет не дождется отдельная тьма,
оснащенная всеми удобствами сразу,
вроде бы все это было вчера,
только еще недоступное глазу.

или опять не сейчас и не здесь, –
время-пространство привычная трата.
выйдешь на улицу голенький весь,
непознаваем до встречи с медбратом

***

nane

стихи оттаивают воздух до сотворения ничей
и прижимается щекою к нему ничейный соловей
накручивает вечер ветер на кружева цветущих лип
и кажется ори от счастья пока от горя не охрип

за молчаливым горизонтом за краем неба и земли
лови на светлячка живое и говори и говори
со мною даже если будут все доводы мои не в счет
кто знает сколько нам осталось и кто кого переживет

Владимир ТУЧКОВ

ВЫШКА

Роман

Журнальный вариант

1.

В отдалении послышалось тарахтенье громадного винта, мощно перемалывающего воздух. Звук стремительно нарастал.

Из-за деревьев показался «Крокодил» – двадцать четвертый Ми.

На подвесках ударного вертолета безмятежно покоились четыре управляемые ракеты класса «воздух-земля».

Из двух кассет с любопытством выглядывали головки НУРСов.

Вертолет завис над тремя джипами, прекрасно смотревшимися в телевизионном прицеле с пятикратным увеличением.

Дюжина бритоголовых людей со шкафообразными фигурами некоторое время изучала винтокрылую машину, задрав кверху хлебальники. После чего было решено убираться восвояси. В город. Подальше из дремучего леса, который хоть и не тайга, но законы тут точно медвежьи. А еще точнее – крокодильи.

Бандиты резво запрыгнули в джипы. Джипы запыхтели дизелями. Головная машина рванула с места в карьер. Пристроившись ей в хвост, две другие тоже тронулись в спасительный путь.

Вертолет дал предупредительную короткую очередь из автоматической пушки 30-миллиметрового калибра.

Однако это не подействовало. Бандиты были настолько напуганы, что решили прорваться. Поскольку пилот, как они посчитали, готовится к запуску ракет, которые гарантированно разнесут машины в щепы, а ошметки братвы разметает на пол-леса.

Пилот послал один НУРС С-8 с таким расчетом, чтобы беглецы поняли бессмысленность своих истеричных действий. Ракета с полуторакилограммовой тротиловой начинкой взорвалась в пятидесяти метрах от первой машины.

Отрезвляющий эффект был достигнут в полной мере. Колонна остановилась.

Машины стояли.

Внутри нервно курили бандиты. И периодически тыкали пальцами в свои телефоны, тщетно надеясь на то, что связь восстановится.

Вертолет висел. Пилот разговаривал с базой, запрашивая дальнейших указаний. То есть постановки боевых задач.

Андрей Петрович с большим интересом наблюдал за происходящим. Еще совсем недавно непрошенные визитеры чувствовали себя хозяевами положения. Балагурили, сыпали бандитскими

Владимир Тучков родился в 1949 году в Подмосковье. Окончил факультет электроники Московского лесотехнического института. Стихи и проза публиковались в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиле, Нидерландах, Словакии, США, Украине, Франции, Швеции как на русском языке, так и в переводах. Автор двух сборников стихов и двенадцати книг прозы. Ряд рассказов был включен в «Антологию русского XX века. 50 авторов», вышедшую в издательстве Academic Studies Press, США. Предыдущая публикация в «Волге»: рассказ «Преображение» (2018, № 5-6).

шутками-прибаутками, весело размахивая пистолетами, пытаясь нагнать жути на ветерана ВДВ, который не менее весело оценивал ситуацию. И прекрасно знал, чем всё завершится.

После того как Андрей Петрович выкурил пару армейских сигарет «Перекур», на поляну из лесу вылетели два БТРа. Первый, снизив скорость, несильно боднул головной джип в лобешник, отчего у того погнулись защитные никелированные дуги. Второй зашел в хвост колонны.

Первый БТР повел стволом крупнокалиберного пулемета Владимирова, направив его на замыкающий джип.

Открылись люки, и наружу высыпала дюжина морских пехотинцев.

Бравый кавторанг отдал команду.

Бандитов вытащили из джипов и разоружили. После чего слегка отметелили. Но вполне гуманно, как это бывает при отработке приемов рукопашного боя, исключающего нанесение увечий.

Кавторанг подошел к Андрею Петровичу и, пожав руку, спросил:

– Так чего они хотели-то?

– Да говорят, чтобы я убирался. Говорят, у нас тут своя база будет, вьетнамцы будут героин гнать. Я, говорю, ВМФ и все такое прочее, лучше на рожон не лезть. А они абсолютно без понятия. Говорят, если у тебя есть крыша, зови, мы с этими фраерами живо разберемся. Ну, я по рации, все как и положено. Короче, Сережа, молодежь совсем страх потеряла.

– Ты, Андрей Петрович, молодец. А эти больше здесь не появятся. Ни эти, и никакие другие...

Бандитов в конце концов отпустили. Правда, экспроприировав у них один джип, целый, не помятый.

Бойцы расположились на нежарком августовском солнышке, достав сухие пайки.

А кавторанг пошел пить чай и беседовать о жизни с Андреем Петровичем.

Никакой субординации между ними не было, хоть у Сергея было весьма солидное воинское звание, а Андрей Петрович был всего лишь пенсионером. Хоть, правда, и стоял на довольствии воинской части, непонятно чем занимавшейся в глухих лесах Вологодской области. Потому что та часть относилась к военно-морскому флоту.

Через час все разъехались. И Андрея Петровича опять окружило, простирающееся на сотни километров зеленое безмолвие.

2.

Андрей Петрович, крепкий шестидесятилетний человек, со всеми данными ему от рождения зубами и волосами прежнего объема и цвета, не всегда был пенсионером. Был он в свое время, как и Сергей, военным. И еще каким военным. Войска Дяди Васи – десантура!

Воевал. В Афганистане. Лихо воевал. Но при этом ни одной царапины, фигурально, конечно, выражаясь. Слегка, конечно, цепляло. Но на койку ни разу не попадал. Хоть и в самом пекле не раз бывал. Говорили, что заговоренный.

Но сейчас он прекрасно понимал, что судьба его берегла для более серьезных дел. Куда более серьезных...

Вышел в отставку в девяносто третьем. Когда стало понятно, что армию в нужник превращают. Медалей собрал на грудь прилично. А вот по звездочкам получилась недостача. Нет, их было много, четыре, больше, чем у генерал-полковника. Но были они минимального размера – ушел из армии всего лишь капитаном.

Потом крутился на гражданке, пытаясь подстроиться под абсолютно чуждые ему законы. Под законы, поощряющие ложь, отсутствие принципов и предательство. И это все после того, как в Афгане человеческие жизни держались прежде всего на дружбе, а потом уж на выучке, на качестве оружия и на везении.

Вот эта самая боевая дружба и поставила Андрея Петровича на то самое место, которое он занимал сейчас.

В Кандагаре, когда от роты остался только он и Лёха Колыванов, он тащил на себе истекающего кровью Лёху с перетянутыми жгутом рукой и обеими ногами пятнадцать километров. Тащил, сам периодически теряя сознание.

Лёха выжил. И они, ясное дело, стали братьями, можно сказать, единоутробными. Поскольку вышли из страшной утробы войны.

На гражданке такая связь, естественно, прерваться не могла. Пару раз в год встречались, семьями. То Лёха к нему в Нижний Тагил. То он к Лёхе в Воронеж.

Хотя у Андрея Петровича семьи вскоре не стало. Развелись. И, что самое грустное, он и для дочери стал абсолютно чужим человеком. Как говорится, плоды мамашиного просвещения плюс новые жизненные приоритеты.

Привязался к Сереже, Лёхиному сыну. И Андрей Петрович стал для мальчика не просто дядей Андреем, а братом отца, то есть родным дядей. На людях он, конечно, по имени отчеству. Субординация!

Но лет пятнадцать назад Лёха Колыванов умер. Что не смогли сделать «духи», то доделали раны. След которых всегда остается, как, казалось бы, хорошо их ни залечили.

Год назад приезжал Сережа. В морской форме. Вылитый отец в молодости.

Сережа пожил пару дней, посмотрел на бессмысленное существование Андрея Петровича и предложил опять послужить родине. Чисто, конечно, формально. Ничего делать не надо.

– Ты тут, дядя Андрей, бобылем каким-то в четырех стенах сидишь. В чужом городе...

– Это почему же город-то чужой?

– Ну, как же, отец говорил, что ты из Мурманска. А тут у тебя ни родни, никого вообще.

– Да и в Мурманске, думаю, родни не осталось.

– Это почему же? – изумился Сергей.

– Как почему. Кого я знал, те, видать, уж и померли. А новые, которые без меня народились, те никакая не родня. Так, один звук пустой – племянник, дети его, еще кто-нибудь. Только фамилии могут совпадать, и ничего больше.

– Ну а дочь твоя, дядь Андрей? Она где?

– В Краснодаре. Уже, наверно, бабкой стала. А я, стало быть, при таком раскладе получаюсь прадедом, стебать-колотить!

– Ну и...

– Чего – и?

– Чего ты к ним не подашься?

– Знаешь, Сереженька, я им там всем тоже чужой. Даже по фамилии не совпадаю.

Сергей согласился.

Некоторое время сидели молча, допивая давно остывший чай.

– А, знаешь, дядь Андрей, – прервал молчание Сергей, – давай-ка к нам. В вологодские края.

– И что я там? Да и где жить буду-то? У тебя жена, двое пацанов, квартирка типовая. Коттеджем-то, как нынешние, поди, не обзавелся?

– Не обзавелся. Мне своего хватает, лишнего не надо. Да и жизнь, как понимаешь, на чемоданах. Куда завтра родина пошлет? Какой тут на хрен коттедж!

Андрей Петрович согласился. Офицер начинает обрастать бытом, только когда снимет погоны. А до этого – перекати-поле. Единственное имущество, без которого никак нельзя, – дюралевый жетон с индивидуальным номером.

– В общем, есть для тебя место, – раскрыл карты кавторанг, – как раз по тебе.

И начал объяснять, что да как.

Отчего Андрей Петрович буквально впал в детство.

Точнее – в отрочество, когда мир представляется добрым и щедрым, а жизнь сулит фантастические перспективы, которые пусть даже и противоречат некоторым фундаментальным законам мирозданья.

Андрей Петрович решил в шестьдесят лет начать новую жизнь. Правда, были на то и еще одни основания, кроме приступа подростковых иллюзий. Старая жизнь настырно пыталась вогнать ему пулю промеж глаз. Или каким-нибудь иным способом лишить жизни.

3.

Пару дней Андрей Петрович кантовался в воинской части, которая находилась в Сямженском районе Вологодчины. Был представлен командному составу, то есть заместителям капитана второго ранга Сергея Алексеевича Колыванова. Познакомился с парой мичманов и тремя матросами, с которыми он должен держать связь по бытовым вопросам – снабжению провиантом, горючкой и прочими необходимыми на дальней точке вещами. Подобрал себе обмундирование – бушлат, сапоги, в общем, всё что положено. Вот только к бушлату погоны не полагались. В связи с чем Андрей Петрович так и не уяснил свой статус в системе ВМФ России. Ну, буду вольнонаемным, решил он в конце концов.

А потом его привезли на точку, до которой добирались два часа по просеке. Чувствовалось, что ее поддерживают в рабочем состоянии – упавшие поперек деревья выпиливали посередине и убирали выпиленные серединки на обочину. Молодая поросль размолачивалась гусеницами БТРов, которые, судя по всему, проходили тут довольно часто. Во всяком случае не реже, чем из почвы вылезали новые кустарники и деревца.

Место новой службы Андрея Петровича нисколько не удивило. Обычный армейский стандарт. Разве что комфорта побольше, чем было в годы его боевой молодости.

В жилом блоке стояла койка со стандартным постельным бельем. Тумбочка. Четыре табуретки, вероятно, на случай прибытия какой-нибудь инспекции. Стол, покрытый клеенкой в серую клеточку. Был телевизор. Но ему объяснили, что он практически ничего не ловит. Когда повезет, то можно слушать два первых канала без изображения.

Была дровяная печка. Не русская, из кирпича, с лежанкой наверху для борьбы с радикулитом, а пузатая металлическая. Но печка была, скорее, излишеством, потому что отопление было электрическое. Электричества хватало – в пристройке стоял мощный дизель-генератор. И солярки к нему прилагалось более чем достаточно. Однако мичман сказал, что в самые лютые морозы надо дополнительно и печь затапливать. Ну, или дизель может чекулдыкнуться, и тогда... Тут мичман трижды сплюнул через левое плечо.

На кухне было все, что надо для холостяцкого житья-бытья. Электроплитка на две позиции. Кастрюли-сковородки, миски-кружки, вилки-ложки. Был даже холодильник. Совсем древний – «Юрюзань». Такие сейчас только в каком-нибудь музее можно встретить. Но при этом работал. Работал и был этаким материализованным обвинением тем прощелыгам, которые разрушали советскую промышленность ради того, чтобы дать зарабатывать иностранным производителям бытовой техники.

Правда, Андрей Петрович, человек бывалый и не пальцем сделанный, надумал устроить ледник в погребке, куда весной натаскает снега.

Воду из скважины качал электронасос. И для кухни. И чтобы помыться, для чего был оборудован душ с водонагревным баком. Забегая вперед, скажем, что Андрей Петрович к осени срубил и баньку, чтобы зимой можно было хоть попариться без какой-либо конкретной цели, хоть выгнать подступающую простуду.

В общем, для нормальной жизни было все необходимое. Точнее – для нормальной службы, как считал Андрей Петрович. И даже немного сверх того.

– Ну, Петрович, – сказал мичман, когда было все осмотрено. – Раз в месяц мы тебе будем подвозить всё, что положено. И поесть, и дизель накормить, и еще чего попросишь, но в разумных, конечно, пределах. А вот баб не обещаю, – и добродушно рассмеялся.

Связь с частью надлежало держать по рации. Но она была незнакомой, не такая, которой он пользовался в Афгане. Рация работала через спутник.

– А это что? – спросил Андрей Петрович, когда уже завели двигатель БТР.

– Мачта это. Разве не видишь?

– Да слепой ее и тот увидит. А для чего она. И чего такая здоровенная?

– Петрович, ты же человек бывалый! Это военный объект. Нам с тобой поставлена задача охраны объекта и всего, что находится на его территории. Все равно, что охранять. Вот кинешь на землю окурок и его тоже охраняй. А для чего нужна эта мачта, пусть в штабе думают.

Механик-водитель дал газу. И БТР вскоре скрылся в лесной чаще, простирающейся хрен знает докуда.

4.

Посреди просторного квадрата, огороженного железобетонными плитами с колючей проволокой поверху, возвышалась громадная металлическая мачта.

Она была столь высока, что ее макушка едва просматривалась.

Метров четыреста-пятьсот, решил Андрей Петрович, не имея измерительных инструментов.

Отчасти она напоминала Эйфелеву башню. Четыре лапы, похожие на бульдожьи, упирались в бетонное основание. И, очевидно, уходили вниз на изрядную глубину. Вверху лапы сходились приблизительно на уровне девятиэтажного дома. И дальше, до самого верха, шло переплетение металлических балок примерно десятиметровой длины.

Вся эта громадная конструкция была застрахована от ржавления и сопутствующей ему потери прочности за счет того, что все детали мачты были сделаны из какого-то антикоррозионного металла. Может быть, это был даже титан – метал легкий и способный простоять в неизменном виде не одно столетие. В армии титан – популярный металл.

Устойчивость мачты обеспечивали четыре растяжки, сделанные из тросов толщиной чуть ли ни в руку. Вполне понятно, что ей был не страшен не только ураганный ветер, но, может быть, даже и землетрясение средней мощности. И хоть землетрясений на Вологодчине и не бывает, но армейские системы всегда делают с большим запасом прочности и надежности.

Наверх, вероятно, до самой макушки, о которую вспениваются низкие облака, вела лестница. Самая примитивная, какую можно себе представить, – обрезки двадцатимиллиметровой арматуры, приваренные к двум вертикальным направляющим. Причем арматура была из обычного черного металла, покрытая рыжими пятнами ржавчины. Было абсолютно непонятно, насколько прочны к настоящему моменту ступеньки-жердочки. И на какой высоте одна из них обломится, и незадачливый верхолаз понесется навстречу земле с ускорением 9,8 м/с². И главное – почему лестницу, как и саму мачту, не сделали «вечной», то есть из нержавеющего металла.

У основания мачты находился металлический бункер высотой в полтора человеческих роста и сторонами десять на десять метров. Из бункера вертикально вверх, к самой вершине мачты, уходили две двухдюймовых трубы. На высоте примерно пятиэтажного здания от труб через равные промежутки, пятиметровые, отходили ответвления в виде пластинок метровой длины.

Вход в бункер преграждала массивная дверь с кодовым замком.

«Ох, и ни хрена себе хреновина!» – сказал Андрей Петрович, осмотрев загадочную конструкцию.

5.

Первый год Андрею Петровичу дался нелегко. Нет, с бытом – сварить, пожарить, постирать, протереть пол, вымыть посуду, зашить прореху, заготовить на зиму дрова, а потом топить печь, разгребать снег и так далее, и тому подобное – никаких проблем не было. Он давно уже жил один, и бытовая рутина выполнялась им на автомате.

Проблемы были со свободным временем, которое на него, вчерашнего горожанина, буквально навалилось тяжелой ношей.

В городе был телевизор, с его помощью можно было убивать время в неограниченных количествах.

Были магазины, куда надо было ходить за продуктами. Или какую-нибудь одежку подобрать взамен обветшавшей.

Были автобусы, которых надо было дожидаться на остановке. И в это время он был как бы при деле.

Были банкоматы, сигаретные киоски, светофоры на перекрестках, домофоны, рекламные газеты в почтовом ящике, были бомжи, были липовые бойцы Чеченской войны в купленной на рынке необмятой форме, которые под блатные аккорды поют о боевом братстве, были дети, спешащие с рюкзаками в школу, молодые матери с колясками, уткнувшиеся в свои айфоны, были старики и старухи двух типов – агрессивные и неуверенные в себе с извиняющимися глазами, были машины, мотоциклы, велосипеды, самокаты, роликовые коньки, а в небе – стрелы подъемных кранов...

Вся эта – неживая и живая – мешанина, постоянно вращаясь перед глазами, отвлекала Андрея Петровича от себя, не давала ему остаться наедине со временем. Со временем, которое способно придавить некрепкого человека к земле своими предельно простыми и максимально безжалостными вопросами.

Был, в конце концов, пивбар, где можно было пропустить пару кружек под креветки и разговоры со случайными людьми. Разговор со случайными людьми тем хорош, что не заставляет напрягаться, чтобы скрыть от знакомых что-либо, чего они не должны знать ни при каких обстоятельствах.

И главное – в городе кругом были люди. И, глядя на них, Андрей Петрович ощущал подсознательно общность и с этими людьми, и с этим городом, и с этой страной. Хоть давно и считал себя одиноким волком.

А здесь, в лесу, в полном одиночестве, он утратил ощущение связи со страной. Но взамен этого со временем появилось чувство связи с землей. Но не с маленькой буквы, а самой что ни на есть большой – связь с Землей. С планетой, на которой обитает бессчетное количество людей, зверей, птиц, рыб и совсем мелких тварей.

Нет, пить на своей удаленной от цивилизации точке он мог хоть каждый день. Но, правда, не пиво, а спирт, который ему оставили в изобилии. Для медицинских целей. Ну, или чтобы там протереть что-нибудь, отдраить. Армия без спирта не обходится. Раз поставили на полное довольствие, то и по всем пунктам, включая спирт и асидол для чистки ременной бляхи.

Однако склонности к питью в одиночку и без повода у Андрея Петровича не было. Вот если, конечно, хотя бы один из этих компонентов – или с кем-то, или по поводу, – то тогда, разумеется, маленько можно. В первый раз он причастился только на ноябрьские. А потом дождался Нового года.

И бесконечно тянувшимися вечерами ему в голову приходили очень причудливые мысли. Вот бы, например, в кино пойти. Хоть в городе в кино он последний раз был еще при советской власти.

Или в клуб. Но не в такой, где налупившись экстази или чего у них там, превращаются в танцевальных роботов. Нет, Андрей Петрович думал о клубе, где пенсионеры кадрят молодящихся пенсионерок. Там он тоже ни разу не был. Но видел по телевизору, как пьют чай с пирожками и танцуют. И тоже, в общем, дрыгают ногами, потому что нынешний пенсионер с молодости воспитывался на всяческих битлах, роллингах и айсидисишниках. Те, которые выросли на Утесове и Шульженко, на Виноградове и Козине, на Юрьевой и Великановой, – те уже давно в земле сырой. Так что вальсирующие пары теперь можно только в старинном кино увидеть.

В общем, Андрей Петрович почти весь первый год не столько служил, сколько маялся.

Правда, ближе к осени занялся грибами. Брал только белые, которых было в изобилии. Да и ходить далеко не надо было – вышел за ворота и собирай. К сожалению, грибные походы много времени не занимали. Пару грибов на суп. И четыре на жарку. Да и то не каждый день, а то от одних грибов озвереешь, бурундуком станешь. Хочется чего-то более разнообразного.

Но потом, к счастью, понял, что можно собирать для Сережи. У него ведь семья, ему много надо. Да и с сослуживцами ему было не грех поделиться. Собирал уже, сколько в ведерко врезает.

И сушил, чтобы на суп. А для еды – солил. Сообщил по рации, чтобы в очередной завоз на БТР побольше пустых банок пригнали.

Да, еще баньку летом строил. Но как-то очень быстро управился, потому что работал с каким-то радостным остервенением – все три недели для него были просто какими-то праздником. Начинал чуть свет. И складывал инструменты, когда уже начинало смеркаться. А устав под вечер, вымотавшись вконец, сразу же проваливался прямо-таки в юношеский сон. Как говорится, без задних ног и ненужных сновидений. То есть никакого в это время томления духа в нем не было. Время для него в этот период было в радость.

6.

Первый раз он с ними повстречался в июле, когда валил бензопилой сосны на бревна для баньки. Зашел далеко, потому что надо было выбирать деревья нужного калибра – сантиметров пятнадцать, не больше.

Шел, что-то насвистывая. С сигареткой во рту.

И вдруг, выбравшись из орешника, напоролся на взгляд. Тяжелый, крайне неприветливый.

Это был волк.

Волк смотрел на Андрея Петровича в упор, слегка приподняв верхнюю губу, чуть обнажив прокуренные клыки. Да, именно, прокуренные – желтоватые.

Волк был не один. Еще четверо, но чуть поменьше. А этот, был, несомненно, вожак.

Волки ели кабана, которого, видимо, совсем недавно завалили.

Разодранная туша, вся в крови. И законная трапеза, ритуальная, вознаграждение за удачную охоту, где каждый из стаи продемонстрировал свою доблесть.

И Андрей Петрович, который прервал трапезу. Один. С бензопилой.

Вполне понятно, что волкам этой добычи за глаза хватит. И человек с вонючей сигаретой, выпавшей изо рта, им на хрен не нужен.

Однако волки руководствуются не только примитивными инстинктами. Типа голода, потребности в случке, желания отдохнуть на сытый желудок, спрятаться от дождя и холода, защититься от угрозы, оберегать приплод...

Волк – социальный зверь. Как, в общем, и человек. И у него есть чувство собственного достоинства. И прежде всего у вожака. Ну, или у лидера, если по-человечески. Вожак должен постоянно поддерживать свой авторитет.

Поэтому направленный на Андрея Петровича, словно двустволка, тяжелый взгляд означал: «В лесу я хозяин!» Ну, и еще, может быть: «Это моя добыча!»

Андрей Петрович это понял. Понял и то, что нельзя поддаваться панике. Это будет конец. Вожак, с легкостью перегрызя ему горло, еще больше утвердит свой авторитет.

Поэтому впился в волчьи глаза не менее жестким взглядом.

Говорить было нельзя, это нарушило бы неустойчивое равновесие со всеми вытекающими последствиями. Поэтому он мысленно проговаривал, внушал матерому волчаре:

– Я такой же сильный, как и ты!

– Я могу тебя победить в честной схватке!

– И тогда стая лишится вожака!

– Но мне этого не надо!

– Это твоя добыча, и ты хороший охотник!

– Но я не претендую на твою добычу!

– У меня совсем другая охота!

– Разойдемся с миром!

– В противном случае кто-нибудь из нас умрет!

– И это можешь быть ты!

Волк спрятал клыки, занавесив их верхней губой.

Отвернулся.

И продолжил есть кабана.

Его примеру последовали другие волки.

Вернувшись на точку, Андрей Петрович снял тельняшку и отжал ее. После чего выстирал, намыливая ее бурым куском мыла, внешне похожим на тротиловую шашку.

И вес тот же самый, что и у шашки, – двести граммов.

«Груз двести», – вспомнил Андрей Петрович афганскую войну.

И только после этого наконец-то выматерился.

7.

Днем Андрей Петрович еще как-то суетился по хозяйству, осваивая новый для себя ритм и стиль жизни. Но вечера были свободными. И это удручало. Мог бы, конечно, придумать что-нибудь бездумное, сжигающее избыток свободного времени. Например, заняться резьбой по дереву. А инструмент у него для этого был отменный – десантный нож из прочнейшей стали, не требующий точильного бруска неделями, а то и месяцами. Но для этого помимо ножа и ловких рук требовались еще и художественные задатки. А их у него не было.

Или решать задачки по математике и физике, освежая в памяти давным-давно усвоенные, а затем рассеявшиеся знания. Как-то раз, осматривая жилой блок, он нашел на полке под самым потолком пару учебников и пару задачников. Принялся за это дело с энтузиазмом. Но вскоре охладел. Задачки для пятого-шестого класса он щелкал без особого труда. Но дальше не шло никак. Ум с годами утратил гибкость, и приходилось по несколько раз перечитывать теоремы из геометрии, так до конца их и не понимая.

С самыми большими проблемами столкнулся, когда дошел до тригонометрии, с ее синусами-косинусами, тангенсами-котангенсами. А ведь когда-то она не представляла для него особой сложности. Когда надо было наскоро прикинуть угол возвышения орудия для точной стрельбы по вражеским позициям.

Пытался наладить телевизор. Действительно, как ему и сказал мичман, иногда пару раз в неделю минут на тридцать прорывался первый или второй канал. Но без изображения, один лишь звук. Страшно везло, когда были новости. Хоть что-то можно было узнать о том, что творится в мире, от которого пытался спрятаться Андрей Петрович. Но по большей части шла какая-то похабщина: там все орали друг на друга, или взахлеб рассказывали кто и с кем, и сколько от этого внебрачных детей появилось на свет, или кто у кого отжал квартиру и скольких сирот выставил на улицу...

«Новый мир», – грустно усмехался Андрей Петрович.

В конце концов, отхлебывая из эмалированной кружки чаёк, начал прокручивать в уме свою жизнь. От самого ее начала, то есть от первых детских воспоминаний. До того момента, как сел в поезд и приехал в Вологду.

То есть не только вспоминал, но и прикидывал, как могло бы получиться, куда бы всё пошло, если бы в тот или иной момент пошел, условно говоря, не налево, а направо.

Жизнь была длинная, материала хватало.

В старших классах занялся боксом. Ходил в секцию вместе с тремя десятками пацанов из района. Колотил грушу. Потом по-петушиному наскакивал на партнеров в синих ситцевых трусах и китайских кедах «Два мяча». И это дело у него пошло. И тренер оказался опытный, и у него самого были неплохие задатки. Быстро прогрессировал. В девятом классе выиграл по юношам первенство городского «Спартака» в среднем весе.

Дальше – больше. В десятом стал чемпионом города. Ездил на область, где стал третьим. Тренер прочил большое будущее. Говорил, что если так и дальше дело пойдет, то сможешь через годик войти в тройку призеров по РСФСР. А там и до Союза недалеко.

Говорил, что надо связать свое будущее со спортом. Поступить после десятилетки в институт физкультуры. И выступать, выступать, выступать, поднимаясь со ступеньки на ступеньку вверх, к чемпионству. «Ты со своими данными, – говорил Андрею тренер, – запросто можешь в сборную страны попасть. Будешь выступать за границей. У тебя, парень, начнется совсем другая жизнь».

Однако отец переубедил. Спорт, говорит, это не профессия. Самое большое лет до тридцати протянешь. И потом на хрен выкинут. И пойдешь, дорогой сынок, учителем физкультуры в школу. Ничего позорнее, говорил, для мужчины не существует. Армия – вот настоящее дело для мужчин.

Ну, это он, конечно, знал твердо. Был подполковником запаса, артиллеристом, всю войну прошел. И тоже без единой царапины, фигурально, конечно, выражаясь.

И пошел Андрей в Рязанское десантное училище. Как говорится, чтобы стать армейской элитой. Да, тогда всем в головы вдалбливали: ВДВ – элитные войска. Впрочем, и сейчас тоже вдалбливают. Потому что у десантников самая тяжелая служба. Чтобы подготовить из молодняка сверхлюдей, командиры истязают бойцов совершенно нечеловеческими тренировками, рукопашными боями, где сломанное ребро не считается серьезной травмой, многокилометровыми кроссами с полной выкладкой...

А полоса препятствий, где рвутся шашки пусть и со сниженным зарядом и свистят боевые пули...

А беспрерывные прыжки с парашютом...

А лежка между гусениц проезжающего танка...

А многодневная тренировка на выживаемость в незнакомой местности без пищи и воды...

А горная подготовка, когда на веревках по отвесной стене...

Этих «А...» Андрей Петрович мог перечислить в достаточном количестве. И все это он прочувствовал в училище на своей шкуре, выдубленной в конце концов до такого состояния, что от нее буквально пули отскакивали.

Те же изнурительные тренировки продолжились и на службе в «мирное время». Хоть у него этого самого «мирного времени» было не так уж и много. Перед Афганом были еще и Ангола, и Бангладеш, и Мозамбик.

Об Афгане, Анголе, Бангладеше и Мозамбике вспоминать не хотелось. Потому что там не было и не могло быть никакой поворотной точки. Не было возможности изменить дальнейшую судьбу. Родина кинула в пекло. Это был приказ, который выполняется. А выполняется он неукоснительно, потому что в 1974 году принял Присягу. Точка!

8.

Длинные ноябрьские вечера давят. И прежде всего на барабанные перепонки. Давят абсолютной тишиной, отсутствием хоть какого бы то ни было звука. Воздух стоит обездвиженный. В застывшем студнем воздухе не распространяются даже запахи.

Отшвырнешь в набухшую от дождей траву окурок, а он пахнет и день, и два... Надо только подойти поближе, за пару шагов. Потому что повисшие в воздухе молекулы не в состоянии отлететь от окурка дальше, чем на метр.

Птиц не слышно. Не только их посвистываний и пощелкиваний – это давно в теплом прошлом, которое для брачных игр и выращивания потомства, – но и звука крыльев.

Лось в отдалении не протрубит. И не хрустнет поблизости сухой веткой, попавшей под копыто.

Волки не завоют. Эти ждут снега, отражающего лунную грусть.

И вся эта ноябрьская сурдокамера давит на барабанные перепонки до шума в ушах.

В один из таких вечеров Андрей Петрович вдруг услышал шаги. Довольно грузные. Медленные. Прерывистые. Где-то совсем поблизости.

Это не мог быть зверь. Потому что ворота были заперты, а калитка прикрыта, хоть и без засова. Калитка открывалась наружу. Поэтому лось или кабан не могли войти, боднув головой калитку.

Человек?

«Но откуда он тут, – соображал Андрей Петрович. – Никакого мотора не было слышно. А пешком протопать полсотни километров от ближайшей деревни... Да еще в темноте... По разбухшей от дождей просеке... Полный бред».

Сунул ноги в сапоги. Надел бушлат. Поверху дождевик с капюшоном. Взял фонарь. Ну, и карабин. Хоть еще лет десять назад ограничился бы одним десантным ножом. Годы безжалостны.

Вышел. Пошарил в пространстве лучом фонаря. Никого.

Окликнул. Строго так окликнул, чтобы незваный гость понял, что тут люди серьезные и решительные.

Опять никого.

Прислушался.

Вот – опять: шаг-шаг-шаг-пауза-шаг-пауза-шаг-пауза-пауза-шаг-шаг...

Пошел на звук, освещая фонарем дорогу.

Свернул за угол. И уперся в пристройку, где стоял дизель.

Дизель работал. Андрей Петрович настолько привык к его постоянному тарахтенью, что оно проходило мимо его сознания. И, следовательно, не вызывало резонирования барабанных перепонок.

Но сейчас к этому тарахтению добавились дополнительные звуки. Дизель был плохо закреплен. И немного сполз со станины. При этом нештатно постукивал о пол, что и было воспринято Андреем Петровичем как загадочные шаги.

Через неделю опять раздались шаги в темноте.

«Ведь я же его, заразу, нормально закрепил», – подумал Андрей Петрович.

Вновь оделся, собрался, правда, уже без карабина, и пошел к дизелю, чертыхаясь.

Но там все было нормально.

Андрей Петрович вышел наружу и стал ощупывать темноту лучом фонаря.

Ни-ко-го.

Но, как и прежде: шаг-шаг-шаг...

На сей раз уже без пауз. И с большей частотой, чем в тот первый раз.

– Эй, какого черта! – закричал он.

И вдруг у самой калитки ему что-то ответило: ХА!

И скрипнули несмазанные петли.

Андрей Петрович еле удержался от того, чтобы заскочить за карабином и начать палить на звук.

Но шаги прекратились.

Он выкурил сигарету. И пошел спать, с грустью подумав: «Вот так, наверно, с ума сходят».

И уже в постели его пронзила еще более тревожная мысль: «А может быть, это все от мачты? Может быть, она так влияет на психику?»

9.

В девяносто третьем он ушел из армии. Хотя, конечно, это надо было сделать раньше. Ну, это для кого другого – кто нащупал пульс новой жизни и ухватил за хвост птицу постсоветского счастья. А Андрею Петровичу было один хрен когда. Потому что он создан был для армии. Ни в какую другую структуру он вписаться не мог. Так, чтобы комфортно и морально, и материально.

Но армия вдруг стала сбродом хапуг наверху и бессмысленным стадом внизу.

У парней тоже по-разному получилось. Жека Степанов и Юрик Андриади подались в бандиты. Вначале как сыр в масле катались – мерсы, золотые перстни и цепи, коттеджи, жратва и бухло, которое в те времена мало кто видел, первые мобильники, и прочее, и прочее, и прочее...

А потом сложили головы Бесславно, как считает Андрей Петрович. Но большинство соотечественников, видимо, уверено, что доблестно. Что жили не только не напрасно, но и в высшей

степени счастливо. Иначе бы такие памятники на центральной аллее кладбища не поставили. Да и не поставили, а прямо-таки воздвигли. При советской власти таких монументов в райцентрах удостаивался только Ленин.

Два Николая, Антипин и Строгин, занялись челночным бизнесом. Но прогорели вскорости из-за своей непомерной самоуверенности. Им опытные люди говорят: гоните из Китая пиджаки, а они приводят наждаки, им – ботинки, а они тупо по-своему – картинки. В конце концов склад, в который превратили квартиру Строгина, затоварился, товар сгнил, вложения испарились. И подались несостоявшиеся бизнесмены в наемные охранники.

Андрею Петровичу вскоре повезло. Через знакомого полковника, разумеется, к тому моменту отставного, его устроили в солидный банк. Вход не пластиком оформлен, а настоящим мрамором. И не охранником взяли, а секьюрити. То есть в костюме с иголочки, в белой рубашечке с галстуком (аванс на это дело выдали). И с бейджиком на груди: A.P.Klimov, security.

Зарплата прекрасная. Но только дело нудное – целый день стоять столбом и направо-налево улыбаться. Правда, конечно, надо было ощупывать всех взглядом и быть готовым в любой момент дать отпор или бандиту, или наемнику конкурентов, или облапошенному вкладчику.

Но, говорили, вот постоишь с месяц, хорошо себя проявишь, и будет сразу тебе повышение. И в зарплате, и в интересности работы, которая будет в основном на выездах.

Хорошо, что этих самых выездов Андрей Петрович не дождался. Выезды были самые что ни на есть бандитские – с трупами и с риском для жизни.

Как-то раз, было еще не поздно – около четырех, он стоял и всем встречным-поперечным улыбался.

Входит мужик упитанный. Морда лоснится. Маленькие усики над губой. В длиннополом дорогом пальто. Портфель из крокодильей кожи. Очочки в золотой оправе на лице поблескивают. И видно, что здорово поддатый. Споткнулся, но его тут же холуй под локоток поддержал.

Повел мордой по сторонам и – к Андрею Петровичу:

– Как стоишь, халдей!

Андрей Петрович видит, что птица важная. Надо смолчать. Ну, и как-то рефлекторно вытянулся по стойке смирно. Как учили – при встрече с важными персонами. Ну, и продолжает улыбаться, как учили при встрече со всеми.

– Что лыбишься, урод! – аж слюной пробрызнул на два метра.

Андрей Петрович, не меняя позы, сжал кулаки. И начал считать до ста.

Пьяная харя продолжила визжать.

Когда Андрей Петрович досчитал до восьмидесяти трех, пьяная харя злобно прошипела:

– Мало вас, скотов, в Афганистане замочили!

Удар был средней тяжести. Урод пошатнулся, но не упал. Только очки, описав баллистическую дугу, брызнули на гранитном полу веселыми осколками.

Разумеется, Андрея Петровича тут же скрутили, для порядка сунули кулак под дых – тоже ведь ребята в своем большинстве с армейским опытом. И оттащили в кабинет начальника охраны.

Тот выслушал, работая ноздрями как кузнечным горном. Наорал, обещая кары небесные. После чего выставил за дверь сопровождавших опричников.

– Да, Андрюха, натворил ты делов!

– Ну, вы же понимаете, ребят, которые там остались, эта падла...

– Да все я прекрасно понимаю! В общем, ситуация для тебя хреновая. Мне, кстати, тоже перепадет за кадровую политику.

– Ну, вы же понимаете...

– Ладно, кончай оправдываться. Тебя больше ни в какой банк не возьмут. Ты сам себе волчий билет выписал. Единственное, что я для тебя могу сделать, вот, держи...

– Что это? – изумился A.P. Klimov.

– Зарплата, за два месяца. Считай, что выходное пособие. Но, сам понимаешь, ни одна живая душа чтоб!..

– Спасибо, – только и смог сказать ошарашенный Андрюха. Хоть можно было и нужно было сказать еще немало слов.

– Ладно. Это тебе спасибо. Ты молодец. Я бы так не смог.

10.

На Крещенье, которое выдалось отнюдь не холодным, часов в девять утра вдалеке послышался рокот мотора. Но это был явно не БТР. Звук был какой-то мотоциклетный, пощелкивающий, довольно высокого тона. Вскоре меж деревьев начал метаться свет от фары. Фара была одна! Следовательно, это был действительно мотоцикл!

В связи с чем Андрей Петрович воскликнул в переводе на культурный язык: «Ёксель-моксель!»

Через пять минут к воротам подкатил снегоход «Буран» с седоком в овчинном тулупе, мощных валенках и завязанной под подбородком на тесемки мохнатой шапке.

– Здорово! – сказал человек в тулупе, выключив двигатель. – А чего Борис не выходит? Захворал, что ли?

– Какой Борис?

– Ну, как же, служит он тут. Я вот решил к нему в гости заехать в честь праздничка.

Пошли в жилой блок. Где и начали знакомиться.

Это был Федор Терентьевич Перхушкин, лесник. Был он на пять лет моложе Андрея Петровича. Живет с женой в полусотне километров от точки, в деревне Марковской, где кроме них еще четырнадцать человек.

Пару раз в год приезжал на точку, к Борису, который тут был до Андрея Петровича.

Борис, по словам лесника, был относительно молод, слегка за сорок. Происхождения неизвестного, Федор, общаясь с ним года четыре, так и не понял, откуда тот приехал, чем занимался в городе, была ли у него семья, дети... Хоть человек был и душевный, с ним можно было про всякую философию поговорить. То есть для чего человек живет и много ли ему на этой земле надо.

– Так, может, он от ментов скрывался, – спросил Андрей Петрович. – Потому и скрытничал. Замочил кого – и в лес.

– Не, не похож на душегуба, – не согласился Федор. – Кишка тонка. Думаю, курице голову отрубит и в обморок.

– Ну, или украл миллионов пять...

– Да ты что, Петрович? – изумился Федор незнанию собеседником жизни. – С миллионами-то не в лес бегут, а за границу. На теплое солнышко и к ласковым телкам. В сорок лет-то... Да я бы в такие годы, да с пятью миллионами... – Федор аж прижмурился от сладкой мечты.

– Так куда он делся-то? – прервал Андрей Петрович затянувшуюся паузу. – Съехал, что ли? Надоело без людей?

– Да вроде бы ему тут нравилось. Все устраивало. Непохоже. Только...

– Что только?

– В последний раз он мне говорил, что начальство, вроде, не шибко им довольно. Может, уволили. А тебя на его место.

Познакомившись, начали собирать на стол. Все-таки праздник. Андрей Петрович открыл банку с селедкой. Порезал к ней лучку, плеснул уксуса. Достал сало. Федор вытащил из рюкзака соленые огурцы и помидоры, маринованные грибы А потом спохватился:

– А как же без хлеба? Я-то забыл захватить. Борис им не пользовался, не пек, все без хлеба ел, как нерусский.

– Не ссы, Федор, я это дело наладил. Мука есть, есть дрожжи – дело нехитрое.

Заранее начистили картошки, чтобы, когда ополовинят бутылку, пожарить и с тушенкой размешать.

А Федор занялся спиртом. То есть твердой рукой отлил из канистры ровно бутылку, смешал спирт с бутылкой же воды, сыпанул туда щепоть чего-то и вынес на мороз.

– Да, кстати, – сказал лесник, – ты, вижу, насчет выпивки не особо петришь. Так вот, разводить надо впополаме. А потом недельки две настаивать. На клюкве, тут она водится. На рябине. На бруснике. Ягоды надо растолочь. Подсыпать немного сахара. И смешать с разбавленным спиртом. Недели две постоит, и процеживаешь через марлю.

– Да нет у меня марли-то.

– Да хоть через тельняшку, один хрен протечет. Только дольше капать будет. Кстати, Борис не хозяйственный был. Я вот тут для него маленько клюквы и рябины захватил для этого дела. Да и ты зимой ничего тут не соберешь.

– Слушай, а как с волками-то? – перевел разговор Андрей Петрович, после того как пропустили по первой и потянулись к закускам.

– А чего волки? С волками жить, по-волчьи выть, – хохотнул Федор.

– Да тут летом у меня неприятный случай был. С вожаком в гляделки поиграли. Так я его переглядел. А то бы мы с тобой сейчас не выпивали.

– А ружье-то у тебя есть?

– Есть, карабин. «Тигр», самозарядный, нарезной, семь-шестьдесят-две, магазин на десять патронов.

– Ну, дорогой Петрович, не ты волков должен бояться при такой технике, а они тебя!

– Да как-то не хочется их. Они тут живут. А я-то, как говорится, понаехавший... Да и на войне я под завязку настрелялся.

– Так тебе и не обязательно стрелять-то. Волки – они тут грамотные. Покажешь им инструмент, они сразу и поймут – «Тигр», самозарядный, нарезной, семь-шестьдесят-две, магазин на десять патронов. И сразу ноги в руки и ходу, – опять хохотнул Федор.

Разлили еще по одной. Поскольку за знакомство уже выпили, то теперь за Крещение Господне. Хоть оба и числились по статистике РПЦ православными, но были, скорее, агностиками. Однако традиция есть традиция!

И сало, и селедка, и огурчики, и грибки шли хорошо. Вилки без устали ходили в штыковую, не щадя живота закусывающих.

– А ты знаешь, – продолжил тему волков Федор, – эти местные жители, которые тут живут, и в кого ты стрелять не можешь, никого не жалеют.

– Что, были случаи?

– Ну, люди, славу богу, все целы. Пока. А вот коров некоторые деревенские не досчитываются. А уж овечки там, свинки – это они за милую душу. И ведь до чего обнаглели, летом режут, когда у них жратвы достаточно.

– Так, может, и летом им еды не хватает? – взял на себя роль волчьего адвоката Андрей Петрович.

– Во, точно! А все от того, что сильно плодятся. В лесу зверя подчистую выедают! Раньше порядок был. Отстрелы устраивали, охотников прорва съезжалась. Государственным делом это раньше было!

– А сейчас? Где охотники-то?

Выпили еще по одной, за порядок в лесу.

Закусили.

– А фифяс, – начал Федор эмоционально, не успев прожевать, – сейчас охотники мало чем от волков отличаются. Прут и с лицензиями, и без лицензий, и с автоматами... Одного даже с ручным пулеметом застукали. На лося да на кабана прут. А на волков им жалко и время, и патроны тратить.

– Ну, а как их укоротить-то?

– А кому? Я на сотню верст туда, на сотню верст сюда. Да егерь один, Пантелеймоныч. К тому же старый совсем, никакого от него толку. Вот когда волков столько разведется, что начнут охот-

ников жрать, может, что в нужную сторону и повернется. Может, там, – Федор указал пальцем на потолок, – до них чего и дойдет.

– А ты?

– А я бью. При первой же возможности. Только не часто удается. Потому что на «Буране» к ним не особо подберешься.

– А летом на чем?

– Летом на квадроцикле. Проходимость хорошая. Но, конечно, много приходится и на своих двоих, а зимой на лыжах. Дороги-то тут, сам понимаешь, какие.

После четвертой закусывали уже жареной картошкой с тушенкой. На свежем воздухе всё хорошо идет.

II.

Утром проснулись вполне свежими. Но для еще большего освежения Андрей Петрович затопил баньку. Это дело оказалось как нельзя кстати. Поры раскрылись, организм задышал всей своей продраенной поверхностью, проснулся зверский аппетит.

Сели завтракать. Но уже без спиртного. Поскольку, во-первых, не юноши уже. А во-вторых, Федору надо было добираться до дома. И дорога была такая, что удерживать снегоход на ухабах и рытвинах, которые остались после БТР, можно только твердой рукой.

За столом Андрей Петрович спросил о мачте.

– А почему это ты меня спрашиваешь? – удивился Федор, – Это ты мне должен про нее рассказывать. Ведь ты тут служишь, а не я.

– Да как-то они все темнят по этому поводу.

– А ты спрашивал?

– Да говорят, мне этого не надо знать. Мол, не забивай голову. Пусть думают в штабе, они за это деньги получают.

– А сам-то что думаешь?

– Ну, однозначно можно только сказать, что она для какой-то связи. В смысле – радио. А принимает или передает, так сразу и не скажешь.

– Да какой тут сразу! – сказал Федор, потянувшись вилкой за грибом. – Борис вон сколько лет голову ломал, но так ничего и не понял. Много раз...

– Самая главная тут непонятка, – прервал Федора Андрей Петрович, – это что она может передавать. К ней же ничего не подходит. Соединена только с бункером, оттуда вверх идут трубы.

– Какие трубы?

– Обычные. А в них, по логике вещей, должен проходить кабель. Для его целости и безопасности.

– А с чего ты взял, что ничего не подходит. Вполне может быть кабель в земле проложен.

– А где следы-то?

– Да вон, хотя бы под просеку могли засунуть, – удивился несообразительности Петровича Федор. – А ты проверь. Лопаткой...

– Федя, надеюсь, это шутка?

– Типа того.

– Так, Федя, тут шутить не надо.

– Да это понятно. С армией шутки плохи.

Заварили чай. Но не из армейского пайка, Федор привез какую-то смесь, женой его собранную. Разница была громадная. Как вода в городе из-под крана, облизавшая изнутри многие километры труб, в лучшем случае оцинкованных, в худшем – пораженных коррозионным склерозом, и – вода родниковая. Или из колодца, как это устроено на точке.

– Слушай, – сказал Андрей Петрович, – а может, это сверхсекретное оружие.

– В армии всё оружие, кроме портянок, – хохотнул Федор.

– Понимаешь, иногда со мной что-то неладное творится. Бывает, слышу шаги, когда на дворе темно. Лоси-то сюда не заходят, так?

– Так, – бесстрастно ответил Федор.

«Наверно, он что-то знает, но помалкивает», – промелькнуло в мозгу Андрея Петровича.

– Пару раз вообще думал, что разум пробуксовывает. Какие-то тени промелькнули. Показалось, что даже чью-то спину разглядел.

– А ты, это самое, не увлекаешься? – Федор щелкнул себя по кадыку.

– Не, только по праздникам. На ноябрьские, на Новый. И вот сейчас с тобой.

– Да, странно.

– Понимаешь, может, мачта какими-нибудь особыми волнами облучает?

– А нахрена ее было такой здоровой делать?

– Ну, может, это побочный эффект... Она что-то делает, что ей по техзаданию положено, но при этом идет еще какая-то волна, которую конструкторы не смогли подавить...

– Да, дело ясное, что дело темное, – подхватил тему Федор. Русскому человеку свойственно демонизировать технику. И особенно – военного назначения. – Это многое объясняет.

– Что?! – Андрей Петрович впился взглядом в Федора.

– Да непонятки с Борисом. Он тоже порой странный какой-то был. Попросил привезти меня побольше учебников по математике и по физике.

– А, эти? Я тут, действительно, пару нашел. Значит, от Бориса мне наследство...

– Да. Я на чердаке пошуровал и нашел. Сын мой, Андрюха, твой тезка, когда-то по ним учился. Давно уже в городе живет.

– А для чего?

– Что – для чего? – не понял Федор. – Для чего молодежь в город перебирается? За сладкой жизнью и жирным куском. Только редко это кому достается...

– Нет, для чего Борису нужны были учебники?

– Да темнил он чего-то. Говорил, что хочу в уме освежить. И, опять же, хорошая гимнастика для мозгов. Гимнастику в лесу надо для мускулов делать, а не для мозгов. Иначе тут не выживешь.

Андрей Петрович задумался. С одной стороны, так оно, наверно, и было. Вот и он сам ухватился вначале за задачки. Однако быстро к этому делу охладел. С другой, все это может быть неспроста, очень может быть связано с попытками Бориса раскусить загадку мачты при помощи точных расчетов. Но для этого надо хоть какое-то образование иметь, техническое.

– Слушай, Федор, а кем был Борис, пока не перебрался сюда? В смысле – кем работал, на кого выучился?

– Так я ж тебе уже сказал – ничего этого он про себя не рассказывал. Наверно, шпионом был, – Федор в четвертый раз хохотнул.

– Ну а ты-то сам как думаешь? Глаза-то у тебя, вижу, на месте.

Федор задумался. Глаза-то у него, действительно, были на месте. И людей за свою долгую жизнь он вполне изучил. Кто чем живет. Кто к чему стремится. Кто о чем думает, несмотря на то, что неискренен с другими. Или замкнут. Кто не бросит в беде и подставит плечо в трудную минуту. А кто с легкостью предаст и продаст за пару коврижек. А кто и вовсе из чистого искусства, поскольку обретает великую радость, когда человеку бесплатную гадость делает. Все это было так.

Однако у Федора, в связи с его и профессиональной деятельностью и проживаньем вдали от цивилизации, был очень ограниченный круг общения. А потому он за свою долгую жизнь изучил лишь очень ограниченный круг людей, в социальном отношении. Обо всем же остальном мире, населенном множеством людей неведомых, на зуб и на ощупь не попробованных, у него были сильно опосредованные представления. То есть сведения об этих несметных типажах он получал исключительно из телевизора. Телевидение, в отличие от точки, на которой сидел Андрей Петрович, у него в деревне принималось. Поскольку деревня стояла на возвышенности. Вот через призму телеэкрана Федор и попытался обрисовать портрет Бориса.

– Конечно, он точно не преступник, который подался в бега. Язык у него грамотный. Не матерится. И не из рабочих. Это видно по рукам, которые у него изнеженные, к труду непривычные. Здесь он по части какой-нибудь пользы для себя палец о палец не ударял. Нет бы, скажем, лавку

сделать – два столбика вкопал и доску сверху, – чтобы летом в теньке посидеть, а весной на солнышке. Но на это он не способен. Хоть я ему и говорил, что и как тут можно оборудовать для быта. Нет, это ему не надо.

Федор оказался речистым, говорил и говорил, пытаясь методом от противного набрести на сущность Бориса.

– Да и ученым он не был. Ученые рассудительные и основательные. У них все по полочкам разложено. То есть в голове. А у него мысли в чехарду играли, дружка через дружку перепрыгивали. Утром он говорит, что на моем месте можно было бы живицу добывать. И быстро разбогатеть. А там и купить домик где-нибудь в теплых краях, рядом с морем. А вечером про то, что капитализм погубил Россию. Одна только шкурка осталась. На тебе, говорит Федор Терентьевич, да на таких, как ты, остаток России держится.

– Может, актер? – брякнул Андрей Петрович.

– Это с какого хрена?

– Ну, в театре готовился играть какую-ту роль. Ну, там, отшельника. Вот и подался сюда, чтобы на своей шкуре испытать.

– Петрович, – рассмеялся Федор, – ставлю свое ружьё против твоего карабина! Какой на хрен актер! Актер давно бы весь спирт выжрал и удрал в город. Только пятки сверкали бы. Все актеры – алкоголики.

Андрей Петрович был вынужден согласиться.

– Так кто же он все-таки? Не вор, не рабочий, не ученый, не актер... Кто?

– Хипстер.

– Кто? – у Андрея Петровича аж отвалилась челюсть.

– Ну, я передачу про них видел, про хипстеров. Точно такая же бородка, аккуратная. Он за ней и тут следил. Одежда какая-то несусветная. Он от нее тут так и не отказался. Некоторое время во всем морском ходил. А потом, говорит, военная форма меня давит, к земле пригибает, сколько на ней крови. И опять свое на себя напялил. Зимой, конечно, был вынужден и бушлат, и шапку носить форменные.

Андрей Петрович рефлекторно сжал кулаки. И – это можно было воспринять как полуулыбку – приподнял верхнюю губу, слегка обнажив прокуренные клыки:

– Бля, от армии, значит, гад, косил!

– Ну, этого я не знаю, – понял реакцию Андрея Петровича и мысленно согласился с ней Федор. – Не знаю я этого. Может, больной, взаправдашне, потому и не взяли. А может, и хлебнул в армии дерьма по полной программе. Ты-то ведь знаешь, как это бывает.

– Да, согласен. Проехали. Дерьма в армии до отвала можно нажраться. Особенно тогда, когда этот твой Борис служил. Ну, или мог служить. Ему ведь сорок?

– Да, около того.

Закурили.

На плитке выкипал чайник, наполняя помещение субтропиками. О которых Федор ничего не знал помимо телепередач. И которых Андрей Петрович нажрался на необъявленных войнах под самую завязку. Отчего не мог относиться к ним иначе как к подступавшей к горлу тошноте.

Андрей Петрович встал. Выключил чайник. И разлил чай.

Начали отхлебывать, обжигаясь.

– Да, – сказал Федор, макая в кружку галету, – я все же думаю, что он был философом. Ты же ведь понимаешь, что философу теперь найти работу невозможно. Вот он потыркался и подался с голодухи сюда.

– Ну, а в чем это проявлялось?

– Да говорил ни о чем.

– Как это?

– Ну, что человек не может быть счастливым, потому что он создан, чтоб быть свободным от себя. Или про то, что людям не нужно тело. Что тело – это как гиря на шее... Вот, еще помню, гово-

рил про то, что компьютеры придумали для того, чтобы в них засасывало и людей, и зверей... Ну и вообще все, что на свете существует... Точно, философ, который на своей философии свихнулся.

– Говоришь, хипстер? – в первый раз хохотнул Андрей Петрович.

Когда дело подошло к двум часам, и светового дня оставалось аккурат на обратный путь, лесник засобирался домой. Хотя, конечно, что значит засобирался? Засунул ноги в валенки, надел тулуп, натянул шапку, опустил на пол-лица авиационные очки, руки сунул в рукавицы, за спину – рюкзак, через плечо – двустволку, подошел к «Бурану», завел одноцилиндровый двигатель, вскочил в седло, дал газу и, тарахтя и постреливая мотором, вскоре скрылся в лесу.

Андрея Петровича со всех сторон вновь обступило белое безмолвие, от которого впору додуматься до того, что мир дан богу в ощущениях людей, порожденных им для борьбы с его главным оппонентом.

Через десять минут Федор вернулся.

– Да, чуть не забыл! Ты кирпичи об голову колоть можешь?

– А надо?

Андрей Петрович удивился своему ответу еще больше, чем вопросу лесника.

«Вышка», – подумал он. С этого момента он стал называть мачту вышкой.

12.

После того как Андрея Петровича выперли из банка, он влился в гигантскую армию охранников. Это была по тем временам вполне естественная траектория для подавляющего числа военных отставников.

Этот мир со специфическими законами находился в динамическом равновесии с другим, столь же громадным, миром бандитов. Где законы были не менее специфичны, но, пожалуй, пожестче. Причем эти миры были подобны сообщающимися сосудами. В зависимости от обстоятельств одни и те же люди служили то в одном «ведомстве», то в другом. Но, конечно, среди охранников преобладали бывшие военные, среди бандитов – бывшие спортсмены.

Андрей Петрович этой зыбкой границы не пересекал ни разу. Поскольку имел четкое представление о добре и зле. И добро в его сознании было неразрывно связано со «своими», пусть и среди них порой попадались нравственные уроды. А зло – с «чужими», где могли быть и неплохие парни.

Это проистекало из того, что к некогда принятой воинской присяге Андрей Петрович относился не формально, а творчески.

Да, именно так. Потому что формальное отношение к присяге означало полное освобождение от каких бы то ни было обязательств перед родиной, начиная с юридических, то бишь уголовных, и кончая нравственными. Потому что все бывшие военные присягали некогда родной Коммунистической партии и нерушимому Советскому Союзу. И после того как и она, и он прекратили свое существование, то и присяга потеряла какой бы то ни было смысл.

Андрей же Петрович, подходя к этому делу творчески, поменял в своем сознании строгого отца, то есть Советский Союз, на добрую мать, которую надо оберегать и защищать. То есть Россию, родную родину.

Коммунистической партии замену не стал подыскивать. То есть, как говорят русские, помер Максим, да и хрен с ним.

Некоторое время кантовался на рынке. Особо не выслуживался. То есть челюсти не ломал. Пресекал беспорядки довольно гуманным способом, без увечий. Однако в этом бизнесе такой гуманизм не приветствовался.

И пришлось ему перейти в бутик. Там и потеплее. И ботинки всегда начищенные. И брился ежедневно. Самому на себя приятно было смотреть.

Правда, функции были абсолютно неясны. Стоять столбом, переминаясь с ноги на ногу, весь день напролет. Потому как никой внешней угрозы не было и быть не могло. Хозяйка ежемесячно отстегивала самым авторитетным в городе бандитам определенную, строго оговоренную, сумму за крышевание. Вполне понятно, ни один разумный гопник в бутик с какими-либо имущественными претензиями не совался.

Правда, нашлись два неразумных. Да и те залетные, из каких-то других краев. У них с голодухи, видать, настолько подвело брюхо, а от перманентного гастролирования утратились представления о реальности, что пришли под вечер и стали требовать дневную выручку, натянув на головы лыжные шапки с прорезями для глаз и размахивая игрушечными пистолетами, сделанными из зеленой пластмассы. Андрей Петрович справился с одним одной левой, с другим – одной правой. И повразумлял. Но, опять-таки гуманно, без увечий и сотрясений мозга. Понимал ведь, что не от хорошей жизни парни решились на такую бессмысленную авантюру.

Он тут же был повышен в статусе до ранга героя и спасителя отчизны. И обласкан женским коллективом до последующего отмывания с мужественного лица губной помады. И закормлен до легкой изжоги пирожными. Если бы у них был бы какой-либо орден, то он занял бы законное место на груди Андрея Петровича.

Позже он узнал, что то была инсценировка. Что двух раздолбаев наняла хозяйка бутика – Ирина Степановна Солодовникова. Женщина дородная, жесткая с конкурентами и теплая с друзьями. Некоторый недостаток внешних данных, впрочем, совсем незначительный, с лихвой компенсировался проворным умом и умением изящно одеваться и держать себя, используя не менее дюжины имиджей. Ну, и плюс звонкий девичий смех, когда, разумеется, надо.

Ирина Степановна была столь же искушена в битве полов, как Андрей Петрович в сражениях армий. Она верно определила, что расположение благородного охранника можно завоевать, припав к нему благодарно на грудь. Потому что при такой мизансцене чувственные женские флюиды выделяются наиболее интенсивно. И воздействуют на объект наиболее пагубно.

И она не ошиблась.

Как никогда не ошибалась до этого. Не ошибалась и впоследствии. То есть до того самого грустного в жизни каждой женщины периода, когда можно начинать писать мемуары.

Они стали любовниками.

Надо сказать, что положение для солдата – а бойцы ВДВ всегда остаются солдатами, даже если и носили когда-то на погонах несколько звездочек – неоднозначное.

Да, с Ириной Степановной было вполне комфортно. И даже тепло. И он совершенно искренне называл ее и «милая», и «Иринка», вполне переживая те чувства, которые передают эти слова.

Для него невыносимо было бы ощутить себя альфонсом. Поэтому всячески отвергал любые подарки, которые были дороже тюбика крема для бритья. И отбивался от повышения зарплаты. И протестовал против служебных послаблений.

И по-прежнему стоял весь день столбом, переминаясь с ноги на ногу. И мог лишь позволить себе во время рабочего дня улыбаться хозяйке бутика да попить пару раз в день чаю с девушками-продавщицами.

В общем, солдат! Солдат, каких сейчас не делают.

Но вечно это продолжаться не могло. Поскольку сердце красавицы, даже если ей и недалеко до пятидесяти, склонно к измене и к перемене, как солнце мая, когда красавица впервые надела бюстгальтер.

Появился один, который недавно вернулся из Чечни. Молодой, начавший бриться, наверно, не далее чем пять лет назад. Но при этом вся грудь, как и у Андрея Петровича, в медалях.

Расстались по-хорошему. Можно сказать, тепло, как старые друзья. Ну, а от друга уже можно было принять двухмесячное выходное пособие и премию за безупречную службу.

В общем, пост сдал – пост принял! Все, как и прописано в Уставе гарнизонной и караульной службы.

13.

Девятого марта в рации раздался голос кавторанга.

– Андрей Петрович, как ты там поживаешь?

– Да все нормально. Служба идет, солдат ее блюдет, а она его в зад и в перёд! – откликнулся старинной поговоркой Андрей Петрович.

– Не заскучал там?

– Наше дело привычное, знал, на что подписываюсь.

– Ну, лады. Я вот чего – жди послезавтра гостей.

– Это я всегда готов.

– Это я не о себе, дядь Андрей. Хоть и сам буду. Приедут люди солидные. Надо бы по высшему разряду. Чтобы и банька там, и все прочее. Ну, ты меня понимаешь.

– Все будет в лучшем виде, Сережа. Дрова есть, воды – залейся. Дизель тепло гонит.

– Ну, замечательно.

– А с ночевкой или как?

– Да нет, народу будет много, у тебя все не разместятся... Да, и побрейся.

– Инспекция, что ли? – не понял Андрей Петрович смысла этого нелепого пожелания.

С одной стороны, в глухом лесу никого щетиной не напугаешь. С другой, он и в лесу, и в пустыне, и в горах, и в смрадных болотах брился каждое утро. Когда, конечно, бомбы с неба не сыпались и мины землю не пахали.

– Не, не инспекция. В общем, сам увидишь. А пока военная тайна. А то леснику своему протрепишься. Всё, давай, до встречи.

Андрей Петрович накинул бушлат, вышел наружу и закурил. Это было неожиданно. Очень неожиданно. Откуда он про лесника знает? Что они в январе встречались.

Сережа-то не так прост, оказывается! Поставил, что ли, лесника за мной шпионить?

Выходит, и лесник не так прост, как прикидывается. Высматривал тут все, вынюхивал. Разговоры задушевные вел, курва! Чайку для душевных разговоров привез, огурчиков.

Или тут совсем другой расклад?..

Андрей Петрович задавил каблуком окурок и кинулся в жилой блок.

Искать скрытые камеры, подслушивающие жучки.

Все внимательно просматривал и прощупывал. Даже на коленках ползал. На табуретку влезал.

После часа поисков так ничего и не обнаружил. Хотел разобрать телевизор, но плюнул на эту затею.

Ну, стояли бы тут камеры с микрофоном, рассудил он, как бы это в часть передавалось? Сотовой связи-то нет.

Но, если подойти с другого боку, то почему ее нет? У лесника вон есть, а здесь нет. А расстояние-то всего в полсотни километров.

И главное – почему телевизор не ловит? При советской власти телевидение таким сделали, чтобы оно доходило до самых глухих углов, чтобы все знали, что в Москве делается. То есть в Кремле. Эта машина была сделана прежде всего для идеологии, а потом уж для развлечений типа «Голубых огоньков» и «Спартак» – «Динамо».

Что, выходит, тут всё глушат? Но зачем?

И где эта глушилка?

Кроме вышки нечему было глушить связь и телевидение.

У этой задачи было слишком много неизвестных. И потому Андрей Петрович не мог ее решить, как ни тужься, как ни напрягай мозги.

Спал неспокойно. Снился урок физики в школе. Он стоял у доски и не знал ответа ни на один вопрос, которыми его напористо засыпала учительница в гестаповской форме. Андрюша что-то такое лепетал, а весь класс покатывался со смеху.

Через день прилетел вертолет. Ми восьмой. Но не боевой, обляпанный зелено-желтыми разводами. А какая-то новая его модификация, которую Андрей Петрович в армии не застал. Пластиковый фюзеляж, раскрашенный в веселенькие цвета. Почти бесшумный винт, видать, тоже из пластика, отчего в рокот турбовального двигателя не вплетался свист лопастей.

Откинулся внутренний трап. Бодро выскочил Серега в полевой форме. За ним высунулся мужик в бушлате с каракулевым воротником и в такой же шапке. Это был, несомненно, генерал с двумя звездами. О чем свидетельствовала не только одежка, но и лицо, которое должно иметь такое выражение, чтобы все знали, что это выражение принадлежит военнослужащему, находящемуся в окружении младших по званию. И совсем другое выражение положено этому лицу, когда оно оказывается в кругу генералов армии.

Потом бодро выпрыгнул контр-адмирал.

Потом два пузатых штатских.

И, кокетливо, спустились пять девиц. Явно не жены прилетевших.

«Что же ты, Сережа, – укоризненно подумал Андрей Петрович, – свою шлюху сюда притащил?»

Расклад был, действительно, очевидный – пять на пять.

«А ведь женой-красавицей недавно хвастал! – продолжил свои ханжеские мысли Андрей Петрович. – И ведь не боится, что я заложить могу, когда к нему домой наведаюсь».

«А ведь не наведаешься уже никогда больше! Никогда и никуда!» – Андрея Петровича словно током ударило. Он мог поклясться, что это не он сам подумал! Что это словно бы кто-то другой проговорил у него в голове!

Потом, выгрузив амуницию – лыжи-снегоступы, автоматы, баулы и ящики со спиртным, – и наскоро поздоровавшись и познакомившись с хозяином, все отправились в лес, на охоту. Сохатого валить, как объяснил генерал-лейтенант непонятно каких войск.

А Андрей Петрович пошел топить баньку. Не с какой-то особой радостью, поскольку к военному дело это отношения не имело. Скорее, к блядству. Но и не унизительно это для него было. Если был бы, скажем, полковником, то посмотрел бы на это дело с высоты своего звания. И, пожалуй, оскорбился бы. Но капитан в этой стае – не шибко важная птица. Вот если начнут по плечу спьяну похлопывать, то можно будет и оскорбиться...

Андрей Петрович вспомнил свое финальное выступление в банке... Нет, к той ситуации нынешняя близко не стоит. Все-таки эти свои, армейские. Здесь все знают порядки, обычаи и знакомы с красной чертой, которую не стоит переступать даже при общении маршала и рядового. Иначе армия развалится к едрене фене, как это уже было однажды – в девяностые годы.

Затопив каменку и накачав воды в бак, вышел из баньки. И увидел, что пилот по-прежнему сидит в кабине.

– А ты чего, служивый, заночевать в вертолете решил?

– Да нормально тут. Тепло, светло и мухи не кусают.

– Да не по-человечески это как-то. Пойдем, что ли, чайку погоняем.

– Это можно, – сказал пилот, выскочив из кабины.

– Как звать-то?

– Петр. Капитан.

– Ну, это ты со мной сравнялся. Я-то уж дальше не продвинусь, а тебе сам бог велел хотя бы до майора. А то и выше.

– Твои бы, отец, слова да богу в уши, – ответил пилот, скорее, лениво, без энтузиазма.

Это был еще молодой парень, еще и тридцати, наверно, не было. Крепкий. Уверенный в себе. Несуетливый. В летной куртке с эмблемой ВВС. С группой крови. Все как положено. Степанов П.Н.

Закурили.

– Давно на этой паркетной вертушке летаешь? – спросил Андрей Петрович.

И тут же понял, что ляпнул глупость. Парень может обидеться.

Но парень и глазом не повел:

– Нет, на Ка-52.

– «Аллигатор» добрая машина. Нас его «мамаша» в Афгане не раз выручала. «Черная акула».

– Да, отец, «Акула» тоже классная. Я на ней в училище немного полетал.

– А что на этом? Разжаловали, что ли?

– Нет, – ответил Петр, выпуская дым из ноздрей двумя струйками. Как Су-25 парой своих двигателей. – Говорят, мол, ты лучший в полку, вот покатаешь начальство. Начальство – оно как три звезды на погоны поймает, а то и одну-две самых больших, так любит, чтобы с особым комфортом. И чтобы понадежней и побезопасней. Вот и вожу их иногда, как корзинку с яйцами.

Андрей Петрович оценил шутку. Летуны – они все на язык вострые.

– А ты, отец, значит, повоевал?

– И не только в Афгане.

– Ну, для Чечни-то ты староват.

– Сынок, русский солдат много где отметился. Без рекламы. Да и без особых за то почестей.

– Десантура?

– Она самая.

– По тебе видать, что не писарем...

– И скажу я тебе по секрету, что ничего хорошего на той войне нету. Это, знаешь, когда уже после нее боевые друзья собираются, да выпивать начинают, да вспоминать, то, может, во время выпивки она и хорошей может показаться. А так – нет!

– Может, и я скоро узнаю. Тогда тебе расскажу, отец, хороша она по мне или нет, – улыбнулся Петр-капитан. Вполне грустно улыбнулся, без летуновского своего задора.

– Это где же?

– Да, говорят, знающие люди говорят, что скоро начнут посылать расхлебывать заваруху в Сирии. А без ка-пьсят-два там, понятно, не обойтись.

– Семьей-то успел обзавестись? – спросил Андрей Петрович. Спросил, не вполне осознавая, что вопрос его прозвучал довольно мрачно.

– Успел. И дочкой уже. Три года.

– Ну, пошли чайку дернем.

– Это можно.

У Андрея Петровича кухонного инвентаря было в избытке. Был даже пижонский электрический чайник, прозрачный, с автоматическим отключением. Однако не любил он его. За бешенство. Вода закипала мгновенно. Внутри чайника начиналось беснование жидкости и пара, какая-то скоротечная схватка между двумя агрегатными состояниями воды. Потом раздавался щелчок, такой же, как при вырубании электрического автомата на щитке. И все внутри быстро стихало.

Андрей Петрович кипятил воду только в старом, видавшем виды алюминиевом чайнике, ставя его на электроплитку. Там, внутри, все происходило плавно, по нарастающей. Минут через пять начиналось тихое ворчание, которое постепенно усиливалось. Потом раздавалось булькающее бурление. В конце концов из носика начинала бить победоносная струя пара.

Сыпанул заварки в две кружки. Налил кипятка. И сверху прикрыл чашки блюдцами. У него даже блюдца зачем-то были. Видимо, от прежних караульных. Да, Андрей Петрович придумал именно такое название для своей деятельности. А никакого официального названия не имелось. Поскольку ветеран ВДВ не подписывал никаких бумаг, никакого оформления не было.

На что он почему-то не обращал никакого внимания. Но с недавних пор стал задумываться: почему, можно сказать, тайно, как какого-нибудь резидента, его посадили на эту точку, запрятанную в бескрайних вологодских лесах?..

Чай пили молча. Каждый думал о своей войне.

Андрей Петрович о прошедшей.

Петр о будущей.

14.

Примерно через час вдалеке начали раздаваться автоматные очереди. Вначале редкие. Потом стали лупить яростно. Словно напали на стадо слонов.

«Сколько ж они с собой рожков взяли? – подумал Андрей Петрович. – Таким шквальным огнем, пожалуй, волков до полусмерти перепугают. Год сюда не сунутся».

Продолжалось это где-то с полчаса.

Потом все резко стихло.

«Не перестреляли ли друг друга? – встревожился Андрей Петрович. – Два гражданских борова, видать, не сильно в этом деле смыслят. Да и девки могли сдуру под пули сунуться».

Еще через час вернулись. Все. В целости и сохранности.

Притащили кабанчика. Некрупного совсем. Подростка. Или, как говорят охотники, подсвинка.

Однако охотников среди них не было. Поэтому называли кабаном.

Уложил его, естественно, генерал. Иначе и быть не могло, поскольку субординация.

Кто убил? – Да вы же, Роман Родионович, и убили-с!

Быстро вмазали по полстакана напитка вероятного противника – «Джека Дэниелса». Без закуски. Потому как каждый хотел выглядеть перед другими матерым мужичищем.

Мужичищи упаковали тушу в пластиковый мешок, чтобы отвезти в город, где ее разделает профессиональный мясник. Но перед этим отрезали здоровенный кусище, чтобы, значит, пожарить и съесть на месте.

Девицы от этой затеи отказались наотрез, сказав, что свинка в горло не полезет.

– Нам же больше достанется, – пошутил один из пузатых, которому надо бы для сохранения здоровья жрать не побольше, а поменьше.

Минут десять побалагурили, размахивая руками, хлопая себя по коленям, приседая и даже подскакивая, обсуждая перипетии охоты. Это было похоже на негритянский ритуальный танец по случаю убитого вепря.

Однако это была не охота. Это, скорее, было убийство.

– Петрович, – сказал генерал, когда все малость успокоились, – мы в баньку, а ты пока хряка пожаришь. Лады?

– Да не получится у меня одного, товарищ генерал, – сказал Андрей Петрович вполне как бы добродушным голосом, но, между тем, не скрывая напряжения лицевых мышц. – Без помощника не управлюсь. Может, вы поможете?

Генерал приподнял левую бровь и зауважал Андрея Петровича. Солдат! Тверд и надежен!

– Ладно, Петруха поможет, наш летун.

– Да Петруха мне рассказал, когда вы в лесу Халхин-Гол устраивали, что ему даже жена яйца вкрутую варит. Сам ничего не может.

Шутка про яйца генералу понравилась. И он пошутил алаверды:

– Хорошо, бери в помощницы Наталку, у нее все равно менструация.

Первой засмеялась Наталка.

И они всей толпой повалили в баньку, которая была рассчитана максимум на пятерых.

«Не развалили бы», – подумал ветеран ВДВ.

Наталка оказалась девицей расторопной. Да и Петр помогал по мере сил. И вскоре на двух сковородах уже скворчало мясо, которое еще совсем недавно бегало по лесу, полное молодых сил, радуясь скоротечной жизни.

«И это тоже война», – ни к селу ни к городу подумал Андрей Петрович.

Потом все вывалили из баньки. Слегка покувыркались в снегу. Оделись. Сели за стол. И с шутками-прибаутками начали пить и есть, есть и пить. Девицы то визжали, то верещали. Тосты сменялись анекдотами, анекдоты историями из жизни... Даже до политики дело дошло.

«Что же, такая служба», – думал Андрей Петрович, глядя на Сергея, чувствовавшего себя как рыба в воде в этой разудалой компании.

Сам он выпил два раза по полстакана, закусил маленько, да и пошел потихоньку во двор. То есть на место несения караульной службы.

Около вертолета стоял Петр и, задрав голову, смотрел на вышку, пытаясь разглядеть ее верхушку.

– Отец, а что это за образина такая? – спросил он.

– Не видишь разве? Вышка.

– А чего она такая здоровенная. Для переговоров, что ли, с Северным полюсом?

– Не я ее тут поставил. И для чего она такая, о том я знаю не больше твоего.

– Ну, как же? Ты же ведь здесь...

– А что я здесь? Здесь я охраняю эту точку. Караульную службу, стало быть, несу. Цель мне поставлена. Но смысл не объяснен. Видать, военная тайна.

Петр задумался. Только этого ему не хватало, лезть с вопросами про секретный объект. А может, ветеран просто ничего не знает. И это никакая не военная тайна. Может, ему просто не говорят, что эта вышка никому на хрен не нужна. И охраняет он пустое место. Но на самом деле, в бумагах дивизии эту вышку еще не удосужились вычеркнуть. А раз она на балансе, то к ней надо по закону приставить хоть какого-нибудь человека. Если Петрович узнает про бессмысленность своего занятия, то вдруг возьмет и повесится... Хотя, конечно, этот ветеран ВДВ не из того теста сделан, чтобы от чувств повеситься. Слепили его из красной глины и на войне до звона закалили. Кремень!

– Отец, а ты на ней по ночам огни зажигаешь?

– Это еще зачем? – не понял Андрей Петрович.

– Ну, как же, чтобы самолет в темноте не налетел.

– А тут никто не летает. Я тут уже почти год, но еще никто, ни на чем, ни разу. Тут какая-то глухая зона. Даже телевизор ничего не ловит.

– Странно это. Вся страна покрыта трассами. А тут никого...

Андрея Петровича словно током ударило. Вот! Еще одна загадка! И их становится все больше и больше!

– Скоро темнеть будет, – спохватился Андрей Петрович.

– И что?

– Так увозить этих пора.

– Они тебе мешают, что ли?

– Да нет. Просто в темноте полетишь.

– Ну, это не проблема. По приборам полечу. Тут даже джи-пи-эс есть. К тому же я лучший в полку.

– Да, тогда, конечно.

Угомонились в девять. Потянулись к вертолету.

Двое штатских, пошатываясь. Поскольку не были в полной мере мужичищами. В кабинете, на заднице в кожаном кресле, таковым не станешь.

Сергей и контр-адмирал шли обычным своим шагом. Разве что оставляли в снегу нечеткие отпечатки, следы были с небольшой протяжкой. Словно у лыжниц в предельно узких юбках.

Генерал, как ему и положено по званию, шел абсолютно тем же шагом, которым он обходит на плацу выстроенную дивизию. Ну, или полк. Или батальон. Или в конце концов роту.

И взгляд у него был точно такой же – орлиный.

Девицы проскакали козами, с хохотом и визгом, дважды роняли себя в снег, отчего хохот усиливался.

– Ну, солдат, благодарю за гостеприимство! – сказал генерал, пожимая Андрею Петровичу руку.

И дал бы медаль, если бы она у него была.

Рука у генерала была крепкой. Почти такой же, как и у ветерана ВДВ.

Винт вертолета раскрутился. Машина поднялась в воздух.

И, мигая огнями, скрылась за лесом.

Андрея Петровича обступило простирающееся на сотни километров черное безмолвие, продырявить которое были неспособны серебристые коготки звезд.

15.

Расставшись с Ириной Степановной, он опять был вынужден заняться грязной работой. Не в нравственном, конечно, смысле. А в самом что ни на есть физическом. Самой грязной, в смысле – пыльной, оказалась охрана цементного производства.

Если бы Андрею Петровичу надо было кормить семью с малыми детьми, то он бы стоически тянул лямку, не обращая внимания на то, что здоровье убывает с такой же скоростью, как пустеют топливные баки истребителя, врубившего форсажный режим.

Так бы и помер лет через пять от заизвесткования легких. Или от чего там умирают рабочие, производящие цемент для строительных фирм, которые в девяностые годы полезли из земли как мухоморы после дождя, зарабатывая даже не сверх, а гиперприбыли. Хотя «зарабатывали» тут очень приблизительное слово. Точнее эта деятельность описывалась в уголовном кодексе.

Он так и не узнал, от чего умирают цементники, потому что при нем никто не умер. Просто никто не успел. Потому что Андрей Петрович ушел через два месяца, когда начал отхаркивать какую-то серую субстанцию.

Потом пошли какие-то склады, ларьки, автобазы, продуктовые магазины, специализирующиеся на торговле паленой водкой, мастерские по ремонту бытовой техники, нотариальные конторы. Из авторемонтной мастерской ушел через день, поняв, что попал на бандитскую территорию.

Самое хлопотное место было в рюмочной. Где не столько разнимал драчунов, сколько выволакивал на себе выпивших втрое больше своей нормы. И аккуратно укладывал штабелями у стенки. Собственно, это была работа не охранника, а грузчика. Через два месяца его и без того крепкая мускулатура стала стальной. Глядишь, со временем можно было бы в тяжелую атлетику податься, чтобы обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь.

Да, такая возможность реально существовала. Мэр города был страстным поклонником тяжелой атлетики. Заработав, а точнее – отжав у игорного бизнеса какие-то неимоверные деньги, он начал устраивать в городе соревнования на призы мэра. Абсолютного чемпиона чествовали с такой помпой, как это было в Древней Греции. То есть непременный лавровый венок на голову. Два гектара в полное распоряжение – хочешь, пшеницей засевай, хочешь, заводик какой-либо строй, хочешь, устраивай в миниатюре Лас-Вегас, хочешь, возводи особняк и копай пруд с лебедями...

При этом денежная составляющая приза была таких размеров, что непритязательному Андрею Петровичу хватило бы лет на тридцать-сорок несуетной жизни.

Однако тогда, когда российский бизнес стремительно рос, как давление в котле у пьяного кочегара, еще никто и предположить не мог, что скоро все рухнет и сгорит. Что малиновыми пиджаками начнут мыть полы и наряжать в них пугала для отваживания птиц, угрожающих урожаю. А еще через двадцать лет начнут эти пиджаки выставлять в этнографических музеях. Разумеется, натянув их на манекены так называемых новых русских.

Бог избавил Игоря Петровича от этого разочарования. Конкуренты сожгли рюмочную, и он вновь оказался на улице.

Да что же я, как чмо какое! – сказал Андрей Петрович. – Ветеран войны. И даже не одной. Капитан. Помимо медалей и три ордена – Красной звезды и два Боевого Красного знамени.

И пошел в Союз ветеранов Афганской войны.

Встретили тепло.

Немедленно налили виски.

Поговорили, повспоминали.

– Можем тебе, конечно, разовое пособие выписать, – сказали. – Немного, но на пару месяцев хватит, если не шиковать.

– Да я не за милостыней пришел, – ответил. – Что-нибудь и как-нибудь я и сам могу. Только горбатиться приходится. В том смысле, что спину гнуть перед всякими уродами, которым я раньше руки не подал бы. Комсомольское и бандитское шакалье!

– А что ты против комсомольцев имеешь? – спросили.

– Да не я, а они меня раньше имели. И сейчас продолжают, – ответил, понимая, что с большой долей вероятности разговаривает именно с бывшими комсомольцами.

– А чего же ты хочешь? – спросили.

– Да работы хочу нормальной, – ответил.

И ему начали рассказывать о структуре Союза ветеранов афганской войны. Понимаешь, говорят, тут у нас центральный аппарат. Мы осуществляем правовую, а порой и силовую поддержку компаний малого бизнеса, которые входят в Союз на ассоциативной основе. Компании, в которых работают преимущественно наши, но есть и вольнонаемные, так сказать, гражданские крысы, пороха не нюхавшие. Эти компании отчисляют в центральный аппарат определенный процент от своей прибыли. Эти средства расходуются на помощь тем афганцам, которые без нашей поддержки не выживут. Инвалидам. Кормильцам многодетных семей. Покупаем инвалидные кресла. Помогаем с лекарствами. Ну, и так далее. Еще оказываем поддержку тем нашим, кто волей судеб попал под раздачу продажной судебной системы. Адвокаты. Передачи в СИЗО и на зону. В общем, много разных полезных дел мы делаем.

– А мне-то как быть?

– Ты инвалид?

– Нет.

– Многодетный?

– Нет.

– Под следствием?

– Нет.

Центральный аппарат налил еще по одной и развел руками.

– Постой, – говорят, – может, удастся тебя в какую-то нашу дочернюю фирму устроить. Мы завтра факсы разошлем. Может, вакансии найдутся.

– Хорошо бы, – приободрился Андрей Петрович.

– А что ты можешь делать? – спросили.

– Воевать.

– Ну, это у нас тут все могут. А еще что?

– Воевать.

На том и расстались.

Правда, телефон записали. На всякий случай. Свои же.

16.

В июне, когда птицы в лесу уже начали приумолкать, переженившись и рассевшись на яйцах во имя продолжения рода, прикатил лесник. На квадроцикле. С рюкзаком за спиной. И двустволкой через плечо.

Встретились как родные. Хоть Андрей Петрович к тому времени уже и перестал тяготиться одиночеством, но приятно ж пообщаться со знакомым человеком. И не просто со знакомым, а с тем, с кем выпивал. Это сближает, что бы ни говорили фанатичные наркологи про опасность алкоголизма, который подстерегает человека буквально после двух выпитых стаканов. Да, именно стаканов – если в городе после падения советской власти стали поголовно пить из рюмок, то в лесу продолжают из стаканов. Природа консервативна.

У Федора вид был хитроватый. Я тебе, говорит, подарочек привез. Самый нужный тебе подарочек.

И стал развязывать рюкзак.

Потом копаться в нем правой рукой.

В рюкзаке была какая-то странная возня.

Потом выдернул руку, выматерился и облизал палец, из которого сочилась кровь.

Андрей Петрович был заинтригован – капкан, что ли?

В конце концов Федор вытащил за шиворот щенка. Щенок поглядывал как-то не слишком дружелюбно.

– Вот, – сказал лесник, – на пару с тобой охранять будет.

– Это хорошо, – согласился Андрей Петрович. – Вместе веселей.

– Ну, уж не знаю, как насчет веселья... Волк он.

– Это как это? – изумился ветеран ВДВ.

– Да так! Под корень я его семейку. А его вдруг пожалел. Чего за мной никогда не водилось. Видать, старею.

– А мне-то зачем?

– Воспитаешь.

– Да что я тебе, замполит, что ли?! Разве волка воспитаешь?

– Да ты сам волк! – хохотнул лесник.

Хохотнул, подав в виде шутки. Хоть и прекрасно понимал, что Петрович именно волк. Но не в негативной коннотации этого слова (коннотацию Федор не знал), а по истинной сущности, которую он прекрасно понимал, проведя много лет в лесу и досконально изучив повадки этого зверя. Петрович был силен. Не столько физически, хоть и не без этого, сколько внутренне. В нем был стержень, который переломить было невозможно, не переломив при этом самого Петровича, чтобы кишки из живота или ножом по горлу.

Петрович был прям. Как и волки, которые охотятся открыто, без хитроумных маневров. Не запутывают следы. Не притворяются мертвыми, в надежде обмануть врага.

Петрович уважал силу. Но чистую силу, а не наглую, которая в последнее время стала в чести. Если он видел, что его противник сильнее, то отходил в сторону. Не строя впоследствии козни и не устраивая подлянки. Он даже мог подставить тому, кто был сильнее, сонную артерию. Как это делают волки.

Петрович никогда не брал больше, чем это было ему необходимо. То есть не был жаден. Волк тоже никогда не нападет, если в том не нуждается. Если сыт, и стая сыта, и сыты волчата.

У Петровича не было друзей. Как и у волка. Вот это Федор интуитивно понимал, но объяснить не мог. Не мог в связи с крайне ограниченной информацией, которой располагал о прошлом ветерана ВДВ.

Но это было действительно так. Принято считать, что в Афганистане существовало боевое братство. Для кого-то это, наверно, так. Да даже наверняка. И не для кого-то, а для подавляющего большинства. Но для Андрея Петровича это была стая. Опять-таки не в извращенном смысле этого понятия и явления. Стая – это когда жизнь стаи, всех, кто в нее входит, – и вожака, и рядовых волков, и молодняка, самок, и беспомощных щенков – зависит от каждого. И никто не может выцарапать того, что ему не положено, что нанесло бы ущерб другим, что разрушило бы стаю. Что ее погубило бы.

Почему он тащил на себе, сам обливаясь кровью, Леху Колыванова? Чтобы самому выжить. Потому что он без стаи был бы обречен.

Почему потом посильно участвовал в судьбе его сына Сережи. Потому что Сережа был волчонком стаи.

Да, Сережа для него был волчонком, который вырастет, окрепнет, заматереет, у него появятся волчата, и, значит, стая не иссякнет, не провалится в черную пропасть прошедшего времени.

Да, и еще. Волк никогда не пересечет линию красных флажков. Разумеется, это проистекает не от якобы глупости и ограниченности. В действительности это относится к аристократическим законам чести, когда стреляются на дуэли или пускали себе пулю в лоб, когда не в состоянии пережить позора, который сейчас мог бы считаться максимум конфузом.

С такими установками сейчас выжить было бы просто невозможно.

Но капитан Андрей Петрович Климов был очень сильным волком.

Ветеран ВДВ решил пропустить мимо ушей сравнение себя с волком. Его более интересовало, что же он будет делать с этим неожиданным подарком.

– Федя, дорогой, чем же я его кормить-то буду?

– Ну, сейчас молочка в плошку наливай. Я проверял, лакает. Видать еще от мамкиной сиськи не отвык.

– А потом, когда подрастет? Мясом? Макароны ведь жрать не будет?

– Не будет. Мясом.

– И где ж я его столько найду?

– А паек? Флотский – он посытнее сухопутного.

– Да, ну месяца три-четыре. На это время хватит, – не сдавался Андрей Петрович. – А потом он больше меня жрать будет. Сколько во взрослом волке?

– Не знаю, не взвешивал. Думаю, кило шестьдесят, а то и все восемьдесят будет. Если матерый. Ну, скажи, чтобы больше харча подвозили, – гнул свою линию Федор. Отступать было нельзя, если откажется, то придется волчонка убить.

– Разнарядка! С какого лешего я буду порядок флотский ломать.

– Ладно, Петрович, ты как ребенок. Карабин есть?

– Ну.

– Ну и постреляй из него.

– Это говоришь мне ты, лесник?! Который должен за лесом следить.

– За лесом, а не за зверями. Думаешь, я не знаю, как весной тут поросенка подстрелили. С бабами прилетели, генерала привезли. Так мне это по барабану.

– Откуда знаешь? – напрягся Андрей Петрович.

Опять начинаются непонятки. Все всё знают, хоть знать никак не могли. И что лесник на Крещение приезжал. И что охоту устроили. Хотя тогда, конечно, канонада была будь здоров какая, за полсотни километров можно было услыхать.

Но откуда он знает и про баб, и про генерала, и про поросенка?

– А мне по службе знать положено, – ответил Федор, не моргнув глазом.

– А все-таки?! – ветеран ВДВ поставил вопрос четко, почти как на допросе языка. Было ясно, что отшутиться не получится. Но Федор все-таки попытался:

– Сорока на хвосте принесла.

– Как я понимаю, вы тут все ко мне приставлены. Все всё про меня знают, каждый мой чих известен. Только я ничего и ни про кого! Так получается?!

– Петрович, не горячись. Я все это от Бориса знаю.

– Что?!

– Что сюда раз или два раза в год прилетает генерал поохотиться. С бабами. Еще кого-нибудь берет. Борис говорил, на каком вертолете они прилетают. Не перепутаешь. Это раз.

– А два? – сказал Андрей Петрович, пристально глядя прямо в глаза лесника – не врет ли?

– А два – это то, что вертолет пролетает аккурат над моим домом. Вот и одиннадцатого марта опять пролетел. Туда, то есть сюда. И обратно, но уже в темноте.

– Хорошо, а поросенок? Как узнал про поросенка?

– Вот ты городской, да?

– Не столько городской, сколько военно-полевой.

– Так вот если бы с мое в лесу пожил, то соображал бы, что такая шатия-братия, да еще с бабами, только поросенка может подстрелить. На их счастье им секач не попался. Наверно, смогли бы из калашей завалить. Но перед этим кабан наверняка двоим, а то и троим, кишки выпустил бы.

– Складно говоришь.

– Чего складно? Все как было, так и говорю.

«Наверно, паранойя начинается. В глуши-то, – подумал Андрей Петрович. Хоть от сердца при этом немного и отлегло. – Не зря космонавтов в сурдокамере мурыжат во время тренировок. Выбраковывают».

На сей раз они не выпивали. Ограничились чайком. Чтобы замять неловкость по части необоснованных подозрений, Андрей Петрович вскрыл банку вишневого джема.

– Извини, пирожных нет. Вот, только галеты. Говорят, они для здоровья моряка полезнее.

– А лесника? – поддержал шутку Федор.

– А леснику вполне достаточно чайку, – внезапно срифмовал Андрей Петрович, в последний раз декламировавший стихи в десятом классе, «Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»

– Да, чуть не забыл, я тебе тут на принтере отпечатал про воспитание овчарок. Они самые близкие родственники волкам.

У ветерана ВДВ отвисла челюсть:

– Чего? На каком принтере?

– Мне положено по службе. И принтер есть, чтобы объявления печатать. Ну, и квитанции на штраф за порубку. И компьютер. И даже интернет.

– Ексель-моксель, Федя, да ты продвинутый пользователь никак?

– На курсах был, двухнедельных. Голова пока шурупит. Так что все усвоил...

Это прозвучало в высшей степени гордо. Мол, не лаптем мы тут щи хлебаем!

– А как интернет-то? Кабельный, что ли?

– Кто ж к нам в деревню кабель потянет? Ты, Петрович, в какой стране живешь?

– А как?

– Да через телефон. Затрат для меня никаких нету, все контора оплачивает.

Помолчали, отхлебывая из кружек. Федор, как человек простой, бессмысленным в лесу манерам не обученный, зачерпывал джем из банки галетой. Андрей Петрович пользовался алюминиевой столовой ложкой. Потому что внедрение в армии чайных ложек было бы равносильно снижению боеготовности.

Волчонок, которому кинули в углу шерстяную подстилку, мрачно наблюдал за происходящим.

Но от молока не отказался. Хоть оно и было пакетное, способное храниться до второго пришествия. Ну, или до ядерной войны. Что, в принципе, почти одно и то же.

17.

Из Союза ветеранов ему все-таки позвонили. Через месяц, когда Андрей Петрович охранял морг. Хоть это нелепое занятие, казалось бы, и невозможно было придумать, но какая то умная голова напряглась и придумала.

Во время инструктажа он изо всех сил сдерживал себя, чтобы не спросить: а что, были случаи, когда сбегали? Или: часто ли клиентов похищают?

Так что с моргом он расстался тихо – ушел, не попрощавшись, поскольку не надеялся получить ответ.

В Союзе ему предложили поработать тренером восточных единоборств в детском клубе по интересам.

Он засомневался, хоть предложение было и очень заманчивым. Ведь он был мастак по армейскому боевому комплексу, куда входили элементы и боевого самбо, и каратэ, и еще каких-то систем, названия которых он запамятовал. И все это было отнюдь не спортивного характера, когда надо обозначать удар и выбивать из руки воображаемый нож или пистолет. Нет, в его системе надо было не только выбивать, но и проламывать при этом череп.

Будучи человеком честным, он поделился своими сомнениями. Однако над ним весело посмеялись:

– Чувак, это не имеет никакого значения. Придешь, скажешь, что это не какое-нибудь пошлое и замызганное ушу, а джиу-джтсу. Что твоя система не простая, а секретная. Тебя ей обучил агент ЦРУ, которого вы взяли в Афгане в плен. И что ты один в стране его знаешь. Ну, и вперед, с песнями. Главное, побольше уверенности.

Андрей Петрович понял, что эти парни наверняка комсомольцы. Ухватка та же самая.

Зарплата полагалась очень достойная. Это объяснялось тем, что клуб был не государственный, а частный. И вкладывали в него деньги очень солидные люди. Причем свое меценатство не афишировали. Представительские функции исполнял наемный директор. То есть человек, которому в случае чего надо было принять на себя вину и отсидеть положенный срок.

Андрей Петрович попросил поподробнее рассказать о клубе. Однако его окоротили:

– Ты, что ли, покупать его собрался?

Купить он в тот момент мог только спортивную форму поприличнее, чтобы не выглядеть в буржуазном заведении белой советской вороной.

– Ну, ты главное не менжуйся. Все будет нормально. Мы своих не бросаем. – И дали ему визитку Союза, на которой золотистыми буквами на фоне танка был отпечатан слоган: МЫ СВОИХ НЕ БРОСАЕМ!

В клубе его встретили нормально. Потому что с солидной рекомендацией. Представили педагогическому коллективу, на девяносто процентов мужскому. Преобладали силовики. То есть борьба, тяжелая атлетика, бокс, армреслинг, различные единоборства от самбо до таких, названия которых он не мог бы не только запомнить, но и выговорить, общая физическая подготовка... Была пара инструкторов, обучавших детей стрельбе.

Его оформили как инструктора по рукопашному противостоянию душманам. Так что не пришлось ломать комедию, как подучали его в Союзе ветеранов.

Что же касается женского состава, то тут были психолог, психоаналитик, врач общего профиля, читавшая курс физиологии организма, травматолог, юрист, преподаватель иностранных языков.

«Сверхлюдей, что ли, здесь готовят из пацанвы?» – подумал Андрей Петрович.

Однако это была отнюдь не пацанва. Подростки лет четырнадцати-пятнадцати. Если по спортивной шкале, то юноши старшего возраста, готовящиеся перейти в юниоры.

Директор был человеком лет пятидесяти. Поджарый, стрижен под бокс, в дорогом костюме. Лицо незапоминающееся. С таким проедешь в купе от Москвы до Владивостока, выйдешь на перрон, наклонишься, чтобы завязать шнурок, поднимешься и не узнаешь его.

Директор, прежде чем оформить Андрея Петровича в штат, нормально оформить, по КЗОТу, провел собеседование. Ответами остался доволен. И предложил самому задать вопросы, чтобы не оставалось неясности относительно своего статуса.

Андрей Петрович поинтересовался, почему заведение называется клубом, а не школой. Ведь дети занимаются здесь и ежедневно, и по шесть-семь часов в день.

Директор ответил, что, во-первых, здесь все-таки нет общеобразовательных предметов. А во-вторых, по существующему законодательству частному заведению нельзя присвоить статус школы.

– А как к этому относятся родители? Все-таки здесь очень большая нагрузка. А надо еще и в школе...

– У них нет родителей.

– Сироты?

– Ну, можно сказать и так.

И директор мгновенно перевел разговор:

– С нагрузками все нормально. Потому что они учатся только здесь. Общеобразовательные предметы – все эти математики, физики и прочее – они изучили раньше. И в другом месте. Им дали вполне достаточный объем знаний для того, чтобы нормально ориентироваться в жизни.

– Если сироты, то где они живут? – задал вполне естественный вопрос ветеран ВДВ.

– Живут они, Андрей Петрович, в интернате. Это наш филиал. И, смею вас заверить, ни в чем не нуждаются. Прекрасное питание, комнаты на двух человек. Без излишеств, конечно. Но где вы сейчас найдете хотя бы одного сироту, у которого было бы не только излишнее, но и необходимое.

Андрей Петрович согласился.

Услышав последний вопрос, директор еле уловимо повел уголком рта. То есть попытался скрыть свое недовольство. И улыбнулся при этом. Хотя, как понимал Андрей Петрович, этот тертый калач, профессионал пока непонятно в какой области, сыграл лицом более сложный этюд.

Его следовало понимать так. Вот ты же видишь, что я недоволен вопросом. Но как бы пытаюсь это скрыть. Улыбка означает снисходительность по отношению к новичку. Поэтому ты должен зарубить у себя на носу, что здесь такие вопросы не задают.

А спросил Андрей Петрович о том, кого же готовят из курсантов. И для чего готовят. И кому.

– Видите ли, уважаемый коллега, они здесь получают разностороннюю подготовку, которая им будет необходима в будущей жизни. Чтобы они могли постоять за себя, противостоять бандитам, асоциальным элементам. Вы же знаете, как сейчас расплодилась эта нечисть. Чтобы в будущем, создавая фирмы, они прекрасно ориентировались в юридических и прочих необходимых для устойчивости бизнеса вопросах. Чтобы могли вести переговоры с иностранными партнерами. И были бы подготовлены к этому не только лингвистически, но и психологически. В общем, мы их готовим для самих себя, для их будущей жизни.

В понедельник он приступил к абсолютно новым для себя профессиональным обязанностям. Приступил, надо сказать, изрядно волнуясь. Нет, вся эта механика тела за несколько лет существования вне армии из него не выветрилась. Да и не могла выветриться, поскольку от нее прежде зачастую зависела его жизнь. Более того, она, а также другие навыки бойца элитного подразделения, неоднократно помогали ему избежать смерти. Все это сохранилось. И все это он готов был передать курсантам. Да, именно так назывались парни, с которыми ему предстояло работать.

Однако педагогика была для него темным лесом, белым пятном, тайной за семью печатями. Да, в армии он командовал ротой. И к каждому бойцу необходимо было найти подход, чтобы он смог развить свои сильные качества и по возможности минимизировал слабые. Но там было такое понятие, как приказ. И это был очень эффективный инструмент педагогики.

Но на первых же занятиях, когда он давал азы, закладывал основы успешного ведения рукопашного боя, понял, что все опасения были напрасными. Парни были не только вменяемыми, но и нацеленными на результат. Никто не пытался сачкануть, все были предельно внимательными, не было между ними никаких амбициозных всплесков и стычек. Ловили каждое его слово. Старательно повторяли примитивные движения. Потому что обучение основам состоит именно из примитивных, на поверхностный взгляд, движений и действий. Мягкая проводка руки. Легкий шаг. Правильное дыхание. Концентрация внимания... Было такое ощущение, что это совсем не подростки, из которых бьет фонтаном дурь, а люди постарше и поопытнее. Осознавшие не только неизбежность, но и громадную пользу от следования общепризнанным нормам.

Андрей Петрович понял, что они знают что-то такое, что не положено знать ему. Что между ним и курсантами пролегает непреодолимая пропасть.

18.

Парни были не только старательные, но и способные. Все, без исключения.

Было впору подумать, что вывели специальную породу.

Ну, или что их накачивают каким-то секретным препаратом, от которого стремительно развиваются сила, выносливость, быстрота реакции, бесстрашие.

Андрей Петрович как-то раз спросил у инструктора по боксу, Аркадия, в чем разгадка этого феномена. Тот сказал, что на более ранней ступени у них происходит отбор. То есть выбраковка тех, которые не соответствуют довольно высоким критериям.

С Аркадием Андрей Петрович, можно сказать, подружился. Хоть в клубе отношения между педагогами дружескими не были. Все держались особняком. Но при этом были, разумеется, корректны друг с другом, подчеркнуто дружелюбны и слегка закамуфлированно – безразличны, опять же друг к другу. Слова «друг» Андрей Петрович в клубе ни разу не слыхал. Вот «противник» – это да, это так и слетало с уст. Но, естественно, не по отношению к коллегам. А на теоретических и практических занятиях при объяснении материала и его отработке.

«Перед вами противник, опытный противник, а не ощипанная курица. И уж тем более не манекен, у которого на груди пришпилен листочек с десятью концентрическими кругами!» – то и дело говорил Андрей Петрович курсантам, когда предлагал повторить тот или иной прием.

Нет, с Аркадием он все-таки не подружился. Так, пару раз зашли выпить пива. При этом, естественно, разговорились.

Вначале о прошлом. О боях, выигранных Аркадием нокаутом, о спортивных сборах, о международных турнирах, о призовых, о выходе в тираж без средств к существованию...

О сражениях в Панджшерском ущелье, о защите пяди выжженной земли, о потере боевых товарищей, о деградации армии...

Потом перешли к дню нынешнему. Разговорились о клубе. Точнее – один Андрей Петрович говорил, а Аркадий в основном молчал и изредка кивал головой.

О том, что же это за сироты такие, что попали в клуб на таких шикарных условиях – в комнате по двое, сыты, ухожены, одеты-обуты, ни в чем не нуждаются... Аркадий ничего этого не знал. Точнее, знать не хотел. Отшучивался, мол, много будешь знать – скоро состаришься.

О целях всей этой организации, за которой стояли непонятно какие люди, он и вовсе знать не хотел. Тут у него был более сильный аргумент – целее будешь.

Но кое-что у него все-таки удалось узнать. Точнее – вытянуть из него. Например, что периодически в клубе появляются инспекторы. Все досконально проверяют, сидят на занятиях и что-то настукивают в своих планшетах.

– Ну, а потом что? – спросил Андрей Петрович.

– В смысле?

– Ну, для чего настукивают?

– Потом, Андрей, они делают, как и положено, оргвыводы. Лучшим инструкторам премия, худших за борт.

– И что, большая тут текучка?

– Да не особо. Я тут уже пять лет. Так за это время только троих убрали. Сам понимаешь, по нынешним временам и платят здорово, и работа, можно сказать, необременительная. А мне она так и нравится. Никому не охота ее потерять.

– Так у тебя, Аркадий, уже были выпуски?

– Ну.

– И куда они? Дипломы какие-то дают? Какое-то распределение, с конкурсом? Покупатели приезжают?

– Какие на хрен покупатели, Андрей!? Тут тебе невольничий рынок, что ли?

– Ты знаешь, а я не удивился бы. Судя по всей этой секретности.

– Слушай, если тебе тут не нравится, так и шел бы на все четыре. Никто никого тут не держит. Наоборот, все за свои места держатся. Как говорится, за воротами очередь стоит.

– Ну, нравится, – ответил Андрей Петрович примирительно. – Все нормально. И даже лучше, чем нормально. Но всё же хотелось бы знать, что тут и как. И для чего все это. А то втемную...

– А если нравится, то давай еще по кружечке возьмем. Да и креветок, а то кончаются.

И начал рассказывать Андрею Петровичу, как надо правильно варить креветки, чтобы со свистом в желудок влетали.

А потом опять про бои, про победы, про медали, про потери, про финиш – спортивный и боевой.

Однако, как вскоре выяснилось, не все бои у Андрея Петровича были позади.

Разница заключалась в том, что раньше он действовал в стае, сейчас – в одиночку. Одиноким волком, потерявшим свою стаю, но оставшимся верным ее принципам.

19.

Вполне понятно, что листочки о воспитании овчарок Андрею Петровичу не пригодились. Разве что почерпнул какие-то общие сведения насчет кормления. Что же касается выстраивания отношений, то тут ничего близкого к советам и наставлениям кинологов не было и быть не могло. Воспитать в волчонке привязанность к тебе как к мудрому хозяину, а уж тем более как к высшему существу, которому позволено абсолютно все, было невозможно. Волчонок не мог быть преданным слугой, искательно заглядывающим в глаза и лижущим руку. Руку, которая в этот момент даже может его бить.

Между ними сложились вполне естественные в данной ситуации отношения матерого волка, вожака, и волчонка.

Вот и опять у меня образовалась стая, с грустью думал Андрей Петрович. Пусть и маленькая, но стая. Я за него отвечаю. А он все делает, чтобы завоевать мое уважение. И мне при этом необходимо постоянно поддерживать свой авторитет.

А необходимых качеств у ветерана ВДВ для этого было вполне достаточно. Твердость, решимость, внутренняя сила, изливающаяся из глаз. Благодаря этому взгляду Андрей Петрович в прошлом году укоротил матерого волка, которого оторвали от законной трапезы.

В такой ситуации необязательно давать младшему члену стаи какое-то имя. Потому что все проблемы и недомолвки решаются на уровне взгляда, интонации, жеста, мимики. Однако все же назвал его, Вальтером. Не для волчонка, которому имя было не надо. Для себя.

Назвал совершенно автоматически. А потом до него вдруг дошло, что это было продиктовано подсознанием. Вальтер – это не от немецкого имени, чтобы как-то приблизить волчонка к немецкой овчарке. Вальтер – боевое оружие, пистолет.

Прошлое не отпускает, усмехнулся Андрей Петрович, поняв смысл имени волчонка.

Однако через полгода Вальтер был уже не волчонком, а почти молодым волком, подростком. Мясного, включенного в месячный рацион охранника затерявшейся в лесах удаленной точки, на двоих им уже не хватало. В ход шло все – тушенка, сало, пять килограммов мяса, которые он замораживал в вырытом погребе-леднике, а потом брал по частям, колбаса. И все это они делили поровну. Поскольку вожак был уже не слишком молод, и ему много еды не требовалось, а Вальтеру необходимо было развиваться, наращивать костяк, мускулатуру и уверенность в своих крепнущих силах.

В конце концов Андрей Петрович был вынужден надеть сапоги, камуфляжную куртку, взять карабин и отправиться в лес за добычей.

Охотником он не был. В смысле – на зверей. На людей охотился много и удачно. И эти навыки могли частично пригодиться. То есть бесшумно подкрадываться, выжидать, затаив дыхание, читать следы, ну, и, разумеется, стрелять, не промахиваясь, – все это можно было применить и на сей раз.

Вот только никак не мог решить, будучи охотником-дилетантом, на кого он будет охотиться. Завалить волка – это было бы совсем гнусным делом, поскольку нельзя, чтобы Вальтер стал каннибалом.

Ну, а если лось, то как его допереть до точки? Лось был слишком крупным зверем.

Всякие зайчики-лисички, а уж тем более уточки-перепелочки – это Вальтеру было на один зубок.

Кто там еще в здешнем лесу водится?..

Ах, да – кабаны. Федор говорил, что с самыми матерыми опасно связываться. У них не только прыть дьявольская, но и туша. То есть выдубленная кожа с толстым слоем жира. Однако, рассудил Андрей Петрович, калибра семь-шестьдесят-две должно хватить. При этом, разумеется, надо действовать попроворнее. Но карабин самозарядный, так что только успевай щелкать. Да и магазин на десять патронов – это очень неплохо.

Решил брать кабана. Несмотря на то, что его будет так же сложно допереть до точки, как и лося.

Ах да, вспомнил он. Тут еще медведи есть.

Но, поразмыслив, сказал – на хрен, на хрен!

Однако целый день проходил по лесу без толку.

Пошел на следующий день.

Чтобы еще больше замаскироваться, нанес на лицо боевой макияж. Пожалуй, даже не столько для маскировки, сколько для самоощущения, для повышения боевого тонуса. Чтобы как тогда, в Афгане.

Через три часа повезло. Вначале услышал в отдалении живые звуки – легкое похрюкивание.

Задержав дыхание, неслышно пошел на звуки.

Ему везло, ветер дул в лицо. Следовательно, кабаны не могли уловить приближение чужеродного запаха.

Впереди была небольшая полянка, на которой стадо кабанов рылось в земле. Видимо, выкапывали какие-то коренья.

Андрей Петрович подобрался поближе к краю полянки. До кабанов оставалось метров пятьдесят.

Стадо было небольшим. Здоровенный кабан, с клыками. Как понял Андрей Петрович, секач. Хоть и не вполне точно понимал значение этого слова.

Два поменьше. Значит, это не два, а две – самки. Ну, или свиньи.

И пятеро поросят.

Андрею Петровичу с Вальтером вполне хватило бы и самки. Однако кабан не простил бы ему такого посягательства на свою семью. Времени на перезарядку карабина – съем пустого магазина и защелкивание полного – было бы слишком мало. Секач со скоростью Усэйна Болта преодолел бы половину стометровки, секунд за пять, не больше. И начал бы разматывать кишки, выпущенные из вспоротого живота ветерана ВДВ.

Так что бить необходимо было именно секача.

Но тот стоял неудобно. Хвостом к выстрелу. Из такой позиции можно было бы совершенно безрезультатно лупить в него из ручника калибра четырнадцать-и-семь.

Андрей Петрович хрустнул сухой веткой. Слегка. Чтобы не напугать, а заинтересовать. Если, конечно, кабаны склонны проявлять любопытство.

Поскольку у секача башка была приварена к туловищу автогеном, без шеи, то он не мог оглянуться.

На хруст повернулся всем туловищем.

И в ту же секунду карабин «Тигр» начал работать с максимальной своей скорострельностью.

Андрей Петрович метил в лоб и в грудь. И он был уверен, что пули именно туда и ложились. Но кабан с ревом набирал скорость. И через полторы секунды уже не бежал на него, а летел. Было такое ощущение, что он, не касаясь копытами земли, отталкивается непосредственно от воздуха. Ну, или что сзади у кабана установлен твердотопливный реактивный двигатель, как у тактической ракеты «Точка-У».

Все десять патронов были израсходованы.

Было понятно, что уже не успеешь достать новый магазин и не прикрепишь его к приемному механизму.

Андрей Петрович напружинился, выхватывая свой десантный нож.

И почувствовал смрад, который исходил из пасти кабана.

И увидел, что и его морду, и грудь заливает кровь.

Андрей Петрович мгновенно отпрянул в сторону. И в прыжке выставил левой рукой нож.

Все было проделано четко. Траектория полета кабана пересеклась с лезвием ножа. После чего начала стремительно расширяться прореха на животе. Словно расстегивали молнию на куртке.

На землю немедленно хлынули кишки.

И вскоре кабан затих.

И лишь после этого Андрей Петрович понял, что орет утробно, можно даже сказать – рычит.

И замолчал, приходя в себя.

«Такая война», – подумал он.

В рюкзак вошло килограммов сорок, разложенных по пластиковым пакетам.

Решил еще прийти завтра. Если, конечно, волки не доедят.

Но доели не волки, а свиньи. Жены секача. Поскольку всеядны.

Поскольку у лесного зверья такие законы борьбы за жизнь.

У всех, кроме, разумеется, волков.

20.

В общем, Андрей Петрович сам же и напросился. Из-за своего чистоплюйства и жажды истины. Что с него взять – солдат.

После разговора с Аркадием он решил самостоятельно устроить расследование. Абсолютно бессмысленное расследование.

Если бы он был журналистом, то при помощи публикаций можно было бы пробудить общественный интерес к заведению, цели и задачи которого могут оказаться вредными, а то и опасными для процветания в стране демократии. Да, демократии – в то время она не была еще окончательно дискредитирована и сулила в обозримом будущем дать прекрасные плоды – равенство всех перед законом, равные социальные права, защищенность от негативных проявлений чего-то там такого... В общем, сейчас мало уже кто помнит те прекрасные формулировки, которыми одурманивали россиян средства массовой информации, принадлежавшие олигархам.

Если бы он был членом, а лучше – активистом какой-либо партии, то это расследование могло бы повысить рейтинг партии и позволить получить ей больший процент голосов на парламентских выборах.

Если бы он, в конце концов, играл не последнюю роль в бандитской иерархии, то мог бы попытаться добиться распределения некоторого количества выпускников клуба в свою боевую организацию.

Но он был всего лишь волком. Одиноким.

Любые попытки установить хоть какой-нибудь контакт с курсантами клуба, выходящий за границы освоения боевого искусства, оказались бессмысленными.

Преподаватели держали язык на замке. Правда, и они сами практически ничего не знали сверх того, что было известно Андрею Петровичу. Язык на замке – это была такая защитная ре-

акция. Люди зарабатывали деньги. Очень хорошие деньги. И все, что могло бы этому воспрепятствовать, они расценивали как происки сатаны.

Для начала он нашел интернат, где жили курсанты. Это оказалось не слишком сложным делом. Незадолго до окончания учебного дня он заказал такси, которое должно было ждать сколько потребуется неподалеку от клуба. Причем выбрал это место грамотно. Оно было в мертвой зоне, то есть было недоступно для камер внешнего наблюдения.

Вышел из клуба. Пошел в ту сторону, куда он ходил ежедневно – к автобусной остановке. За углом повернул в другую сторону и сел в такси.

Без пяти пять велел потихоньку подъезжать к воротам клуба. Потому что ровно в пять, как он неоднократно фиксировал, из ворот выезжают два автобуса, чтобы везти курсантов к месту их проживания.

Действительно, и на этот раз кем-то утвержденный сценарий был соблюден неукоснительно. Их ворот ровно в пять выплыли два автобуса и поехали на шестидесяти в час, ровно на шестидесяти. За ними двигался в такси Андрей Петрович, велевший шоферу особо не светиться. Разумеется, за сильно завышенный тариф.

Через полчаса подъехали к окраине. Пошли авторемонтные мастерские, придорожные забегаловки с шашлыком и прокисшим пивом и, если надо, с барышнями. Мелькали покосившиеся заборы, за которыми были неказистые деревянные дома советской постройки.

Проплыл дачный поселок – по нынешним меркам для голытьбы. Отец Андрея Петровича когда-то строил домик и выращивал картошку именно в таком.

Потом коттеджный, напыжившийся несуразными башенками и ощерившийся бухтами блестящей колючей проволоки, уложенной поверх кирпичных заборов. Технология позаимствованная у строителей следственных изоляторов.

Пошел чахлый пригородный лесок.

И вдруг автобусы свернули на проселочную дорогу.

Ехать, пристроившись к ним в хвост, было нельзя. Засекут.

Поэтому Андрей Петрович велел проехать по трассе пару километров и подождать полчасика.

– Отец, эта поездка тебе в копеечку встанет, – сказал таксист.

– А ты мою копеечку не жалей. Она твоей станет.

– Лады. Но только надо бы еще коэффициент приподнять.

Андрей Петрович согласился.

– Кстати, – поинтересовался таксист, – а что потом? В город?

– Нет, по тому проселку надо еще немного проехаться.

– Э, отец, это уж без меня, пожалуйста.

– Почему это?

– Я на твои шпионские разборки не подписывался. То-то ты за ними крался, как Штирлиц. Ведь не за женой своей шалопутной, небось, следишь. А сейчас предлагаешь в самое пекло сунуться. А у них там калаши, да пара станковых на вышках. Не, отец, мне такие приключения ни к чему!

Таксист был тверд. Обещание вдвое повысить оплату на него не подействовало.

Пришлось вернуться в город несолоно хлебавши.

Тут бы ему и остановиться.

Но он был солдатом. Поэтому решил идти до конца.

Дома зашел на Яндекс-карты и попытался найти то место, куда свернули автобусы. Он примерно представлял, где от трассы отходит грунтовка. Однако на карте ее не было. Подумал, что карты вполне могут ошибаться. При такой-то свистопляске, которая творится в ведомстве геодезистов и картографов. Что, может быть, дорогу сместили. Но на тридцатикилометровом отрезке шоссе, начинавшимся от коттеджного поселка, не было никакого ответвления направо. Поселок был, лесок был, потом начинался еще один поселок... Не было там никакой грунтовой дороги!

Решил переключиться на спутниковую фотосъемку местности. На ней проселочная дорога была. И шла она примерно три километра до ровного прямоугольника. Судя по всему, это был забор. Внутри большого прямоугольника располагались два, но существенно меньших размеров. Было понятно, что это здания.

Через два дня, в семь вечера, он ехал с другим уже таксистом по тому же самому маршруту, который мог закончиться всем, чем угодно. Только среди этого «всего что угодно» ничего радостного для ветерана ВДВ быть не могло.

Повернули на проселок. Дорога была выложена бетонными плитами. Армейский стиль, понял Андрей Петрович. Значит, здесь все очень серьезно.

Вскоре подъехали к воротам. К ним была прилеплена проходная. Но, скорее, не проходная, а КПП.

Вышки с автоматчиками не просматривались.

На заборе через небольшие промежутки были навешаны камеры. Так что обойти с тыла, встать на пенек, заглянуть через забор, а тем более – перемахнуть через него не представлялось возможным. Поэтому решил действовать тупо, хоть при этом удастся ухватить самый минимум информации.

Андрей Петрович попросил таксиста подождать. И подошел к КПП. Хотя, конечно, никакой военной казенщины тут не просматривалось. Крылечко с перилами. Козырек от дождя, крытый совершенно несусветным розовым ондулином. Два вазона с маргаритками. Звонок в форме русалки, у которой в пупке была вмонтирована кнопка, а на правом плече – камера.

Позвонил. Щелкнул механизм, отпирающий дверь.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Не предполагал, что тут у вас так серьезно. Друг мне ничего не сказал.

– Какой друг?

– Илья Разумихин, он в двадцать седьмом живет.

Человек на часах взял в руки планшет, потыкал пальцами, медленно провел указательным пальцем правой руки сверху вниз и сказал:

– В двадцать седьмом нет никого Ильи Разумихина.

– Ой, может, я перепутал. Может, он в другом. Вы посмотрите, пожалуйста, получше. А то путь неблизкий, и такси недешевое.

– Я уже все внимательно просмотрел, ни в двадцать седьмом, ни в каком другом таких нет. У нас вообще нет с такой фамилией.

И тут до человека в штатском наконец-то дошло, что ему пытаются подсунуть полную туфту. То ли сознательно, то ли по недоразумению или по ошибке.

– Постойте, какой он вам может быть друг? Больно староваты вы для такой дружбы.

– Ну, почему же? Я с пятьдесят пятого, Илья с пятьдесят шестого.

– Нет у нас тут таких. Вы куда приехали-то?

Андрей Петрович понял, что если дальше продолжить валять Ваньку, то скоро навалятся, скрутят, защелкнут наручники и начнут с большим интересом допрашивать, не обращая внимания на Женевскую конвенцию.

– Как куда? В поселок Ромашково. Друг живет в двадцать седьмом коттедже.

– А, понял. Это вы немного не доехали. Рано свернули.

– Да, а я-то думаю, чего указатель не поставили? Народ-то не бедный.

– Все, до свидания.

– Извините за надоедливость, а тут у вас что?

– Тут у нас частная территория.

Пытаться продолжить разговор не имело смысла. О чем красноречиво свидетельствовало лицо привратника, мгновенно ставшее мертвым. Будто бы закончилась батарейка. Но при этом

работал резервный источник питания, который приводил в движение правую руку, готовую в нужный момент выхватить пистолет и нажимать указательным пальцем на спусковой крючок.

Что увидел и услышал Андрей Петрович? Совсем немного. Турникеты под магнитные пропуска. Но явно не российского производства. Пропуск надо было не прикладывать, а всовывать в прорезь. После чего карта полностью заглатывалась, как в банкомате, прочитывалась и возвращалась владельцу. У привратника был пистолет под пиджаком чуть ниже подмышки. Укрепленная на противоположной стене камера дергалась, сканируя лицо Андрея Петровича. Несомненно, для поиска его в своей базе. А может быть, и в какой-то более широкой базе какого-то солидного ведомства, разумеется, силового.

Ясно, что это был провал. Полный провал.

Если бы Андрей Петрович был гэрэушником, то дело повел бы совсем по-другому. И собрал бы интересующую его информацию без особых проблем.

Однако он был солдатом ВДВ. Решимость, натиск и умение уничтожать противника самыми разнообразными способами тут были бесполезны.

21.

С декабря лесник Федор начал наведываться часто, раз в месяц. Что послужило тому причиной, было непонятно. Сам он говорил, что с тобой, Петрович, выпивать приятно. Ну, а у нас в деревне так не только невозможно найти приятного товарища по выпивке, но и выпить-то не с кем. Все уже настолько состарились, что постепенно отошли от этого дела, окончательно и бесповоротно.

И это самое дело превратилось для них в настоящий ритуал, со стандартным набором закусок, с неизменной жареной картошкой с тушенкой. Даже интервалы между чоканием, если бы их кто-нибудь замерял из праздного любопытства, были равны. И тосты были одинаковыми. Более того, одинаковой была их последовательность.

Вальтеру эти застолья не нравились. И хоть с третьего раза он привык к Федору, точнее – стал его терпеть, коль вожак с ним нормально общается. Но сопровождающие эти встречи запахи были для него трудно переносимы.

Запахов было много. И они все переплетались: селедка, огурцы, сало, тушенка, жареная на постном масле картошка, петрушка. Что-то из этого набора ему нравилось. К чему-то относился безразлично, например, к грибам. Но был один запах, который вызывал у Вальтера омерзение. Оно было столь сильным, что готово было выплеснуться яростной агрессией. Хотя он изо всех сил сдерживал себя, лишь рычал вполголоса. Но, встретив твердый взгляд вожака, осекался.

То был спирт. Спирт разведенный, настоянный на каких-нибудь ягодах. Но Вальтер этого не знал, не мог почувствовать, потому что ягоды стократно, тысячекратно пересиливало зловоние спирта. Звериной своей интуицией он чувствовал, что этот самый спирт придавливает, лишает воли и силы. Что если вдыхать его долго, то не сможешь взять след, подобраться к добыче и взять ее. Хоть сам охотиться пока и не начинал.

Вальтера выпускали во двор. Внутрь периметра, где забор был для него аналогом красных флажков, пересечь которые нельзя.

О чем они говорили, чокаясь, закусывая, опять чокаясь, опять закусывая, опять чокаясь?..

Да все о том же, что и месяц назад, и два, и три... То есть практически ни о чем. Разве содержание разговора важно для выпивающих и с аппетитом закусывающих людей?

Ни о чем. Потому что от тайны загадочной вышки Андрея Петровича на некоторое время отвлекло воспитание младшего члена стаи, за которого он был ответственен. Не сломать подростковую психику. Не вырастить из него ни к чему не способного прихлебателя. Передать ему твердость духа, которая стократ важнее крепости мускулатуры.

Как передать? Объяснить этого Андрей Петрович не мог. Потому что это действие не формализуется, не облекается в слова и конкретные рекомендации и предписания.

Это примерно как возвращение человека к жизни при помощи дыхания рот в рот. Врачи объясняют, что возвращающий к жизни эффект достигается за счет поступления в легкие кислорода при выдыхании изо рта в рот. И это якобы оживляет человека, пребывающего в состоянии клинической смерти.

Все это полная ерунда. В человека вместе с воздухом вдувается жизнь. И это несоизмеримо важнее.

Вальтер терпеливо ждал, когда же наконец уедет незваный двуногий гость. Но и потом долго не возвращался. Заскакивал, когда вожак уже все убрал и все вымыл, но его опять встречал все тот же удушающий запах. Ночевать приходилось во дворе.

Правда, слово «двор» Андрей Петрович никогда не употреблял в силу его не только гражданского, но и крестьянского происхождения.

Хоть сам в настоящий момент был в какой-то мере и крестьянином. От избытка свободного времени, которое необходимо куда-то девать, устроил пару грядок с зеленью – петрушкой, луком и укропом. Флотский харч, конечно хорош и сытен, но дополнительные витамины лишними не бывают.

Ночевки Вальтера на свежем воздухе в ожидании, когда выветрится спирт, могли привести к трагедии. Вожак, то есть Андрей Петрович, мог потерять волчонка.

Однако урок стае был преподан, когда лесник Федор не появлялся уже больше двух недель. А потому стая в полном составе ночевала дома.

Все произошло в февральскую лунную ночь, когда мороз был под тридцать.

Часа в три Андрей Петрович проснулся от странных звуков за окном.

Выли волки.

Но не в отдалении, не в лесу. А совсем рядом. Буквально за стеной.

В этот вой стало вплетаться ворчание Вальтера. По-настоящему он, полуторагодовалый перерярок, еще не мог рычать.

В темноте он увидел два его немигающих светящихся зеленым пламенем глаза.

Включил свет.

На загривке у Вальтера поднялась шерсть.

Андрей Петрович вначале абсолютно ничего не понял. Но при этом нельзя было продемонстрировать свое замешательство. Хоть и было слегка жутковато. Потому что немедленно уронил бы себя в глазах Вальтера. Перестал бы быть его вожаком.

Однако ситуацию необходимо было обмозговать.

Поэтому он оделся. Сел на табуретку напротив Вальтера и сталь что-то ему говорить. Неважно что. Важен был голос, интонация уверенного в своей победе матерого зверя.

И при этом надо было понять, что же происходит.

Было примерно ясно, как они проникли внутрь периметра. Аркадий Петрович, поскольку ни одной живой души в окрестностях не существовало, редко запирал калитку на засов.

Вот и сейчас, вероятно.

И это для него прекрасный урок: на службе нельзя расслабляться, какой бы убаюкивающий покой тебя не окружал. Зачастую он бывает обманчив. Инструкции ведь не дураки пишут.

Калитка открывалась наружу. И ее нельзя было отворить, навалившись снаружи телом. Однако волки умны. И вожак, несомненно, просунул под калитку лапу и потянул ее на себя.

Но зачем они пришли?

Что им надо?

Ведь они уже давно усвоили, что живу здесь я. И что я матерый. Потому что несколько раз, встретившись случайно со стаей, показывал волкам свой карабин. Они прекрасно знают эту шту-

ку. Объяснять, то есть стрельнуть разок в воздух, им не надо было. Не надо было, как в первый раз, и в гляделки играть.

То есть волки пришли не за мной.

Как бы им сейчас голодно ни было, не сунулись бы.

Остается Вальтер.

Кто он для них?

Для них он уже не свой.

Для них он – предатель, который выбрал себе в вожаки матерого двуногого.

Поэтому предателя надо порвать на части.

Может быть, так считали не все волки.

Но вожак-то уж наверняка.

Потому что если не наказать это предательство максимально жестоко, то стая может рассыпаться. И другие вдруг поймут, что можно вот так вот – предать волчьи законы.

Вальтер это прекрасно понимал. Что подтверждало его поведение.

И вожак должен защитить Вальтера. Именно защитить, разогнав стаю к чертовой матери, чтобы с визгом улепетывали.

А дожидаться утра, когда разойдутся, – это будет полная потеря лица. И он перестанет быть вожаком. И когда-нибудь, когда Вальтер подрастет еще немного, где-нибудь через год, он перегрызет Андрею Петровичу ночью горло.

Для начала он взял карабин. Проверил три магазина – все были полные.

Врубил прожектор. Еще один.

Большая часть площади внутри периметра осветилась.

На белом снегу были прекрасно видны серые волки.

Их было восемь. Правда, трое из них были не в счет – такие же, как и Вальтер, переярки. Или даже прибылые, то есть в пределах года.

Вожак сидел в центре, обратив морду к луне, выводя свою заунывную песню, от которой у людей в жилах стынет кровь. Стынет, когда, разумеется, рядом, в нескольких шагах.

Как сейчас.

Правда, Андрея Петровича разделяла прочная стена и крепкая дверь.

Однако вечно это продолжаться не могло.

Потому что он не хотел потерять Вальтера. Ну, а также стать со временем его жертвой.

Форточки в окне не было. По военным стандартам не положена. Так что с комфортом, в тепле да в безопасности, не постреляешь.

Надел куртку, но не на меху, а осеннюю. Чтобы движения не сковывала. Ботинки. Вязаную шапку. Рукавицы были не нужны, поскольку внутри работал тепловой реактор.

Карабин. И нож на всякий случай.

Распахнул дверь плечом. Она тоже никогда не запиралась.

Его увидели. Но не переменили заунывной ноты.

Ветеран ВДВ начал говорить. И его речь мало чем отличалась от рычания.

Он говорил им, что не отдаст Вальтера.

Что он не из вашей стаи.

Я свою стаю буду защищать столько, сколько позволят мои силы. А их у меня много, очень много. На всех вас хватит. И еще останутся.

Безжалостно буду расправляясь со всяким, кто решится напасть на нашу стаю. И со всеми вами вместе.

Волки слушали, не прерывая воя.

Я пущу вашу кровь. Она вытечет из вас до последней капли.

Я буду перегрызать вам глотки.

Переламывать хребты.

Размозжу ваши головы.

Волки слушали.

Он не хотел никого убивать. Надеялся, что противостояние закончится так же, как и тогда, летом.

Продолжал им говорить – напористо, до предела агрессивно, сквозь рычание.

При этом он не только надеялся тем самым образумить их, заставить отказаться от затеи, но и заводил себя. Перед ожесточенной схваткой, которую, похоже, не избежать.

Мелодия воя несколько изменилась.

Это был плохой признак.

Тембр стал ниже.

Андрей Петрович понимал, что у вожака выбора нет. Либо умереть здесь и сейчас. Либо уйти и тем самым разрушить стаю, стать ненужной обузой для волков.

Но здесь и сейчас можно не только умереть, но и оказаться победителем.

Вожак наклонил голову, напрягся и мгновенно перешел с низкого воя на увулярное рычание. Это был сигнал стае к нападению.

Однако, к счастью, не все среагировали мгновенно. Вожак успел сделать только два гигантских прыжка, карабин встретил его тремя пулями. Одна прошла мимо, но две достигли цели. Волк завертелся на снегу волчком. Молча, поскольку даже в этом состоянии, когда волю пытается разорвать свирепая боль, он не мог завизжать.

Но терять время, отвлекаться на то, чтобы наблюдать в высшей степени достойное поведение вожака, было нельзя. К нему неслись еще двое, поменьше и рангом пониже.

Расстояние было небольшим. Поэтому успел уложить только одного из них.

Второй влетел в него торпедой и сбил с ног. И сразу же стал подбираться к горлу.

Андрей Петрович загородился, выставил вперед левое предплечье, в которое волк сразу же впился.

Превозмогая острую боль, несколько раз ударил волка по затылку свободной рукой. Но это не подействовало.

Понимал, что еще совсем немного и потеряет от боли сознание.

Протиснул руку под навалившимся на него волком и все-таки умудрился вытащить нож.

Вонзил его в горло волка, раскачивая клинок влево и вправо.

Волк захрипел и отвалился.

Две самки и волчата затрусили к калитке.

Андрей Петрович поднялся.

Осталось завершить дело. Вожак, лежа на боку, все еще загребал правой лапой снег. Добил двумя выстрелами.

Законы волчьей чести уничтожили стаю. Вряд ли две самки выживут с тремя волчатами.

«Жаль, очень жаль», – сказал Андрей Петрович.

Такая война.

Когда вернулся, Вальтер смотрел на него не с уважением даже, а пожалуй, что и с любовью. Если, конечно, волки способны любить.

На следующий день он оттащил волков в лес. По очереди. И закопал бы, то есть почти похоронил бы. Если был июнь бы. Но был февраль. В связи с чем ритуальность пришлось урезать.

А потом подумал и решил, что и в июне не стал бы хоронить. Потому что они нужны живым. Но не червям, а зверям. Кабаны или медведь съедят. В лесу не принято разбрасываться такими вещами, которые способны продлить чью-то жизнь.

22.

На следующее утро его вызвал директор.

Предложил сесть. И минуты две смотрел на Андрея Петровича. Смотрел как-то совершенно нейтрально, с абсолютно безучастным лицом, с которым смотрят на голый щит, внизу которого написано «Здесь могла бы размещаться ваша реклама». И телефон чуть пониже.

В общем, выучка у человека была отменная. Он и сам бы мог, вместо инструкторш, с блеском преподавать курсантам разнообразные психологические дисциплины. Однако по статусу ему это было не положено. В клубе он играл роль этакого верховного арбитра и диспетчера учебного процесса в одном лице. К нему сходились все ниточки, и за каждую он в случае необходимости дергал. Дергал, то карая, то поощряя.

«Жути он, что ли, хочет на меня нагнать, – думал Андрей Петрович, глядя в переносицу директора примерно тем же самым безучастным взглядом. – Зря человек старается. Мне даже примерно известно, что он сейчас скажет. И какими словами».

– Дорогой вы мой Андрей Петрович! – прервал молчание директор.

Сказано это было с сожалением, почти с горечью.

– Вы прекрасный специалист в своем деле! Каких поискать надо!

Андрей Петрович постарался порадостнее и поглупее улыбнуться, чтобы закосить под этакого дурачка, которому приятно слышать о себе лестные слова.

– Мне приятно это слышать.

«Боже, – подумал директор, – совсем человек не владеет техникой, а пыжится. Прям, как телеграфный столб!»

– Да ладно, все вы прекрасно понимаете. И я все прекрасно понимаю. Обойдемся без прелюдий.

«А если... – у Андрея Петровича мелькнула совершенно дикая мысль, – если ребром ладони по кадыку? А потом голову по часовой стрелке, до хруста шейных позвонков. Или их, фээсбешников, готовят так, что мне его голыми руками не взять?»

– Да вы ребенок просто! – всплеснул руками директор. – Ребенок по жизни! Какое еще ФСБ? «Эха Москвы», что ли, наслушались?

Аркадий Петрович согласился мысленно, что перемудрить этого змея невозможно. Впрочем, относительно рукопашной все не столь однозначно.

– Я же вам говорил, что здесь сильно не приветствуется всяческое вынюхивание, раскапывание, подглядывание, как говорили в страну, в замочную скважину. Говорил?

Андрей Петрович был вынужден согласиться.

– А знаете, почему не приветствуется? Да потому что тут абсолютно нечего вынюхивать, раскапывать и подглядывать. Нет тут ничего такого тайного. Нет и ничего противозаконного. Мы готовим юношей к будущей жизни. Они должны стать в скором времени элитой. Вокруг них должны консолидироваться здоровые силы общества. И страна совершит рывок. Прежде всего нравственный рывок. А уж нравственность потащит за собой все, абсолютно все – экономику, промышленность, энергетику, технологии, науку, здравоохранение, педагогику, армию, культуру, спорт...

Андрей Петрович считал в уме, сколько же различных отраслей и сфер деятельности потянет за собой достигшая невиданных высот нравственность. Восемь... Двенадцать... Двадцать два... Тридцать шесть...

«Стоп! – опомнился боевой инструктор, имевший некоторые, хоть и поверхностные, представления о технике воздействия на психику. – Да он же меня гипнотизирует этими бесконечными повторами однородных понятий».

– Почему же тогда, – прервал он директора, чтобы пресечь попытку загипнотизировать себя, – почему вы так негативно относитесь к попыткам установить истину? Если эта истина прекрасна.

– По очень простой причине. Вот появляется человек, который пытается докопаться до тайной истины. Которой не существует... Кстати, зачем вы вчера, извиняюсь, поперлись в наш интернат? При вашей абсолютной непригодности в таких вопросах. Зачем?

– Вы же уже сказали – в поисках тайной истины...

– Несуществующей!.. Но мы прервались. Так вот этот человек пытается что-то раскопать. Эта деятельность не может быть не замечена его коллегами. Так?

– Ну, я-то никого не брал в помощь, в напарники...

– Однако у нас тут не дураки работают. Кроме, разумеется, вас. Но это дело поправимое.

Для Андрея Петровича это не стало новостью. Еще вчера, когда садился в такси, чтобы вернуться из интерната в город, прекрасно понимал, что в клубе ему больше не работать. А сегодня пришел затем, чтобы, может быть, получить еще какую-либо крупинку информации об этом темном заведении.

– Так вот, – продолжил директор, – коллеги, видя, как этот самый дурак землю рогом роет, чтобы раскопать что-то тайное и, несомненно, неблаговидное, тоже могут начать сомневаться в чистоте наших помыслов. И это может превратиться в эпидемию, в эпидемию бешенства. А с бешеными собаками, если они все бешены поголовно, как поступают? То-то и оно! А у нас тут учебный процесс, план учебного процесса, график... И что, все псу под хвост?! Бешеному псу!

«Интересно, – думал разжалованный инструктор, – какое у него звание? Майор? Или подполковник? Вряд ли генерал».

– Я не майор и не подполковник. Еще раз повторяю. К силовым структурам никакого отношения не имею.

Андрей Петрович напрягся. Уж не дьявол ли перед ним во плоти?

– А, вот вы о чем. Все ваши мысли, например, про майора-подполковника, у вас, капитан, отчетливо написаны на лице. Оно как открытая книга. С вами легко было бы работать, кабы нам не пришлось расставаться.

– Так кто же вы? – задал бывший инструктор совершенно бессмысленный вопрос. Потому что ответ мог быть любым, самым невероятным, лишь бы поглумиться над собеседником.

– Выпускник Йеля, – ответил директор, не моргнув глазом. – Диплом философского факультета.

– Ну, тогда понятно. ЦРУ. У них там все штатские, никаких воинских званий.

– А вы молодцом, – рассмеялся директор, – прекрасно держитесь!

И вот это была первая за все не короткую беседу абсолютно естественная реакция директора.

Точно, ЦРУ! – решил Андрей Петрович на том основании, что вот это место было сыграно директором с особым блеском. Лучше не сыграли бы ни покойный Евстигнеев, ни ныне здравствующий Машков.

– Мой юный друг! – продолжил все в том же взвеселенном духе директор. – Да, вам существенно больше лет. Однако в сравнении со мной вы ребенок. Я могу в точности вам рассказать, какие нелепые домыслы рождались в вашей голове. Курсантов готовят для проведения террористических актов. Для захвата центральной власти в Москве, и параллельно во всех крупных городах страны. Для диверсий на атомных электростанциях. Для проведения провокаций в сопредельных государствах. Для создания боевых групп националистических организаций... Я ничего не забыл?

– А какие цели у ЦРУ? – мрачно спросил Андрей Петрович.

Было понятно, что директор, с такой легкостью перечислив возможности по тайному использованию подготавливаемых в клубе курсантов, назвал и одну действительную цель. Но вычленить ее бывшему инструктору уже не удастся.

– А ЦРУ – это, так сказать, продукт вашей паранойи. Так вот кто бы здесь и сейчас, когда все в стране схвачено, когда все прозрачно или, иными словами, транспарентно, позволил обосноваться цэрэушной организации? Ведь все у нас официально и легально. Школа зарегистрирована в соответствии с российским законодательством. Мы платим налоги. Представляем отчеты в контролирующие органы. Нас постоянно проверяют санитарно-эпидемиологические органы...

Вот не мог он без этого, без шутовства. Зачем ему надо постоянно подмигивать, играть с бывшим инспектором в кошки-мышки? Напрашивался один единственный, наиболее реалистичный ответ – для тренировки, для оттачивания своего сатанинского мастерства.

– Вам повезло, – сказал директор, перейдя на абсолютно серьезный тон. – Мы внимательно изучили ваше досье и поняли, что никакой опасности вы для нас не представляете. Вы обычный ветеран ВДВ, честно воевавший в горячих точках. Вы не имеете никакого отношения ни к одной из существующих в мире спецслужб. Ни к ФСБ, ни к ГРУ, ни к ЦРУ, ни к ФБР, ни к МИ-5, ни к МИ-6, ни к БНД, ни к МГБ Китая, ни к Моссаду. То есть ваши, так сказать, исследования носят исключительно праздный характер. Вы не в состоянии никак нам навредить. Потому что вы всего лишь одинокий волк. Животное хоть и сильное, но беспомощное в городе. Вам самое место в лесу.

Директор встал. Подошел к сейфу. Потыкал пальцами кнопки на наборной панели. Открыл сейф. Достал пачку долларов, приговаривая «ЦРУ, ЦРУ, пробудилось поутру» и посмеиваясь при этом.

Отсчитал несколько купюр. Пачку убрал в сейф. Из сейфа достал какую-то книжицу формата А6. Закрыл сейф. Вернулся в кресло.

– Вот вам, Андрей Петрович, ваша трудовая книжка. Не удивляйтесь, записей мы в ней не сделали. Дело в том, что вы у нас были на испытательном сроке. И испытания не выдержали.

Уволенному инструктору это было абсолютно по барабану.

– А это, – продолжил директор, – выходное пособие за два месяца. Видите, мы люди порядочные, привыкли соблюдать законодательство. Несмотря на то, что вы о нас придерживаетесь противоположного мнения.

– Никакого мнения у меня о вас нет и быть не может, – ответил Андрей Петрович. – Потому что для того, чтобы его иметь, необходимо о вас хоть что-нибудь знать.

– Опять двадцать пять, – всплеснул руками директор. – Только что вам все рассказал... А вы... Но, надеюсь, что мы расстаемся пусть и не друзьями, но и не врагами. Смею я на это надеяться?

– О врагах надо тоже хоть что-то знать.

– Ну, и прекрасно, – разулыбался директор. – И позвольте дать вам один практический совет. Вы эти деньги не тратьте. Положите в банк. Сейчас банки надежные стали, не то что раньше.

– Это зачем же?

– Ну, знаете ли, все под богом ходим. Всякое может случиться в наше неспокойное время. А вас близким и похоронить достойно будет не на что. Дочь ваша, обремененная растущей семьей, вряд ли сможет потратиться так, чтобы с почестями, которых достоин боевой офицер, орденоносец, участник нескольких войн. От бывшей жены ожидать материальной помощи невозможно, потому что ее нынешний муж обанкротился.

Глубоко копали, заразы, подумал Андрей Петрович.

– Так вы мне угрожаете?

– Боже упаси! Я же сказал, что мы хотели бы расстаться с вами, дорогой Андрей Петрович, друзьями.

Это было сказано со сложной улыбочкой, в которой были смешаны издевка, дурковатость, немного грусти и, как ни парадоксально, какая прямо-таки отеческая забота.

«Зачем он это сказал? – судорожно думал ветеран ВДВ. – Ведь я прекрасно знаю, что теперь они на меня устроят охоту. И он прекрасно знает, что я это знаю. То есть всем все понятно. Как говорил Хрущев, задачи ясны, цели поставлены, за работу, товарищи!»

Можно лишь предположить, что он пытается меня дезориентировать, вывести из себя, заставить паниковать. И тогда дело в шляпе. Без особых проблем. И, как говорится, малой кровью, то есть только моей.

То, что в трудовой книжке нет записи, – это понятно. Но зачем дал деньги, дал, по сути, трупу? Чтобы было на что похоронить? Полный бред!»

Разумеется, Андрея Петровича не устраивала перспектива быть убитым. Причем непонятно во имя чего. Они, конечно, хитры. Но и он не лаптем щи хлебает.

– А вы отложили себе на похороны? – спросил Андрей Петрович. Постаравшись, чтобы это прозвучало поучастливее. Дескать, ты ко мне по-доброму, с заботой, и я к тебе так же.

– Меня родина похоронит.

– Какая?

На том и расстались, твердо глядя друг другу в глаза, не будучи друзьями.

23.

С Сергеем Андрей Петрович общался исключительно по рации. Да и то нечасто. Служба, понимал он. Приходится крутиться. У него самого, когда был капитаном, дел было по горло. А у капитана второго ранга, командира части, естественно, нагрузка побольше будет. А по вечерам семья. Которой у него самого, по сути, и не было.

Так что ему не до дяди Андрея.

Ну, а занимать служебный канал частными разговорами – это дело не приветствовалось. Так, изредка, минуты по три-четыре. Чтобы в основном голос не забыть.

Правда, иногда выходили за пределы обычной темы «как дела – нормально – привет жене, детям – не скучай там».

Андрей Петрович понимал, что про вышку Сергей особо много не расскажет. Да и вопросы ему на эту тему можно задавать, только как следует обдумав их предварительно. Нельзя было рассказать о своих подозрениях по поводу того, что она воздействует на психику. Про шаги в тишине, про тени, которые он до сих пор иногда ухватывал периферическим зрением. В лучшем случае посмеется и посоветует налагать на себя крестное знамение. Мол, знамения лесные духи боятся.

В худшем мог возникнуть вопрос относительно психического здоровья Андрея Петровича. Разумеется, никто не стал бы направлять его на медкомиссию. Слишком хлопотно. Да и смысла не имеет. Выставили бы на хрен. А на его место взяли бы «нормального».

И куда Андрею Петровичу подаваться? Квартиру-то продал. Семьи нет. Пойти в военкомат, чтобы во второй раз войти в ту же самую реку? Так вот те уж точно в психбольницу упекут.

Однако ситуация была не столь однозначной. А что если вышка действительно таким непостижимым образом влияет на людей? Нет, это, конечно, не может быть главной ее функцией. Может быть, как они проговаривали с лесником, это какое-то побочное действие, не заложенное в нее конструкторами?

Таких примеров существует множество. Наиболее часто они проявляются в программировании и фармакологии. Нет такой операционной системы, в которой нельзя было бы отыскать какую-либо программную дыру, внедрившись через которую, можно было бы совершать действия, не предусмотренные авторами данной системы. И нет такого лекарства, которое не имело бы побочного эффекта. Лечишь, например, ревматизм, но при этом разрушаешь печень.

И как Сергей должен был бы действовать в случае, если бы дядя Андрей рассказал ему, что частично разгадал загадку вышки? Тут могло быть несколько сценариев.

Поэтому задавал вопросы нейтральные, возникшие как бы от безделья.

Однажды, когда у Сергея, похоже, было довольно много свободного от дел времени, он достаточно подробно рассказал, чем занимается Андрей Петрович. Наконец-то! И для чего занимается. Выходило, что дядя Андрей был, можно сказать, нахлебником Военно-Морского Флота России.

Вышка эта, рассказал он, появилась в незапамятные времена. Говорят, в начале шестидесятых годов. Когда Гагарин в космос слетал. Для чего ее установили, уже никто не помнит. То есть ее конструкторы, наверно, все поумирали. Военные, которые ее обслуживали, в лучшем случае стали уже глубокими стариками. То есть по причине склероза ничего не помнят.

Лет тридцать назад прекратилась эксплуатация вышки. То есть ее сняли с вооружения. Однако по причине громадной бюрократической армейской машины она по недоразумению осталась на балансе у ВМФ. То есть ее нужно периодически показывать проверяющим флотское имущество комиссиям.

На беду Сергея вышку приписали к его части. И он лично несет ответственность за ее целость и сохранность. Хоть дел у него в части более чем хватает. Они разрабатывают нормативные документы, регламентирующие испытания глубоководных торпед, а также курируют несколько заводов-производителей военной техники. А тут еще эта дополнительная головная боль.

Андрей Петрович поинтересовался, зачем же ее, никому не нужную, надо охранять.

– Надо, – сказал, Сергей, – надо, дядя Андрей. Потому что в документах записано, что точка, на которой находится вышка, должна охраняться.

– Так я же, можно сказать, посторонний человек, – сказал Андрей Петрович. – Давно уже не военный. Ни погон, ни фуражки. Вроде вахтера.

– А комиссию не интересует – кто. Главное, чтобы живой человек был. Так что тут все нормально. Тебя, кстати, проверяли.

– Когда это?

– Ну, заочно. То есть изучали твое досье. Армейские характеристики. Нет ли судимостей. Не состоишь ли на учете в двух диспансерах – наркологическом и психиатрическом.

– Это еще зачем?

– Ну как же, – рассмеялся Сергей. – Все время в лесу, в одиночестве, не всякая психика это выдержит. А к тому же спирт. Как начнешь пить, так и не остановишься, пока что-нибудь не случится.

– Так зачем же тогда спирт выдается?

– Ну, ты как ребенок! Алкоголик и без спирта пить будет каждый день. Из продуктов самогон гнать будет.

– Не знаю, не пробовал.

– Так это мне понятно. И проверяющим стало понятно, что ты в лесу не накуролесишь. Кстати, вы теперь там вдвоем службу несете.

– С лесником, что ли?

– С волком.

«Стоп, – сказал себе Андрей Петрович, – как он узнал про Вальтера? Что это за шпионские игры такие?!»

– С каким волком? – спросил он как можно спокойнее.

– Ну, как же? Ты же мне про него рассказывал. Вертером назвал...

– Ах, да. Но только не Вертером, а Вальтером.

Андрей Петрович был уверен, что ничего такого кавторангу не рассказывал. И это заставило его напрячься. Надо предельно тщательно все анализировать, стараясь отделить ложь от правды. А определенная доля лжи тут, несомненно, была.

– Сережа, так она сейчас не работает?

– Давно уже.

– Какие-то нехозяйственные у вас на флоте порядки. Такую махину можно было бы и после списания как-то использовать. Например, для связи.

– Чего с чем, дядь Андрей? Ведь к ней никакой линии не подходит.

– А раньше подходила?

Кавторанг замолчал. Было слышно, как он отдает кому-то приказания относительно сверки нового варианта технического задания с техническими требованиями. Ему что-то ответили, неразборчиво. Он начал что-то пояснять.

– Да, дядь Андрей, – опять вернулся на линию кавторанг, – извини, тут дело одно появилось. Мне надо идти. Счастливой службы!

Почему он прервал разговор сразу же после упоминания о подходящей к вышке линии связи? Это озадачило Андрея Петровича.

Что же, ее изначально не было? Но это полный абсурд. Потому что в начале шестидесятых годов не существовало спутниковой связи. И информация на вышку могла поступать только по кабелю.

И что же, его выкопали? А вышку оставили?

Или же он до сих пор в земле?

Значит, все это находится в рабочем состоянии.

Что там запрятано внутри бронированного бункера?

Если это до сих пор работает, то тогда понятно, почему здесь нет не только сотовой связи, но и не ловится телевидение. Значит, вышка подавляет сигналы.

Но, с другой стороны, работу такой мощной радиотехнической хреновины он ощущал бы. Например, сами по себе подсвечивались бы лампочки в электромагнитном поле.

А он и ощущает! На психику воздействует, легкие галлюцинации...

В общем, заверения Сергея, похоже, расходились с реальной ситуацией.

Но почему тогда вышку охраняет не рота бойцов высшей квалификации, а волк-одиночка?

И от кого ее тут охранять-то? – в конце концов подумал Андрей Петрович, выкурив последнюю сигарету и отправляясь спать.

Спустя месяц ложь кавторанга раскрылась довольно просто.

Сергей связался по рации и сказал, что через день прибудут гости. Бригада специалистов. Для проведения на вышке регламентных работ.

Прилетели на Ми-8. Трое парней средних лет в комбинезонах. Вытащили из салона пять кейсов с инструментами и аппаратурой. Поднесли все свое добро к двери, запертой на кодовый замок.

Вальтер, конечно, был бы недоволен нашествием чужаков. Мог вполне пустить в ход и зубы. Однако Андрей Петрович предусмотрительно придержал его в жилом блоке.

С ремонтниками были два бойца с автоматами. Стало быть, для охраны.

Андрею Петровичу неожиданно предложили пойти прогуляться в лес. Часика на два-три.

Хотел возмутиться. Однако ему объяснили, что таковы инструкции. Следовать которым всем надлежит неукоснительно. Потому что у бойцов имеются особые полномочия в связи с высшей формой секретности выполняемых работ.

Ремонтники терпеливо покуривали у входа в бункер, пока происходили препирательства.

Правда, особого препирательства и не было. Андрей Петрович прекрасно понимал, что такое в армии секретность и как глупо пытаться против нее восставать.

Захватил карабин, патронов и пошел в надежде подстрелить кого-нибудь некрупного для Вальтера. Может, зайца. Или несколько уток, которых он недавно приметил километрах в трех от точки, на небольшом озерце.

Бродил по лесу. И думал не столько о том, чтобы выйти какую-нибудь некрупную живность, сколько, как говорят юристы, о неожиданно открывшихся обстоятельствах.

Вышка, как он и предполагал, – это не несколько тонн никому не нужного металла. А составная часть какого-то военного комплекса. Неизвестно, работает ли она постоянно. Но уж точно, ее поддерживают в работоспособном состоянии.

Да еще с автоматчиками!

Значит, это не тактический объект. И не оперативно-тактический. А объект этот самый что ни на есть стратегический.

И опять-таки из этого вытекала несусветная глупость и дичь: стратегический объект охраняет, можно сказать, случайный человек. Пусть и досконально проверенный неведомой кадровой комиссией, но не военнослужащий!

В бытность, когда Андрей Петрович служил, такого не было и быть не могло ни при каких обстоятельствах.

Вдруг буквально из-под ног выскочил заяц.

Андрей Петрович сдернул с плеча карабин...

И внезапно услышал, как в жилом блоке завыл Вальтер. Расслышал, поскольку еще и на километр не отошел от точки.

Это было странно. Автоматчики, что ли, у него решили у него в доме похозяйничать?

Решил вернуться назад и проверить.

У калитки, снаружи периметра, стоял боец с автоматом.

Увидев Андрея Петровича, он прогавкал по-уставному:

– Стой, стрелять буду!

– Ты что, одурел?

И сделал два шага вперед.

Но:

– Стой, стрелять буду!

С таким лицом, словно его обкололи новокаином.

Передернул затвор возвратно-поступательным движением.

Андрей Петрович понял, что стрелять он непременно будет.

Остановился.

– Что вы там, суки, с моим волком делаете?!

– Стой, стрелять буду!

– Стою. Что дальше?

Было понятно, что боец так будет стоять и час, и два. Не смаргивая. Зафиксировав автомат намертво в положении, при котором мысленное продолжение ствола упиралось в грудь Андрея Петровича, точно посередине между сосков.

И что после следующих двух шагов он выстрелит в воздух.

А еще после двух – в грудь субъекта, пытающегося проникнуть на охраняемый объект.

Пытаться поговорить с бойцом, вразумить его, было абсолютно бессмысленно.

Поэтому, рассудив, что Вальтер уже в состоянии сам за себя постоять, решил вернуться в лес.

В лесу он уже не столько высматривал дичь, сколько ломал голову по поводу происходящего.

Перешел ручей в его самом узком месте. Черпая ладонями воду, немного попил.

И вдруг почувствовал, что ушам стало как-то неожиданно тепло. Хоть и был не на солнце, а в тени.

Провел ладонью по волосам. И они затрещали.

Вот, зараза, понял он, вот она как работает!

24.

Ждать долго не пришлось. Слова директора с делами не расходились.

Правда, и у них ушло некоторое время на подготовку. Все-таки «клиент» был непростым. Боевой офицер высочайшей квалификации, привыкший смотреть смерти в лицо таким же немигающим взглядом, как и она на него. Не только совершенное владение всеми видами оружия, но и хладнокровие, способствующее концентрации ударной энергии, помогали ему выживать в самых невероятных ситуациях. И не только выживать, но и одерживать победы. Такой и с голыми руками стоит десятка нынешних бандитов гопнического типа.

Однако директор располагал, несомненно, людьми, если их, конечно, можно назвать людьми, вполне подготовленными. Но абстрактная подготовка – в залах, на стрельбище, на стрелках – это ничто в сравнении с реальным боевым опытом. С опытом, полученным на нескольких войнах.

Ну, а возраст?.. А что возраст? Андрею Петровичу тогда еще и шестидесяти не было. Был он все еще крепок, с прежней реакцией, с той же самой остротой зрения, чутким слухом. Был способен, как и раньше, терпеть высочайший уровень боли. Не утратил выносливость. И, будучи человеком отнюдь не злобным и не жестоким в повседневности, в экстренных ситуациях автоматически становился безжалостным к своим смертельным врагам. И это было вполне естественно, поскольку, как всем известно со школьной скамьи, действие порождает абсолютно адекватное противодействие.

Пауза перед началом войны с невидимым врагом позволила и Андрею Петровичу как-то подготовиться к предстоящим баталиям. На рынке, через знакомых, с которыми когда-то вместе разруливал конфликты между азербайджанской и армянской диаспорами и окорачивал русских

бритоголовых, достал вполне работоспособного Стечкина. Прикупил достаточно патронов. Обзавелся тремя гранатами.

Да, ведь директор не мог не понимать, что уволенный инструктор пустит деньги именно на оружие. Для самообороны. Так для чего же он их дал? Да еще и в таком количестве, что хватило обзавестись вполне серьезным пистолетом, с которым он воевал в Афганистане.

Стечкин – это был почти автомат Калашникова. И не только по объему магазина, в который в два ряда входило двадцать патронов. Он мог стрелять и очередями. И прицельная дальность была несравнима с Макаровым – двести метров. Андрей Петрович неоднократно в этом убеждался и на стрельбище, и в боевых условиях. На ста метрах хватало двух патронов, чтобы подстрелить духа...

Действительно, для чего была проявлена такая бессмысленная щедрость?

Было вполне понятно, что благородство по отношению к врагу – это не про него, не про директора.

Оставалась только единственная версия. Они там у себя, видимо, решили устроить тотализатор – сколько дней сможет продержаться «клиент». Вот для остроты сюжета и подкинули ему деньжат, чтобы обзавелся оружием самообороны.

Охота на одинокого волка началась на четвертый день.

Идя по улице, Андрей Петрович услышал за спиной звук приближающегося мотоцикла.

По мою душу, понял он.

И свернул во двор, не ускоряя шага.

За углом он резко рванул вперед. И притаился за стеной дома.

Звук мотоцикла приблизился и тоже свернул во двор.

Когда из прохода между домами показался краешек переднего колеса, Андрей Петрович выскочил из укрытия и сдернул с седла мотоциклиста.

Тот распластался на асфальте лицом вверх. То есть вверх передней частью глухого мотоциклетного шлема.

Приподнял голову и два раза ударил ее об асфальт. Разумеется, убить мотоциклиста это не могло, даже увечий не сулило. Однако ударная волна, возникшая в замкнутом пространстве шлема, слегка контузила нападавшего.

Андрей Петрович снял шлем, чтобы посмотреть, что же за беспомощного идиота к нему подослали.

Это был один из курсантов. Не самый успешный, но и не из слабаков. Середнячок.

Так вот какие у них практические занятия, понял он.

Когда курсант очухался, Андрей Петрович, приставив нож к горлу, решил немного побеседовать:

– Как зовут-то?

– Дима, – как-то совершенно жалко простонал тот.

– Это, Дима, твое первое задание?

– Да.

– Так вот двойка тебе, незачет!

Тот молчал, с ужасом глядя на инструктора.

– Куда вас распределяют?

– Я не знаю.

– Как это не знаешь? Не ври мне!

– Правда. Не убивайте меня, пожалуйста.

– Это будет зависеть от твоей искренности, – сказал Андрей Петрович, хоть и не собирался брать грех на душу. Не хватало еще цыплятам шейки перерезать.

– А что знаешь? Для чего вас обучают?

– Нам говорят, что мы будем служить в элитных подразделениях. По всему миру.

– В нашей армии?

– Нет, по всему миру.

– Ну, примерно ясно. Торгуют вами, значит. А как вас в клуб принимают?

– Какая-то комиссия ездит по детским домам. Выбирает тех, кто им подходит. И увозят.

– А со скольких лет отбирают? С четырнадцати?

– Нет. С семи.

– Что-то я семилеток тут не видел. Не врешь?

– Нет, вначале первая стадия обучения. В другом городе. Потом еще одна. А это у нас третья стадия. Есть еще где-то четвертая.

– О, как! – воскликнул Андрей Петрович, – Рассредоточенная фабрика наемников! Бизнес у них, видите ли, на человеческой крови!

И ему стало жалко этого паренька. Искренне жалко.

– Слушай, а тебя не ликвидируют? Ну, что не справился с заданием.

– Вроде не должны...

– Вроде или точно?

– У нас такое уже раньше было. За это наказывают. Ну, и еще нагрузку увеличивают.

Да, подумал Андрей Петрович, в этого цыпленка уже денег немало вбухали. Не станут же они вложения терять, устраняя проштрафившихся. Капитализм!

– Ну, ладно, живи. Но скажи, чтобы взрослых присылали. Больше я никого жалеть не буду.

Андрей Петрович убрал нож. И врезал пареньку, вырубив его минут на десять.

И даже мотоцикл выводить из строя не стал. Может, парню поменьше гвоздюлей достанется.

Добренький! – зло подумал он о себе.

25.

Воздух от включенной ремонтниками вышки электризовался еще какое-то время. Отчего волосы у Андрея Петровича были как иголки у занявшего круговую оборону ежика. Торчали в разные стороны перпендикулярно к поверхности головы. Однако каких-либо болезненных ощущений не было.

Вальтер продолжал выть. И выть он начал раньше, чем Андрей Петрович ощутил электромагнитное излучение. Видимо, мощность прибавляли постепенно. И волк, обладая большей чувствительностью к таким вещам, раньше обнаружил неладное.

Интересно, подумал Андрей Петрович, а работает ли автомат в таком мощном поле? То есть был ли смысл выставлять бойца для охраны секретов с автоматическим оружием, когда ему надо было дать что-нибудь «холодное». Например, штык или саблю. А то и меч-кладенец, чтобы пострашнее выглядел.

Что же, чувства юмора он не лишился. И это вселяло надежду на то, что электромагнитное оружие, над которым усиленно работает и американское сверхсекретное агентство военных технологий DARPA, и закрытые российские почтовые ящики, на ветерана ВДВ не действует.

Следовательно, вышка не имеет отношения к электромагнитному оружию, а предназначена исключительно для военной связи в непонятно каком частотном диапазоне.

Ведь не может же быть так, что ее действие, как электромагнитного оружия, настолько избирательно, что оно, будучи безопасным для русского солдата, косит под корень только натовских агрессоров.

В конце концов эффект прекратился.

Часовой три раза выстрелил. С равными промежутками времени.

Андрей Петрович понял, что это сигнал. Что можно возвращаться.

Неподалеку от точки он наткнулся на зайца. Вероятно, это был тот же самый, который улепетывал от него пару часов назад.

Заяц лежал на боку и судорожно ловил ртом воздух. Глаза были открыты. Заяц совершенно безучастно смотрел на человека, не в силах не только двинуться, но и испугаться как следует. Бока поднимались и опадали со скорострельностью АК-74.

Может, выживет, подумал Андрей Петрович. Брать его для пропитания Вальтеру было бы мародерством.

У калитки уже не было автоматчика.

Ремонтники, уложив в кейсы инструмент и аппаратуру, покуривали у вертолета.

Автоматчики безучастно стояли в сторонке.

– Ну, а чайку на дорожку? – сказал Андрей Петрович, подойдя к вертолету. Надеясь, что, может быть, удастся у них хоть что-нибудь выведать, угощая чаем с рябиновым вареньем, которое заготовил прошлой осенью.

– Нет, спасибо. У нас график.

– Так я предлагаю чайку, а не водки. Дело минутное. Посидим чуток, песен петь не будем.

– Нет, отец, с радостью бы. Но не получается.

Было понятно, что им запрещены какие бы то ни было контакты с посторонним человеком.

Андрей Петрович присмотрелся к ним. Это были ладно скроенные парни. Чистенькие, не замазавшие светлых комбинезонов, не испачкавшие рук, а уж тем более лиц. Было понятно, что это не механики, которые имеют дело с маслом, оставляющем пятна на спецодежде, как ни берегись от них. Какие-нибудь радиоинженеры или компьютерщики. Было это понятно и по лицам, на которых лежала печать высшего образования. Тестером пощупать плюс и минус. Осциллографом проверить несущую частоту, подкрутить потенциометр, ввести в кэш исходную информацию, организовать оперативную выгрузку буфера... То есть не надо заржавевшие гайки бензином отмачивать, чтобы открутить. Не надо масло в картер заливать. Не надо прогревать паяльной лампой механизм на морозе. Интеллигенция!

– Ну, вы и прожарили тут своей антенной весь лес. Я думал, что инфаркт меня шарахнет. А птицы в округе, наверно, все передохли.

Ремонтники молчали. Автоматчики подошли поближе.

– Это сколько же мегаватт вы захреначили, что у меня волосы дыбом встали? Не включится она опять? А то ведь мне моя жизнь дорога.

Ремонтники молчали.

– Ты, это, отец, – сказал один автоматчик, – лучше бы своего пса покормил, что ли. А то своим воем он нас вконец извел. Видать, голодный.

– А это не пес. Это волк, – сказал Андрей Петрович, надеясь заинтересовать их. Мол, покажи. Мол, как ты его добыл? Мол, не загрызет он тебя, когда еще подрастет?

Однако было понятно, что от инструкции они не отступят ни на шаг.

И договориться с ними о чем-нибудь сложнее, чем с телефонным автоответчиком.

Докурили, аккуратно затушив окурки и убрав их в переносную пепельницу. Уложили кейсы с инструментами в вертолет. Влезли в салон. За ними автоматчики.

Вертолет раскрутил винты – несущий и рулевой. Оторвался от земли, отчего трава пошла волнами. И винтокрылая машина ушла строго на восток. Ушла раздельно – вначале ушло изображение, как в здешнем телевизоре. А потом и звук.

Андрея Петровича окружило голубое безмолвие, которому был неведом рев реактивного двигателя и которое никогда не прочерчивал белый инверсный след сверхзвукового самолета, сравниваемого армейскими поэтами с бороздой от плуга для публикации этого военно-художественного образа в газетах со стандартным названием «На страже».

В задаче, которую пытался решить Андрей Петрович, прибавилось еще несколько неизвестных.

26.

В июне приезжал лесник. Проведать. Ну, и еще, конечно, спирта попить под хорошую закуску.

Разумеется, и пообщаться. Поскольку свои, деревенские, для Федора никакой новизны не представляли. Все разговоры были известны заранее, еще до того, как собеседник раскрывал рот. И сюжеты беспрерывно повторялись, и слова выстраивались в точно такой же последовательности, как и десять, и двадцать лет назад. И даже междометия, вкрапленные в речь, были расставлены по вполне определенному закону, который был у каждого человека своим.

Это имело строгое научное объяснение. Новая информация в небольшие группы людей, компактно проживающих в удаленных от цивилизации местах, практически не поступает. И они, общаясь друг с другом, вынуждены многократно повторять какие-то старые истории из своей жизни. А уж тем более это свойственно людям пожилым, чей внутренний взор обращен по большей части в прошлое, в давно прожитые годы, где они были молоды и, как теперь им представляется, счастливы.

Эти воспоминания на первых порах постоянно редактируются, оттачиваются. Им, как кажется говорящим, придается блеск, значимость. И в конце концов они превращаются в пьесы, написанных для театра. Актеры знают свои роли наизусть, и от спектакля к спектаклю произносят их слово в слово, без запинки. И с большим чувством, с таким ощущением, что это не роли, а их собственные слова.

Вот только оторванным от цивилизации жителям никто не рукоплещет.

Ветеран ВДВ был для Федора человеком новым. И Федор для Андрея Петровича был таким же человеком. Каждый из них был источником новой для собеседника информации. Один воин. Другой лесовик.

Правда, и у Федора был определенный армейский опыт. У людей его поколения он есть у всех. Кто ракетчиком. Кто танкистом. Кто мотострелком. Кто связистом. Кто в войсках химической защиты. Кто в стройбате. Три года от звонка до звонка. А кто и на корабле или на подводной лодке, те четыре. И тоже от звонка до звонка. Точнее – от приказа до приказа.

Поэтому ветерану ВДВ и леснику и было интересно друг с другом.

Ну, естественно, у них была и определенная психологическая общность. Или, как говорят ученые люди, близость психотипов.

Федор, спешившись и отогнав своего двухцилиндрового конягу под навес на случай возможного дождя, сказал:

– Ну, вот и война.

– Какая, где?

И тут ветеран ВДВ вспомнил о разговоре с Петром, вертолетчиком. Видать, он тоже отправился в Сирию. За орденами-медалями... Только бы жена дождалась. Живого. А не в цинковом мундире.

– В Сирии. Начали бомбить террористов.

– Только с воздуха?

– А откуда же еще бомбят-то? – не понял вопроса лесник.

– Наземной операции нет? Десант не ввели?

– Да нет, про это ничего не говорили.

– Ну, дай бог, дай бог!

– Сказали, удары высокоточные. И даже показывали, как все там у террористов в хлам разлетается.

– Лишь бы до мясорубки дело не довели.

– Так там бомбардировками и устроили настоящую мясорубку, Петрович.

– Да мне плевать, как из этих ублюдков ошметки делают. Главное, чтобы наши умники в генштабе до наземной операции не додумались. Много наших парней положат, – скрипнул зубами Андрей Петрович.

– Не, про это ничего не говорилось.

Вальтер уже успел, что называется, принюхаться к леснику в его прошлые визиты. Врагом уже не считал. Не рычал на него. Хоть и посматривал с некоторым подозрением. Мол, что ему надо в нашей стае, чего приперся? В общем, терпел. Поскольку, судя по всему, вожак относился к чужаку нормально.

Вот только плохо было то, что скоро они начнут пить из кружек гадость, от которой у Вальтера все внутренности готовы наизнанку вывернуться. Придется, значит, опять снаружи ночевать.

Правда, никаких тягот Вальтер от этого не ощущал, начинал уже матереть, мог и в сугробе сладко выспаться. А сейчас лето, благодать. Просто было обидно, что его отодвигают на второй план.

Помнил ли Вальтер, что этот чужак когда-то убил его мать? Вряд ли. Совсем маленьким был, несмышленым.

Обменявшись первыми впечатлениями о сирийских бомбардировках, начали готовить стол. Не слишком затейливый, но добротный, включающий все необходимое для жизнерадостного функционирования организмов во время дружеского застолья.

Зеленый лучок с грядки. Чтобы макать его в солонку.

Петрушки оттуда же. Скорее для дизайна, чтобы радовала глаз.

Соленые грибы, белые. Их прямо в собственном рассоле с небольшим добавлением порезанного репчатого лука.

Баночная селедка. После разделки оказалась с икрой. Туда репчатого лука уже побольше. И не нарубленного, а кольцами, чтобы вилкой было удобнее поддевать. Плюс уксуса, смешанного с подсолнечным маслом.

Само собой маринованные огурцы, которые привез с собой Федор. Вот их можно присыпать слегка петрушкой. Не резать, брать рукой. И откусывать с хрустом.

Сало, заготовленное Федором прошлой осенью. Нарезать не тонко, чтобы полноценное ощущение продукта во рту было. Но и не слишком толсто, потому что оно должно таять не как свалявшийся в тени снег, скучно и нудно, а весело, как снежинки на щеке спешащего к новогоднему столу путника.

Картошку заблаговременно почистить и прополоскать в чистой воде. Воду вылить и залить новой. Также почистить головку лука средних размеров и, порезав, оставить в тарелке, накрыв сверху другой. Все это понадобится после того, как будут выпиты четыре первых по пятьдесят каждая.

И тут уж ставить большую сковородку на огонь (в данном случае, на электроплитку, которой располагал Андрей Петрович). Лить подсолнечное масло, не жалея, чтобы нижний слой картошки плавал в масле, отчего появляется зажаренность продукта. После чего ссыпать в сковороду картошку, нарезанную брусочками.

Периодически перемешивать, чтобы не пригорела.

В нужный момент, наступление которого определяется не интуитивно, а в результате большого накопленного опыта, полученного в результате проб и ошибок, в картошку высыпается нарезанный лук. Тогда же следует сыпать и соль. Вот ее сыплют чисто интуитивно.

Сковороду накрывают крышкой в самый последний момент, чтобы все дело не пошло насмарку. То есть чтобы картошка не успела распариться, а сохранила твердость и хруст.

В конце концов в сковороду вываливают банку тушенки и все перемешивают, доводя продукт до идеального состояния на максимально слабом огне.

Хлеб можно резать, а можно ломать. В конце концов не на приеме у британской королевы!

В связи с очень ограниченным объемом информации о сирийской военной кампании вскоре перешли на другие темы. Точнее на одну тему, актуальную для Андрея Петровича. И, как вскоре

выяснилось, и для лесника. Оказалось, что когда ремонтники сделали кратковременный запуск оборудования вышки, Федор почувствовал абсолютно то же самое. И даже волосы у него искрили, хоть он и находился за десятки километров.

– Сильна, зараза! – сказал он. – У меня пара курей сдохла. А я-то думал, отчего это. Теперь понятно!

– Ни хрена нам, Федя, с тобой не понятно. Что же это за система такая, которая своих не жалеет? Какой идиот ее придумал.

– Ой, не скажи, Петрович. У нас оружие делают для того, чтобы врагу побольше ущерба нанести. В технике и в живой силе. При этом может и своя живая сила погибать. Но не чрезмерно. Расчет, говорят, такой. Если погибает два врага и один свой солдат, то это в пределах нормы. Если больше наших погибает, то оружие возвращают на доработку.

У ветерана ВДВ глаза на лоб вылезли:

– Федя, я смотрю, ты совсем пить разучился. Всего ничего опрокинули, а ты уж безумен стал.

– Да ладно, пошутить уж нельзя. Однако не так уж я и неправ. У нас в деревне был один, Спиридон. Совсем молодым помер, слегка только за полтинник перевалило. Так вот он служил в ракетных войсках. Давно служил, аккурат, когда Гагарин слетал, а за ним Титов, Герман.

– Ну, и?

– Баранки гну! Они ракеты топливом заправляли. Так через одного в обморок падали, медики откачивали. Хоть и спецпитание было, с витаминами, а все равно падали. Топливо такое было, ядовитое.

– Гептил, что ли? – спросил имеющий большее представление о военной технике Андрей Петрович.

– Уж не знаю, гептил там или тротил, а падали. Кстати, а когда тут эту дурынду поставили, не знаешь?

– Да говорят, что примерно в то же время.

– Ну вот, все сходится. Тогда солдатиков не особо жалели.

– Их, Федя, во все времена не жалели. Не жалеют, думаю, и сейчас.

Помолчали.

Следующую выпили молча.

И молча же закусили.

Между тем Федор, будучи большим, чем Андрей Петрович, оптимистом и человеком, верящим в социальный прогресс, хоть и прожил всю жизнь в России, сформулировал следующий вопрос. Сформулировал, можно сказать, в духе правящей партии:

– Петрович, а может, теперь отношение к солдатикам переменилось? Может, их стали жалеть?

– Это с какого же рожна?

– Ну как же, сейчас, говорят, в горячие точки только профессионалов посылают, которые за это дело деньги получают. Контрактники и офицеры...

– А они что, не люди? Их не жалко?

– Так-то оно так. Но солдатиков, которые по призыву, говорят, в горячие точки не посылают.

Иван Петрович скрипнул зубами. Но смолчал.

Выпили еще по одной.

Закурили.

Вдалеке послышался звук приближающегося вертолета.

Андрей Петрович сказал, чтобы лесник сидел, а сам вышел посмотреть, что за гости пожаловали.

Над лесом появился Ми-8. Когда приблизился, то стало заметно, что он с боекомплетом. На балках были укреплены две ракеты. Кассеты были полностью забиты НУРСами.

Странно, подумал ветеран ВДВ, обычно по рации предупреждают. Мол, прилетят за тем-то и за тем-то. Если что надо, то можешь заказать. И жди через день-другой.

Уж не по мою ли душу летят? Уж не директор ли клуба их послал? – мелькнула совершенно безумная мысль. От чего он невесело рассмеялся. Точнее – улыбнулся. А совсем точно – нахмурился.

Ситуация и здесь начинает выруливать в какую-то непонятную область. Довольно зловещую. Держат за идиота. С какой целью? Вдруг наступит момент, когда он станет не только ненужным элементом, но и опасным. А любую опасность армия стремится устранить наиболее привычным для себя способом.

И это будут уже не кошки-мышки, как было тогда, когда его устранить собирался директор клуба. Армия – это могучая машина, обладающая мощной энергией убийства.

Однако вертолет держал курс не на точку. Его траектория проходила чуть правее.

В конце концов он прошел мимо, не замедляя полета.

Чужой, что ли? Свой бы покружил немного, высматривая, все ли нормально на точке. Ну, или каким-то образом поприветствовал Андрея Петровича, можно сказать, коллегу по службе в сухопутных рядах военно-морского флота. Покачал бы корпусом. Ну, или скинул, скажем, банку сливового джема или абрикосового.

Все это было довольно странно.

Рядом стоял Вальтер. И смотрел в ту же сторону. Где скрылся вертолет.

Рядом с вожаком.

«Плечом к плечу, – грустно подумал Андрей Петрович, – так и будем с ним биться, когда наступит момент».

Картошка слегка подгорела. Хорошо, Федор все-таки сообразил, что картошка – это не каша, которая может бесконечно долго тушиться на печи в чугунке и становится от того только лучше и лучше.

– Чего им? – спросил лесник.

– Хрен знает. Какие-то странные. Мимо прошли, даже крыльями не помахали.

– Это какие же у вертолета крылья?

– Это я так, фигурально.

Федора рассмешило это слово, которое он в последний раз слышал лет сорок назад от штабного майора, когда служил на Камчатке в отдельной мотострелковой дивизии.

– Слушай, – сказал Андрей Петрович, – а вышку никогда раньше так не проверяли? Ну, чтобы волосы дыбом и куры дохли?

– Нет, на моей памяти такого не было, кажись.

– Так кажись или не было?

– Пока я здесь был, то не было. Вот только отлучки бывали. В армии три года. Потом еще ездил по мелочам несколько раз – недели по две, но и бывало, что и месяц захватывал. Ну, там к родне – свадьбы, похороны, просто так в гости... Но при мне – никогда.

– Так вот и странно это как-то совпало.

– Что?

– Ну, как же! Война в Сирии. И тут же вышку проверяют. Раньше им на нее наплевать было, а теперь, видишь ли, понадобилась!

– Что же она, до Сирии, что ли, добивает? – логично рассудил лесник, мало разбираясь в возможностях современной радиотехники.

– Ну, не знаю – добивает или нет. Но связь между этими событиями очевидна!

– И что теперь? Ее постоянно, что ли, врубят? Так все в округе передохнут, не только куры.

– Федя, ты в школу, вообще-то, ходил? – сказал Андрей Петрович, наливая еще по одной.

– Ну.

– Так должен бы знать, что для постоянной работы рядом с ней надо поставить электростанцию. Энергия-то страшная.

– Зачем же она тогда нужна? Вот ты, Петрович, человек военный. Должен бы сообразить.

– Я не по этой части. У меня была грязная работа. А тут в белых перчаточках, с чертежами под мышкой, с портативными электронными чемоданчиками... В общем, техническая интеллигенция, хоть и в погонах.

– А я вот человек и вовсе дикий – лесник. Да вот способен допетрить, что штука эта обладает страшной силой.

– Ну, это мы уже ощутили, когда волосы потрескивать стали.

– Не в этом дело, – поморщился лесник. – Дело в охране. Вот тебя сюда, извиняюсь, пенсионера списанного посадили. Вычеркнутого из списков личного состава. Типа сторож какой-нибудь автостоянки.

– И что из этого следует?

– У тебя погон нет. На шапке и картузе нет кокарды. Нет никаких отличительных знаков. В общем, дед на подработке... Ты того, не обижайся, пожалуйста, это я для доходчивости. А спутники-то в небе летают!

– В космосе.

– Для меня один хрен, я выше девятого этажа у шурина на крестинах никогда не поднимался. Для меня небо начинается от девятого этажа и нигде не заканчивается, прямо до Бога доходит.

– А дальше-то что? – начал терять терпение Андрей Петрович.

– А дальше американцы смотрят через спутники. И отмечают, где, на каких объектах наблюдается большое военное оживление. Где офицеров и солдат что сельди в бочке. Где техника туда-сюда ездит. Где большое тепло выделяется. Я в интернете смотрел, сейчас есть датчики, которые тепло замеряют.

– Инфракрасные, – подсказал Андрей Петрович.

– А мне хоть брюхосиние, но я знаю, что такие замеры спутники делают. А здесь какой-то штатский дед по двору бродит. Да собачка при нем скачет. Еще какой-то приезжает иногда, чтобы водочки попить. Маскировка! Самая лучшая маскировка.

– Ну, а вышка?!

– А что вышка. Американцы знают, что русские дурные. Сколько таких вышек по стране понастроили! Думаю, больше тыщи. Построят. А потом смотрят – толка никакого. Потому что или в проекте была ошибка. Или еще что. Ломать – это еще сколько денег надо вбухать. Так и стоят, небо коптят.

– Но зачем же охранять-то? Хоть и, как ты говоришь, дед с собачкой... Да, кстати, БТР раз в месяц сюда ездит. Это как? Какая же это маскировка?

– О, это они здорово придумали. Ты думаешь, зачем сюда генералы с телками прилетают?

– Ну, охотиться. Водки попить. С бабами в баньке покувыркаться...

– Какая же это на хрен охота? Редко когда им удается поросенка завалить. А так пустые возвращаются. На охоту егеря берут. Только тогда может какой-то толк получиться. А егерь – лишний человек в секретном деле. Так?!

– Ну, допустим.

– Так вот охота – это прикрытие. Чтобы американцы думали, что эту базу поддерживают только для того, чтобы здесь генералы иногда развлекались. Логично?

– Да, Федя, ты голова!

Налили еще по одной. Выпили. Картошка с тушенкой подходила к концу. Поэтому хрумкали огурцами.

– Да, Федя, – мысль Андрея Петровича нашла слабое место в казалось бы безупречных логических построениях лесника. – Вот когда они врубили вышку на полную мощность...

– А ты уверен, что это была полная мощность. Может, от полной тут все сгорело бы к чертовой бабушке.

– Ну, я не об этом. Не важно – полная, неполная. Я к тому, что в этот момент американцы засекли излучение. И, значит, вся маскировка насмарку.

– Я так разумею, – ответил Федор, – что время включения было подобрано правильно. В этот момент спутников над этим местом не было. Они же вращаются вокруг Земли. Ушли отсюда. И, значит, прошляпили.

– Дикий ты человек, лесной. Только не обижайся, пожалуйста. Есть спутники, которые на геостационарной орбите. И они вращаются с той же скоростью, что и вращается Земля. То есть постоянно висят над одной точкой, неподвижно. Понял?

– Отчего не понять. Да вот наши могли какую-то военную хитрость устроить. У нас ведь тоже есть спутники. И наши спутники как-нибудь ихние спутники ослепили. На время, на которое требовалось. То есть ремонтники сюда прилетели. Достали свою аппаратуру. Нашли на экране наш глушильный спутник. И послали сигнал на включение. А потом отключили, когда всю работу тут проделали.

Андрей Петрович был вынужден согласиться, хоть в этом объяснении и было гораздо больше дилетантских допущений, чем каких бы то ни было научно-популярных аргументов.

Перед отъездом лесника сошлись в одном: вышка – это какое-то очень мощное оружие. Может быть, даже страшное. Или самое страшное, которое когда-либо придумало человечество для своего гарантированного уничтожения. Потому-то о нем абсолютно ничего неизвестно.

И наверняка, у американцев есть что-то аналогичное, обладающее такой же страшной разрушительной силой.

К такому выводу они пришли, когда каждым было выпито пол-литра сорокоградусной спиртосодержащей жидкости, настоянной на бруснике. Брусника порой дает неожиданный эффект.

27.

Фабрика по производству солдат удачи или, как их еще называют, псов войны, произвела вторую попытку ликвидации списанного инструктора через неделю после предыдущей, оказавшейся безрезультатной. Промежуток времени между вычеркиванием из штатного расписания и из жизни затягивался.

Вряд ли это представляло какую-то опасность для клуба юных убийц, для его директора и для тех могущественных и невидимых сил, которые и основали дело. И постоянно вкладывают в него очень серьезные средства. Но они с лихвой покрываются выручкой от продажи диких гусей, как еще называют наемников. Потому что было понятно, что ветеран ВДВ, абсолютно одинокий волк, не связан ни с какими структурами, которые смогли бы хоть как-то воспрепятствовать деятельности преступной организации. Потому что данная преступная организация, несомненно, не только располагала очень значительными финансовыми ресурсами, но и запустила щупальца и в силовые органы, и в исполнительные, и в законодательные. В законодательные – это уж точно, со стопроцентной гарантией, поскольку депутатов у нас выбирает народ. А народ у нас доверчив, словно ребенок, которому достаточно показать пустую обертку от конфеты, чтобы вызвать мощный прилив оптимизма.

Охота на бывшего инструктора у них, видимо, расписана в методичках, включена в практическую часть обучения диких гусей. И Андрей Петрович, несомненно, не первый их учебный экспонат. Вначале отрабатываются наиболее примитивные методы устранения. Затем пошагово переходят к более сложным. И уже с привлечением более подготовленных псов войны. То есть из клуба следующего уровня, выпускного. В конце концов, отчаявшись добиться успеха малыми жертвами, эти уроды могут попытаться подорвать автобус вместе со всеми, кто в нем едет. Кто едет по своим самым разнообразным делам. Едет, не ведая, что это маршрут номер 666.

По логике развития сюжета, следующую попытку они должны были бы произвести в подъезде. Любой подъезд – это самое спокойное и безлюдное место в городе. Ну, разве что кроме утренних и вечерних часов, когда жильцы отправляются на работу и возвращаются с нее. Правда, этот механизм несколько подустарел. Поскольку сейчас мало кто работает. Ну, а работающие – все-таки остались еще и такие – далеко не всегда спешат к проходной к назначенному времени.

Проходных уже практически не стало по причине закрытия заводов. Вовсю используется скользящий рабочий день. А то и вовсе удаленная работа, то есть надомная.

Андрей Петрович решил подыграть киллерам. То есть вернуться домой попозже, когда в подъезде гарантированно никого не будет. Ну, и определенный гуманизм в этом был, поскольку дело должно завершиться без случайных жертв.

Сценарий был примерно таким.

Один из киллеров находится в остановленном лифте этаже на пятом-шестом. Андрей Петрович вызывает лифт на первый этаж. Двери расползаются, и он получает пулю в лоб.

Второй киллер должен поджидать на лестничной площадке второго этажа. Если Андрей Петрович будет подниматься на свой четвертый по лестнице.

Впрочем, второй мог затаиться между четвертым и пятым этажами. И встретить объект, подлежащий уничтожению шквальным огнем.

В ту ночь, когда по прикидкам Андрея Петровича должно было все произойти, он у подъезда накрутил на Стечкина глушитель.

Приложил к домофону магнитный ключ и вошел.

Вошел предельно бдительно. Поскольку один из недоумков мог поджидать прямо у входной двери.

Однако у двери все было чисто.

Достав из кармана муляж гранаты, вызвал лифт.

Когда только начали разъезжаться в разные стороны створки, кинул внутрь муляж гранаты.

Однако из лифта никто, словно ошпаренный, не выскочил.

Начал потихоньку подниматься. Но при этом топал акцентированно.

И потихоньку приподнимал на отломанной ветке бейсболку.

Но и здесь все было чисто.

Никто не поджидал его и на четвертом этаже.

Схватка состоялась на следующий день. Точнее – ночь.

Вариант с муляжом гранаты сработал. Из лифта выскочил уже не сопливый подросток, а вполне зрелый человек лет двадцати двух – двадцати пяти. Жалко Андрею Петровичу его не было. Поэтому три пули успокоили несостоявшегося киллера навеки.

«Не я, так это сделал бы кто-то другой, – подумал ветеран ВДВ. – На какой-нибудь войне, куда его продали бы. И где он зарабатывал бы, убивая других. Не я его в это втянул. Но он – жертва. Не моя жертва, а неизбежная».

При этом сделал Андрей Петрович все так, чтобы не подставлять себя под огонь второго, который не замедлил в три прыжка перебраться с площадки второго этажа на межэтажную площадку. И сразу же начал бешеную стрельбу, надеясь парализовать волю объекта, посеять панику.

Но воля ветерана ВДВ была закалена в таких передрягах, что парализовать ее было невозможно, даже если бы директор бросил против него все свои ресурсы. Убить его, конечно, можно, но сломить волю – это была абсолютно невыполнимая задача.

Однако у этой бешеной стрельбы было четкое ограничение – арифметического характера. Магазин Макарова вмещал восемь патронов калибра 9х18 мм. И загнать в него еще хотя бы один не представлялось возможным ни практически, ни теоретически.

Правда, у киллера мог быть пистолет и другой системы. Например, как у Андрея Петровича, Стечкин с двадцатью патронами. Или австрийский «Глок» с семнадцатью. Однако ветеран ВДВ прекрасно знал ПМ «по голосу». Это был именно он.

Стоя за поворотом стены и периодически высовывая козырек бейсболки, чтобы раззадорить стрелка, Андрей Петрович досчитал до восьми.

После чего рванул влево. И на бегу метнул нож. Клинок вошел в горло и этого абсолютно несостоятельного киллера.

Швырять нож – это было, конечно, пижонство. Гораздо проще было бы воспользоваться Стечкиным. Он и сам не понял, для чего это сделал, потому что все произошло на автомате, когда центральная нервная система участвует в происходящем, лишь рассылая мышцам импульсы на сокращения с той или иной, необходимой, силой.

Вполне возможно, что он, осознав слабость противника, решил восстановить навыки метания ножа. И это было вполне безопасно. Потому что в случае неудачного броска у него оставалось время пару раз выстрелить из Стечкина, пока киллер будет вставлять полный магазин.

Вполне понятно, что во время поединка ни одна дверь не раскрылась. Поскольку никакого грохота от стрельбы не было. Стреляли – и он, и убитый киллер – из пистолетов с глушителями. Створки лифта, захлопываясь, громче лязгают.

А если и был бы грохот, то гарантированно никто не высунулся бы. Жизнь нынче дорога. Впрочем, как и во все времена. И даже самой никчемной, самой бесполезной жизнью принято дорожить.

Однако могли позвонить из-за закрытых дверей в полицию. Тогда, правда, она была еще милицией. Но не позвонили, поскольку еле уловимая возня в подъезде никого насторожить не могла.

Но вот наутро, когда кто-нибудь пойдет на работу (должен же в этом доме хоть один человек ходить на работу!), обнаружат и позвонят.

И будет расследование.

Андрею Петровичу этого не надо было.

Поэтому он, зайдя в квартиру, позвонил директору.

– Тут у меня в подъезде ваши люди набезобразничали.

– Удивлен, – откликнулся тот после продолжительной паузы. – Наши люди работают культурно. Мы им это внушаем с первых же дней подготовки.

– Хватит демагогии, – прервал его Андрей Петрович. – Думаю, не в ваших интересах, если утром в подъезде найдут два трупа. И начнется расследование. Так что придется убрать их. И прибраться как следует. Я свои гильзы убрал.

– Так вы их того, да? – но это прозвучало предельно фальшиво. А хотел ведь, мерзавец, сымитировать восторг.

– Да, того.

– Я вас сильно недооценивал. За вас можно было бы получить громадную цену на рынке солдат удачи! Может, все переиграем, а?

И тут Андрей Петрович послал его по вполне конкретному адресу.

Наутро, когда он выходил из подъезда, все было чистенько. Никаких следов произошедшей ночью трагедии.

Именно трагедии.

Причем трагедии национальной.

Дети, которые никогда не знали родителей, бросивших их на произвол судьбы, попадают в детский дом.

Попадают в начале девяностых, когда в стране в полном разгаре бандитское десятилетие.

В детском доме разруха и голод, потому что всё, поступающее в дом извне, немедленно и практически полностью разворовывается.

Вместо воспитателей садисты-надсмотрщики. Бесконечные побои и унижения. И не для поддержания порядка, а для удовольствия патологических уродов.

Детская среда в таких условиях – это клетка с крысами, где могут выжить сильнейшие, способные пожирать собратьев.

В общем, ад. В том самом виде ад, как его изображал Питер Брейгель Старший.

И тут появляется некая комиссия, которая производит отбор самых крепких детей. Лет девяти-десяти.

Им объявляют о результатах отбора. И некоторые собираются бежать. Потому что уверены, что их продали на внутренние органы. Потому что в их среде отбор может быть только отрицательным. То есть можно попасть только из одного ада в другой, еще более страшный.

Однако воспитателям-садистам за каждого мальчика положена небольшая денежка. И все попытки побегов жестоко пресекаются.

Но дети оказываются в прекрасных условиях. Они сыты, одеты, обуты. Над ними никто не издевается. Расселяют по два человека в комнате. Горячая вода. Туалет с водой, а не сквозящая зловонным холодом дырка в земле.

В общем, рай. Рай, как писали его в свое время многочисленные Народные художники России, Дагестана, Якутии, Сахалина...

Вскоре детей начинают обучать различным способам убийства.

Дальнейшее развитие сюжета прекрасно известно.

28.

Андрей Петрович решился наконец-то подняться на вышку. Посмотреть, что же там у нее наверху. Поскольку снизу совсем ничего не просматривалось. А бинокля у него не было.

Когда-то, когда он поверхностно осматривал конструкцию, посчитал, что ступеньки из двадцатимиллиметровой арматуры давно проржавели. И попытка взобраться на вышку чревата падением. Хорошо, если ступенька обломится на двухметровой высоте. Хотя, как прекрасно известно из закона бутерброда, вероятность падения возрастает по мере увеличения высоты подъема. Так что совершенно однозначно – всмятку.

Однако эти опасения оказались напрасными. Выяснилось, что ступеньки покрыты довольно толстым и очень прочным синтетическим веществом, похожим на эпоксидную смолу. Так что угроза сорваться и пролететь несколько сотен метров с ускорением свободного падения отпадала.

Хватило бы сил, потому что путь по вертикали куда более тяжел, чем по горизонтали.

Он выбрал абсолютно безветренный солнечный день. Однако было понятно, что наверху ветерок все равно будет, хоть и небольшой. И попрохладнее будет, чем внизу, где тепло поднимается от прогретой солнцем земли. Поэтому снарядился соответствующим образом. Надел осеннюю куртку. Перчатки – чтобы кожу на ладонях не сорвать. Легкие и удобные кроссовки.

В рюкзак из парашютного шелка положил фляжку с чаем, в который вбухал побольше сахара, для восстановления сил. И, на всякий случай, веревку. Вдруг обессилит, и надо будет закрепиться для отдыха.

Ну, и еще какие-то простейшие инструменты положил, сам не понимая, зачем это делает.

Начал подниматься. Максимально осторожно, не оставляя одновременно две ноги на одной ступеньке. Передвигал руками и ногами так, чтобы в каждый момент времени стоять ногами на разных ступеньках и держаться руками также за разные перекладины.

Такой стиль подъема был, конечно, более безопасен. Поскольку в случае отрыва от конструкции одной перекладины поднимающийся мог держаться за три оставшиеся. Не могли же они все сразу посыпаться, как костяшки домино.

Однако такой подъем требовал более значительных усилий. И метров через сто пятьдесят Андрею Петровичу пришлось передохнуть. Для восстановления сил немного отхлебнул из фляжки.

Привал, когда не к чему было привалиться, занял минут десять. За это время он изучал ответвления, которые отходили от вертикальной трубы, шедшей к вершине. Они были из какого-то другого металла, не из титана, из которого построили вышку. Металл был матовый, то есть не блестящий. И темноватый. Было очень похоже на какой-то сплав меди. Ничего удивительного в этом не было, потому что медь – это материал, широко использующийся в радиотехнике. То, что это радиотехнические элементы, подтверждало их крепление на изоляторах. Ответвления не были приварены к трубе.

Отдохнув, он двинулся дальше, ощущая, как ветерок начинает слегка холодить правую щеку. Хорошо еще, что солнце светило в спину, а не било в глаза. В противном случае подъем мог значительно осложниться.

Перекладины были надежными. Однако Андрей Петрович не стал упрощать технику подъема за счет снижения его безопасности. Это было для него одним из главных принципов: любые инструкции по технике безопасности написаны кровью, поэтому нелепо, каким бы ты ловким ни был, как бы высоко не оценивал свои возможности, их не соблюдать. Будь то на стройке, или в бою, или на заводе у станка, или в цирке под куполом.

Черед сто пятьдесят метров пришлось еще раз остановиться для отдыха. Здесь ответвления уже слегка отличались от нижних. Они были чуть короче. И потоньше. Еще одно отличие заключалось в том, что они были пустотелыми, то есть трубками. И ветер в них слегка посвистывал. Совсем слабо, снизу расслышать было невозможно.

Сама вышка к этой своей части «похудела» уже настолько, что Андрей Петрович мог бы дотянуться, находясь в ее центре, до боковых граней, скрепленных из титановых балок. Однако делать он этого не стал, прекрасно понимая, что любые лишние движения на такой высоте могут быть чреваты крайне печальными последствиями.

Последний участок дался ему с трудом. Потому что вышка уже вполне ощутимо покачивалась влево-вправо от ветрового напора.

«Видимо, при сильном ветре тут настоящая болтанка», – подумал Андрей Петрович.

И, наконец, он почти на самом верху.

Осмотрелся. Внизу маленькими квадратиками и прямоугольничками просматривались постройки. Вдаль простирался сплошной зеленый массив с редкими светлыми пятнами полян. Змеилась река. Не голубого, как на картах цвета, а была почти что черной.

Разглядел он и две деревни, совсем крохотные, домов, наверно, на десять-пятнадцать. Неподалеку от одной были какие-то постройки. Тут, видимо, раньше были коровники или еще что-то сельскохозяйственное. Но с упразднением колхозов в них отпала надобность, и они пришли в полную негодность.

В какой из деревень живет Федор? В той, что правее? Или в другой, за излучиной реки?

Наверху был бронированный ящик. И его дверцу также защищал от вскрытия кодовый замок. На передней стенке, в прикрытом толстом стеклом отверстии светился зеленый сигнальный светодиод.

Значит, вышка постоянно работает. Очень похоже, что это какое-то дежурное состояние, при котором аппаратура ожидает откуда-то извне сигнала на запуск.

А может, и не извне. Может, аппаратура вышки, запрятанная в бункер, что-то переваривает в своей утробе, перемалывает громадные массивы информации. И при достижении какого-то порога всё должно врубиться на полную мощность.

Андрей Петрович, не надеясь на успех, а так лишь, посмотреть, что будет, ткнул несколько кнопок кодового замка.

Внезапно в соседнем с зеленым светодиодом отверстии начал мигать красный свет. «Да, эта зараза шуток не понимает и шутников не любит, – подумал Андрей Петрович. – А ведь могла бы и током. Да так, что вниз дохлой вороной полетел бы».

Однако радоваться незлобивому характеру вышки было преждевременно. Вскоре он ощутил легкое покалывание кожи на лице. Сильнее всего реагировали наиболее чувствительные уши.

Покалывание медленно, но верно нарастало.

«А ведь она, зараза, в конце концов скинет, – с грустью подумал ветеран ВДВ. – Глупо погибать от своих».

И немедленно поспешил вниз. Можно сказать, даже побежал, насколько употребимо это слово при перемещении по вертикали.

Покалывание нарастало. Но до болевых ощущений было еще далеко. Хоть они и неминуемо приближались.

«Наверно, боль должна достичь такого уровня, что я уже не смогу ее переносить и брошусь вниз», – подумал Андрей Петрович. Но это была не паники. Это было трезвый анализ ситуации с попыткой нахождения какого-то спасительного решения.

Хоть решение было и без того понятно – как можно скорее спуститься.

Он уже был вынужден рисковать, сменив безопасную технику спуска на самую скоростную.

Где-то посередине пути почувствовал, что электризация воздуха начала уменьшаться. Покалывание стало ослабевать.

И в конце концов совсем прекратилось.

Стало понятно, что вышка хотела его не убить, а всего лишь отпугнуть. Что ей и удалось в полной мере.

Внизу он отдышался.

Что-то прояснилось. Но совсем немного.

Да, вполне возможно, что вышку построили в начале шестидесятых. Для металла это не возраст. До сих пор эксплуатируются стратегические бомбардировщики Ту-95, которые были построены примерно в то же время. А у них нагрузка побольше будет. Да и не из титана они сделаны, а из менее долговечного и прочного алюминия. Есть и просто фантастические долгожители. Андрей Петрович слышал, что на Черноморском флоте до сих пор плавает спасательное судно «Коммунар», которому недавно исполнилось сто лет. А ведь оно постоянно находится в агрессивной морской среде.

Однако с электроникой, которая управляет работой вышки, все было очень непонятно. Когда она создавалась, то все делалось на электронных лампах. А они очень недолговечны, быстро перегорают. Так что не могла электроника дожить до сегодняшнего дня.

Об этом, собственно, говорит и наличие наверху двух светодиодов – зеленого и красного. В шестидесятые годы никаких светодиодов не было. Вместо них использовались миниатюрные электрические лампочки, для индикации, а не для освещения. Так они горели, как спички, только и успевай менять.

Что из этого следует?

А то, что начинку вышки несколько раз меняли, то есть модернизировали. А иначе и быть не могло. Иначе бы вышка через некоторое время стала просто-напросто грудой бесполезного металла.

Вначале лампы заменили на транзисторы. Это произошло в конце шестидесятых годов.

В семидесятые годы вместо транзисторов были применены интегральные микросхемы.

Потом, в девяностые, наступила эпоха микропроцессоров. И теперь, наверняка, они в вышке всем и заправляют.

Правда, в последнее время могло опять произойти обновление аппаратуры. И не только аппаратуры, но и программного обеспечения. Военная техника на месте не стоит.

Эволюция вышки стала более-менее понятна.

Но ее функциональность по-прежнему была покрыта мраком и неизвестностью.

29.

Теперь ему следовало ожидать нападения на улице. С использованием автомобиля, когда из опускающегося бокового стекла высовывается ствол, естественно, автоматный, и начинает поливать свинцом. От этого непросто уберечься.

Еще неприятнее была бы встреча со снайпером, расположившимся где-нибудь на крыше или у раскрытого окна на последнем или предпоследнем этаже. Если снайпер профессиональный, то он уж точно не промахнется.

Однако тут существовал нюанс. Использование снайпера эффективно, если объект ведет относительно регулярный образ жизни. Если ежедневно приезжает на работу. Например, в банк. Или в театр. Хотя вряд ли для устранения актеров пользуются таким трудоемким делом, как стрельба по нему из снайперской винтовки. Актера гораздо проще подпоить в кабаке, а потом проломить голову половинкой кирпича. Дёшево и сердито.

У Андрея Петровича не было мест для обязательного в них появления, ежедневного. Поэтому лежать неделю на исходной позиции, вглядываясь в прицел, никто не станет. Ну, а если станет, то потребует за это фантастической оплаты.

Правда, одна точка все же была. Дом, откуда он ежедневно выходил. И куда возвращался ночевать.

Казалось бы, спастись от пули снайпера можно, появляясь перед дверью подъезда в темное время суток. Тому способствовало отвратительное освещение улицы.

Однако снайпер мог использовать инфракрасный прицел. То есть прибор ночного видения, который отображает контуры исходящего от человека или предмета тепла. И в нем человек виден совершенно замечательно. Видна его комплекция, рост, особенности походки.

Но лица-то не видно. И вполне возможно при таком раскладе застрелить случайного прохожего.

Но на это «но» было еще одно «но» – «контр-но». Андрей Петровича можно идентифицировать по сигналу лежащего в кармане телефона.

Допустим, снайпер напряженно всматривается в окуляр инфракрасного прицела. Появляется человек. Вроде комплекция как у объекта. И так же руками машет при ходьбе. Однако из центра, то есть где у них там находится станция отслеживания местоположения мобильников, никакие сигналы не поступают. Значит, это не клиент.

И в конце концов, когда проходит третий или пятый человек, в наушниках раздается: «Это он!» И тут уж снайпер начинает ласково жать на спусковой крючок. А потом еще раз – для гарантированного исполнения заказа.

Андрей Петрович решил не дергать бешеного пса за хвост. То есть играть по правилам, которые ему навязывались охотниками. Он обзавелся на рынке новым телефоном с левой симкой, оформленной неведомо на кого. А свой аккуратно засунул под сидение в такси, предварительно выключив звонок. Чтобы он круглые сутки колесил по городу, сбивая ищеек со следа. На некоторое время, конечно, сбивая. Этот финт они рано или поздно просекут.

При этом дома недельку, а то и больше появляться было нельзя. Пусть снайпер полежит на крыше до посинения, до полной потери ориентации во времени и в пространстве. А сам он будет ночевать в разных общагах за два доллара за сутки, меняя их через день.

Когда через три дня финт с мобильником был раскушен, охотники начали искать объект по традиционной схеме. То есть прощупывать его наиболее близких знакомых. Знакомых у Андрея Петровича, к которым он мог обратиться с просьбой спрятать его, было совсем немного. За пять дней они управились. Вполне понятно, что снайпер был снят с позиции еще раньше.

Стало понятно, что искать его надо в гостиницах или в общежитиях. В одной из гостиниц у них случилась большая неприятность. Действуя предельно нагло, они начали буквально вышибать информацию о постояльцах у администраторши, не привыкшей к грубому обращению. Ее гипертрофированное чувство собственного достоинства зиждилось на крыше. На очень могучей крыше, в роли которой выступало областное управление ФСБ.

Фээсбешники быстро примчались и начали допрос, что называется, с пристрастием. Кто такие и зачем суете нос, куда вам не положено? И как будете компенсировать моральный ущерб, причиненный уважаемой даме?

Вначале прикидывались сотрудниками строительного магната, известного в прошлом по кличке Бондарщик, который разыскивает пытающуюся наставить ему рога любовницу из местного драматического театра. Однако фээсбешники были профессионалами высокого класса, всю банду Бондарщика знали наперечет, на каждого из них было досье.

Пришлось рассказывать правду. Условную, конечно, правду, относительную. Мол, бывший инструктор клуба одаренных детей взял у дирекции крупный кредит, якобы на вставление восьми имплантантов, и решил сбежать в другой город с деньгами. Сразу сунуться на вокзал он не может, потому что там его поджидают. Вот он и мечется по гостиницам, заметая следы.

Угрозы для благополучия гостиницы они не представляли. Поэтому их отпустили, но с напутствиями. Напутствия ФСБ может давать очень весомые. Ну, и взыскали штраф в пользу оскорбленной администраторши. Поэтому в следующих местах временного поселения граждан они действовали уже более осмотрительно.

Было понятно, что бесконечно бегать от киллеров Андрею Петровичу не удастся. Ну, завалит он еще двоих. Но на их место придут еще двое. А то и больше, чтобы устроить групповую охоту.

Одно ветерану ВДВ было непонятно: почему же директор столь легко разбрасывается деньгами? Ведь за каждого из павших в борьбе за неправедное дело можно было бы получить очень солидные деньги.

Это у них такая выбраковка, что ли?

Парочку он все же завалил.

Было это рядом с общежитием, в котором они его вычислили. И поджидали неподалеку, стоя на трамвайной остановке.

Был поздний августовский вечер. Уже почти стемнело. На улице, по которой Андрей Петрович подходил к общаге, было безлюдно.

Он разглядел их издали. И решил проверить, для чего сбавил шаг. Потом наклонился, якобы завязывая шнурок. В это время мимо прокатил трамвай. Тут ходил только один трамвай, третий номер.

На остановке трамвай остановился и раскрыл двери. Вышли три человека – две женщины и мужчина. Но эти двое в трамвай не сели. Все было ясно, по его душу.

Стечкина он держал в кобуре подмышкой. То есть выхватить можно было мгновенно. Но без глушителя, как говорится, не до жиру, быть бы живу.

У этих двоих позиция была лучше. Один из них, накинув на согнутую руку плащ – действительно, в плаще по такой погоде было жарковато – держал под плащом пистолет.

Начинать надо было раньше них. И с безопасного расстояния, поскольку за пределами полусотни метров попасть из Макарова в человека в высшей степени затруднительно. У Стечкина же боевая дистанция в четыре раза больше.

Поэтому ветеран ВДВ, выхватив из-под подмышки пистолет, выстрелил первым. И это был проверочный выстрел, мимо цели. Если бы вдруг убежали, то это означало бы, что произошла ошибка. Значит, они не киллеры, а просто ждут кого-то, кто должен приехать на этом самом трамвае.

Но они открыли пальбу. Имея призрачные шансы на поражение цели на слишком большом удалении от нее. Стечкин Андрея Петровича поработал с куда большими результатами.

Расстреляв половину обоймы, он уложил обоих.

По-тихому убрать этих двоих, да еще и отмыть асфальт шампунем Mr. Proper не представлялось возможным. Поэтому Андрей Петрович не стал звонить директору. Шум был на всю округу. Да и свидетелей, наверняка, изрядно – многие прильнули к окнам посмотреть на возвращающиеся в городской обиход девяностые годы.

Вполне возможно, что кто-то достаточно, в деталях, разглядел ветерана ВДВ. И во время опознания укажет именно на него. Поэтому возвращаться в эту общагу было никак нельзя.

И он, потыкав пальцами в чистый, незасвеченный коммуникатор, отыскал новое общежитие на другом конце города.

Без проблем устроился на новом месте, заплатив за два дня вперед. Вошел в комнату, для чего пришлось включить свет, что могло потревожить соседей – их было пятеро. Однако никто не среагировал.

Это были вконец вымотавшиеся на работе мужчины средних лет, приехавшие в город на заработки. Кто из депрессивных регионов, где люди, брошенные на произвол судьбы, были вынуждены буквально бороться за жизнь, питаясь подножным кормом. Кто из Белоруссии и Украины,

которым отделение от якобы высасывавшей из них все соки России пошло явно не на пользу. Были и из более отдаленных республик СНГ – таджики, киргизы, узбеки.

Андрей Петрович не вглядывался в лица спящих. Просто за две недели скитаний по общагам он прекрасно изучил этнический состав этих компактных мест проживания с минимальными удобствами. Правда, для некоторых условия были почти шикарными в сравнении с тем, что они имели на далекой родине. И они жили в таком положении и месяцами, и годами, не ропща на судьбу. Главное – была работа, за которую платили. И была возможность отправлять деньги семьям, чтобы не пухли с голоду.

Пухли – это, конечно, преувеличение, гипербола. Однако у них подрастали дети, которых они не видели уже не первый год. Им надо было обеспечивать нормальное питание, им нужна одежда, а также такие по тем меркам излишества, как мобильные телефоны, чтобы не чувствовали свою ущербность на фоне более успешных сверстников.

И они работали, работали, работали по законам дикого капитализма и по десять часов в день, и по двенадцать, и по четырнадцать. Работали, зачастую рискуя жизнью, поскольку работодатель не намерен тратить лишние деньги для обеспечения хотя бы минимальной безопасности труда.

Под дружный храп этих несчастных людей Андрей Петрович обдумывал сложившуюся ситуацию. Обдумывал, прекрасно понимая, что дела неминуемо идут к печальной развязке. В конце концов они его достанут. Не через три дня, так через неделю. Не через неделю, так через месяц. Не через месяц, так через три. Правда, три – это было явно многовато. Напор с их стороны будет постоянно нарастать. А профессионализм киллеров увеличиваться.

Надо было выходить из игры.

Но как?

Здесь, в городе, это было невозможно. Практически невозможно.

Но теоретически просматривался вариант ликвидации директора клуба. Если как следует поднапрячься, то ветеран ВДВ вполне мог справиться с этой задачей.

Однако это был бы самоубийственный вариант. Силы, могущественные силы, которые финансируют и курируют в стране систему школ диких гусей, несомненно, это привело бы в ярость. Они просто взбесились бы. Конечно, кратковременно, поскольку могущественные силы могут сохранять свое могущество, лишь имея холодную голову. И Андрея Петровича просто с землей сравняли бы. Его просто замуровали бы в бетон, из которого эти усталые храпящие мужчины делают фундаменты для домов.

Нет, этот вариант никак не подходил.

Оставалось только одно – валить из города. И чем дальше, тем лучше.

30.

В январе Вальтер стал неспокойным. Нервным, издерганным. На вожака посматривал с недоверием, искоса. Часто рычал во сне.

Было понятно, что он дозрел. Ему нужна была самка.

Андрей Петрович, конечно, предполагал, что когда-нибудь это случится. Иначе и быть не могло. Он вспомнил себя, такого же, как теперешний Вальтер, для которого все мироздание сжалось до размеров влагалища.

И он тоже точно так же метался, когда его изнутри начали разрывать гормоны. Резкие смены настроения. Иллюзии, как правило, беспочвенные. Первые нелепые попытки получить вожделенное.

Первой у него была женщина, опытная, почти увядающая по его семнадцатилетним представлениям. Ей было двадцать восемь. Разница в одиннадцать лет. Почти вечность, как ему вначале казалось. Однако в момент близости эта вечность расплавлялась, ее холод обращался мощным жаром, распалявшим любовников.

Но бесконечно это продолжаться не могло. Она, глядевшая на мир трезво с высоты своих уже тридцати лет, обрела счастье, которого милый Андрюша дать был не в состоянии. Счастье, как его понимают многие женщины, вступающие в брак. Ну, а тогда, почти полвека назад, замужество считали счастьем практически все девушки Советского Союза.

А потом у него была Люся, недолго. И Лена, чуть подольше.

И в конце концов он нашел ту единственную, которая на всю жизнь. Как он тогда считал.

Как показало будущее, считал ошибочно. Однако без иллюзий жизнь невозможна. И Андрей Петрович теперь, когда ему вся эта канитель, можно сказать, по барабану, никого и ни в чем не винит. Так встали в свое время звезды на небе. И нам не дано влиять на их ход.

Вскоре Вальтер исчез. Ясное дело, отправился на поиски счастья. То есть половозрелой волчихи, искать расположение которой необходимо, демонстрируя свои достоинства.

И это было, с одной стороны, честнее, чем у людей. С другой – куда более хлопотно. А то и вовсе опасно для жизни. Потому что расположение необходимо завоевывать в яростных схватках с соперниками. Когда в ход пускаются и клыки, и когти.

И в этих схватках Вальтеру должно быть несладко, совсем несладко. Поскольку он пока не еще успел как следует окрепнуть для этого дела. Не наросла у него еще мускулатура в полном объеме. Да и опыта было совсем мало. Хоть Андрей Петрович и не баловал его. Да, в последнее время он культивировал в нем охотничий инстинкт. И он уже почти самостоятельно обеспечивал себя пищей, выслеживая неподалеку от объекта не слишком крупного зверя и добывая его для пропитания. По этой части он был вполне состоятельным волком.

Однако схлестнуться с «соплеменниками» – это было совсем другим делом.

Был тут и еще один нюанс. Для волков он не мог не быть чужаком. Более того – существом загадочным. Потому что от него пахло человеческим жилищем. И надо было доказать волкам не только зубами и клыками, но и еще каким-то иным образом, что он волк.

Через пять дней он вернулся. Побитый. Израненный. С надорванным правым ухом. В двух местах на разных боках были вырваны изрядные клоки шерсти. Задняя лапа кровоточила, но, к счастью, не сильно.

Пришлось лечить. Хоть это было и непросто. Но волк доверял своему вожаку, и терпел обжигающее прикосновение к ранам смоченной зеленкой ваты.

– Тебе еще рано, – сказал Вальтеру Андрей Петрович. – Время еще не настало. Через год все будет нормально.

Да, к счастью, зверей желание распаляет до невменяемости не постоянно, не как людей. Все совершается в соответствии с природным циклом – один раз в год.

Ну, и Вальтеру, побитому и растерзанному, в общем, было сейчас вовсе не до этого.

Через год он пропал опять. На сей раз Андрей Петрович был уверен, что теперь у него все получится.

Через неделю он пришел. Важный, хоть и исхудавший.

И стал звать вожака за калитку.

Андрей Петрович вышел и увидел, что на почтительном расстоянии стоит волчиха. Получалось, что жена Вальтера.

Стоит и смотрит напряженно, готовая в любой момент кинуться прочь.

Расстояние было изрядным. И трудно было рассмотреть волчиху. То есть красивая ли?

Хотя в этом вопросе он абсолютно ничего не понимал.

– Хорошая, – сказал Андрей Петрович, – очень хорошая, поздравляю.

Слов этих Вальтер не знал. Но ему была понятна интонация, одобрительная.

Жену-то он привел. Но что дальше?

Ведь не станет же она жить на объекте. Несомненно, Вальтеру было непросто убедить ее даже поучаствовать в смотринах. На почтительном расстоянии.

Было понятно и то, что не расстанется он с нею. Слишком дорого она ему досталась.

К тому же, судя по счастливому взгляду Вальтера, – Андрей Петрович уже успел прекрасно изучить волчью мимику – смотрел на жену с обожанием. Нет, он с ней не расстанется ни при каких обстоятельствах.

Хоть и будет испытывать, на первых порах, некоторый дискомфорт от того, что необходимо уйти от вожака.

Был, конечно, еще один вариант, совершенно безумный – уйти вместе с ними в лес... Чувство юмора облегчает выход из всяческих критических обстоятельств.

– Ну, иди, – сказал наконец Андрей Петрович Вальтеру. – Иди и будь с нею счастлив. Я теперь тебе не вожак. Ты для нее вожак. Иди.

Вальтер все прекрасно понял.

И уверенно пошел в лес. Чтобы начать новую жизнь, в которой он пока еще не слишком разбирался.

Подойдя к волчихе, Вальтер обернулся и посмотрел на бывшего вожака прощальным взглядом.

Ветеран ВДВ вернулся к прежней жизни одинокого волка.

31.

Андрей Петрович женился рано. Как это тогда и было принято. Сразу после окончания училища, будучи новоиспеченным лейтенантом. Познакомились на танцах в Доме офицеров, куда рязанские барышни массово приходили в поисках прекрасного принца.

Да, в те времена в роли прекрасных принцев сплошь и рядом выступали молодые офицеры. И тут много элементов складывалось воедино.

Все они были статны и красивы. Особенно в офицерской форме. А в Рязани эти качества проявлялись особенно сильно, поскольку в городе готовили офицеров для воздушно-десантных войск, воинскую элиту.

Были мужественны и надежны. То есть в семье были не сопливыми подкаблучниками, а мужчинами, на которых можно опереться. И это во все времена было залогом семейного счастья, основанного на том, что главные вопросы решает муж. Командир в армии – он и лидер в доме. Стратегия, тактика, маневр, бесстрашие, верность слову – всё это в равной степени применимо и в ратном деле, и в быту.

Офицер, защищая родину, способен защитить жену и детей. К нему можно прислониться, ощущая теплоту и крепость мускулатуры и твердость характера.

Считалось при этом, что женихи, прошедшие в училище всестороннюю физическую подготовку, сильны и по мужской части. То есть в постели способны творить чудеса. Вряд ли это можно было отнести ко всем офицерам-десантникам, но так уж считали и в это верили. Верили и девицы на выданье. Верили и их мамаши, страстно желавшие, чтобы у дочерей жизнь сложилась наилучшим образом, а потому всячески наставлявшие их и предостерегавшие от ошибок, которые сами совершили в далекой молодости.

Немаловажной была и материальная сторона брака с офицером. В те времена армия была в стране на особо привилегированном положении. Тут были и прекрасные зарплаты. И множество льгот и надбавок. Компенсация продовольственного пайка. Доплата за выслугу лет. Надбавки за службу в отдаленных регионах. Само собой – за участие в боевых действиях, хоть это встречалось и нечасто. Но Андрей Петрович захватил несколько локальных войн. Все это было весьма существенно для семейного благополучия.

Правда, был один минус. Существенный и вполне конкретный. Офицеров порой перебрасывали из одного гарнизона в другой. И приходилось заново отстраивать семейный быт.

Был и здоровенный плюс. Как теперь выражаются, виртуальный. Многие барышни, выходившие замуж за молодых лейтенантов, мечтали, что когда-нибудь станут генеральшами. То есть впереди сияла яркая звезда надежды. Впрочем, со временем ее свет становился все более тусклым.

Андрей познакомился с Ирой, так звали его будущую жену, на танцах, приуроченных к майским праздникам. Блондинка, с веселыми кудряшками. Метр шестьдесят пять – метр шестьдесят семь. Руки изящные. Плечи теплые – не от прикосновения, это можно было определить визуально. Грудь, которую надежно скрывала блузка, – под самую шею – была скорее полной. То есть сексапильной. Плюс достаточно широкие бедра. И еще плюс – круглые коленки, тогда было модно коленки открывать. И окинув поверхностным взглядом лицо – в сексе это не самое главное, – он приступил к решительной осаде.

На том основании, что на танцы в Дом офицеров приходили не только для поисков женихов. Разведенки, значительно реже – молодые вдовушки искали тут сексуального партнера. Их в молодых офицерах интересовало прежде всего это дело. Поскольку, пристрастившись к этому самому делу за время скоротечного замужества, они не хотели полностью от него отказываться.

Однако у большинства из них была надежда на то, что сексуальные отношения со временем перерастут в более серьезные. А там, глядишь, дело дойдет и до свадьбы.

При этом иногда избиралась неверная стратегия. Претендентки на секс и последующее замужество всячески скрывали свое первое устремление, представая этакими гордыми недотрогами. Мол, они не падки на это дело. А потому якобы впоследствии будут верными женами. Но в результате не получали ни любовника, ни жениха.

Ира естественно, без каких бы то ни было демонстративных деклараций типа «я девушка честная!», вполне деликатно дала понять Андрею, что он зря рассчитывает на стремительную победу.

Андрей, соответственно, скорректировал манеру общения, отказавшись от лихих шуточек с подмигиванием и сползания правой руки с пояса черной юбки почти на ее середину.

И всмотрелся в ее лицо, обнаружив, что оно миловидно. Более того, оно ему нравится. Большие серые глаза были слегка подведены черным косметическим карандашом. Который надо перед нанесением теней слегка послюнявить. Взгляд открытый. Ну, может быть, с минимальным лукавством, без которого невозможно знакомство молодых разнополых людей. Прямой нос, пропорциональной лицу длины. Чуть приоткрытые губы с легкой светло-розовой подсветкой обнажали два ряда зубов без каких бы то ни было следов вмешательства в их первозданность советских дантистов. На подбородке была трогательная ямочка.

После первого танца Андрей галантно, под ручку, проводил Иру до противоположной стены зала. Можно было предположить, что по причине большого наплыва танцоров по случаю праздника все стулья будут заняты. Однако девушки избегали на них садиться, поскольку надо стоять, в полный рост, не пряча свои достоинства. И стоять поближе к противоположной стенке, где были курсанты и молодые офицеры-преподаватели. То есть была даже толчея, девушки из второго и третьих рядов лезли в первый.

Андрей и Ира сели. И продолжили разговор, начатый во время танца, пропустив следующий. Потом опять танцевали...

О чем говорят молодые люди при первом знакомстве? Как правило, об одном и том же. То есть каждый рассказывает свою историю, не углубляясь во времени дальше старших классов средней школы.

Ира родилась в Рязани. В школе увлекалась Сергеем Есениным, своим великим земляком. Писала стихи. Несколько раз сходила в городскую литературную студию. Но там ей не понравилось. Как она говорила, в студии собралось старичье, с которым было скучно. И писали они какие-то старческие беспомощные стихи, Есениным в них и не пахло.

Но, скорее, разочарование проистекало из того, что студийцы плохо приняли ее творчество, о чем она, естественно, не сказала Андрею. Да и сама себе в этом не признавалась.

Часто ездила в музей Сергея Александровича, в село Константиново. Как говорится, надышаться воздухом поэзии. Вот там, с истинными ценителями русской поэзии, совершившими паломничество в музей Есенина, можно было и общаться, и читать друг другу стихи. Атмосфера там особая.

После школы поступала в пединститут, сейчас он называется Университетом имени Есенина. Разумеется, на филологический факультет. Однако произошла осечка, Ира не добрала баллов на вступительных экзаменах.

Проработала год в строительной конторе, под крылышком у мамы, которая была бухгалтером. И опять подала документы в пединститут. И опять ей не хватило баллов. Если с сочинением и с экзаменом по литературе, то есть с профилирующими дисциплинами, у нее было все нормально, то английский и особенно история Ире давались сложнее. А на истории ей даже хотели поставить двойку, поскольку перепутала шестнадцатый и восемнадцатый пленумы ЦК КПСС и перечислила лишь малую часть главных итогов индустриализации страны.

Пришлось потерять еще один год. Но это было не страшно, поскольку девушек в армию не забирали. А под крылышком у мамы в строительной конторе было вполне комфортно. Работой ее не перегружали. Можно было при попустительстве вышестоящего начальства не только бегать занимать очередь за итальянскими сапогами или каким-то иным дефицитом, но и порой сходить в кино. Разумеется, не на каждый проходной фильм, а исключительно на шедевры. На «Мужчину и женщину», на «Королеву Шантеклера», на «Шербургские зонтики», на «А зори здесь тихие», на «Двое в городе», на «На романс о влюбленных», на «Рабу любви», на «Городской романс», на «Подсолнухи», на «Ночи Кабирии»...

На следующий год она наконец-то поступила. Но не в пединститут, а в библиотечный техникум. Собственно, разница была не столь и велика. Как в позитивных моментах, так и в негативных. Здесь она тоже была рядышком с любимой литературой. И это было хорошо. Но при этом после получения образования попадала в сугубо женский коллектив. А это, разумеется, было плохо, поскольку не было возможности встретить на работе суженого-ряженого.

Правда, со временем любовь и к литературе, и, в частности, к поэзии стала сходить на нет. Вдохновение все реже и реже посещало ее. И вскоре она совсем перестала писать стихи.

К моменту встречи с Андреем она уже год проработала в библиотеке. Работой была довольна. Вот с коллективом не слишком повезло. В нем не отыскалось для нее подружки, то есть незамужней сверстницы, с которой можно было бы поболтать о девичьем и посекретничать о заветном. Увы, возрастной диапазон коллег начинался от тридцати пяти и заканчивался пятьюдесятью четырьмя. Самая старшая была директоршей. Все были обременены семьями и воспитывали детей. А директорша так даже держала у себя на столе фотографии внука и внучки.

Так что научить Ирину жизни, подсказать ей что-то по части взаимоотношения с молодыми людьми было некому. Правда, некоторые пытались. Но следовать их советам было бы полным безумием, потому что они не были счастливы, хоть и уверяли всех в обратном. Ира же твердо знала, что они были несчастны. Нет, у нее все будет совсем по-другому.

Но все-таки советчики у нее были. Книги. И русская классическая литература. И зарубежная. И современная, как отечественная, так и зарубежная.

Ну, и последний штрих – касательно сексуального опыта. Никакого сексуального опыта у нее не было. Это в те времена было сплошь и рядом. А может быть, даже и в порядке вещей.

– А почитайте, что-нибудь, из своего, – попросил Андрей, когда провожал Иру после танцев домой.

– Ой, да ничего интересного, – сказала Ира. – Стихи как стихи.

– Но это же ваши стихи. Вот вы мне о себе рассказывали. Но стихи могут больше рассказать о человеке.

Она отнекивалась вовсе не потому, что считала свои стихи плохими. Нет. Просто, женское чутье подсказывало ей, что сейчас, в первый же вечер, этого делать не стоит. Потому что все стихи

у нее были о любви. Лучше приберечь их на потом, когда она лучше узнает Андрея. Когда их отношения станут более крепкими. Ну, или, иными словами, когда проснется любовь.

– Нет, давайте я лучше Есенина почитаю. Кстати, а вы побывали уже в музее?

– В каком? – не понял Андрей.

– Ну, как же, в Константинове, там музей Сергея Александровича.

– Нет, – честно признался Андрей.

– Все, решено, – улыбнулась Ирина. – В следующий ваш выходной...

– Увольнение, – поправил ее курсант.

– Да, в увольнение туда и съездим.

Это был прекрасный ход – естественно, не напрягаясь, не выдумывая какой-нибудь нелепый повод, застолбить следующее свидание.

И Ирина прочитала с чувством, навыки декламации она успела наработать, выступая на Есенинских фестивалях:

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь – стезя
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык, –
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклися,
Кем я жил – забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

Подошли к дому. Это была типовая блочная пятиэтажка, которых в шестидесятые годы понаставили по всей стране огромное количество. И это было величайшее благо – людей массово переселяли из коммуналок в однокомнатные квартиры.

– Вот здесь я и живу. Квартира восемнадцать.

И посмотрела на Андрея вопросительно.

Тот неправильно понял. И потянулся к девушке губами.

Ирина рассмеялась и приложила к губам Андрея указательный палец. Что означало «стоп-машина».

– Ничего не хотите спросить? – улыбаясь.

– Ах, да! – хлопнул себя ладонью по лбу Андрей. – Телефончик!

И она продиктовала шестизначный телефон библиотеки. Мобильников тогда не существовало. Да и дома телефоны, у которых надо было вращать диск указательным пальцем для набора номера, были далеко не у всех. Коммуникации были непростыми. Однако люди справлялись. Встречались в назначенном месте в назначенное время. Бродили по парку. Шли под венец. В смысле в ЗАГС. Жили. Рожали детей. Дожидались внуков. Умирали. Все главное совершалось примерно так же, как и сейчас.

Ирина ловко чмокнула Андрею в щеку, так быстро, что он ничего не понял. Рассмеялась и побежала к подъезду, звонко цокая каблучками туфель-лодочек об асфальт.

«Хорошая», – подумал Андрей.

Ну, или – «милая».

А может быть, – «клёвая» или «зашибись».

В точности он сейчас ту мысль не помнил.

Они действительно съездили в следующий раз в Константиново.

Потом было много чего – прогулки в парке, кино – здесь они уже целовались не по-детски, драмтеатр, в лодке на пруду... Заходил к ней в библиотеку, где пробудил в некоторых коллегах Ирины зависть.

А стихи свои Андрею она действительно читала.

Они ему, разумеется, понравились.

И, наконец, была свадьба, на которую приехали родители.

Вскоре Андрей окончил училище. Ирина уволилась из библиотеки. Попрощалась с родителями. Мама всплакнула. Отец на проводах особых эмоций не проявил. Молодые отправились в гарнизон.

32.

Все-таки телевизор был не совсем бесполезен. Порой Андрею Петровичу удавалось ухватить какой-то целостный кусок информационной программы. Так что кое-что из происходящего в стране и в мире он знал.

Российский президент укреплял страну, уделяя особое внимание созданию нового вооружения, которое было гораздо эффективнее, чем старое, созданное советскими конструкторами.

Русские и китайцы стали опять братьями навек. Как уже однажды было до конфликта на острове Даманский.

В Крыму торжествовали в связи с отсоединением от Украины.

Украина рвалась в Европу в вышиванках и с хоругвями ОУН-УПА, но безрезультатно.

Канцлер Германии радушно распахнула двери страны эмигрантам из мусульманских стран.

Эмигранты ощущали недостаток радушия и добирали недоданное собственными руками.

Немцы роптали.

Французы роптали более аргументировано, поскольку их начали резать.

В секторе Газа все было как всегда.

Шведы уже десять лет искали в прибрежных водах русскую подводную лодку.

Японцы сделали робота, который с блеском играл в театре кабуки.

В одной из стран Латинской Америки католическая церковь канонизировала Троцкого.

У лидера Северной Кореи родился сын, которого торжественно зарегистрировали в качестве следующего лидера в мавзолее его прадеда Ким Ир Сена.

Британские ученые установили, что рождаемость прямо пропорционально зависит от количества выпиваемого кофе.

Новоиспеченный американский президент наседал на Россию, словно медведь, пытаясь задавить страну санкциями.

Россия не сдавалась и укрепляла армию, грозя ответными санкциями.

Раньше, когда Андрей Петрович служил, такое не могло привидеться и в кошмарном сне. Штаты ходили по струнке. Порыкивали, конечно, но лишь один вид мощного русского штыка немедленно приводил их в чувство. Стоило какому-нибудь ржавому корыту под матрасным флагом с полусотней самолетов на нем продвинуться хотя бы на милю дальше, чем ему было позволено, как тут же вода вспенивалась винтами советских линкоров. Под водой мелькали смутные тени пары-тройки атомных подводных лодок, обнаживших острые зубы торпед с ядерными боеголовками. По небу на бреющем полете, чуть ли не задевая мачты, проносились истребители-бомбардировщики.

Ну, а советских голубых беретов, как черт ладана, боялись и американские, и английские, и французские спецназовцы. Это только в голливудских фильмах они изображены какими-то кудесниками, сверхлюдьми, способными в одиночку останавливать прорыв танковой бригады. Посмотрел он в Мозамбике на хваленых британских коммандос из SAS. Так те только увидали хмурых русских парней, тут же отстреляли по одному рожку, для отчета, и кинулись улепетывать от верной смерти.

До каких таких санкций мог додуматься Картер? Или Рейган? Или Буш? Правда, к Бушу Андрей Петрович относился с уважением – тот во время войны, и не шакальей Вьетнамской, а Второй мировой, был десантником в военно-воздушных частях. С этим бы Андрей Петрович мог договориться за столом переговоров. У Брежнева не особо получалось.

Какие-то отрывочные сведения долетали из Сирии. Война только началась, но наши дикторы как-то подозрительно бодро, взахлеб, рассказывали, сколько и чего разбомбили. Если им верить, то скоро всю Сирию сравняют с лицом земли. Но потерь, похоже, не было. Дай-то бог!

Андрей Петрович вспомнил вертолетчика, Петра, капитана. Видать, он там уже вовсю воюет на своем Ка-52. Молодой еще совсем, необстрелянный. Хотя воюют-то как раз молодые.

А старые войны придумывают. Целей тут много. Обкатать новое оружие. Обучить молодых боевым навыкам в условиях противостояния реальному, а не условному противнику. Получить еще одну здоровенную звезду на генеральские погоны. Вынудить какую-либо страну пойти на уступки в политических или экономических переговорах. Спасти от свержения «нашего сукиного сына» или посадить его в президентское кресло вместо «не нашего сукиного сына». Установить контроль над стратегически важным регионом, в котором можно с громадной эффективностью развивать национальный бизнес... Целей множество. И практически ни одна из них не совпадает с интересами молодых, которые воюют и гинут на войне.

Этот строй мыслей неизбежно выводил ветерана ВДВ на размышления о вышке. На попытки понять ее тайну. Какая роль ей отводится в будущей войне, по сравнению с которой все прежние войны будут казаться мордобоем в пивной?

Информации было мало. Совсем мало. В основном схоластические размышления. А к Сергею обращаться с вопросами было бессмысленно. Он уже как минимум один раз соврал, сказав, что эта штука давно нерабочая. И давно уже никого не интересует. И буквально тут же нагрянули ремонтники, которые запустили вышку в тестовом режиме. Да так, что чуть уши не поджарились.

Короче, Андрей Петрович мог выдвигать лишь версии, проверить которые не представлялось возможным. Версии могли быть завиральными, что-нибудь из разряда даже не научной фантастики, а фэнтези, где не принимаются в расчет физические законы. Но могли быть и реальными, выстроенными на базе строгой логики. О физике Андрей Петрович имел представление в долж-

ной мере. Вот с математикой было похуже. К настоящему моменту он ее изрядно подзабыл, что дало о себе знать, когда он пытался решать уравнения из привезенного Федором задачника.

Если исходить из того, что вышка – это элемент очень серьезного оружия, то, значит, надо искать концы в ракетных войсках стратегического назначения – РВСН.

Структура там такая. Приказ о запуске ракет с ядерными боеголовками, массированном или же ограниченном, поступает от верховного главнокомандующего, то есть от его чемоданчика, на центральный командный пункт. Оттуда рассылается на командные пункты дивизий РВСН. И далее распараллеливается на конкретные пусковые установки.

Спутники связи считаются ненадежными средствами для передачи столь важной информации. Потому что при подготовке сверхдержав к обмену ядерными ударами будет приведено в действие противоспутниковое оружие, оно есть и у нас, и у американцев. То есть все будет передаваться по кабелю. А уж этого самого военного кабеля в России уложено столько, что если его вытянуть в линию, то он достанет до Луны и вернется обратно. Это самый надежный канал. Радиосвязь, элементом которой является вышка, менее надежна. Поэтому она тут сбоку-припеку. То есть версия несостоятельная.

Собственно, тут есть еще одно несоответствие. Вышку почему-то обслуживает ВМФ. А должна бы какая-нибудь воинская часть, военнослужащие которой имеют в петлицах щит со скрещенными ракетами. Ну, или же связисты.

Была и еще одна неувязка. Если бы вышка все-таки принимала участие в передаче сигнала о пуске стратегических ракет, то она была бы в относительной близости – километров за сто – либо от командного пункта дивизии РВСН, либо от пусковых установок, шахт или же мобильных ракет, перемещающихся на колесных шасси. Потому что расстояние передачи радиосигнала в ультракоротковолновом диапазоне невелико. Но ничего этого поблизости нет и в помине. Это Андрей Петрович знал наверняка, отдав долгие годы армии.

Но, может быть, вышка играет какую-то экстренную роль? – продолжал думать Андрей Петрович, высаживая одну сигарету за другой.

А что тут может быть более экстренного, чем передача команды на уничтожение всего живого на планете? То есть когда часть живого уже уничтожена, а другую уничтожить «обычным» способом не получается. Тут-то и необходим экстренный режим при взаимном обмене ядерными ударами между Восточным и Западным полушариями.

Надо сказать, что это довольно близко к физиологии человека. То есть правое и левое полушария головного мозга, обмениваясь сокрушительными разрядами импульсов, генерируемых нейронами, уничтожают друг друга. Что приводит к смерти человека. Тут и созвучие есть подходящее, подчеркивающее родственность процессов. Нейтроны в бомбе вызывают цепную реакцию. Нейроны в мозге, в двух его половинках, в случае некоего психического катаклизма также сеют смерть. Тут и еще одна параллель – две половины мозга как две половины уранового заряда, при соединении которых достигается критическая масса вещества и начинается цепная реакция.

Все это Андрей Петрович прокрутил в голове. И остался доволен тем, что физику ядерных процессов помнит неплохо.

И тут его осенило. Использование вышки в экстренной ситуации – это «Мертвая рука». Да, он помнил, как в семидесятые годы на теоретических занятиях по оружию массового поражения подполковник из спецотдела рассказывал им об этой системе. «Мертвая рука» – это было неофициальное название. Как, например, в армии Ми-24 называют «крокодилом», а стратегический бомбардировщик Ту-160 – «белым лебедем».

Как же называлась эта самая «рука», вспоминал Андрей Петрович. «Перекоп»? «Перевал»? «Перегон»?.. Точно – «Периметр»!

Он должен был срабатывать в случае, когда противник уничтожил превентивным ядерным ударом все командные пункты и коммуникации между ними и пусковыми установками. Наши от-

ветили – какие-то ракеты уже ушли на Америку. Но не все. И нет возможности ее добить, потому что тут уже Сахара, в которой горит даже песок.

И как же это должно срабатывать? – мучительно вспоминал Андрей Петрович. И кто выдает сигнал на запуск «Мертвой руки», если все командование мертво к чертовой бабушке?

Записывать в тетрадочку эту информацию, совсекретную, на занятиях было нельзя. Если бы записал, то было бы больше шансов все как следует вспомнить. Потому что записанное лучше откладывается в памяти, чем услышанное.

Он смутно припоминал, что должны запускаться какие-то сигнальные ракеты. И что по их команде производились пуски сохранившихся ракет с ядерными боеголовками, направленными на определенные цели в США.

Все это прорисовывалось как-то нечетко. У Андрея Петровича оставалось множество вопросов, на которые он не мог ответить из-за ограниченности информации. Поэтому было абсолютно непонятно, как сюда можно присобачить вышку. И можно ли?

На его счастье через день наведался Федор. Попили спирта, настоянного на рябине, прихваченной первым морозом. Закусили с аппетитом. Причем закусывал с аппетитом и лесник, несмотря на то, что у него начал барахлить нижний протез. Он все сокрушался – вот, мол, надо ехать в город к протезисту ремонтировать челюсть.

Перед расставанием Андрей Петрович попросил лесника подсобрать в интернете информацию о «Периметре», он же «Мертвая рука», отпечатать на принтере и подвезти на точку, особо не затягивая.

Тот поинтересовался – зачем? И к чему такая спешка?

И тут Андрею Петровичу пришлось соврать. Точнее – не раскрывать все свои карты. Поскольку если окажется, что он мыслит в верном направлении, то получится, что ветеран ВДВ разболтал секретную информацию. А он, прослужив долгие годы в армии, где от информации сплошь и рядом зависят жизни людей, относился к этому делу предельно серьезно.

Леснику он сказал, что ему удалось по телевизору услышать небольшой кусок передачи про «Мертвую руку». Вначале думал, что это какие-то фантазии. Что-нибудь из рассказов Конан Дойля или Эдгара По. Потом понял, что про реальное оружие. Причем когда-то ветерану ВДВ про него рассказывали в армии на спецподготовке. Вот и решил освежить в памяти.

Федор приехал через неделю. С отремонтированным протезом. По этому случаю пришлось опять выпивать. Хоть Андрею Петровичу и не терпелось поскорее погрузиться в изучение привезенных лесником листочков. Однако законы гостеприимства нарушать было нельзя. И ветеран ВДВ, подкладывая в миску новых грибков, делал вид, что слушает собеседника с неподдельным интересом.

– Да, кстати, – сказал Федор, – три дня назад видел твоего Вальтера.

– Ничего не путаешь?

– Да он был, точно. Ухо надорвано.

– Какое?

– Правое.

– Точно!

– Ну и вообще, морду-то я запомнил, когда у тебя гостевал. Но заматерел с тех пор – волчара, каких тут поискать!

– И как он, что? – возбудился Андрей Петрович.

– Волчиха при нем. И трое спиногрызов.

Андрей Петрович чуть было не ляпнул: «На него похожи?»

– Вначале, когда не успел разглядеть, – продолжил лесник, – дай, думаю, завалю. Избавлю лес от одного из его санитаров. А как пригляделся, думаю, что и меня за это дело завалит головорез в тельняшке, – рассмеялся Федор.

– Ну, а дальше-то что? Что дальше?

– А что дальше? Зубы оскалил и шустро так со своими в ближайшие кусты. Только его и видели. Привета тебе не передавал.

Это отвлекло Андрея Петровича от мыслей о «Мертвой руке». Он начал вспоминать, и как завоевывал авторитет Вальтера, и как защищал его от расправы волков, и как они вместе жили тут, как говорится, душа в душу... Точнее, по законам стаи. Вспомнил и про первый неудачный брачный опыт Вальтера. И про смотрины невесты, завершившиеся прощанием навсегда... Нет, выходит, что не навсегда.

Мысль о том, что у Вальтера все идет нормально, согревала Андрея Петровича дополнительно к сугреву от рябиновки.

Наконец-то Федор похлопал по бокам свой квадроцикл, как он это делал по привычке с тех пор, когда из средств передвижения в здешних краях использовались лишь лошади. Сел в седло. Завел свою одноцилиндровую конягу. Выжал сцепление. И погнал вонять в лесу бензином.

33.

Новоиспеченного лейтенанта ВДВ направили в Белоруссию, в небольшой районный городок, который лишь по скромным белорусским меркам и можно было называть городком. Скорее, это было село средних размеров с населением в полторы тысячи человек.

Куда Андрей и прибыл с молодой женой и с двумя чемоданами так называемого домашнего скарба, более половины которого составляли наряды Ирины. Если бы сейчас выставить все эти вещи на всеобщее обозрение, то люди глупые тыкали бы в них пальцем и гоготали. Люди же умные молча и незаметно для окружающих вздыхали бы.

В свое время в роли глупого человека выступил французский певец Ив Монтан, очаровавший своим неподражаемым голосом и благородной внешностью советских граждан, прежде всего, конечно же, женщин, во время гастролей по Советскому Союзу. К сожалению, благородство было лишь внешним. На его душевные качества оно не распространялось.

Во время гастролей французский певец в большом количестве закупал в московских универмагах женское нижнее белье. А, вернувшись на родину, устроил в Париже выставку всего этого. Разумеется, она имела громадный успех у тех парижан, которые склонны тыкать пальцем и гоготать. Люди противоположного душевного склада обходили выставку стороной и тихо вздыхали. Но в адрес не экспозиции, а своего соотечественника.

Таков был сотканный из противоречий французский певец Ив Монтан, царствиеемунебесное.

Для них началась новая жизнь. Скорее, конечно, для Ирины, а не для Андрея, поскольку он переместился из одной армейской среды в другую.

Разумеется, квартиру им не дали. Молодые холостые офицеры жили в гостинице, которая оплачивалась на очень льготных условиях. Андрею, человеку женатому, дали комнату в семейном общежитии, представлявшем собой жилище коридорного типа с общей кухней и общим санузлом.

Для него это было, конечно же, гораздо лучше, чем казарма. Ну, а молодая жена, естественно, сравнивала общежитие не с казармой, а с отдельной квартирой, в которой жила еще совсем недавно.

Однако все это были такие мелочи, пусть порой и нервировавшие, в сравнении с тем, что для них, искренне любящих друг друга людей, людей молодых, отрывается новая прекрасная жизнь.

Проблема с работой для Ирины неожиданно разрешилась самым наилучшим образом. Хоть в гарнизонной библиотеке штат и был полностью укомплектован, но ее взяли на полставки. Андрей получал вполне достаточно для нормальной жизни двух любящих друг друга людей, поскольку к шикарной, по советским меркам, жизни они приучены не были. Да и негде было пошиковать в белорусском захолустье? А полставки – сорок пять рублей – это было вполне нормально. Главное, что Ирина была при деле.

Правда, кто бы ей позволил быть не при деле? В Советском Союзе суды довольно энергично использовали при вынесении приговоров закон о тунеядстве. Поэтому все работающие люди были на воле и дышали полной грудью. А кто работать не хотел, тот отправлялся в тюрьму. Точнее в исправительно-трудовую колонию, где все равно приходилось работать. Причем работать в гораздо худших условиях и за гораздо меньшие деньги, чем это делали люди, работавшие на воле добровольно. В общем, партией и правительством этот вопрос был прекрасно продуман.

Андрей допоздна пропадал в части. Натаскивал молодых бойцов в своем взводе, которых он принял, так сказать, полуфабрикатными. Ну, плюс еще политзанятия, участия в смотрах, к которым надо было особо готовиться, и прочая армейская повседневность, вписанная в уставы, должностные инструкции и постоянно освежаемая разнообразными приказами министра обороны, каковым в те годы был Дмитрий Федорович Устинов, маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда, кавалер одиннадцати орденов Ленина.

В библиотеке время текло совсем по иному – плавно, неторопливо. А порой оно и вовсе засыпало. И часика через полтора время вздрагивало, изумленно открывало глаза – а? что? где я?

Директором была Нина Артемьевна, жена майора Ковалева. Женщина сорока пяти лет, рассудительная, немного полноватая, но в пределах своей возрастной категории, и добрая к подчиненным. Собственно, как не быть доброй, когда в библиотеке был установлен добрый семейный обычай. То есть никто никому не завидовал в отличие от Рязани, поскольку все были при мужьях.

Нина Артемьевна, можно сказать, сидела на чемоданах. Потому что муж ожидал вызова в Академию имени Фрунзе для обучения с целью дальнейшего продвижения по служебной лестнице.

И Нину Артемьевну должна была заменить на посту директора Елена Семеновна, жена капитана Айвазяна. Было ей тридцать шесть. Была она кареглазой красавицей, хохотуньей и мастерицей по части домашних пирогов.

Соответственно, после утверждения Елены Семеновны на посту директора Ирина должна была переместиться на ее место. То есть начать работать на полную ставку.

А там, глядишь, приедет в полк какой-нибудь необстрелянный лейтенант с молодой женой. Айвазян, ставший майором, уедет на учебу в Москву со своей женой-красавицей, которая к тому времени немного пополнеет, но опять же в пределах своей возрастной категории. Молодая жена неизвестного лейтенанта, который будет уже слегка обстрелянным, получит полную ставку, а Ирина, к тому времени уже Ирина Анатольевна, станет директором библиотеки.

А там, глядишь, в полк приедет какой-нибудь необстрелянный лейтенант с молодой женой... Такой вот социальный лифт, казалось бы, запрограммированный на долгие годы, на десятилетия, на века.

На первых порах был большой наплыв посетителей. Офицеры под предлогом «что-нибудь стоящее почитать» приходили посмотреть на молодую жену взводного Климова. И просто так посмотреть. И пофлиртовать, но скорее для того, чтобы покрасоваться – самцы ведь в значительной степени распушают хвосты для самоутверждения, вот, мол, какой я молодец, какой ухарь! Ну, и чтобы не растерять навыки галантного обращения с женщинами.

Но были и такие, кто приходил, чтобы добиться результата. Эти были чистыми безумцами. И их было совсем немного. Буквально считанные единицы. Они вызывали у Ирины чувство омерзения.

И ведь происходило это отнюдь не от чувства, так сказать, голода. В городке офицеры пользовались у девушек, разведенок и молодых вдовушек большой популярностью. Как и в Рязани. Как и в других городах громадного Советского Союза, где располагались учебные военные заведения и размещались воинские части.

Эта популярность у женского пола распространялась не только на десантников, но и на танкистов, и на мотострелков, и на связистов, и на моряков, и на пограничников, и на воинов химической защиты, и на ракетчиков, и даже на геодезистов.

При этом существовала определенная иерархия. Если, скажем, выпускнице вуза предоставлялось право выбора, в какой город ехать по распределению, то с большой долей вероятности можно было ожидать, что она выберет Тамбов, где молодых парней учили на пилотов сверхзвуковых истребителей, а не Изборск, где в больших количествах служат воины-железнодорожники.

Все шло самым наилучшим образом. То есть семья, неразрывное целое, была счастлива. Что же касается каких-то бытовых мелочей, каких-то шероховатостей, не более того, то на них просто не обращали внимания.

В свободное время, хоть у молодого лейтенанта его было не слишком много, ходили в кино. Ездили на руины замка, которые сохранились с седых времен Речи Посполитой. Купались в озере. Наслаждались природой, которая в этой части Белоруссии была просто первозданной. Осенью выбирались в лес за грибами. Зимой подолгу ходили на лыжах, и Андрей оттирал Ирине замерзший нос и грел поцелуями щеки. А весной просто слушали оглашенное пение радующихся жизни птиц и лягушачьи хоры, возвещающие о свадебных радостях.

А потом он уехал на первую свою войну.

Его могли убить.

Она места себе не находила. Каждый день бегала в штаб – как они там? Все ли живы? Никто не ранен? Да, есть?! Но это не он?!

Он вернулся. Без единой царапины.

Но она уже по-новому смотрела на жизнь. На их будущую жизнь. И прочь гнала мысли о том, что может стать вдовой.

Потом была вторая война. И у них уже была дочка. Полуторагодовалая.

И не только Ирина могла стать вдовой, но и дочка – сиротой.

И это было еще страшнее.

Андрея не винила. Служба.

Подсознательно начинала винить себя, сама себе в этом боясь признаться.

Сама выбрала такую судьбу. Такое вполне вероятное будущее. Будущее своей дочери.

А потом был Афганистан. И это был сущий ад. Потому что оттуда начали приходить цинковые гробы.

Ирина вконец извелась. И это сказывалось на дочери, которая не могла понять, почему мама кричит на нее совершенно беспричинно. Почему плачет, а потом начинает осыпать поцелуями и ласками, столь бурными, что девочку это пугало.

Безмозглые идиотки, у которых мужей на войну не посылали, завидовали. Из Афгана присылают японские видеомагнитофоны, прочую технику, настоящие американские джинсы, другие шмотки, которые тут никому и не снились. Часть зарплаты начисляют в чеках, по которым можно отовариваться в валютных магазинах. И, вообще, за год можно на машину заработать. Ну, а риск, так это потому что профессия такая. Мы бы тоже по-человечески зажили, да только наших увальней не посылают...

Готова была расцарапать лица этим сукам. Но сдерживала себя, отворачивалась и молча уходила.

И ждала.

Ждала, сцепив зубы.

Но сколько человек может ждать, находясь на грани нервного срыва, если он не из прочной стали, которая идет на изготовление стволов для гаубиц?

Было это уже не в Белоруссии, а в России, куда Андрея Петровича перевели в восьмидесятом году.

Директором библиотеки Ирина Анатольевна так и не стала.
Как не стал генералом Андрей Петрович.

34.

Наконец-то руки дошли до листочков, которые привез лесник. Про систему «Периметр», которую на Западе прозвали «Мертвой рукой».

Андрей Петрович погрузился в чтение, сопоставляя теперешнюю общедоступную информацию с тем, что когда-то услышал на секретных занятиях по специальной подготовке.

Первое, на что он обратил внимание – это явное временное несоответствие. Лесник рассказывал, что вышку он помнит с незапамятных времен. А они у него начались с середины семидесятых годов, когда он приехал в свою деревню. В то же время один из разработчиков «Периметра», Владимир Ярынич, утверждал, что проектирование системы началось в 1974 году. А была она принята на вооружение в 1986 году. Вполне понятно, что этой информацией оголодавший инженер делился налево и направо где-то в начале девяностых, надеясь таким образом заработать денег на пропитание, а может быть, и получить американскую гринкарту. Что ему в конце концов и удалось в полной мере.

Принцип действия «Мертвой руки» исключал какое бы то ни было участие человека. Предполагалось, что в случае трагического для Советского Союза развития сюжета ядерного противостояния с США превентивный удар американцев может уничтожить все политическое, административное и военное руководство страны. При этом будут разрушены и все командные пункты, которые могут подавать закодированные сигналы на запуск межконтинентальных баллистических ракет с термоядерными боеголовками.

В это время должна будет пробудиться «Мертвая рука», находившаяся в спящем режиме. В качестве «будильника» выступает множество разбросанных по территории страны датчиков, фиксирующих мощные колебания земной коры, возникающие после взрывов американских боеголовок огромной мощности, резкое повышение радиоактивного фона и атмосферного давления. Информация от этой сети датчиков поступает в некий компьютер, обладающий зачатками искусственного интеллекта.

В случае, если компьютер обнаружит неопровержимые свидетельства того, что страна подверглась ядерному нападению, он должен активизировать механизм ответного удара. Для противника, который в это время считает, что дело сделано, что на территории, равной по площади одной шестой части земной суши, каковым был Советский Союз, нет ни одного живого человека, это было бы большой неожиданностью. Действительно, ни одного живого нет, но красную кнопку нажимает не живая, а мертвая рука.

По команде от компьютера в небо взлетает баллистическая ракета, которая пересекает всю территорию страны с запада на восток. То есть в обратном направлении. Но при этом она вооружена не кассетой ядерных боеголовок, а радиотехнической аппаратурой. Сигналы, распространяемые этой аппаратурой, запускают маршевые двигатели межконтинентальных баллистических ракет, и они устремляются в Западное полушарие, в США. Чтобы превратить и эту страну в радиоактивную пустыню, в которой также не осталось бы ни одного живого человека.

Понятно, что «ни одного живого человека» – это гипербола, преувеличение. Правильнее будет сказать, что оставшиеся в живых люди будут деморализованы, подавлены, многие сойдут с ума, даже если они и не будут ранены и не будут ощущать в первые часы полученную смертельную дозу радиации. То есть они будут неспособны к каким-либо осмысленным совместным действиям, к каковым относится нанесение противнику удара возмездия.

И дальше в интернетовской информации перечислялись ракеты, которые полетят на Америку по приказу «Мертвой руки».

«Воевода» шахтного базирования, которую в НАТО по причине ужаса от ее мощи прозвали «Сатаной».

«Тополь-М», хаотично перемещающиеся ракеты на колесных шасси по району патрулирования с целью сокрытия своего местоположения в каждый конкретный момент времени.

«Ярс», также мобильная ракета. Но она оснащена несколькими, до десяти, боеголовками, каждая из которых имеет свою конкретную цель, на которую и ориентируется при помощи многозвенной системы управления полетом.

«Рубеж» – дальнейшее развитие «Ярса», в котором доведена до совершенства способность преодолевать противоракетную оборону противника.

«Молодец» – ракета, которая скрытно перемещается в стандартном железнодорожном вагоне по железнодорожной сети страны и в час Ч стартует в направлении Нового света, чтобы навсегда погасить там свет.

Потом шла воздушная составляющая ядерной триады. Находящиеся в воздухе стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Ту-160 по сигналу от «Мертвой руки» запускают сверхдальние крылатые ракеты с ядерной боеголовкой Х-55СМ и Х-102.

Замыкала список морская составляющая, которую представляли базирующиеся на атомных подводных стратегических ракетоносцах ракеты «Синева» и «Булава».

Кстати, ветеран ВДВ обратил внимание на то, что в момент, когда создавалась система «Периметр», некоторых ракет не было и в помине. Например, «Булавы», которую сделали для установки на совсем новых атомных лодках «Борей».

Что же, подумал Андрей Петрович, «Мертвая рука» и сейчас, что ли, работает? То есть опрашивает датчики, ждет, когда надо будет запускать сигнальную ракету...

Действительно, в 2009 году в статье американского журнала Wired со ссылкой на компетентные источники говорилось о том, что «Мертвая рука» функционирует до сих пор. И ждет момента, когда на беззащитных американцев русским можно будет обрушить всю мощь своего ядерного оружия.

Ну, тут было всё понятно, поскольку Wired – это, видимо, бульварная пресса. Таким образом издатели хотят пощекотать американцам нервы и увеличить количество подписчиков. Как говорится, бизнес, ничего личного.

Однако Федор оказался молодцом. Он отыскал про этот Wired и дал пояснение, что журнал выпускают серьезные компьютерщики из Сан-Франциско, за дешевыми сенсациями не гонятся.

И еще было про то, что в 2011 году командующий Ракетными войсками стратегического назначения Каракаев заявил, что система «Периметр» существует и находится на боевом дежурстве.

Это тоже было понятно. С некоторых пор, когда русские и американцы начали посматривать друг на друга через прицелы, каждая сторона считает своим долгом нагнать на противников побольше жути.

Андрей Петрович еще раз пробежался по списку ракет сверху вниз... И понял, что «Мертвая рука» не может запускать ракеты, находящиеся на подводных лодках.

По той простой причине, что вода не пропускает радиоволны, при помощи которых сигнальная ракета, работающая, вероятно, в диапазоне сантиметровых или дециметровых волн, передает команду пуска.

Значит, для морской триады существует какой-то иной способ управления, когда необходимо в экстренной ситуации, автоматически, без участия человека, сжечь Западное полушарие.

Размышления о технической стороне вопроса вполне естественно вывело Андрея Петровича на мысли о жизни. О полном ее уничтожении на планете.

И ему, только что прокрутившему в уме, как это будет сделано – что включится, куда передадутся сигналы, как с шахт пусковых установок слетят многотонные заслонки, словно пробки с бутылок пива, как из-под земли высунутся хищные морды, а затем и столпы ослепительного пламени включившихся маршевых двигателей первых ступеней, как все это понесется, с воем

и ревом, через бесстрастный океан, как через двадцать минут на другой стороне планеты земля встанет на дыбы, начнет плавиться и гореть, как над несколько секунд назад беззаботными городами и усердно пыхтящими фермами вырастут гигантские радиоактивные грибы, как слижет с поверхности земли все живое и неживое адский ветер ударной волны – и ему стало страшно.

Он представил, как люди будут вспыхивать, словно снопы соломы. Как от бывших людей останутся лишь негативы, отпечатавшиеся на стенах редких уцелевших зданий.

Да, он убивал. Много убивал. Такую профессию он когда-то сам выбрал, никто не принуждал. Видел мучения людей, которых он убивал. Хоть и не стремился именно к этому. Порой ему было неприятно смотреть на затянувшуюся агонию. И он старался добить таких, хоть это порой и было ему не с руки, то есть могло повлечь опасность для самого себя.

Но, глядя на эти мучения, страшно ему никогда не было. Да и жалко тоже. Все они были врагами. Знали, на что шли. И если бы не он, так они его.

Но это было другое, совсем другое.

Тут:

Дети. Как успевшие родиться, так и те, что в утробе. Чумазые. В красивых легких платьицах. Со ссадинами на коленках. В очках. Со множеством заплетенных матерями косичек. На роликовых коньках. Склонившиеся над книжками. Увлеченно тыкающие пальцами в экраны айфонов. Безутешно плачущие по разным смехотворным поводам. Играющие в мяч. Настырные. Отрывающие у кукол руки и ноги. Лепящие из снега гномиков.

Женщины. Красавицы, дурнушки, молодые, старые ведьмы, божьи одуванчики, толстушки средних лет, сварливые мачехи, какие-нибудь беззаветные волонтерши, невесты Христовы, строгие боссы в юбках, чемпионки по волейболу, книжные черви, проститутки, партийные активистки... Всех в одну кучу, в адское пламя.

Работяги, инженеры, звезды бейсбола, наркодиллеры, брюхастые рантье, заливающиеся женским смехом, пожарники в сверкающих касках, нейрохирурги с руками пианистов, сутенеры, голливудские слизняки, вечные дети из интернатов для людей с задержкой развития, музыканты, всякие – во фраках и в татуировках, таксисты, официанты...

Дряхлые старики и старики вполне себе крепкие, старики, приволакивающие ногу при ходьбе и с трясущимися головами, словно клюющими зерна с блюдечка, старики радушные, подозрительные, злобные, избежавшие правосудия, со стекающей по подбородку слюной, молодящиеся, пожившие, но жизнью не насытившиеся...

И всех их заодно, в одном костре.

И пусть в этом костре будет одна десятая доля процента, нет, пусть одна тысячная процента тех подонков, которые этого действительно заслужили. Которые заслужили гораздо большего. Чтобы они умирали долгой мучительной смертью. А потом их оживляли бы. А потом опять, и опять, и опять... И так сто раз подряд, тысячу, бессчетное количество раз. Чтобы эта участь постигла именно тех, которые и устроили всемирный ядерный костер. Как там, так и здесь. Но почему вместе с ними должны сгореть все остальные?

Да, ветеран ВДВ многих убивал. Но за все время войны, и не одной, ему так и не попался ни один такой подонок. Которого необходимо убить сто раз подряд, и чтобы всякий раз он подыхал бы с особыми мучениями.

И ему стало горько и обидно.

Да, и с какой стати эта мертвая рука, принадлежащая чуждому искусственному интеллекту, должна распоряжаться жизнями живых людей. Из мести мертвых?

Мертвым людям этого уже будет не надо.

Мертвые будут уже озабочены другой проблемой – как произвести хорошее впечатление на Петра.

Но не вертолетчика, того уже тоже не будет.

Петра вратаря.

Но не Петра Чеха, вратаря футбольной сборной Чехии. Того тоже не будет.
А того, который с ключами от рая.

С этого момента Андрей Петрович начал ненавидеть вышку, люто.
Правда, он пока не знал наверняка, на что она способна.

35.

Андрей Петрович не стал даже майором. Хоть и служил честно, и воевал доблестно. Просто не стремился попадать в любимчики вышестоящего начальства. Порой был несдержан на слово, когда видел несправедливость. А без несправедливостей не получается даже в армии. Этого добра и там хватает.

Однажды, в Афгане, когда по дури, проистекавшей из гипертрофированного самомнения, ни за что ни про что погибла половина второго взвода, он избил полковника артиллеристов, который должен был поддерживать огнем наступление. Собственно, и не избил, а лишь пару раз врезал по наглой харе. Но удар у капитана ВДВ известно какой. Однако в рапорте было записано, что именно избил, что избил боевого офицера, полковника, неоднократно представленного к государственным наградам, избил на глазах у подчиненных...

Понятно, что его немедленно вычеркнули из списка на повышение звания. Так он не стал майором.

Но вполне мог загреметь под трибунал. Прокурорским сукам крайне важно было имитировать бурную деятельность. И для отчетности и, разумеется, для карьерного роста. Однако Андрея Петровича отстояли. Смогли отстоять. Правда, в значительной степени благодаря счастливому стечению обстоятельств.

Когда дело приняло совсем скверный для Андрея Петровича оборот, в Афганистан прилетел командующий ВДВ Сухоруков. Командир 103-й дивизии ВДВ Слюсарь, где служил Климов, после совещания доложил командующему о том, что его боевого офицера, одного из лучших, собираются отдать под трибунал за преступление, которое совершили артиллеристы.

Сухоруков был вспыльчив, окажись рядом говнюк-полковник или кто-то из прокурорского шакалья, то набил бы им морды...

В общем, Андрея Петровича отстояли.

Однако в его личном деле появилась соответствующая запись, которая для чиновников из управления по кадрам перевешивает любые ратные подвиги.

А в это время, когда в Афганистане вовсю гибли люди, отдавая, как тогда писали в газетах, интернациональный долг, в метрополии вовсю шла перестройка. И главным ее девизом был гедонизм. Гедонизм любой ценой. Естественно, цену должны платить окружающие гедонистов люди.

И Ирина пала его жертвой.

Ей тогда было уже тридцать пять. Однако на вид нельзя было дать и тридцати. Ее девичья красота не только не иссякла, но приумножилась.

И тут появился некий хорек. Красиво ухаживал. Был щедр, как ей тогда показалось, душой. Но то была щедрость лишь напускная, то есть денежная. И проистекала от того, что на хорька обрушился, казалось бы, неиссякаемый денежный поток. Хорек, точнее – Картузов, такой была его фамилия, создал кооператив по доставке в режиме 24/7 то ли презервативов, то ли туалетной бумаги.

Потом, когда скопилось деньжат, начал частично перенаправлять оборотные средства в основной фонд. То есть заказал на заводе металлоконструкций шесть будок и расставил их на самых бойких улицах, посадив в них шесть наемных работников, которые практически круглосуточно продавали спирт «Рояль» и пиво «Клинское», шоколадки «Сникерс» и «Марс», кока-колу и спрайт, сигареты «Мальборо» и «Кэмел», чипсы неизвестных производителей и одноразовые стаканчики.

При этом Картузов был человеком порядочным. Не в бизнесе, конечно. В личной жизни. Он был женат. Более того – у него было двое детей, мальчик и девочка. И он был ответственен перед семьей. Не мог бросить семью на произвол судьбы в это бурное время. При этом предвидел, что вскоре за бурным временем перестройки разразится еще более бурное время второй зари русского капитализма.

О своей порядочности по отношению к семье он честно рассказал Ирине сразу же после того, как овладел ею. Как женщиной.

О чем думала она? Вот в чем вопрос!

А она, в общем-то, ни о чем и не думала. В голове было такое кружение, словно ей семнадцать лет, и она только что выпила два бокала шампанского.

Она просто устала тянуть лямку соломенной вдовы, над которой постоянно висела реальная угроза стать вдовой. Вдовой без какого бы то ни было прилагательного.

А Картузов, черт возьми!, не только поил ее французским шампанским (неизвестного производителя), кормил икрой, красной и черной, что воскрешало девичьи воспоминания об одноименном фильме, где с блеском играли Жерар Филип и Даниэль Дарьё, но и декламировал Есенина, её Есенина:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел –
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму –
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.

Тот трюм был –
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,

Каков я был
И что со мною сталось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та –
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

Когда Андрей вернулся с войны, Ирине пришлось заново к нему привыкать. Более того, ей приходилось заново его узнавать. Потому что он после долгой кровавой мясорубки был уже другим.

И она была другая. Он это чувствовал. Но прочь гнал от себя какие бы то ни было подозрения.

А для нее их было двое. Правда, встречи с Картузовым все-таки резко ограничила. Но вырвать его из сердца с корнем было невозможно. Перезванивались, потому что и он новых встреч не добивался. У него серьезно заболела жена. А Картузов, как уже было сказано, был человеком порядочным.

В одно прекрасное утро – правда, это был уже вечер, когда Андрей понуро вернулся домой с безуспешных поисков работы – Ирина сказала, что выходит замуж.

Андрей расхохотался. Шутка была в духе какого-то британского комика, которого часто показывали по телевизору.

Но это была не шутка. Она действительно выходит замуж. А для этого ей нужен развод.

Он молчал.

Она начала рассказывать ему все. Более, конечно, про себя, потому что в периоды экспансии гедонизма все говорят и думают в основном о себе.

Рассказывала о том, как тяжело быть соломенной вдовой. Каково, укладывая спать дочку, гладя ее льняные волосы, думать о ее возможном сиротстве. Видеть вокруг себя счастливых женщин, у которых прекрасно складывается жизнь жен и матерей. Да, и про соблазны, которые нахлынули с началом перестройки, она, конечно, тоже честно рассказала. Умолчала, правда, про сны, которыми ее истязала требовательная плоть. Рассказать про это мужу, с которым расстаешься, это было бы как-то совсем по-животному.

И тут она встретила человека. Хорошего человека. Уверена, он и к дочери будет прекрасно относиться. Но он был несвободен. Недавно у него умерла жена. И теперь они могут пожениться. Чуть было не ляпнула: «Я без него жить не могу». Но Ирина была все-таки воспитана на хорошей литературе. Дурную на дух не переносила.

– Так ты дашь развод? – спросила она Андрея. И добавила, спохватившись: – Прости, пожалуйста.

– Духи победили и здесь, на родине, – сказал Андрей Петрович, тихо, словно из него выпустили весь воздух.

А что дочь? А дочь в это время росла сама по себе. Как и миллионы советских детей, которые в отрочестве узнали, что Ленин был в действительности гнусным старикашкой. И что можно состоять не в пионерской организации, а в неформальных группах, чтобы искать смысл жизни самостоятельно, а не по указке старых козлов и козлиц.

36.

Неспособность системы «Периметр» работать с подводными лодками вывела Андрея Петровича на мысль о том, что не случайно вышка находится в ведении ВМФ. Можно было небезосновательно предположить, что именно она отвечает за передачу сигнала на борт «Бореев», «Акул», «Кальмаров» и «Дельфинов», которые являются носителями стратегического ядерного оружия.

Он припомнил из давнего своего военного прошлого, что с лодками все-таки можно поддерживать радиосвязь. Но она односторонняя. Для этого используются сверхдлинные радиоволны, которые можно получать за счет размещения нескольких антенн на значительном расстоянии друг от друга. Лодки способны принимать такой сигнал. Но для этого им надо подвсплывать на глубины порядка сотни метров. На рабочей глубине подводных лодок, которая равна 400-600 метров, связь невозможна, потому что глубже сотни метров волны не проходят.

Однако связь на радиоволнах, имеющих длину в несколько километров и даже десятков километрах – это дело очень трудоемкое в инженерном плане. И у нас, и у американцев есть такие передатчики. Известно не только их расположение, но и технические параметры.

На наши лодки работает 43-й узел связи ВМФ, расположенный в Белоруссии под Вилейкой и занимающий площадь в 650 гектаров. Он представляет собой громадное поле уставленное мачтами высотой в 305 метров, между которыми проложена паутина металлических тросов, играющих роль громадной антенны.

Все это Андрей Петрович узнал опять-таки из интернет-разысканий, которые по его просьбе провел лесник.

Было вполне понятно, что белорусский передатчик не может быть использован в качестве «Мертвой руки». Его расположение прекрасно известно, и на него, несомненно, уже нацелены две-три американские ракеты. Так что его разнесут в щепки в первую очередь.

А вот эта самая вологодская вышка, нигде не засветившаяся, не отмеченная на американских стратегических картах, вполне может быть «Мертвой морской рукой».

И вид из космоса у нее абсолютно «непрофильный». Во-первых, она одинокая. Во-вторых, не имеет каких-то далеко ответвляющихся конструкций. Действительно, прав был Федор, когда говорил: американцы прекрасно знают, что дурные русские по ошибке понастроили кучу всяческих «чудес света», пользоваться которыми невозможно. Вот они стоят и потихоньку ржавеют. Это раньше называлось системой социалистической экономики.

Да, но как же эта штука работает, если она существенно отличается от известных передатчиков сверхдальних волн? То есть торчит одинокий штырь. А нужны еще какие-то горизонтальные конструкции, думал ветеран ВДВ, имевший не слишком глубокие познания в радиотехнике.

Подсказка, которой он, правда, не смог воспользоваться в полной мере, пришла из-под шкафа для посуды и всякого кухонного скарба.

Андрей Петрович обронил за жигалку. Она повела себя самым подлым образом – ударившись о ботинок, юркнула под шкаф. Он взял палку подходящей длины и толщины. И начал ею шуровать в небольшом пространстве между полом и дном шкафа.

Зажигалка затаилась.

Первой вышла с поднятыми руками алюминиевая столовая ложка. Типичное разбазаривание казенного имущества.

Затем, не имея возможности скрежетать зубами в связи с отсутствием напарницы, появилась одинокая вставная челюсть. Что привело ветерана ВДВ в большое изумление: пытали они здесь раньше, что ли, кого-то?

Как-то неожиданно долго, вероятно, от стыда, прятался бюстгальтер. Ну, это, несомненно, случай на охоте, понял Андрей Петрович.

Явилась и беглянка – зажигалка неведомого китайского производителя.

Однако перед ее вызволением послышался какой-то странный шорох. Пришлось довольно долго и усердно загребать под шкафом палкой.

То оказалась тонкая ученическая тетрадка.

Тетрадка была почти полностью исписана формулами и расчетами. Изредка встречались куцые комментарии.

И он углубился в изучение формул. Что было для него сложновато.

Да, он помнил назначение греческих и латинских букв, которыми пестрили формулы. U– это напряжение, I – ток, R – сопротивление, L – индуктивность, C – емкость, измеряется в фарадах, точнее в пикофарадах и в микрофарадах. Знал, что – длина волны, а f– частота электрических колебаний. Ну, еще – это фазовый угол. Встречались какие-то константы. Разумеется, дело не обходилось без тригонометрии, описывающей периодические процессы.

После четвертой страницы он понял, что эта наука ему не по зубам. Потому что мощной волной поперли значки интегралов...

И тут Андрея Петровича осенило.

Нет, это было не математическое прозрение. Когда густой лес вдруг расступается, и за ним обнаруживается прозрачный кристалл, изнутри которого сияет идеальная гармония мироздания.

Андрей Петрович вдруг понял, что Борис, который тут был до него, – шпион.

Шпион, внедрившийся на сверхсекретный объект. Все здесь разнюхивал. Исследовал конструкцию вышки. Что-то прикидывал в этой тетрадке, пытаясь определить рабочие параметры комплекса – что она излучает, как излучает, велика ли дальность действия и так далее, и тому подобное.

А тетрадку держал под шкафом. Чтобы не разоблачили.

И тут Андрей Петрович вспомнил, что Федор, как-то рассказывая о Борисе, заявил, что «он как не русский». То есть на том основании, что не ел хлеба. Это было, конечно, слишком косвенное свидетельство, но все же...

Но вот что было непонятно. Зачем же он просил Федора привезти ему учебники по математике и физике, если сам был спецом в этом деле?

Выходит, что для отвода глаз. Если припрут к стенке, то нет, мол, я в вашей радиотехнике ни уха ни рыла, вот, решил освежить в памяти школьную программу чисто от безделья. А тетрадка эта – откуда ж мне знать, кто эти каракули выводил...

Действительно, записи в тетрадке были сделаны как-то странно. И не небрежно. И не старательно. А противоречиво с точки зрения естественной моторики человека. Некоторые буквы

были выписаны с графической избыточностью, а некоторые надо было угадывать из-за слишком схематичного их написания. Несомненно, делая записи, Борис сознательно изменял почерк. Видимо их там, в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ, учат и такой премудрости, как использование разных почерков.

Да, точно, ветеран ВДВ вспомнил, как два года назад наткнулся на какие-то листочки, в которых были решения примеров и математических задачек из курса средней школы. Посмотрел он их, повертел в руках да и пустил на растопку печки. Вот ведь как получилось – на сверхсекретном объекте не может быть мелочей. Всякая мелочь способна вытащить за собой вагон и маленькую тележку совсем не мелочей.

А вдруг, подумал он, это был не Борис, а кто-то еще? Надо бы копнуть историю объекта с помощью Федора поглубже.

Но факт остается фактом. И он в данный момент грубо и зримо находится в руках Андрея Петровича. Борис ли то был или кто-то другой, его предшественник, но он был разоблачен. В противном случае эта тетрадка сейчас находилась бы за океаном.

И что сделали с Борисом? Или с кем-то еще.

Шпионов, в случае их разоблачения, могут обменять на наших разоблаченных, которые работали за океаном. Но это в том случае, если собранная ими информация уже утекла за границу. Отсюда передавать информацию нельзя было ни практически, ни теоретически. Сажать такого агента в тюрьму было нельзя. Слишком велика опасность, что оттуда можно как-то связаться с резидентом.

Остается только ликвидировать.

Так, с Борисом было всё примерно понятно.

Оставалось проанализировать свою роль в этой хренотени.

Андрей Петрович небезосновательно рассудил, что сажать на объект кого-то из военных, кого-то из части, которой командовал Сергей, было нельзя. Во-первых, у такого человека будут какие-то представления о вышке, о ее предполагаемом назначении. Оказавшись здесь, он с большой долей вероятности начнет ее досконально изучать. И соберет какую-то информацию, пусть и скудную, которой сможет подло распорядиться после окончания службы, попав на гражданку. Заокеанским спецам важна любая информация, пусть и самая поверхностная. В разгар холодной войны иностранные агенты могли отвалить на «Жигули», а то и на «Волгу», за любой замусоленный обрывок чертежа, уже ненужный, в который заворачивали селедку. Да даже за штамп в чертеже, где можно было прочитать фамилию разработчика и главного инженера, утвердившего этот чертеж.

Сюда надо было сажать полного дурака, чтобы он сидел тут в полном неведении. И верил россказням сына боевого друга, который стал братом на афганской войне. Это во-первых.

А во-вторых, этот полный дурак должен тут так и остаться навсегда. И не иметь связей с внешнем миром. До самой смерти.

Андрей Петрович был вынужден согласиться, что он полностью соответствует двум этим требованиям. Во-первых, да, действительно, полный дурак. Во-вторых, ему уже не так уж далеко до семидесяти. И во внешнем мире у него нет ничего и никого, что заставило бы его вернуться к прежней жизни.

Однако они не все просчитали до конца. Полным дураком он был пять лет назад. Сейчас уже начал основательно прозревать...

И вдруг, вспомнив свои ощущения в момент осознания подробностей ядерного испепеления Америки, с изумлением понял, что у него возникло непреодолимое желание уничтожить вышку.

Стряхнул с себя наваждение. И начал прокручивать в уме хронику пятилетней давности.

Вспомнил, что среди киллеров, которых на него натравливал директор фабрики наемников,

были два какие-то очень странные, сильно отличающиеся от всех предыдущих. Прежде всего, были они существенно старше. Под тридцать, а то и более того. И были они какие-то не слишком настойчивые, что ли.

Были они ловкими, чувствовался высочайший класс. И, конечно же, опыт. Могли задеть его выстрелом, когда он сплоховал, высунув из-за укрытия стены плечо чуть дальше, чем следовало. Но пуля ветерана ВДВ не достала, отрикошетив от стены чуть выше его плеча. И, опять же, он не смог ни одного их них достать. И даже тогда, когда один их них неожиданно открылся. Но он проделал финт, который в роте у Андрея Петровича называли «трясогузкой». Сами же его и придумали. Это была фантастика!

А потом вдруг один из них застонал, и они быстренько ретировались. Ветеран ВДВ поскреб в затылке и решил, что вдруг подвернул ногу. Да, такое бывает. Но, естественно, крайне редко.

Теперь Андрей Петрович понял, что его таким образом, вслед за директором, решили попрессовать. А директора осадили, вежливо намекнув, что если травля ветерана ВДВ продолжится, то у школы наемников и у ее руководства будут очень большие неприятности. Естественно, все это было проделано по инициативе дорогого Сереженьки. Чтобы выдавить дядю Андрея из города.

Действительно, тот случай оказался ключевым в принятии решения сделать ноги – побыстрее и подальше. А потом уж он приехал погостить к капитану второго ранга Сергею Алексеевичу Колыванову. Да так и остался навсегда на объекте, запрятанном в вологодских лесах.

Несомненно, какое-то время отставного капитана Климова просвечивали и прощупывали. Изучали личное дело. Заходили в наркологический диспансер. Съездили к бывшей жене и к дочери. Вполне возможно, что и с Ириной Степановной Солодовниковой побеседовали, пригласив ее попить кофе с круассанами. Вероятно, навестили и командира полка, в котором когда-то служил капитан. И кого-то из боевых товарищей из роты и батальона.

В вендиспансер, вероятно, не заходили.

В конце концов ветеран ВДВ стал для них прозрачен, как стакан газировки без сиропа за копейку в одна тысяча девятьсот семьдесят шестом году в жаркий летний день, когда по радио сообщили о сформировании в Италии правительства во главе с Джулио Андреотти.

Он полностью удовлетворял требованиям, которые на него возлагались государством.

И здесь, в лесу, он был для государства гораздо важнее, чем в восьмидесятые годы в далеком Афганистане.

Здесь ему предлагалось угробить не полсотни человек, не сотню и даже не тысячу, а триста миллионов. Одним махом.

Не самому, конечно.

Но при его непосредственном участии.

Пусть и косвенном.

«Да, это громадная ответственность!» – усмехнулся Андрей Петрович. Разумеется, саркастически.

37.

Вполне понятно, что ему необходимо продолжать быть полным дураком. Правда, теперь уже не быть, а притворяться.

Поэтому очередной вертолетный визит горе-охотников во главе с тем же самым генералом, но уже с другими девицами он обустроил как обычно. Собрал что-то на стол. Натопил баньку.

Ожидал окончания отдаленной автоматной стрельбы, покуривая, сидя в теньке.

Был август, но погода и не думала заворачивать в сторону предосенней задумчивости. Хоть давно уже и прошел Ильин день, но солнце по-прежнему жарило с бездумной июльской расточительностью. На небе было ни облачка. Разве что в лесу стало тихо. Еще можно было купаться в озере, что он иногда и делал, протопав километров пять в одну сторону и столько же и обратно. Но впору было возвращаться к прохладной воде, поскольку тельняшка на спине была опять мокрая.

Для грибов время еще не подошло. Да и не столь они ему были и нужны. Накинувшись на это дело в первые годы, он столько их насушил, что еще лет на пять вперед хватит. Да и клюква не поспела для настойки. Дров он еще в июле заготовил на зиму. Так что в лесу ему делать было нечего.

Теперь все его мысли занимала вышка.

Ходил вокруг. В тысячный раз все осматривал. Соображал. Тетрадка с формулами подкинула ему новый материал для создания новых версий. И по мере продвижения вперед они становились все более реалистичными.

Внезапно с запада на восток начал протягиваться легкий ветерок. Не у земли, а в кронах деревьев.

Наконец-то, подумал Андрей Петрович, погода опомнилась, скоро, видать, в норму придет.

Внезапно вспомнил Вальтера. Как он там? Наверно, совсем заматерел. Да и волчата должны уже подрасти.

С Вальтером все получилось просто здорово. Напрасно переживал, что не сумеет устроиться в лесу после четырех лет жизни с человеком.

Может, от меня, подумал Андрей Петрович, поднабрался ума, который понадобился ему для адаптации. Я же с ним разговаривал как с равным. Он же все прекрасно понимает. Вот и усвоил уроки одинокого старого волка, которые пригодились в лесу волку молодому, начинающему жизнь.

Стрельба смолкла. Через некоторое время появились и охотники. Как обычно, возбужденные, словно битву при Ватерлоо выиграли.

Впереди, разумеется, генерал. По чину положено. Замыкали процессию девицы. На сей раз их было трое. Сергей где-то в середине колонны.

– Петрович, кого мы сейчас завалили! Матерый, зараза! – потирая руки, пробасил генерал.

– Не мы, а вы, товарищ генерал, – поправил генерала какой-то штатский.

– Да, из волчар волчара!

Это был Вальтер. Он глядел на своего бывшего вожака – и дальше, сквозь него, в вечность – остывшим взглядом. Абсолютно безучастным. Из уголка рта стекала еще не успевшая запечься струйка крови. Клыки были все такие же – слегка желтоватые, крепкие, способные перекусить лосиную лодыжку. И когти на передних лапах были столь же остры. С легкостью выпустили бы генералу кишки.

Чуть надорвано правое ухо. Как память о его первом неудачном сватовстве.

Автоматной очередью ему разворотило левый бок. Там, где сердце. Видимо, смерть была мгновенной, не мучительной. Хоть тут повезло...

Андрею Петровичу захотелось завыть...

– Я, значит, выхожу, а он стоит, смотрит, – разглагольствовал генерал, жестикулируя, – вскидываю...

Но договорить ему Андрей Петрович не дал. Левой, а потом правой, так, что у генерала что-то хлюпнуло внутри, и он отлетел метра на четыре. Хоть и был боровом.

Тут же со всех сторон на Андрея Петровича навалились, повисли, уткнули в живот ствол.

А он рычал. Рычал по-настоящему. Чтобы это понял Вальтер, рычал на его языке, говорят, что сразу после смерти они не уходят, а присутствуют где-то рядом, все видят, все слышат, рычал страшно, так, когда хотят перегрызть врагу горло...

Генерал, поднявшись, ошалело шарил по бедру рукой, пытаясь найти отсутствующую кобуру. Шарил, матерясь...

Эта статическая сцена продолжалась минуты две. После чего все ее участники обмякли, более не в силах выдерживать запредельное напряжение. Скорее, психическое, чем физическое.

Сергей отвел генерала в сторонку и начал тихо ему что-то говорить.

Да, конечно, кавторанг знал о волке, но он не мог предположить, насколько этот старый дурень к нему привязался. Так что реакция вполне ожидаемая. И говорит в пользу отставного капитана, в пользу его душевных качеств, среди которых главной оказывается преданность. А он, кавторанг, конечно, волка не знал, что называется, в лицо не видел. Кабы знал, то, конечно же, мы его не принесли бы сюда, скрыли бы от ветерана ВДВ результаты неудачной охоты.

Генерал подлецом не был. Он все прекрасно понял. Понял и старого солдата. Более того, даже одобрил его реакцию. Разумеется, скрыв от других это одобрение.

Разошлись.

В разные стороны.

Во избежание.

Разумеется, никакого застолья не было. А уж тем более никакой баньки.

Быстро собрались. Покидали все в вертолет. И улетели.

Перед отлетом генерал все же подошел к Аркадию Петровичу:

– Прости, солдат.

– Бог простит.

Аркадий Петрович остался вдвоем с Вальтером.

Теперь он казнил себя.

Если бы тогда...

Но жизнь не знает и знать не хочет сослагательных наклонений.

В ее коробке передач нет заднего хода.

Она летит вперед, только вперед.

Потому что сзади ее преследует смерть.

Только вперед.

38.

Он видел много смертей. Столько, что не у всякого выдержала бы психика.

Но хоронил немногих. Можно пересчитать по пальцам одной руки, той, на которой расположен палец, дергающий спусковой крючок автомата Калашникова.

Потому что на войне не хоронят. Убитых отправляют на родину, где они становятся павшими. Для оплакивания родными и близкими.

На войне нельзя хоронить, потому что это уже будет быт. Могилы как объект привязанности. Привязанность отвлекает. Этого бойцу нельзя. На войне нет быта, не должно быть.

Мертвых увозят на другой материк. Даже на другую планету, каковой является родина, где мир. Где любое убийство – экстренный случай, караемый законом.

А на войне совсем другие законы, всё другое. Время движется с другой скоростью. Состав воздуха другой. Другие силы, включая силу тяготения. Где оно не всемирное, а ограниченного применения, то есть военное.

В старших классах как-то незаметно для него ушли бабушка и дедушка. Именно в такой последовательности и с интервалом меньше года. Они были родителями матери. У отца родителей не было. Ну, то есть они не совпали с периодом осмысленного существования Андрея. А потому их и никогда не было.

Жили они отдельно, и о родителях матери Андрей мало что знал. Точнее, не интересовался – как они и что. Просто знал, что они есть. И мыли о том, что их может не быть, ни разу его не посещали. Если бы был попристальнее, то мог бы по поведению матери понять, что там – у ее родителей – все очень плохо, все стремительно приближается к неизбежному финалу.

Это были его первые похороны. Но они не сильно на него повлияли. Он, по сути, не понял, что человек смертен. Не разумом, а сердцем не понял. Эти похороны не стали для него чем-то

вроде просветления, которое снизошло на принца Гаутаму при виде умершего человека. Благодаря чему принц стал Буддой.

Андрей был будущим воином, а не мыслителем. Поэтому сила воздействия не стала для него слишком значительной. Сгорбившиеся старики, стоявшие у гроба, мать с набухшим от слез лицом, родня, собравшаяся по этому важному поводу из других городов страны – все это было для Андрея скорее необычно, чем таило в себе глубокий потаенный смысл.

Потом хоронил Лёху Колыванова, у которого отсрочка от смерти длилась почти пятнадцать лет.

Сравнительно недавно ушли друг за другом отец и мать. Этим было уже пора. И никакого громадного горя тут не было и не могло быть. Поскольку почти до девяноста дожили, опекаемые младшей сестрой в далеком городе.

В связи с куцым похоронным опытом Андрей Петрович имел смутные представления о традициях и ритуале. Так, в очень общих чертах. Гроб. Все проходят мимо. Самые близкие целуют. Остальные касаются рукой гроба. Цветочки. Их потом втыкают в могилу, типа клумбы. Да, священник кадилом машет и торопливо зачитывает из книги. Все, ну, или почти все, постоянно перекрещиваются. Правда, когда дедушку с бабушкой хоронили, никакого священника не было. После кладбища все усаживаются за столы, выпивают, закусывают. Тосты... Нет, не тосты, а воспоминания об усопшем, характеризующие его с лучшей стороны... Что еще? Вроде бы надо зеркала занавешивать. И ставить для покойника прибор – рюмку с хлебушком сверху... Еще крест на могилу... Больше Андрей Петрович про это дело ничего не знал...

Нет, знал, потому что Лёху Колыванова хоронили как боевого офицера. Там дополнительно был почетный караул из солдатиков. Перед гробом несли награды, а у него их было будь здоров сколько. Ну и три залпа из автоматов над закопанной могилой.

Вальтера надо было похоронить. Разумеется, не как человека. Андрей Петрович просто выкопал яму глубиной метра в полтора. И попросторнее, чтобы волку было в ней свободно лежать. Зачем? Ну, так тому, что умершему человеку непременно нужен гроб, логического объяснения тоже не существует. У Андрея Петровича были свои представления относительно посмертных почестей, которые следует отдавать тем, кто ему особенно близок. Был близок. Младший брат по стае.

Выбрал место подальше от жилого блока, неподалеку от забора в северной оконечности зоны. Все-таки живые и мертвые не должны находиться поблизости друг от друга.

Копал сосредоточенно, вглядываясь в постепенно загустевающий мрак ямы, которая медленно углублялась. Подравнивал штыком лопаты стенки. Нажимал левым сапогом на лопату, вскрывая новый слой. А потом подчищал комья земли, держа черенок лопаты под острым углом относительно горизонтальной плоскости.

Лишь раз прервался, чтобы покурить. При этом смотрел не вперед, ни по сторонам, и вверх не смотрел, на безбрежное зеленое море, смыкающихся крон деревьев. Смотрел под ноги, в ту самую точку, где через пять минут затоптал окурок каблуком сапога.

А Вальтер в это время лежал под навесом, накрытый брезентом.

Было жарко. И Андрей Петрович по этой причине решил не затягивать с... похоронами? закапыванием? преданием земле? Нет, никакого конкретного слова для описания того, что он делает, он не подбирал. Просто, постепенно углубляясь, копал землю, сбрасывая ее лопатой у края ямы.

Потом пошел за Вальтером. Он был тяжелым. «Наверно, первый полусредний вес, – вспомнил Андрей Петрович шкалу весовых категорий в боксе, которым занимался в далекой юности. – А может, и полусредний».

Он положил Вальтера на брезент, как это неоднократно делал в Афганистане, и поволок его к месту последнего пристанища. Ну, или вечного покоя. В терминологии он не разбирался.

Аккуратно, подняв Вальтера на руки, спускаясь по ступеням, которые предусмотрительно приготовил, опустил его на дно. Уложил на тот бок, который был разворочен. Подержал ладонь на лбу, который был холодным, несмотря на жару под тридцать.

Поднялся.

И засыпал, стараясь не смотреть, как вздрагивает тело волка, когда в него ударяются комья земли.

Сверху воткнул полутораметровый обрезок полудюймовой трубы. А позже посадил рядом маленькую елку. Её он пересадил из леса.

За елкой, разумеется, далеко не ходил. Выбрал поблизости от забора ровненькую, высотой около метра. Как говорится, к иголке иголочка. Росла она на небольшом бугорке. Так что выкопать оказалось совсем не сложно.

Но росла она как-то странно. Во-первых, в этом месте почва была очень податливой, мягкой. Во-вторых, здесь не было обычного для леса переплетения корней. Не было подземной битвы за жизнь, когда каждое деревце, каждый куст стремится захватить побольше пространства, чтобы сосать из земли необходимые для роста и нормального развития питательные соки.

Елку он выкопал. Вернулся на объект. Посадил рядом с Вальтером. Полил водой, чтобы лучше прижилась.

И призадумался.

Что же это место такое странное?

Решил вернуться и продолжить раскопки.

Вскоре начали попадаться обрубленные корни. Не слишком большие, видимо справлялись лопатой, без помощи топора.

На глубине примерно в метр почва начала пружинить.

Стало ощущаться какое-то чавканье внутри ямы. А это, несомненно, была яма, кем-то и для чего-то вырытая.

Вскоре из-под земли шибануло смрадом. Сразу, резко, когда он выковырял влажный ком земли.

Бросать нельзя было. Поскольку очень уж это все загадочно. Зловеще загадочно.

Пересиливая себя, Андрей Петрович начал остервенело выкидывать с глубины землю...

Вскоре вскрылся труп. Да, именно труп, его небольшой фрагмент – или часть живота, или спины. Труп человека. Потому что поверху была частично разложившаяся какая-то материя – или рубашка, или куртка.

Все было ясно. Дальше можно было не копать.

И Андрей Петрович начал, часто орудуя лопатой, закидывать землей этот трупный смрад.

С громадной долей вероятности можно было предположить, что это Борис. Точнее – то, что от него осталось.

«Как собаку какую, – подумал Андрей Петрович, закончив работу. – Не могли глубже закопать».

И тут же в сознании вспыхнула совершенно дикая мысль: надо им заранее сообщить, чтобы меня поглубже. Чтобы как человека.

Правда, они, похоже, не люди – здесь, в лесу.

Дома, с семьями, в армейском кругу, на улице, в магазинах и в ресторанах, на утренниках в детских садах, куда ходят их сынки и дочки, в поездах и самолетах, на море летом и на катке зимой, на медосмотрах у врачей и в цветочных магазинчиках, несомненно, они совсем другие.

Дома, на городских кладбищах, – траурный караул, награды на подушечках, три залпа над могилой.

Здесь мелкая собачья яма. Без каких-либо опознавательных знаков. И, разумеется, без единой эмоции. Так копают яму для дачного нужника.

39.

Андрей Петрович опять погрузился в тайнопись тетрадки, которая осталась от Бориса. Поняв, что справедливость непонятных формул и густой лес математических выкладок проверить

он не в состоянии, сосредоточился на результатах. И на некоторых, крайне редких, словесных комментариях.

Как правило, они были малозначащего характера: «исходя из», «на основании второго закона термодинамики», «аппроксимируя полученные результаты», «согласно теореме Фурье», «предположим, что»...

И вдруг наткнулся на «ГЕНИАЛЬНО!» – большими буквами и дважды подчеркнутое. И на следующей странице – «длина результирующей волны задается интерференцией волн излучателей. И тут же – «L=256 км». И целых три восклицательных знака!

Было понятно, что это рабочая длина волны передатчика, которая формируется каким-то непостижимым образом, соответствующим эпитету «гениально».

Значит, вышка передает сигнал подводным лодкам на ядерную атаку.

Что, собственно, Андрей Петрович и предполагал. Сейчас же появилась полная уверенность относительно предназначения вышки – уничтожение жизни на территории Северной Америки.

Да, он еще вспомнил, как совсем недавно по своему слепому телевизору он ухватил кусок сообщения о том, что наши придумали ядерную торпеду, называется «Посейдон». Она тайно подходит к берегу, понятно какому, преодолевая океан, также понятно, какой. И там дожидается как угодно долго сигнала на подрыв какой-то чудовищной мощности. Кажется, сто мегатонн... Да, точно! Хрущев в свое время подорвал на полигоне на Новой земле самую мощную бомбу за всю историю. А в ней было шестьдесят мегатонн. Результат был таким, что все просто содрогнулись. Эта, сказали, почти в два раза мощнее.

Так что вышка скорее всего и будет запускать на подрыв эти самые «Посейдоны».

Правда, было непонятно, где она берет энергию для передачи сверхмощного сигнала на громадное расстояние.

В записях Бориса он наткнулся и на такие расчеты. В конце было обведено эллипсом «W от 10 МВт до 15 МВт».

Для этого было явно недостаточно аккумуляторных батарей, которые могли бы находиться под землей, под вышкой, за дверью, охраняемой кодовым замком.

Для этого была необходима отдельная электростанция.

Никакой подвесной линии электропередач тут нет и в помине. Возможна передача энергии по подземному кабелю, но для этого где-то должна быть электростанция, где-то не слишком далеко. Разумеется, она должна быть не тепловая, не на мазуте, а атомная. И она может быть довольно компактной, поскольку 15 мегаватт – это не такая уж большая величина. Однако, поднявшись прошлым летом на вышку, Андрей Петрович не видел вокруг ничего похожего на станцию. Лишь две деревеньки и полуразрушенный коровник на громадном пространстве.

Правда, ее могли закопать прямо здесь, под вышкой. Однако, восстановив в памяти знания, не слишком, правда, обширные, о работе атомных станций, он понял, что это невозможно. Станция постоянно вырабатывает энергию. Ее невозможно выключить на период, когда вышка находится в режиме ожидания, практически не потребляя энергии. Она работает постоянно и беспрерывно. Если бы она находилась под землей, то тут все давно бы расплавилось, от избыточной энергии, которую некуда девать. Собственно, нельзя ее закопать в землю и на удалении от вышки, там тоже произойдет взрыв от того, что из-за избыточной энергии разрушится реактор.

И тут его осенило. Реактор можно опустить в озеро. И тогда вся избыточная энергия, которая не потребляется пребывающей в режиме ожидания вышкой, будет рассеиваться в воде.

И чем больше будет объем воды, тем меньше она будет нагреваться.

Он взял учебник по физике, который когда-то привез сюда Федор. И углубился в расчеты, которые были для него вполне посильными.

Перевел 15 мегаватт в джоули в час, получилось 54 000 000 000. Или 54 000 000 килоджоулей.

Нашел удельную теплоемкость воды, она оказалась равна 4,1806 кДж/кг*град.

Прикинул, что размеры озера могут быть километр на километр, а глубина – десять метров. Вся эта вода весит 10 миллионов тонн. Или 10 миллиардов килограммов.

Разделил выделяемое реактором тепло на массу воды. Получилось 0,054.

Разделил это число на удельную теплоемкость воды. Получилось приблизительно 0,013. То есть на столько градусов вода будет нагреваться за один час. И лишь через сто часов, то есть через четверо суток, ее температура сможет подняться лишь на один градус.

Это был совершенно смехотворный нагрев, который с легкостью будет демпфироваться суточным изменением температуры воздуха.

Так что реактор должен быть именно в озере!

Андрей Петрович начал припоминать карту местности, которая ему открылась, когда он поднялся на вышку. Как будто бы нечто похожее на озера подходящего размера было на западе и на северо-востоке. Как он тогда прикидывал, километрах в тридцати-сорока.

Однако добраться до них было совсем непросто. Не по пешеходной же тропинке, утыканной указателями, с встречающимися через каждый километр гамбургерными, чебуречными, хинкальнями, пирожковыми и пиццериями. Глушь непролазная в самом прямом значении данного прилагательного. Дня два туда, разумеется, с ночевкой, и столько же обратно.

И, главное, вероятность того, что сразу же попадешь на то самое озеро, с реактором, равнялась пятидесяти процентам.

Однако опять помог Федор. Андрей Петрович вспомнил, как тот, описывая здешние достопримечательности, рассказал о «мертвом озере». На котором его прямо-таки оторопь берет, леший за каждым кустом мерещится. А потому он заказал себе к нему приближаться. И это мрачное место было вроде бы на северо-востоке. Именно в том направлении махнул лесник рукой.

Пришлось еще раз вскарабкаться на вышку. Но, разумеется, не до самой макушки, хватило метров пятидесяти. Порассматривал озеро получше, что, впрочем, не дало никаких практических результатов. Главное, он точно определил направление, в котором надо идти.

На следующий день, сложив в рюкзак все необходимое, взяв компас и карабин, выступил в путь. Как и предполагал, он оказался очень непростым.

Если тут когда-то и была просека – а ее не могло не быть, поскольку копали траншею под кабель, – то ее следы окончательно стерлись. Природа взяла свое, зализала шрам, оставленный на ее теле прокладывателями подземной силовой линии. Слишком много лет прошло, чтобы сохранились следы человека, хоть он и был вооружен мощной техникой – бензопилами, траншеекопателем, гусеничными платформами, на которых подвозили бухты кабеля, похожего на удава, переваривающего какую-нибудь заглоченную живность.

Здесь когда-то солдаты из стройбата месили сапогами глину, матерились, проклиная службу, покусанные комарами и гнусом, от которого распухает лицо и поднимается температура. И пара офицеров с чертежами в планшетках, которые тоже проклинали службу, но не столь ожесточенно, поскольку они, в отличие от солдат, получали за нее деньги. И имели не только перспективу карьерного роста, но и реальные шансы перебраться из этой глуши на строительство дома отдыха для Министерства обороны СССР где-нибудь в Пицунде, Алуште или в Юрмале. А может быть, и оказаться на строительстве все равно чего в ГДР, посмотреть заграницу. Ну и заработать деньжат на иностранные шмотки. И не только официально заработать, но и неофициально, приторговывая налево цементом, пиломатериалами и дизельным топливом.

У солдат никаких таких перспектив в ближайшие три года, на которые они были призваны защищать Родину с лопатой в руках, не было. И редко когда им давали в руки гаечный ключ или какой-то иной высокотехнологичный инструмент. Потому что слишком низкая у них была квалификация, в связи с чем защита Родины с гаечным ключом в кривых руках могла обернуться снижением обороноспособности Советской армии. И – как следствие – беззащитностью Родины.

Через год на месте шрама начала появляться робкая травка. В мае даже слегка подсвечиваемая редкими цветочками.

Корни деревьев, стоящих по бокам траншеи, начинали шарить в темноте в поисках питания, которое необходимо для роста и развития. Но натыкались на бетонный желоб, в который был уложен кабель, накрытый верху еще и защитными плитами, и ощущали не жизнь, а смерть, запрятанную под землю людьми в кирзовых сапогах. И корни, соприкоснувшись со смертью, уходили прочь, а листву при этом бил озноб.

Но еще через год оброненные соснами, березами, дубами, осинами, рябинами, орешником, бузиной семена начинали прорастать, стараясь зацепиться за свое место тоненькими нитевидными корешками, не уступить его никому, ожесточенно сражаясь за существование, вооруженные могучей жаждой жизни, запрессованной в их тельца, состоящие из очень небольшого количества клеток.

Через год их уже невозможно было назвать проклевывающимся эйдосом, продуктом мышления леса. У них уже были сформировавшиеся тельца, сужающиеся кверху. Появились веточки, березки тянулись ими к небу, к солнцу, ёлки стыдливо прикрывали ими коленки. Были крошечные листочки и иголки.

И совсем скоро, по меркам леса, которому некуда торопиться, они уже стояли твердо, ввинчиваясь в почву корнями. Натыкались на мертвый желоб, обходили его и шли дальше, стремясь связать сегодняшность крон с заархивированным в глубине мезозоем.

Но некоторые умирали. И так стояли некоторое время, вызывая у живых раздражение – тут живым мало место, а эти...

Потом умершие падали.

Гнили.

Превращались в труху.

Удобряли почву, давая жизнь нарождающимся деревьям.

Да, и еще, пожалуй, самое главное – птицы вили гнезда в их кронах, связывая мезозой с небом.

Андрей Петрович со взмокшей спиной продирался через заросли кустарника, чертыхаясь. Обходил упавшие мощные стволы. Или перелезал через них. Порой ветки царапали лицо. Осатаневшие комары слетались со всей округи на запах потного человека. И высоковольтно гудели, когда останавливался передохнуть. Пикировали, жалили, погибали, экспонировались на щеках и на лбу крохотными красными пятнышками.

В конце концов он нашел верный строй мыслей, чтобы не чертыхаться и не сатанеть от нелегкого похода, а чувствовать себя почти что счастливым. Он начал думать о путешествующих в бассейне Амазонки.

Где не только жара, но и жуткая духота от влажного воздуха, насыщенного удушающими, одурманивающими запахами.

Где необходимо вырубать себе путь мачете, продвигаясь вперед с черепашьей скоростью.

Где множество ядовитых тварей – змей, пауков, – один единственный укус которых может быть смертельно опасен. Да и какой-нибудь шип, слезящийся ядом, способен парализовать.

Где звери не такие покладистые, как в России, и какая-нибудь зубастая и клыкастая тварь может запросто прыгнуть на загривок из засады.

Где в реках крокодилы и пираньи.

Где аборигены съели Кука... Впрочем, это было совсем на другом материке.

И от этих сравнений Андрею Петровичу стало легко на душе и свободно в членах. До такой степени, что он даже начал напевать:

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля, –

Это русское раздолье,
Это русская земля!

Вижу горы и долины,
Вижу реки и моря, –
Это русские картины,
Это Родина моя!

Слышу песни жаворонка,
Слышу трели соловья...
Это русская сторонка,
Это Родина моя!

И пусть в этой песне непосредственно про лес не было ни слова, но было про главное – про русское раздолье, про русскую землю, про русскую сторонку, про Родину. И это наполняло душу особой торжественностью.

Вскоре дорогу перегородила река. Средних таких размеров. Было понятно, что вброд ее не перейти, то есть по пояс. Или по грудь. Короче так, чтобы ногами доставать дно, а голова при этом была бы на поверхности. Придется плыть. Или рубить плот, что при отсутствии необходимых инструментов было проблематично.

Присел на берегу перекурить. Мимо как-то совершенно нагло, не обращая на человека ни малейшего внимания, словно дело было где-нибудь на Фонтанке в высокий туристический сезон, проплыли две выдры.

Течение в реке было медленным. Вода у берегов абсолютно прозрачная, видны были резвившиеся мальки. Проступали и какие-то небольшие норки, видимо, каких-то ракообразных. По поверхности воды скользили на лыжах водомерки, будто бы соревнуясь в прыти с солнечными бликами.

Тут же вилась стрекоза. Напомнившая о вертолете. Благостное настроение немедленно испарилось.

Сложил в рюкзак все, что нельзя было мочить, и взял его в левую руку. Взял в ту же руку карабин за цевье. Нашел пологий спуск к воде. И, задрав над головой руку с рюкзаком и карабином, двинулся вперед. Вода была терпимой. Хоть и особой радости от незапланированного купания не вызывала. Дошел чуть ли ни до средины. Так что проплыть, загребая воду правой рукой, пришлось совсем немного.

На другом берегу, конечно, можно было разжечь костерок и немного обсушиться. Но делать этого не стал, не хотел терять время. Кто его знает, что там впереди, какие еще попадутся сюрпризы, удлиняющие путь.

Решение было верным, поскольку вскоре сам по себе обсох, подогревая одежду изнутри своим телом, включенным на половину максимальной мощности.

Он шел, тщательно сверяясь с компасом. Потому что даже незначительное отклонение от верного направления могло вывести его в пустоту. То есть он мог запросто пройти мимо озера. И тогда – дело труба.

Нет, он, конечно, не пропал бы. Подготовка по выживанию в незнакомой местности у него была будь здоров какая. Если закончится еда, то сейчас в лесу вполне можно было прокормиться. Ну, а воды, самого главного, тут хоть залейся. В полупустыне по этой части у него были куда более суровые испытания.

И вышел бы он все равно куда-нибудь. Как ни безлюдны, как ни дики эти места, но все равно его путь когда-нибудь – да хоть через месяц, он и месяц продержится – пересечется с какой-нибудь дорогой. Может, с автотрассой. А там и до людей рукой подать.

Но это было бы и глупо, и обидно. Столько времени, и нервов, и сил потратить на разгадывание вышки, и всё коту под хвост. Нет, способ выйти на Сергея он, конечно, нашел бы. Через две недели. Или через месяц. Или больше.

Но как объяснит свои блуждания? Захотелось на старости лет поиграть в персонажа Фенимора Купера? Отыскать в лесу аленький цветочек? Застолбить золотоносный участок?

Вполне понятно, от такого непредсказуемого раздолбая они постараются избавиться. И Сергей ничего не сможет сделать, видать, там есть намного повыше него. Да и не там, а в самой Москве, в Генштабе.

Ну, а как избавляться будут от того, кто слишком много знает? Хоть и не шпион, но носитель сверхсекретной информации, которого нельзя отпускать к людям. Кто будет щадить одинокого волка? Не пощадили ведь Вальтера. Какая между ними разница? Да никакой!

Так что как с Борисом обойдутся.

Ну а бегать от них это... это будет как-то совсем недостойно, постыдно.

Пусть, но взвод в финале этой пьесы уложу, думал Андрей Петрович, а то и больше. Прежде чем достанут.

Начало смеркаться. Андрей Петрович остановился на ночлег, прикинув, что прошел километров тридцать. Значит, осталось не так уж и много.

Собрал сухих веток. Ободрал немного бересты. И запалил костерок.

Когда накопилось побольше угольков, отгреб их в сторону и поставил на них банку тушенки, предварительно вскрыв ее ножом. Помешивал, чтобы прогрелось равномерно. Рядом поставил алюминиевую кружку с водой, чтобы выпить кофе из пакетика. А в костер подбрасывал уже большие сучья, чтобы тепла хватило хотя бы на половину ночи. А там можно опять подпалить.

Поев, сразу же улегся, чтобы встать пораньше.

Ночью ему снилось то Лох-несское чудовище, то подводная лодка «Щука», пускающая под воду немецкий военный транспорт, то град Китеж, по улицам которого он бродил, встречая убитых в Афганистане товарищей, и у всех у них почему-то были волчьи лица. И правое ухо было слегка надорвано. У всех.

40.

У каждого человека есть самые первые воспоминания. То есть воспоминания о самом первом ощущении, когда маленький человек смог в первый раз пробить своей слабой головенкой, поднимаясь вверх, к солнечному свету, толщу всеобщего времени. И оказался в своем времени. Где уже есть он и все остальные.

У Андрея Петровича такие воспоминания тоже есть.

Солнечный день. Сладко пахнет досками. Так могут пахнуть только сосновые доски, напоенные смолой.

Высокий мужчина, молодой, шутит с Андрюшей. Говорит ему что-то смешное, отчего они вдвоем звонко смеются. Мужчина громко, как ему и положено, Андрюша потише, но всхлипывая от смеха. Дядя веселый. Веселых любят все дети.

Дядя ловко стругает рубанком доску. Из-под рубанка выползают желтоватые кудрявые стружки. Именно они и пахнут так хорошо.

Андрюша берет в руки стружки. Они очень приятные – шуршат, свиваются колечками, легко пружинят.

Андрюше хорошо.

Дядя берет в руки пилу и отпиливает доску, продолжая шутить. Да и пила звучит тоже весело. Немного напоминает хрюканье свинки. Как хрюкает свинка, Андрюша прекрасно знает, потому что мама читает ему такую книжку, где надо повторять за мамой как делают разные зверьки: ква-ква, му-му, мяу-мяу, гав-гав, хрю-хрю, ко-ко-ко, бе-бе.

И еще веселый дядя стучит по доскам молотком. Забивает гвозди. Детям нравится, когда стучат. Потому что это барабан.

В окно ярко светит солнце. Пылинки в воздухе весело толкутся, как совсем крохотные бабочки. Бабочек Андрюша знает. Они красивые и добрые, не кусаются.

У Андрюши есть и еще одно воспоминание об этом веселом мужчине, последнее.

Андрюша уже подрос. Ему скоро идти в школу.

Большая комната. На столе стоит длинный ящик. Тогда, когда этот мужчина весело шутил, то делал точно такой же длинный ящик. В ящике лежит этот мужчина. Только он сейчас не шутит, его глаза закрыты.

И Андрюше очень жалко, что мужчина не шутит, не смешит его. Потому что хочется, чтобы рассмешил, а то как-то невесело. Потому что вокруг много людей и все они грустные. А одна женщина в черном платке все время плачет.

Какой-то мужчина вдруг говорит совсем маленькому мальчику, Андрей Петрович раньше знал, как его зовут, теперь забыл, этот другой мужчина говорит:

– Беги, буди папку-то, ишь как папка заснул, буди его...

Мальчик нерешительно делает два шага. Женщина в черном платке хватает его, рыдая, прижимает голову мальчика к груди.

От этого другого мужчины очень плохо пахнет.

От ящика на столе приятно пахнет сосновыми стружками.

И кажется, что над ним весело толкутся крохотные бабочки.

41.

Андрей Петрович проснулся, как только начало светать. Свой внутренний будильник, который никогда его не подводил, он настроил именно на это время.

Головни, которые ночью давали тепло, уже почти прогорели. Однако тепла хватило, чтобы подогреть банку консервов – гречка с говядиной.

В лесу уже начиналась какая-то возня. Какое-то приведение себя порядок после ночного сна птиц и всяких мелких тварей – от жуков до мышей, которые начинали шуршать пожухлой травой и опавшими, но далеко не до конца, листьями. Звери покрупнее, чуя запах костра, старались держаться подальше.

Сполоснул лицо водой из ручейка, который, как понял Андрей Петрович, стремился к речушке, впадавшей в то самое озеро.

Позавтракал. Без чая, выкачивая кадыком из фляжки простую воду.

Набрал в ручье воды и залил зашипевшие угли, пыхнувшие белым дымом.

Сверился с компасом. И пошел, не ощущая груза пройденных накануне километров.

Судя по всему, до озера оставалось не так и далеко. Потому что вскоре уже ощущался небольшой уклон, который сопутствует крупным водоемам и рекам.

Через полтора часа лес стал постепенно редеть.

Радиация, подумал Андрей Петрович.

Однако дело было вовсе не в ней. Если она, конечно, была.

Вскоре деревья сменились кустарником.

Разомкнулся и он...

И впереди блеснула водная гладь, бликующая под лучами утреннего осеннего солнца.

Озеро было примерно таким, как его и представлял Андрей Петрович. Что в длину, что в ширину – тут мог бы взлететь и приземлиться фронтовой бомбардировщик Су-24. Место вполне хватило бы. По берегам безмятежно росли камыши, слегка покачивающие своими коричневыми султанами, то соглашаясь, то не соглашаясь с чем-то, что нашептывал им легкий ветерок. И эта безмятежность напомнила Андрею Петровичу мороженое эскимо из далекого и безвозвратного

детства, то самое эскимо, которое было похоже на толстенькие коричневые, будто глазурированные шоколадом, столбики камышей.

Что он ожидал здесь увидеть? Мутировавших от радиации двухголовых змей, сплетавшихся в клубки? Шестиногих зайцев? Деревья, растущие корнями вверх?.. Так ничего этого не было и нет и в помине даже в Припяти через много лет после Чернобыльской катастрофы.

Да, когда-то, сравнительно недавно, когда обзавелся интернетом, он рассматривал «документальные» фотографии «из зоны» с трехглазыми телятами, с жабами, похожими на крокодилов, с птицами, у которых крылья заканчивались когтями. Был доверчив, как и все афганцы, вернувшиеся с войны после нескольких лет разлуки с родиной. И не имевшие представления о том, какая вакханалия лжи захлестнула эту самую родину. «Фотки из Припяти» – это были абсолютно невинные фейки на фоне того, что впаривали россиянам под соусом возрождения страны и оздоровления общества. Ну, или наоборот – возрождения общества и оздоровления страны. Или – оздоровления возрождения и остранения общества. У них ведь как у наперсточников – не уследишь за наперстками и не угадаешь, сколько у тебя из кармана денег вытащат. Особенно Андрею Петровичу тогда понравились разговоры по двум главным телеканалам – один принадлежал Березовскому, другой Гусинскому – о том, что там, где есть богатые, нет бедных. Его, одинокого волка, на такую туфту поймать было невозможно.

Андрей Петрович побродил вдоль берега, поглядел на прозрачную воду. Даже зачем-то сорвал пару припозднившихся сентябрьских цветков и понюхал их. Здесь, как и на ночевке, было все точно так же. Стрекозы. По воде сновали водомерки. В одном месте была протоптана тропа с отпечатками копыт у самой воды. Видимо, здесь пили кабаны или лоси.

Естественно, никаких проявлений радиации он не наблюдал и не ощущал. Правда, прекрасно знал о том, что эта штука даже в смертельных дозах никак не ощущается. Ни покалываний кожи, ни нагревания щек, ни тошноты, ничего... И потом, через несколько часов или на следующий день эта зараза начинает выгрызать человека изнутри.

Дозиметра, понятное дело, у него не было.

Но он поставил на карту слишком много, гораздо больше, чем его индивидуальная жизнь, кроме него самого, никому ненужная.

Окунул руку в воду. Температура такая же, какая и должна быть после холодной сентябрьской ночи.

Что оставалось делать? Да, и зачем он, собственно, сюда притащился? Чтобы убедиться в реальности существования этого озера, в котором, в самой середине, метров за пятьсот от берега, в непрозрачной глубине, стоит и работает ядерный реактор мощностью в пятнадцать мегаватт? Погода была не та, чтобы устраивать такой заплыв с нырянием. К тому же, если на берегу и есть радиация, то большую дозу не схватишь. А из воды можно будет вытащить этой заразы изрядную порцию.

К тому же и лодки по вполне понятной причине – место-то гиблое – не было и быть не могло...

«Кстати, – подумал Андрей Петрович, – а почему же Федор называет это место гиблым? Ведь хожу и никакой гиблости не ощущаю. А ему за каждым кустом леший мерещится. Может, он человек с более чувствительной психикой, как говорится, “пограничник”? Ну, или какие-то особые рецепторы, улавливающие даже незначительную радиацию? Есть же люди, которые ощущают даже минимальные перепады давления. Или вспышки на солнце – это ведь тоже радиация! Или, вообще, способны угадывать мысли и предвидеть будущее...»

Стоп, сказал Андрей Петрович, этак можно до всякой чертовщины додуматься. А вопрос-то простой: есть озеро, и надо попасть на его середину.

Однако простым он был бы для отделения морских пехотинцев, оснащенных необходимым инвентарем и оборудованием. Если нет лодки, то можно сделать плот. Но для этого нужны веревка и топор. Небольшой топорик у него был, потому что в длительном лесном походе без топора никак нельзя. И он бы с ним вполне управился, нарубил бы штук пятнадцать бревнышек десяти-

сантиметрового калибра. А вот веревки не было. Потому что веревка необходима в горах, а в лесу от нее мало толку.

«Мало толку и от твоей пустой головы, – сокрушенно сказал себе Андрей Петрович. – Был бы поумнее, то предусмотрел бы такой расклад».

Но, еще поразмышляв, понял, что и от веревки не было бы большого толку. Потому что нужен шест, чтобы перемещаться, отталкиваясь от дна. У берега-то мелко, а дальше наверняка метров десять-пятнадцать. С дрыном такой длины управляться невозможно...

Внезапно послышались шаги. И Андрей Петрович понял, что самое главное – карабин – он захватил. Потому что одинокому волку необходимо всегда быть начеку.

Шаги приближались. И это были не одиночные шаги. Их – кого?! – было трое или четверо.

Он поднял карабин. И снял его с предохранителя.

И вспомнил Федора. Которому за каждым кустом что-то мерещилось.

Андрею Петровичу не мерещилось. В себе, в своем слухе и зрении, он был уверен на все сто.

Из-за кустов выплыла мощная голова с рогами. Лосиная.

Лось вышел весь, до крайней оконечности своего могучего тела.

Красавец, подумал Андрей Петрович.

Затем появилась самка. Стало быть, его жена. И два подростка, но уже крепеньких, способных так поддать своими крутыми лбами, что отлетишь метра на три.

Лоси увидели человека.

Остановились. И некоторое время смотрели. Но не испуганно, а, пожалуй, с любопытством. Видимо, видели человека в первый раз. И не могли себе предположить, насколько он может быть подл и опасен.

Андрей Петрович улыбнулся. Хрен их разберет, может, поймут его улыбку как добрые намерения.

Отчасти это подействовало нужным образом, поскольку у загадочного существа во рту не было клыков. И когтей на лапах не было тоже.

И лоси спокойно двинулись к воде по протоптанной местным зверьем тропе.

Пили не жадно, с достоинством. Изредка посматривая на загадочное существо, которое стояло, не меняя позы, и не делая никаких движений, чтобы не спугнуть этих красавцев.

Подростки, напившись, устроили что-то типа шаловливой потасовки. Поскольку энергия распирала их изнутри. Однако отец это дело пресек, дескать, некрасиво на глазах у неизвестного существа, дескать, что оно о нас, о лосях, подумает.

Напившись, так же степенно скрылись в лесу.

И тут на Андрея Петровича нахлынуло что-то совсем невообразимое. Абсолютно нелепое. Ему стало смертельно жаль лосей. Смертельно жаль, что они погибнут от ядерной атаки, сгорят, превратятся в пепел. Причем не этих, можно сказать, родных, стало жаль, а тех, которые на другом материке. Он знал, что их там тоже много. Может, не в самой Америке, а в Канаде, где такой вот лесной глуши в изобилии. И они также приходят на водопой. И они так же ослепительно красивы. И их дети такие же шустрые, и должны жить и рожать своих детей, пока не закончится их лосиный век.

И он должен их спасти. Как и людей, которые на другом материке, которых эти твари в высоких кабинетах и в штанах с широченными лампасами называют промеж себя врагами, которые подлежат уничтожению. И исподволь, косвенным образом, стараются внушить эту ненависть всем. И на другом берегу океана точно такие же твари делают то же самое.

Андрей Петрович вдоволь насмотрелся на таких врагов. Убедился, что у них и кровь точно такого же цвета, и мучения они испытывают точно такие же, когда их прошивает автоматная очередь или от разрыва мины на землю вываливаются кишки. Или из оторванных конечностей,

пульсируя, бьет струйка крови, словно вода из питьевого фонтанчика. Они точно такие же, точно такие же люди.

И он должен к чертовой матери сломать вышку, вывести ее из строя, чтобы невозможно было восстановить. Оторвать к чертовой матери эту мертвую руку!

Андрей Петрович вдруг каким-то запредельным чутьем, какими-то внутренними своими механизмами, которые столь же загадочны и непредсказуемы, как законы физики, которые будут открыты через сто лет, осознал, понял, что и там, где-нибудь в американской пустыне или в точно таких же лесах сидит на такой же точке какой-нибудь как и он старпер, Чарли или Джон, которого считают идиотом. И у этого идиота в голове творится то же самое, что и у идиота из вологодских лесов. И он тоже намеревается уничтожить американскую мертвую руку. К чертовой матери!

Ведь не может же быть Андрей Петрович настолько уникальным, единственным на всю планету. Есть и другие, которые и здесь, и там готовы воспрепятствовать планетарному самоубийству. На других точках. На которых другие вышки или что там у них есть, другие принципы управления и другие каналы распространения команд...

Сломать эти механизмы пусть и ценой собственных жизней. Которых насчитается не так уж и много. Сто. Тысяча одиноких волков.

Что это в сравнении почти с восьмью миллиардами?

0,0000125%

Величина, стремящаяся к нулю.

Но на эту тысячу возложена миссия, которая многократно увеличивает силы. И позволяет сделать теоретически невозможное практически возможным.

42.

Вернулся он с озера под вечер следующего дня.

Никаких таких особых ощущений не было. Кроме разве что небольшой усталости, все-таки за четверо суток отмахал, можно сказать, в российских джунглях больше сотни километров. То есть если какая-то радиация на озере и была, то она оказалась незначительной. Без угрозы для здоровья.

Поход оказался не таким уж и бессмысленным. По косвенным признакам выходило, что реактор там есть. Во-первых, он наткнулся на почти вросшие в землю две железобетонные плиты. Видимо, оказались лишними. И соответственно, их никто не стал увозить обратно. Потому что тогда, когда строилась вышка, никто в армии денег не считал. Могли бросить не только бетонные плиты, но и тяжелую строительную технику, если бы возникли хоть малейшие сложности с ее вывозом из лесу.

Во-вторых, ощупывая заостренным колом мелководье, как показалось Андрею Петровичу, он наткнулся на какую-то конструкцию. Вероятно, это был бетонный канал, в котором был проложен силовой кабель. Где-то на глубине метров двух. А сверху был изрядный слой ила.

Ведь не лешие же в глухомань плиты притащили. И не водяные построили какое-то придонное сооружение.

Так что всё сходится. Энергию для вышки, несомненно, дает запрятанный на дне ядерный реактор.

Ну а то, что эта зараза фонит, так это генералов интересует в последнюю очередь. А в те времена, когда все это строилось, так и вопрос такой в голове не мог завестись. Что, небольшое превышение радиоактивного фона? Где, в вологодской глуши, где плотность населения такая же, как в Сахаре? Да что же это за чушь собачья – негативное влияние на природу?! У нас этой природы – хоть жопой ешь! Главное – скрытность и надежность! Повышение обороноспособности Родины – любой ценой! Все эти мелкие издержки с лихвой перекрываются обретением возможности гарантированного уничтожения североамериканского материка!

Конечно, всякое новое знание – это полезно. Поскольку расширяет кругозор. И чуть-чуть продвигает человека к разгадке тайны мирозданья. Но это все в теории. Практически же Андрей

Петрович никоим образом не мог воспользоваться своим открытием для достижения намеченной цели. У него не было ни малейшей возможности уничтожить реактор.

Нет, конечно, он мог бы перерубить кабель где-нибудь в непосредственной близости от озера. Раскопал бы яму, метров трех в глубину должно было бы хватить. Ведь не на десять же метров они заглубились при прокладывании силовой трассы. Потом раздолбил бы ломом бетонную плиту, закрывающую желоб сверху. А затем что-нибудь придумал бы и с самим кабелем. Конечно, там может быть совершенно дикое напряжение, несколько тысяч вольт. Но можно ведь что-нибудь придумать, что-нибудь механическое, без соприкосновения с медными жилами, которые проходят внутри кабеля. Можно, вполне можно.

Однако это будет для вышки все равно, что укус комара, что слону дробина. Быстро найдут место обрыва, быстро приедут, быстро восстановят. Ну, а ветерана ВДВ, соответственно, к стенке. А потом в яму, рядом с Вальтером.

Вариант был абсолютно никудышный.

На следующее утро на связь вышел Сергей. И после традиционных вопросов о здоровье, о погоде и о тактической обстановке на объекте спросил, куда это на три дня пропадал вольнонаемный, поставленный командованием Военно-морского флота Российской Федерации охранять объект? И хоть этот объект никому, кроме штабных крючкотворцев, на хрен и не нужен, но порядок есть порядок. На порядке держится Армия. А на составляющих мощное тело Армии – Военно-морском флоте, Военно-космических силах и Сухопутных войсках, – как на трех китах, держится Россия.

Ветеран ВДВ довольно правдиво ответил, что рация отключилась. Что сел аккумулятор, и Андрей Петрович этого не заметил. И только сейчас заменил его новым. А старый поставил на зарядку. В действительности же он перед походом на озеро сам отключил аккумулятор. Чтобы создать правдоподобность причины невыхода на связь с базой.

Конечно, Андрей Петрович не был Штирлицем. Но и капитан второго ранга Колыванов не был Мюллером. Так что это объяснение, шитое белыми нитками, было принято.

– А мы-то уж подумали, – продолжил Сергей, – что на тебя опять какие-то братки неуемные наехали. Ну, помнишь, как тогда, когда пришлось их бэтээром и «крокодилом» шугануть?

– Как не помнить? Красиво они улепетывали штаны отстирывать... Не, у меня по этой части все тихо.

– Вертера похоронил? – спросил Сергей после некоторой паузы. Видимо, соображал, уместен ли будет вопрос, зажило ли у него все это дело? В конце концов не о человеке речь, о волке.

– Вальтера, – поправил Андрей Петрович абсолютно спокойным голосом на фоне потрескивающих радиопомех.

Вопрос был, так сказать, пробный. Коль успокоился старик, то можно продолжить развивать довольно щекотливую тему.

– Да, дядь Андрей, тут генерал себя сильно виноватым чувствует. Хочет это дело как-то загладить.

– Не надо меня гладить, – жестко, но не ожесточенно.

– Да погоди ты! Он же тебя прекрасно понимает. Вот он щенка присмотрел. Немецкая овчарка. Кобелек. Породистый, у родителей полная грудь всяких медалей. Вот он и хотел бы...

– Нет, спасибо, не надо, – прервал Сергея Андрей Петрович. – Собаку мне не надо. Обойдусь.

– Но ведь с ней же лучше будет...

– Нет, не будет. И хватит об этом. Я ведь все прекрасно понимаю. Проходил это в Афгане. Дружественный огонь называется. Когда бомбардировщик начинает по ошибке кидать бомбы на своих. И тут виноватых не сыскать. Летчик не виноват. Ему сверху не разобрать, свои это или же духи. Наводчики тоже, они все по карте делают. На карте не так все отмечено, штабные крысы все перепутали. В результате пошли гробы в Россию... В общем, хватит на эту тему... А генералу скажи, что погорячился тогда. Пусть прилетает со всей вашей шоблой.

– Лады, – ответил Сергей. – Но, видно, нескоро, у всех много дел.

Потом поспрашивал, что надо из провианта подбросить. Может, одежка износилась. Или еще что-нибудь. И тут Сергея Петровича осенило:

– Да, решил я на следующую весну картошку посадить. Чтобы, значит, своя была, свеженькая.

– Дело хорошее, – согласился Сергей.

– Так вот мне инвентарь нужен. Лопата есть. Нужна тяпка, чтобы окучивать. И удобрения...

– Я слышал, что навоз – лучшее удобрение.

– Где ж его тут взять-то. За лосями и кабанами, что ли, собирать?

– Это долго надо, – рассмеялся Сергей.

– Так вот надо суперфосфат. И еще аммиачную селитру и калиевую селитру. Тогда урожай будет хороший.

Аммиачную селитру и калиевую Андрей Петрович назвал максимально бесстрастно. И лишь после суперфосфата. Чтобы Сергей ничего не заподозрил.

– Ну, лады, ближе к весне подвезем.

– Нет, Сережа, надо сейчас. Мы с родителями на даче картошку сажали. Так вот почву лучше всего осенью подготавливать. Чтобы все там настоялось и устаканилось.

– Хорошо, мичман тебе все подвезет.

43.

Если Андрей Петрович и слукавил, то самую малость. Это он сейчас придумал, что надо землю подготавливать к посадке осенью. Чтобы поскорее получить селитру, которая необходима для изготовления самодельной бомбы.

А картошку он действительно сажал с родителями. В прошлой жизни, которую, казалось бы, навсегда вычеркнул из своей не только оперативной, но и долговременной памяти.

В шестьдесят девятом отцу дали участок. Восемь соток. И, будучи человеком энергичным, он с энтузиазмом занялся сельским хозяйством. Отсутствие какого бы то ни было опыта его не только не смущало, но и раззадоривало. Как человек системный, начал со штудирования литературы. При этом сосредоточил свое внимание прежде всего на картофелеводстве. Поскольку, хоть семья и не нуждалась, но картошка в то время в России считалась базовой культурой. А всякие огурчики-помидорчики – баловством. Но, разумеется, воткнул в землю четыре тоненькие яблоньки, чтобы лет через пять-семь отведать своих яблочек с румяными боками.

Разумеется, осенью почву не готовили. В конце апреля, когда земля подсыхала от стаявшего снега и прогревалась, Андрей, которому тогда было двенадцать лет, и отец брали в руки лопаты и начинали вскапывать огород. Не все восемь соток, под домик была оставлена небольшая площадка.

Разумеется, силы у крепкого мужчины и пацана были неравны. Но Андрей отставать от отца не хотел. Отец, видя такую прыть, одновременно из педагогических соображений и из любви к сыну почаще устраивал передышки. Именно передышки, а не перекуры, поскольку был некурящим. И пораньше отправлял сына домой. По различным надуманным поводам. Проверить уроки у младшей сестры. Сходить в магазин за хлебом. Проверить почту, поскольку якобы ждал срочное письмо.

За пару дней управлялись. Но это со второго года ковыряния в земле. Потому что в первый раз надо было вскапывать целину, а это было занятие не из легких. Отец целую неделю возвращался с огорода уже в сумерках. Ужинал и ложился спать. Чтобы назавтра опять уйти спозаранку.

Так вот, никакой селитрой они землю не удобряли. Клали только суперфосфат.

Осенью накапывали мешков шесть, которые хранили в сарайчике рядом с домом. Раньше у всех были сарайчики. Отец специально выкопал в сарайчике погреб для картошки, чтобы зимой не промерзала.

Ну, а на второй год, когда отец уже успел проштудировать спецлитературу поглубже, появились и редиска, и огурцы, и помидоры. Разумеется, и капуста, для засолки которой отец купил на рынке небольшой бочонок.

С домиком не спешили. Это сейчас понятие «дача» подразумевает прежде всего двухэтажный дом с печью, с водой, с теплым сортиром, где дерьмо антисептически преобразуется в нейтральную субстанцию, со спутниковой тарелкой на крыше. Дом, в котором можно жить круглый год. Но куда приезжают по большей части по праздникам и выходным, чтобы пожарить шашлыки, посверкать фейерверками, где детям можно побегать босиком по подстриженной газонокосилкой лужайке. В общем, ДОМ, в котором все буквы заглавные.

А тогда отец на «зилке» подогнал досок и брусьев от сломанной в их части какой-то хозяйственной постройки. И, предварительно проштудировав литературу, но уже строительную, засучив рукава и поплевав на ладони, начал орудовать пилой, топором, молотком и рубанком. Андрей помогал в меру своих сил.

Получилось вполне прилично. И даже с некоторым шиком. Веранду отец оббил дощечками от ящиков от водки, предварительно их острогав и покрыв морилкой. Дощечки прибил не тупо, то есть вертикально или горизонтально, а елочкой. Сбоку вывел трубу от буржуйки. Хоть особого смысла в печке и не было. Иногда Андрей ночевал в домике, но это было исключительно летом, когда по ночам хочется не тепла, а прохлады.

Соседями справа было точно такое же семейство. Со стандартными, советскими, притязаниями. Тот же самый набор овощных культур. И примерно такой же приземистый домик с двумя маленькими окошками.

А вот слева был большой оригинал. Этакий предтеча нового русского бизнеса, который начал разворачиваться в перестройку в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, и вскоре развернулся уже во всю ширь и мощь уже в Российской Федерации.

Сосед засеял весь свой участок сахарной свеклой, из которой после сбора урожая заквашивал брагу. Из полуфабриката гнал самогон. Исключительно для этой цели он и построил домик, точнее цех по нелегальному изготовлению крепких спиртных напитков с целью их сбыта. Мужик был башковитый. Добился, чтобы на территорию садового товарищества провели электричество, чтобы подогревать с его помощью чан с брагой. Заказал на номерном заводе автоматизированный аппарат из нержавейки, конструкцию которого разработал собственноручно. Заключил взаимовыгодное соглашение с ларьком по приему у населения стеклопосуды, получая таким образом нужное количество бутылок для розлива готовой продукции. Наладил сбыт, хорошо законспирированный. И вел свое дело, абсолютно не опасаясь, что против него когда-либо будет возбуждено уголовное дело по статье 158 УК РСФСР, нарушение которой было чревато тюремным заключением на срок от трех до пяти лет.

Все шло очень хорошо. Сосед богател не по дням, а по часам. У него появилась машина. И не какой-то захудалый «Москвич», а черная «Волга». Из той серии, которая предназначена для обслуживания горкомовского и обкомовского начальства. Ходил в замшевой куртке. И она у него была не одна, он их часто менял. Зимой надевал дубленку с бобровым воротником. Обзавелся новой женой, которая была похожа на киноактрису Наталью Белохвостикову. Разумеется, дома у него было выше крыше всяческой импортной аппаратуры, о чем он порой хвастался отцу, пытаясь его научить, как надо жить.

На соседа все в дачном поселке посматривали с неодобрением. Может быть, к ней слегка примешивалась и зависть. Но базовой основой неодобрения была, конечно, брезгливость к человеку, который смотрит на мир сквозь искривляющую призму меркантилизма. В ту пору в людях еще не выветрилась память о полете Гагарина, о перекрытии плотиной Ангары, о триумфальных гастролях в Европе и в Америке ансамбля «Березка» и Московского цирка. А этот уткнулся в свою до краев наполненную кормушку и хрюкает от восторга.

Но при этом никто о его деяниях не сообщал куда следует. То есть в милицию. И не столько из-за неприятия доносительства, сколько от опасений. Как бы чего не вышло. А выйти могли большие неприятности. Потому что винокуренный бизнесмен всячески афишировал свои близкие отношения с городским начальством. Вплоть до первого секретаря горкома. И, действительно, люди порой могли наблюдать, как он в общественных местах тепло общался с сильными мира

сего. Дело дошло до того, что однажды, во время ноябрьской демонстрации, он стоял на трибуне, под которой проходили колонны торжествующих трудящихся. Стоял между секретарем по сельскому хозяйству и начальником ГАИ.

Однако бог оказался не фраером. Однажды, когда самогоноварочная установка работала на полную мощность, произошло возгорание спиртных паров. Огонь быстро перекинулся на помещение. Начали взрываться емкости с готовым продуктом. И вскоре подпольный цех вовсю пылал.

В огне погибли два наемных работника. И это было совсем скверно, потому что налицо был факт использования наемного труда, что каралось еще более строгой статьей УК РСФСР – 162-й. Поэтому разрешить дело келейно, то есть силами городского отдела внутренних дел, не получилось. Прибывший из области следователь продемонстрировал подлинный профессионализм и неподкупность. В связи с чем винокуренный магнат загремел на восемь лет с конфискацией имущества. Естественно, автоматически лишился он среди всякого разного имущества и молодой жены, похожей на киноактрису Наталью Белохвостикову.

А освободившейся участок передали нормальному советскому человеку, который с энтузиазмом принялся на нем выращивать картошку, огурцы, помидоры, редиску и капусту. Идея социального равенства вновь восторжествовала в этом садовом товариществе.

Мать к огороду большого интереса не проявляла. Лишь изредка приходила, чтобы полюбоваться на плоды труда сына и отца. Ну, а сестре это дело было абсолютно по барабану.

Через некоторое время отпал от огорода и Андрей, начавший штурмовать вершины боксерского мастерства.

44.

Через три дня на БТРе подвезли все необходимое. Не столько для жизни, – всяческих консервов, круп и макарон было более чем достаточно, хватило бы месяца на два, а то и больше, сколько для дела. А дело у Андрея Петровича теперь было только одно – уничтожение вышки. Не самой, конечно, тут понадобилось бы несколько вылетов истребителей-бомбардировщиков Су-34. Необходимо было уничтожить ее электронную начинку, которая была спрятана за массивной бронированной дверью с номерным замком.

Справиться с дверью при помощи самодельных селитровых бомб было невозможно. Тут и думать было нечего. Такую дурынду надо было долбить противотанковыми ракетами с кумулятивной боеголовкой. То есть чтобы взрыв был направленным строго вперед, чтобы вся энергия уходила на пробивание стальной бронепластины.

В Афганистане у них в роте были такие. Противотанковая переносная труба «Метис». Ракета пробивает броню полуметровой толщины. Вполне хватило бы.

Возможно, стенки бункера, вход в который закрывает дверь, и потоньше. Но ненамного. Андрей Петрович долбил по стенкам молотком, но никакого эха, никакого барабанного звука не было. Их кустарной бомбой не возьмешь.

Оставался совершенно безумный выход – попытаться подобрать код к замку. То есть последовательно перебирать все комбинации.

Изучив замок, Андрей Петрович выяснил, что необходимо подобрать код, состоящий из девяти цифр – от нуля до девятки. То есть перебрать миллиард комбинаций. Ну, если принять, что искомый код находится где-то в середине этой шкалы, то полмиллиарда.

После чего произвел нехитрые подсчеты.

Предположим, за одну секунду можно нажать на одну кнопку. Следовательно, на набор одного кода уйдет порядка десяти секунд.

В минуте 60 секунд. За минуту можно набрать 6 кодов.

За час – 360.

За сутки – 8640.

За год – 3153600.

Если полмиллиарда разделить на это число, то получается, что подбирать нужный код придется 158 лет. Не есть, ни пить, ни спать – только набирать.

То есть, если бы у него был сын, а сын бы родил ему внука, а внук родил бы правнука, а правнук родил бы праправнука, то праправнук справился бы с задачей.

Если же код находится где-то в конце шкалы, рядышком с миллиардом, то количество поколений надо удвоить.

Если же учесть, что надо есть, пить, спать и все такое прочее, без чего человек не может обходиться, то...

Тут Андрей Петрович впал в отчаяние.

К счастью, оно было непродолжительным. Он ведь прошел уже значительную часть пути. И каждая очередная ступенька давалась ему нелегко. Но он справлялся и подвигался вперед. И эту ступеньку он преодолеет. Не может не преодолеть. Потому что на кону стояла планетарная жизнь. И он был уверен, что не только он один ищет выход из, казалось бы, безвыходного положения. Не только он один.

Знал, что есть и другие. Не может их не быть. И здесь, в России, и на другом берегу Атлантического океана. Ему было понятно, что занимаются этим люди изрядно пожившие, изрядно насмотревшиеся на страдания и смерти. На смерти, прежде всего, абсолютно бессмысленные, которых могло и не быть.

И это абсолютная ложь, что старикам якобы на все наплевать, что случится после их скорого ухода. Что после них хоть потоп. То есть глобальный ядерный костер. Старики, давно разорвавшие пуповину, которая связывала их с матерями, приросли незримой и нематериальной, экзистенциальной, пуповиной к планете. И через некоторое, не столь продолжительное, время за нее земля (хоть с маленькой буквы, хоть с большой) втянет их обратно. И они ощущают еще больший страх, чем страх смерти, ужас от того, что случится с этой их последней обителью.

С единственно возможной. Потому что загробный мир, находящийся в неведомой области, – это все поповские сказки. Нет, это всё здесь, рядом, в воздухе, в воде, в трепете листвы, в шелесте травы, в преломлении луча солнца в утренней росинке, в безмолвии снегов и в журчании ручьев. Именно из всего этого, впитанного землей навечно, и намеревался Николай Федоров воскрешать людей. Нет, конечно, Андрей Петрович ничего не слыхал о Федорове, но ход его мыслей был таков, что интуитивно все это понимал. Более того, почти ощущал физически присутствие в воздухе чего-то бывшего живого, что страстно хочет вновь обрести плоть.

А молодые бесстрашны. Их более всего прельщает всё яркое. А сила – она яркая, очень яркая. Добиться. Преодолеть любой ценой. Оттеснить. Захватить. Доказать. Доказать тоже любой ценой, еще большей. А для этого надо построить. Что-нибудь грандиозное. Но для этого надо что-то сломать, снести, потому что для этого грандиозного нет места, надо освободить для грандиозного грандиозное пространство. Да, сломать к чертовой матери фундамент. А самый главный фундамент – это жизнь. И вот ее к чертовой матери, не задумываясь, не подозревая, что под жизнью ничего больше нет, никакого предыдущего фундамента. Только пустота. Вакуум.

Андрей Петрович стоял у двери, заколдованной при помощи комбинаторики. Курил. Буравил ее взглядом. И думал, как же эту чертову заразу можно одолеть. Бесплодные скачки мысли по кругу даже вывели его на одном из виражей на «Сим-сим, откройся». И дальше он припечатал абсолютно непечатное слово.

Да, но, может быть, эту задачу уже удалось решить Борису? И это-то и привело к расправе над ним?

Загасив окурок, он вернулся в жилой блок. Достал тетрадку, ту самую, и начал внимательно просматривать записи Бориса, стараясь найти хоть какую-то зацепку.

Он это делал уже не в первый раз. И, как ему казалось, уже выудил из предсмертных записок своего предшественника самое главное. Расчет длины волны. Расчет необходимой для работы вышки энергии.

Но случайный девятизначный код нельзя было рассчитать. Для решения этой задачи необходимо было озарение, чудо, сотворившееся в мозгах.

Андрей Петрович знал, что зачастую пароли придумываются так, чтобы они не вылетели из головы. Например, подходит кличка «родной» собаки. Или название какого-то города, с которым как-то связан человек. Или еще что-то такое, что навсегда отпечаталось в памяти.

Да, но все это работает, когда в пароле используются буквы. Здесь же требовалось набрать девять абсолютно бесстрастных цифр, которые не имеют никакой эмоциональной окраски.

Но, может быть, какие-то числовые значения могут отображать сущность вышки?

Андрей Петрович радостно выматерился! Атомные веса изотопов, участвующих в цепной реакции! Уран? Да, уран! И плутоний. Эти цифры четко отпечатались у него в мозгу еще с училища. Уран – 235, плутоний – 239.

Да, но нужны еще три цифры. И он понял, что это длина волны. 256 километров.

Но в какой последовательности эти числа расположены?

Хотя это никакая не проблема. Вариантов только шесть:

235239256
239256235
256235239
235256239
239235256
256239235

Андрей Петрович буквально прокрался к двери, боясь спугнуть счастье. Хоть он и был в нем уверен, но все же...

Набрал первую комбинацию.

Ничего не произошло.

Вторую.

Результат тот же самый...

И шестая комбинация тоже была неверной.

Он опять вернулся на исходные позиции.

Опять достал тетрадку. И стал опять искать то место, где Бориса озарило прозрение.

Все те же латинские буквы, к которым были привязаны шеренги цифр.

И вдруг на предпоследней странице увидал абсолютную нелепицу: СЛАВА КПСС. И это было обведено эллипсом.

Да, он и раньше видел эту надпись. И решил, что Борис таким образом выразил свой восторг по поводу гениальных решений разработчиков вышки. При этом Борис как бы иронизировал по поводу того, что главная роль в этом деле принадлежит якобы не конструкторам, а КПСС – Коммунистической партии Советского Союза. Поскольку в те годы считалось, что КПСС – это главная руководящая и направляющая сила. По этому поводу даже существовал стишок соответствующего содержания:

Весна прошла, настало лето,
спасибо партии за это!

Все это, конечно, было прикольно. Однако чуть ниже было написано: mod 10.

И он вспомнил, что это из математики означает «по модулю 10». То есть берется какое-то число, скажем, 38, и от него отсекаются все десятки. В данном случае – 30. Таким образом, 38 по модулю 10 равно 8.

Когда он понял, что в этом дурацком СЛАВА КПСС ровно девять букв, то у него аж зачесались ладони. Значит, он на верном пути. Решение где-то рядом.

И наконец-то Андрей Петрович все понял. Каждая буква алфавита имеет свой порядковый номер – от 1 до 33. Значит, надо вычислить номер каждой буквы по модулю десять, и все должно сойтись.

С – 19 – 9
Л – 13 – 3
А – 1 – 1
В – 3 – 3
А – 1 – 1
К – 12 – 2
П – 17 – 7
С – 19 – 9
С – 19 – 9

Искомый код был таким: 931312799.

И никаким другим он быть не мог. Не должен быть другим, потому что в противном случае поиски окончательно зашли бы в тупик.

Он опять подошел к двери. Спина была мокрая, хоть дул неласковый северный ветерок. Но Андрей Петрович не замечал ни ветерка, ни того, как быстро остывает спина. Все вокруг, кроме двери, не имело для него никакого смысла. Выйди сейчас из лесу слон, на котором восседал бы лесник Федор в чалме и белых кальсонах, он не обратил на это дело ни малейшего внимания.

Начал последовательно набирать цифры, боясь ошибиться, заглядывая после каждого нажатия в бумажку, где он записал код.

На седьмой девятке внутри что-то негромко щелкнуло. И глухо заработал электродвигатель.

Однако дверь стояла непоколебимо, словно солдаты Ким Чен Ына на страже социалистических завоеваний его великого деда Ким Ир Сена.

Но, видимо, внутри совершались какие-то подготовительные операции. Потому что спустя пять секунд дверь поползла. Вправо. Обнажая свою полуметровую толщину.

И окончательно раскрылась, щелкнув напоследок концевым выключателем.

Внутри подслеповато светились две тусклые лампы.

Впереди была небольшая площадка. А дальше – лестница, уходящая куда-то вниз.

Андрей Петрович сделал три шага. Вперед. В полную неизвестность.

И вдруг двигатель опять заработал. Но значительно громче, потому что его звук не укрывала массивная дверь.

Он резко повернулся и увидел, что дверь закрывается. Но уже значительно быстрее.

Рванулся наружу. Еле успел, чтобы дверь не раздавила его в проеме, как мышонка.

И хоть на бегство ушло не более полутора секунд, он успел заметить, что внутри тоже есть номерной замок. Тоже срабатывает на отпирание, чтобы выпустить. Но было ясно, что там совсем другой код. И экспериментировать с ним изнутри было равносильно самоубийству.

Успел заметить и то, что механизм отпирания двери был спрятан внутри стены. То есть вариант сломать его, скажем, вставив лом в какую-нибудь шестерню, не просматривался.

Но, как бы то ни было, Андрей Петрович был уверен в том, что находится уже в шаге от победы. Максимум – в двух шагах.

45.

Было ли ему страшно, когда за спиной он услышал шум включившегося мотора? И когда, повернувшись, увидел, как дверь закрывается, угрожая оставить его в западне. После чего его вытащили бы, шлепнули и закопали рядом с Борисом.

Если бы Андрея Петровича в такие моменты охватывал страх, то его давно бы уже не было в живых.

Страх пришел лишь после того, как он выпрыгнул из дверного проема, когда оказался в безопасности.

А в мгновения, минуты и даже часы реальной угрозы, когда жизнь висит на волоске, страх способен порвать этот тонкий волосок, эту ниточку, которая соединяет с миром живых.

Инструктор в училище перед первым прыжком говорил им: «Каждый из вас имеет право испугаться. Но испугаться, мать вашу, можно только на земле! Да и то, когда соберете парашюты».

В экстренных ситуациях все эмоции отключаются. Чтобы не мешать работе мозга в форсированном режиме. Когда он с громадной производительностью просчитывает траектории движения рук, ног, тела, расстояния до точек опоры, необходимые усилия, совершаемые множеством мышц, распределяет приоритеты опасностей и угроз, анализирует множество сопутствующих факторов, таких как угол падения солнечных лучей, коэффициент сцепления подошв с поверхностью земли или пола, силу и направление ветра...

В такие мгновенья, минуты и даже часы в форсированном режиме работают и органы чувств – обостряются зрение, слух, обоняние, тактильные ощущения.

Ни один компьютер мира, даже самый мощный, не в состоянии в реальном масштабе времени решать задачи, с которыми в экстренных ситуациях справляется мозг спецназовца высшей квалификации.

А у Андрея Петровича была именно такая квалификация.

Конечно, многое, очень многое тут зависит от природных задатков. Так сказать, от генетики. Однако даже средние задатки можно развить так, что человека после пары лет упорных тренировок будет не узнать. Капитан Сидоренко говорил им, курсантам-первокурсникам, что даже зайчиха, защищая своих зайчат, способна обратить в бегство лису. Разумеется, он говорил это в том смысле, что защита Родины удесятеряет силы. Однако и заяц-холостяк способен дать достойный ответ превосходящему по силам противнику.

На первых экстремальных тренировках весь их курс, конечно, хлебнул лиха. И все время инструкторы вдалбливали в их коротко остриженные головы, что страх – это надежный проводник на тот свет. Испугался – так лучше пусти себе пулю в лоб. В противном случае враг, захватив тебя, начнет над тобой глумиться, отрезая уши, тыкая ножом в спину, чтобы не задеть жизненно важные органы, взрежет живот и в конце концов перережет горло.

Им постоянно внушали, что страх – это гораздо страшнее смерти.

Все началось, так сказать, с цветочков. Их взвод прекрасным солнечным сентябрьским днем вывели в пригородный лесок. Якобы для отработки ориентирования на местности. И вдруг из кустов началась автоматная пальба. Стреляли холостыми. Однако мандраж был как от боевых. Рассудок-то понимал, что с какого рожна они решили перестрелять первокурсников. Однако у многих, и у Андрея Петровича в том числе, грохот автоматных очередей перекрывал рассудок.

Впоследствии дошло дело и до боевых. И они реально свистели над головой при прохождении полосы препятствий. А кое-кого и цепляло слегка. Собственно, скорее не цепляло, а царапало. И это заставляло впредь больше мобилизоваться, включать свой мозг в форсированном режиме, изо всех сил вытеснять страх.

По мере накапливания опыта и сноровки испытания утяжелялись. Как в физическом отношении, так и в психологическом. На тренировках совсем рядом постоянно был огонь, удушающий дым, свист пуль, взрывы гранат, лязг гусениц танка, который проползал над тобой, и ты затылком чувствовал вибрацию его днища, а в щеки и уши летела земля, выковыриваемая гусеницами. И потеря самообладания в таких условиях могла стоить не только тяжелой травмы, но и увечья, а то и смерти.

Страх был смертельно опасен.

А потом была первая война. Потом вторая. И, наконец, Афганистан. Где Андрей Петрович в минуты опасности превращался в боевой автомат, снабженный выключателем страха. Потому и

вернулся домой своим ходом, а не в цинковом гробу. И даже издерганным и загнанным медикам не прибавлял в Афгане хлопот.

Но ничего этого помнить он не хотел. Хоть это и часто снилось ему по ночам.

Да, конечно, в Рязани были выматывающие кроссы и марш-броски, изнурительные силовые тренировки, ежедневные мордобои, часто с размахиванием реальными ножами, которые назывались рукопашной подготовкой. Были серьезные ушибы темно-бордового цвета, были повязки на кровоточащих ранах, были растяжения связок...И это считалось хорошим подспорьем к учебному процессу, поскольку воспитывало в будущих офицерах ВДВ переносимость боли. Но все это, по мнению Андрея Петровича, было не самым главным.

Важнее были тренировки не тела, а духа. Потому что в бою побеждает не тело, а именно дух.

46.

Дальнейший план действий был предельно понятен и прост. Изготовить побольше селитровых бомб и швырнуть их в проем двери в пространство, куда уходит лестница. Однако вначале надо попытаться узнать, куда же именно она уходит. И будет ли толк от взрыва.

Он опять открыл дверь. И начал исследовать придверную площадку. Чтобы выяснить, каким образом запускается механизм закрывания двери. Черед полминуты стало понятно, что никакого таймера нет. Дверь по-прежнему стояла открытой.

Тогда начал водить внутри палкой. Может быть, механизм запускается от датчика движения?

И опять никакой реакции не последовало.

Оставался последний вариант – датчик давления на пол. То есть где-то там, под металлической пластиной, спрятана банальная нажимная кнопка. Или, иными словами, концевик. А сама металлическая пластина пола опиралась на пружины. При давлении на пол с силой, равной человеческому весу, пружины сжимались, и пластина опускалась на кнопку, замыкая тем самым электрическую цепь подачи напряжения на двигатель.

Надавил палкой на пол – тишина. Надавил сильнее – тот же самый результат.

Черт возьми, подумал Андрей Петрович, уж не на запах ли эта хреновина реагирует?

Однако эта хреновина реагировала не на запах. Стоило надавить палкой изо всех сил – все-таки в нем было за семьдесят, – как дверь поползла влево. И опять-таки скорость движения была заметно выше, чем при открывании.

Получалось, что попасть внутрь не представлялось возможным.

Он опять набрал код. Дверь открылась. Он закурил и стал думать.

Но ничего конструктивного на ум не приходило. В голову лезла всякая дичь. Например, накачать гелием шар и таким образом разгрузить свой вес. То есть снизить давление на пол.

А вот попытаться сделать жесткую конструкцию в виде буквы «Г» вполне можно было бы. Чтобы она крепилась в вертикальном положении снаружи, а горизонтальный брус уходил бы внутрь. И на руках переместиться на горизонтальном брусе как можно дальше внутрь, чтобы все внимательно осмотреть.

Однако как только он одобрил такой вариант, включился электродвигатель, и дверь опять закрылась. Значит, она срабатывает не только от давления, но и от таймера, который рассчитан на четыре минуты. Столько у него заняло выкуривание сигареты. За это время ничего сделать не удастся.

Опять открыл дверь. И несколько раз подпрыгнул, чтобы получился лучший угол обзора. Но конца уходящей вниз лестницы не просматривалось.

Вот, заразы, подумал он, будто предвидели, что я или кто-то другой попытается разгадать эту чертову тайну.

Покидал вниз через дверной проем камешки. Но было абсолютно непонятно, о что они там внизу стукаются. То ли о ступеньки. То ли о пол помещения, куда они ведут. И какая там глубина.

Было понятно, что придется взрывать наугад.

Изготовление бомбы заняло довольно много времени. К вечеру, когда в лесу была уже абсолютная темень, сделал только половину работы. Лишь прожектора освещали периметр. Обычно он их не включал, поскольку толка в них не видел. Диверсантов в округе не было и быть не могло. Кроме него самого, разумеется.

Аммиачная селитра в мешке уже частично слежалась, набравшись влаги. Поэтому пришлось растолочь комки в мелкие гранулы. Подумал, что порошок будет мощнее, поскольку у него больше площадь горения. И принялся измельчать гранулы.

Потом озаботился корпусом. Ну, то есть так, чтобы он был один, не получалось. Надо было набрать побольше банок и сделать связку. И непременно закупорить получше, чтобы продукты горения сдетонировали и разнесли бы чертову аппаратуру к ее чертовой матери.

Вообще-то, Андрей Петрович и к месту и не к месту поминал черта. А тут даже дошел до тавтологии. Но это было вполне простительно. Не филолог, во-первых, а ветеран ВДВ. Он еще и не такие слова знал. А, во-вторых, слишком уж он грандиозным делом занимался, вел битву с этим самым чертом.

Для корпусов использовал банки от консервов – тушёнки, всяких каш с мясом. Были даже от консервированных фруктов – ВМФ его баловал, не имея представления о замыслах ветерана ВДВ.

Рецепт начинки был ему прекрасно известен со времен училища. И потом, в боевых условиях, ему даже пришлось им воспользоваться для «практических целей». Даже имелось официальное название – АСДТ, что означает «Аммиачная Селитра/ Дизельное Топливо». Селитра играет роль окислителя, солярка – горючего вещества. Собственно, в качестве горючего можно брать любое углеродосодержащее вещество, вплоть до сахарной пудры. Пудры у Андрея Петровича не было. Но в изобилии была солярка, на которой работал дизельный генератор.

Однако смешивание селитры с соляркой он отложил на утро, чтобы вещество не успело скомковаться.

И приступил к изготовлению фитилей, для чего нарезал из газеты полоски бумаги. Вот здесь ему и понадобился сахар. Но обычный, можно было обойтись без пудры. В качестве окислителя использовал натриевую селитру. Смешал ее с сахаром, высыпал смесь на сковородку и поставил на электроплитку.

Помешивая и подливая воды, дождался, когда компоненты расплавятся. После чего положил в сковородку полоски бумаги, чтобы пропитались горючим веществом.

Когда раствор достаточно охладился, вытащил бумагу, и каждую полоску сложил вдоль несколько раз. Для прочности фитилей каждый из них оплел ниткой, также предварительно вымоченной в растворе. После чего разложил все это, оставив на ночь сушиться.

Работа отвлекала Андрея Петровича от главного – от мыслей о том, что и как он будет делать завтра. И сможет ли он разрушить аппаратуру, которая управляет вышкой. Управляет где-то там под землей, анализируя ядерную ситуацию, самостоятельно принимая решение об уничтожении жизни на североамериканском материке, запуская процедуру раздачи подводным пусковым установкам команд на старт ракет с мегатонными боеголовками. И торпедам со стомегатонными.

После чего множество ракет достигнет введенных в их память целей. И произойдет это минут через двадцать, не больше. Таково подлетное время баллистических смертей, созданных, благодаря таланту инженеров, работающих в секретных научно-исследовательских институтах и конструкторских бюро. Ну, а торпеды сработают мгновенно. Точнее, через время, за которое волновой сигнал долетит до прибрежных вод чужого материка.

После чего над материком поднимется множество огненных шаров, испепеляющих все живое. Ударные волны, скорость которых в десятки раз превосходит скорость самых разрушительных цунами, пронесутся от восточного побережья Северной Америки к западному, сметая многомиллионные города и захолустные поселения.

Утром он продолжил свой упорный труд. Все компоненты были приготовлены, осталась только окончательная сборка адской машины, как называли самодельную бомбу, когда в России зарождалось террористическое движение.

Он смешал селитру, аммиачную, с соляркой. И плотно набил этой смесью несколько железных банок. Для подрыва вещества банки должны быть плотно закрыты, почти герметично. Поэтому вытащил из патронов для карабина – их, к счастью, было более чем достаточно – несколько свинцовых пуль. Расплавил их и припаял сверху к банкам крышки. Порох, кстати, тоже использовал, подсыпав его в банки. В отверстия в крышках, проделанные ножом, вставил фитили. Для того, чтобы поджечь их одновременно, а не чиркать зажигалкой, сделал что-то типа факела, обмакнув его в ведре с соляркой.

Всё было готово.

Еще раз проверил готовность боеприпасов. И убедился, что ничего не упустил.

Дверь послушно отползла вправо. За ней все также горели две тусклые лампы, освещая начало лестницы, ведущей в неизвестность.

Андрей Петрович закурил, еще раз проигрывая в уме последовательность действий.

Все было наготове. Блок банок с взрывчатым веществом, скрепленных воедино скотчем. Из банок торчали фитили строго одинаковой длины. Факел, смоченный соляркой, которая в отличие от бензина и керосина горит спокойным пламенем. И зажигалка. В кармане на всякий случай лежал коробок спичек.

Дверь закрылась в соответствии с заложенной в таймер программой. То есть все как обычно, все нормально, без каких бы то ни было неожиданностей.

Перекрестился. Хоть ни разу в жизни этого пока не делал.

Опять набрал код: 931312799.

Дверь опять отползла вправо.

Чиркнул зажигалкой и запалил факел.

Поднял с земли адскую машину и поджёг фитили.

Все шло удачно – фитили загорелись синхронно, и огонь продвигался по ним с одинаковой скоростью.

Дождался, когда до взрыва останется секунды три. И швырнул бомбу в дверной проем так, чтобы она угодила в шахту лестницы.

И отошел вбок, под прикрытие стены бункера. Чтобы не отшвырнуло, а то и не контузило взрывной волной, которая вырвется из дверного проема.

На это ушло полторы секунды.

Открыл рот, щадя барабанные перепонки.

Через секунду рвануло.

И тут же поток взвешенной в воздухе пыли со свистом (так ему показалось) вырвался наружу.

Он заглянул внутрь. Но там был полный мрак. Частично от того, что все пространство за дверью заполнял дым. Отчасти из-за того, что лампы, закрытые уцелевшими колпаками, не горели.

Было непонятно, уничтожена ли аппаратура так, что теперь ее невозможно будет восстановить? Или же все еще способна работать?

Да, если разрушения серьезные, то теперь хана вышке. Потому что пронесшийся по России в восьмидесятые-девяностые годы шквал безвременья уничтожил все ее чертежи. Разграблены или же отправлены на помойку или в переплавку все запасные части. Ушли из профессии, точнее – были выкинуты на ту же самую помойку специалисты, которые во всем этом хоть что-то смыслят.

Неопределенность была полная: сработало?

И тут Андрей Петрович решился на отчаянный шаг. Кто он перед лицом надвигающейся катастрофы планетарного масштаба, чтобы дорожить своей жизнью? Жизнью, давно уже бессмысленной. Жизнью одинокого волка.

И вот здесь и сейчас он может расплатиться ею. Расплатиться ею с громадной выгодой – хоть частично, хоть на несколько шагов отодвинуть назад приближение ядерного самоубийства человечества.

И он должен войти в дверь, которая навсегда захлопнется у него за спиной. И довершить начатое дело. С ломом, кувалдой, топором, с ведром солярки – и окончательно добить эту гадину.

Он собрал все необходимое. И принес к успевшей уже закрыться двери.

Набрал код. Он не сработал.

Он десять минут стоял и тупо тыкал в кнопки пальцами. Набирал, набирал, набирал один и тот же код, который он помнил наизусть.

Но дверь не открывалась.

Внутри ничего даже не щелкало.

47.

Поздно вечером на связь вышел капитан второго ранга Сергей Алексеевич Колыванов.

– Зачем ты это сделал, Андрей Петрович? – спросил он замогильным голосом.

– Тебе этого не понять.

– Это почему же?

– Ты пока еще слишком молод.

– Я?!

– Да, ты. Вот когда тебе останется жить всего ничего. Когда ты насмотришься столько крови, сколько видел я...

– И сколько ты ее пролил!

– Да, пролил. Я это не отрицаю. И это тоже сработало. Сработало на понимание такой простой вещи – человечество не должно сгореть.

– А тебе не кажется, что ты это приблизил. Что теперь увеличилась вероятность того, – Сергей уже почти кричал, – что на Россию будет направлен ядерный удар?! Глобальный!

– Так я ее того, с концами? – спросил с надеждой Андрей Петрович.

– Этого пока никто не знает. Комиссия будет разбираться, выяснять.

Получалось, что бомба сработала не впустую. Что-то там повреждено. А может быть, очень даже не впустую. И теперь там, под землей, можно выгребать мелкие обломки бывшей аппаратуры. У Андрея Петровича полегчало на душе.

– Сережа, – сказал он, – вероятность не повысилась, а понизилась. Понижаться будет и дальше. Потому что не я один такой...

– Идиот!

– Да, идиот. Но известно ли тебе, что герои мир погубят. А идиоты спасут. Такие идиоты, которые способны посмотреть со стороны на всю эту вакханалию с прогрессом, с экспансией, с повышением счастья на душу населения, посмотреть со стороны на целенаправленное взращивание амбиций. И которым терять нечего, потому что им недолго осталось. Терять нечего, кроме одной лишь малости – жизни на Земле. Такие есть и здесь, и там. Я это точно знаю. Я свою миссию выполнил. И они тоже выполнят. Потому что мир уже подошел к черте. И тянуть с этим дальше нельзя.

– Андрей Петрович, как же так получилось, что тебя психиатры проглядели? Ведь ты же столько проверок прошел! И на тебе!

– Я же говорю, что тебе меня не понять. Так что пустой у нас с тобой разговор выходит. В то же время я тебя прекрасно понимаю. Потому что я сам когда-то был таким же.

– Ведь ты же был героем! Вся грудь в медалях! Три ордена! А теперь диверсант! – воскликнул кавторанг.

– Ну, это как на это дело посмотреть. Я же сказал, что герои погубят мир. Вот ты служишь. Я тоже когда-то служил. Ты служишь таким же, как и сам. То есть вы все не видите вперед дальше завтрашнего дня. И даже те, которые сидят в Генштабе и планируют на пять, на десять лет вперед,

они все равно смотрят в завтрашний день. Они не способны понять, что может так статься, что через пять лет вообще ничего не будет. Да и послезавтра...

Андрей Петрович никогда так помногу не говорил. Но тут его прорвало. Хоть и понимал, что ничего разъяснить не сможет. Он стремился выговориться, пожалуй, для самого себя. Потому что понимал, что это в последний раз.

– Я принял присягу!

– Я тоже принимал когда-то, – рассмеялся ветеран ВДВ. – Но присягал другим, а не этим. И теперь от нее свободен.

Сергей надолго замолчал. Андрею Петровичу было прекрасно понятно, что он собирается с духом. Потому что речь сейчас должна пойти о том самом, что кавторанг считал самым страшным на свете.

Наконец-то, прокашлявшись, он вышел на эту тему:

– Да, дядь Андрей, ты же понимаешь, что завтра...

– Да, понимаю.

– Уже все решено. И от меня тут абсолютно ничего не зависело. Решали гораздо выше.

– Ликвидация?

– Да.

– А перед этим ничего не хотят выяснить? Так я им не дамся. Живым не возьмут.

– Им этого не надо. Потому что тебя давно уже просветили, как стеклышко. Ни одной связи. Одинокий волк.

Помолчали.

– Это будут твои, в черных бушлатах?

– Нет, твои, в голубых беретах. У тебя времени до завтрашнего утра. Часов, наверно, двенадцать.

– Прилетят?

– Да, твои же в основном летают.

– А, да.

– Как ты понимаешь, уйти у тебя не получится. Всюду достанут. Потому что, сам понимаешь, ты носитель информации, которая не должна выйти из этого леса.

– Да я и не собираюсь. Прекрасно знал, на что шел. Кстати, а что с Борисом у вас получилось?

– А, с этим. Он шпионом был. А вот ты гораздо больше вреда всем причинил.

– Вам.

– Что вам? – не понял Сергей.

– Вам причинил. А десятки миллионов жизней спас. А может, и больше.

– Ах, дядя Андрей, дядя Андрей, ты же мне почти отцом был. Что же такое с тобой случилось?..

– Не говори так со мной. Как с сумасшедшим. Я абсолютно нормальный. Да, когда ты мальчишкой был, да, как сын. Собственно, и сейчас. Сейчас только ты. Больше у меня никого нет. Дочь чужая. Жена меня уже не помнит. Да и я ее. Только ты. И у тебя будут, понятное дело, очень большие неприятности... Но ты же понимаешь – десятки миллионов.

– Твои неприятности с моими не сравнишь.

– Да, конечно... – рассмеялся Андрей Петрович. – Это с твоей колокольни. А я завтра боевую молодость вспомню. Вот только жалко, калаша нету. Ну, да ничего, мы и по-партизански привычные.

Уже давно перевалило за полночь. И все вроде бы уже обсудили. Но прерывать разговор было нельзя. Прежде всего Сергею. Не скажешь же: «Спокойной ночи, дядя Андрей». И Андрею Петровичу хотелось слышать в последний раз голос единственно близкого ему человека. В самый последний раз. И даже молчание.

Паузы удлинялись. Во время которых каждый думал о чем-то своем. Это были по большей части уже воспоминания. И, несомненно, их воспоминания иногда пересекались, были синхронными.

Про то, как на лесной речушке подросток и крепкий мужчина в майке-тельняшке и с татуировкой на левом плече, на котором изображены парашют и волк и три буквы – ВДВ, ловят рыбу незамысловатыми удочками из орешника.

Про то, как тот же самый мужчина, но чуть моложе, бежит, придерживая за седло велосипед, на котором едет, вихляя, мальчик лет семи.

Про то, как мужчина несет на плечах совсем маленького мальчика в коротких штанишках и бескозырке, на ленточке которой написано «Герой», и мальчик размахивает красным флажком и кричит вместо «Ура» «Уа».

Про то, как они в тире стреляют из духовых ружей. И мужчина выигрывает в качестве приза плюшевого медведя, которого передает мальчику.

Про то, как подросток говорит мужчине, что к нему постоянно лезут трое из соседнего двора, и мужчина учит подростка разным приемам.

Про то, как мужчина тащит по лестнице шкаф, когда мальчик с мамой переезжают на новую квартиру.

Про то, как мальчик и мужчина в жаркий день, стоя у автомата с газированной водой, пьют из граненых стаканов колючую прохладную воду с апельсиновым сиропом.

– Да, – прервал молчание Андрей Петрович, – у меня просьба будет.

– Какая?

– Похорони меня рядом с Вальтером. Ты найдешь это место, я пометил. Неподалеку у забора в северной части. Я там трубу воткнул. И маленькая елка растет.

– Да, конечно. Все сделаю.

– Ну и стрельни раза три из чего-нибудь. Пистолет-то есть?

– Найдется.

Помолчали.

– Ну, всё, – решил поставить последнюю точку Андрей Петрович. – Передавай привет матери. И – прощай, Сережа.

– Прощай, дядя Андрей.

48.

Было два часа ночи. Светать будет часов в семь. Часов в девять они прилетят.

Так что семь часов у него было. Ну, и потом еще часа два. От силы четыре. Все зависит от того, будет ли это взвод или всего лишь пара отделений.

После чего его время закончится.

И он сейчас вполне мог лечь спать. Потому что был совершенно опустошен. Вся его психическая энергия была уже истрачена на уничтожение вышки. На достижение, казалось бы, невозможного грандиозного результата. И он был достигнут.

После такого – совершив невозможное – люди перестают жить. Не в физическом, конечно, смысле. В них полностью исчерпывается запас времени. Того самого времени, которое им предстояло бы еще прожить, глядя вперед, лелея какие-то надежды, строя планы, очаровываясь и разочаровываясь, приобретая опыт, совершая поступки, окрашенные гордостью или стыдом. Ничего этого у человека уже не будет, все это уже сгорело в момент, когда он преодолевал барьер невозможного. Человек становится механической куклой с искусно изготовленным из латекса лицом, внутри которой нет ничего, кроме вращающихся шестеренок, пружинок, храповиков, противовесов, червячных передач и дифференциальных реек.

Зачастую сгорание будущего времени связано с подсознательным стремлением к смерти. К ее приманиванию. Именно поэтому Юрий Гагарин вскоре после того, как слетал первым в истории в космос и стал возлюбленным человечества, сгорел в самолете. В действительности он стал возлюбленным смерти.

Роман Достоевского «Братья Карамазовы» является вершиной не только русской, но и всей мировой литературы. После него ничего более значимого создано не было. Да и не создастся теперь уж никогда. Федор Михайлович после окончания романа прожил лишь два месяца.

После открытия теории относительности Альберт Эйнштейн прожил долгую жизнь. Но это была уже жизнь совсем другого человека, точнее – существа, который играл на скрипке, показывал язык фотообъективу, которого ученые из уважения к былым заслугам брали к себе в соавторы. Теория относительности высосала из гения физики всё его будущее время.

Прыгун Боб Бимон в 1968 году на олимпиаде в Мехико улетел на 8.90, совершив невозможное, поскольку прежний рекорд был побит больше, чем на полметра. После чего его била судорога, его рвало. И вместе с рвотой из него вышло все время. Да, он выжил. И как бы продолжал жить – окончил университет, женился, родил детей. Но это был уже не Боб Бимон, а кукла Бимона. Кукла, не имеющая своей воли, управляемая шестеренками и прочей механической требухой.

Есть феноменальные актерские вершины, подъем на которые полностью опустошает дерзнувших их покорить. Такова судьба Олега Даля, сыгравшего в фильме «Утиная охота» по пьесе Александра Вампилова Виктора Зилова, который без каких бы то ни было преувеличений является Евгением Онегиным XX века. Фильм был снят в 1979 году, Даль умер в 1981 году, ничем более себя не проявив, более того, сознательно несясь к смерти на всех парусах.

Такова история и драматурга, хоть после «Утиной охоты» ему удалось протянуть до смерти и несколько дольше. Вампилов написал этот шедевр в 1968 году, а погиб, утонув в Байкале, спустя четыре года в возрасте 35 лет. Но за это время им не было написано ничего, что близко стояло бы к «Утиной охоте».

Андрей Петрович включил все прожектора, все наружное освещение, отчего зона из космоса, видимо, стала похожа на посадочную площадку летающих тарелок, спрятавшуюся на громадном пространстве без единого огонька, без каких-либо прочих признаков жизни.

Он подошел к вышке и задрал голову, пытаясь увидать ее макушку. Но свет выше пяти-семи метров не распространялся.

Попробовал еще набрать код, отпирающий дверь. Но та либо окончательно сдохла, либо затаилась в соответствии какой-либо антидиверсионной программой, хранящейся в ее памяти. Память, скорее всего была на ферритовых, кольцах – во времена строительства вышки они были распространены в компьютерной технике.

У двери так и продолжали валяться кувалда и лом, которыми ветеран ВДВ хотел окончательно добить заразу. И по-прежнему стояло ведро с соляркой. Он зачем-то облил ею дверь и поджог.

Пошел к Вальтеру. Проверил трубу. Стояла устойчиво. Значит, Сергей найдет это место. И сделает, что обещал.

А потом начал бесцельно слоняться по территории, вспоминая какие-то моменты своей здесь жизни. Как-никак, а целых шесть лет, немалый кусок. И, выходит, самый осмысленный.

Здесь сражался с волками, защищая маленького волчонка.

Здесь все еще растут петрушка и укроп, пока еще не прибитые морозом.

Здесь чинили «Буран» Федора после крепкого застолья. В связи с чем леснику пришлось заночевать.

Здесь врезал генералу. И тот, поднявшись, шарил рукой по правому бедру в поисках кобуры.

Здесь пилил и колол дрова.

Здесь построил за полтора месяца баньку. Наверно, и после него тут кто-нибудь будет париться. Но, конечно, не охранник, поскольку вышку уже не надо охранять. Сдохла.

Здесь дизель, стук которого когда-то он принял за ночные шаги. Все так же безропотно работает.

Вот широченные лыжи, на которых он иногда выбирался в лес.

Удочка, по сути, так ему и не пригодившаяся.

Широкая лопата для снега, которой расчищал дорожки.

А это стандартный набор, вписанный золотыми буквами во все инструкции по противопожарной безопасности, – на красном щите: конусообразное ведро, огнетушитель, багор, лопата и топор.

Все-таки шесть лет, шесть лет. Как оказалось самых осмысленных в его жизни. Он прикинул, сколько у него получилось в итоге: 66 лет, 2 месяца и 3 дня. Вот только с часами еще не все до конца понятно.

Вернулся домой, поймав себя на том, что уже года полтора мысленно называет жилой блок домом.

Захотелось пить.

Вскипятил чайник. Всыпал в кружку пару щепотей заварки. Залил крутым кипятком.

Здесь они с Федором неоднократно сидели. Кстати, рябиновки осталось еще изрядно. Но ему не хотелось. Не хотелось помирать пьяным. Дело-то ответственное.

Если бы сейчас ему сказали, сказали наверняка, что взрыв причинил аппаратуре совсем немного вреда, и через пару дней ее восстановят, то он, не задумываясь, сразу вогнал бы себе в голову пулю.

Но этого никто не знал. Ни наверняка. Ни приблизительно.

49.

Лишь в десять часов послышался звук, с подсвистом, приближающегося вертолета.

Долго собирались, подумал Андрей Петрович. Видимо, штудировали досье – степень подготовки, наиболее излюбленные приемы ведения боя, каким оружием владеет, психологические особенности и все такое прочее, что необходимо знать для того, чтобы наиболее успешно действовать при боестолкновении с врагом.

Вот он и стал врагом. На излете седьмого десятка. После нескольких войн. Самая кровавая была в Афганистане. Враг с восьмью медалями и тремя орденами за боевые заслуги. С безупречным личным делом. Если, конечно, не считать побои, нанесенные полковнику артиллерии в состоянии аффекта.

Разумеется, не враг этим парням, которые прилетели его ликвидировать. Хоть им и прочистили мозги, внушили, что он – особо опасный государственный преступник, стремящийся разрушить ракетно-ядерный щит страны.

Можно было, конечно, сказать и так. Приняв за истину ложное умозаключение относительно того, что Россия – это единственная страна на земном шаре. Что кроме нее во всей Вселенной ничего больше не существует.

Собственно, он практически всю жизнь именно так и считал. Примерно так. С какими-то кратковременными просветлениями. Порой, в Афганистане, в сознании промелькивала мысль о том, что вот они – эти бородатые, говорящие на непонятном языке – может быть, имеют право жить так, как считают нужным. Но обстрелы, вылазки диверсантов с перерезающими горло наших бойцов тесаками, засады, растяжки и пехотные мины немедленно вышибали из головы всю эту блажь.

И вот теперь, попав сюда, в вологодскую глушь, прозрел. И открыла ему глаза на истину вот эта самая вышка, которую он вчера лишил жизни.

Лишил жизни смерть, – нервно рассмеялся Андрей Петрович.

В бога он не верил. Ни в того, что с большой буквы, ни с маленькой. Но, если бы бог был, думал Андрей Петрович, он, несомненно, одобрил бы его поступок. Потому что предательство против одной страны, пусть и родной и любимой, – это подвиг во имя несоизмеримо большего –

во имя планетарной жизни во всех ее проявлениях. И которую не нам судить, поскольку не мы ее задумали, не мы «сконструировали», не мы ее взрастили.

Да, для этих парней, принимавших совсем другую присягу, которые совсем скоро сюда прилетят, он, несомненно, враг. Как и внушили им командиры. Как этим командирам внушили вышестоящие командиры. Как этим вышестоящим внушили где-то на самом верху, где способны мыслить лишь сиюминутными и территориально ограниченными категориями. Враг, однозначно.

Но враги ли ему эти парни?

На этот вопрос ответа не существовало.

Совсем недавно он был абсолютно таким же, как и они. И, значит, ему предстоит сражаться с самим собой. Глядя в эти лица, он будет видеть себя. И стрелять, соответственно, будет в себя.

Более страшного предательства в Воздушно-десантных войсках Российской Федерации представить было невозможно.

И будет убивать.

Сил было вполне достаточно. Ну, а опытом он мог поделиться с десятком, с ротой желторотиков.

И вряд ли предстоящее сражение было продиктовано лишь инстинктом самосохранения, его индивидуальным инстинктом.

Нет, тут, пожалуй, просматривался чудовищный атавизм, на котором, собственно, и держится армия. И уходил он корнями в Средневековье, когда рыцари бились на турнирах, демонстрируя доблесть и отвагу, что зачастую приводило к увечьям и к смертям.

Но в данной ситуации это было, скорее, сродни гладиаторским боям, когда поединки должны обязательно завершаться смертью. И, можно было небезосновательно предположить, что во время побоища Андрея Петровича с бойцами ВДВ все это будет сниматься на камеру. А потом бесценный материал используют в качестве учебного пособия.

Но был, несомненно, и еще один момент. Это должна быть схватка между молодостью и опытом, который был уже на излете, жизнью, сходящей на нет.

И результат был предрешен – молодые волки должны порвать старого одинокого волка.

Но одинокий волк должен при этом умереть красиво.

Видеозапись побоища останется вместо моего чучела, набитого опилками, – подумал Андрей Петрович, – снаряжая патронами магазины карабина «Тигр».

Вертолетов было два. И это были не Ми-24, в которые влезает от силы одно отделение десантников, а Ми-8. Значит, направили не меньше двух взводов.

Уважают! – подумал ветеран ВДВ. И от этого у него как бы расширилась грудь.

Он был готов. Пять магазинов по десять патронов для карабина. И сорок патронов для Стечкина. Итого девяносто. На всех хватило бы, если бы стрелял в тире по неподвижным мишеням.

Ни гранат для растяжек, ни мин в арсенале не было. Так что должным образом подготовиться к встрече дорогих ратных гостей не удалось.

Да, был еще и нож. И это в руках ветерана ВДВ тоже было грозное оружие.

Высадились за забором, чтобы не попасть под встречный огонь противника. Грамотно высадились – один вертолет на востоке, другой на западе. Несомненно, прекрасно изучили и карту, и схему расположения построек на объекте.

Кто-то, вероятно, старлей, прокричал в мегафон: «Вы окружены. Сопротивление бесполезно. Предлагаю сложить оружие и сдаться».

И тут Андрей Петрович проорал нечто совершенно невероятное, абсолютно не подходящее к ситуации: «Русские не сдаются!» Словно намеревался отбиваться от американцев, ради сохранения жизни которым и взорвал вышку.

И тут они, тоже русские, хоть и были в их рядах незначительные полиэтнические вкрапления, поперли через забор. С трех сторон.

Прекрасно упакованные – в экипировке «Ратник-2». Бронежилет с керамическими пластинами, поверх него разгрузочный жилет, в который напиханы магазины, нож, гранаты, фонарь. Наколенники и налокотники. Шлем с наушниками. Очки, защищающие от осколков.

Он начал стрелять первым. Ответили автоматными очередями. Отчего окрестности наполнились трескотней мелкокалиберного оружия, поскольку сейчас перешли на 5,45 миллиметров.

Наверно, Федор решил, что война началась, подумал Андрей Петрович.

Перебегал от укрытия к укрытию, не давая сосредоточить на себе огонь. И отстреливался с таким расчетом, чтобы кольцо сжималось не так быстро.

Пальнули из гранатомета. Но как-то робко. Видать, чтобы заставить его выйти с поднятыми руками. После чего прострочат его со всех сторон.

Лиц он не видел. Закрывали массивные противоосколочные очки. И это психологически разгружало его, всаживал пули, словно это были манекены.

Вдруг из-за забора появился вертолет. И на небольшой высоте направился прямо на Андрея Петровича. Потом завис. И, как понял ветеран ВДВ, собрался выпустить в него пару НУРСов. И это поставило бы точку в сражении.

И тут, в этой запредельно критической ситуации, он решился на авантюру. Достал Стечкина и запустил пару очередей по несущему винту. И это, несмотря на призрачность шанса, сработало. От винта отлетел здоровенный кусок, и вертолет, потеряв управление и балансировку, начал хаотично мотаться на высоте примерно девятиэтажного дома.

Его резко повело в сторону вышки. Он порвал трос-растяжку. Врезался в ногу вышки, разрушив ее. И обдал все вокруг пламенем из взорвавшегося топливного бака.

Вышка начала медленно заваливаться набок.

Через пятнадцать секунд раздался страшный грохот от удара тысяч тонн металла о землю.

Теперь Феде уж точно не только не с кем, но и негде будет выпить, – подумал Андрей Петрович.

Автоматы начали строчить с особым остервенением.

Полетели гранаты.

Басом заговорили два крупнокалиберных пулемета.

Андрей Петрович отстреливался.

У него оставалось лишь восемнадцать патронов для карабина и четыре для Стечкина.

Шел 24161-й день его жизни, которую он прожил не напрасно.

Люба МАКАРЕВСКАЯ

***

Сколько раз
я разрезала зрение
раз за разом
раз за разом
раз за разом
да, как тело
живого свидетеля
измельчая
предавая кровь
и теперь снятое
лицо истерики
лежит передо
мной как первый
и вечный ожог.

***

Утром мы избавили
себя от страданий
и вышли в белый сад
Ради одного только
зрения им касались
рук всех причастных
Становясь осадком
на ладонях пальцах
мягких тканях языках
Как это помнить
теперь?
Ведь не ты не я
не скажем
что это всего лишь
упражнение?
В сетях статичного
электричества
в пространстве
без воздуха.

Люба Макаревская, поэт, прозаик. Родилась в 1986 году в Москве. Стихи и проза публиковались в журналах «Транслит», «Воздух», «Волга», «Носорог», «Зеркало», «Новое литературное обозрение», а так же на сайте «Сноб» и в ряде других сетевых изданий. В 2017 году выпустила альманах «След», посвященный теме насилия. Автор книги стихов «Любовь» (серия «Поколение», издательство «Арго-Риск»).

***

Я приняла свой
окончательный вид
как поверхность
зеркала обращенная
в свет солнцем
или чужой волей
в осколки.
И я застыла здесь
как лед
его запах
под языком
абвгд
буквы вырванные
с корнем
Из нижнего нежного
горла
/Во имя любви?/
И небо поднялось
во мне как в других
беззастенчиво как
волна тошноты
Тонкий голубой
пергамент застывающей
у линии обрыва
где глаза ищут
свидетельств
Чтобы растворить
их
как знание
внутри крови.

***

И мы разбили
память
так словно
уничтожили ее
первым же
криком.
И за завесой
вымершей
истребленной речи
в темноте
остались порознь.
Как бы каждый

из нас
реабилитировал
другого
не ради себя
но ради возрождения
зрения.

***

Конечность этих
комнат
запечатленная свечением
иллюминации
последняя из фраз
ты говорил так
венчая любовь
и смерть между
верхней и нижней
губой
и слова как ангелы
войны
не видя нас
не зная нас
говорили быстрее
двух застывающих
в электрическом свечении
в тающем лесу
подмосковья
Машина переворачивается
обретая свое истинное тело
и утверждая тело другого
в смерти и звезды
входят под язык
как кровь под ногти
как вся субстанция
когда один целует другого
прежде чем огонь приговаривает
их к друг другу
превращает их в памятник
из кожи и металла.

***

Как долго
я искала слова
чтобы обратить
соль на кончике
языка

во взрыв
Там где вода
обретает тепло
отдаваясь зрению
испаряясь сразу
в кровь
Ты соглашаешься
видеть
живое как мертвое
мертвое как живое
Ради знания
о конце сюжета
о разрыве сетчатки
от радости узнавания
О языке животных
внутри вольеров
об обреченном звуки
закольцованном
в повторение
внутри немой
системы крови.

***

Когда ты снял
стыд на камеру
ради ненасытной
сетчатки
несколько молекул
взвизгнули
как летние стрекозы
перед расстрелом
и руки вдруг обрели
бессмертное
пространство белого
и детский смех
перестал быть
угрозой и для
меня
и для кожи
в ссадинах.

***

Они приходят приносят
дары для памяти
и языка

И застываешь посреди
вагона метро

Беспокойные волосы
все еще детский
затылок

/Со спины он был
похож на тебя и мне
хотелось окликнуть
его, чтобы говорить
с тобой/

Прежде чем взрывная
волна очистит
полость вагона
Запах сирени
вспыхивает
перемещаются млечные
тела убывания
и я тяну руку
к тебе в чистоте
взрывной волны

Секунду все
элементы движутся
как трава
на кинопленке

И мир оборачивается
алчущим лицом
парадом флагов
сгустком молока
у десен словом
прощай.

***

Вычеркивая друг друга
до боли пробелов
до их конечного
совершенства
Когда стерильность
будущего и прошлого
возобновляется
речью
припадком слов
И твое отсутствие
целует мой лоб

и ниже начало
век становление
холодной пляски
В лесах вынесенных
за черту сияния
чтобы говорить
за нас о любви
и смерти о разрезанных
запястьях перед
белым лицом
обморока.

***

И ничем не отличалась
от других
отличалась ли
я?
Ее невольное желание
причинить
мне боль.
И токсичность
твоего отсутствия
в небе
уходящем в траур.
Меняющем оттенок
от каждой
полученной травмы
как тело влюбленного
обреченного
животного.
Медленное венчание
внутри крови
и всегда новое
и абсолютное
желание
причинять боль.

***

Растяжение губ
ветром
его словами
язык сердца
или
сердце языка?
И снимок где
солнце стирает

меня
утверждает меня
потому что ты
не захотел.
Только его
чистое движение
по моей коже
словно по снегу.
Она говорит:
– он захотел
узнать как
устроена я
или только я
захотела
узнать как
устроен он?
И далее
солнце движется
по поверхности снега
сглаживая ее
в предел
боли.

***

Воспоминания
как зона
опустошения
дорога памяти
открывается
перед глазами
как сад
за секунду
до цветения
или взрыва.

Земля расходится
швами
под ступнями
живых животных.

И слова
облепляют
твое лицо
как водоросли
тело утопленника
и заменяют его.

И я только
вскрыта
система матки
маточное
кровотечение
подобное водам
подмосковной реки.

Что ты испытываешь?
смотря на меня
брезгливость
или желание

Их всегда
очевидное соединение
под своей
кожей
как под кожей
новорожденного
существа
животного
зверя.

Андрей ТАВРОВ

ЛЕТЧИК

Поэма

Джону Колтрейну,
поддержавшему меня в эпоху отчаяния,
Лене Эберле, мастеру пространств и полетов,
а также сочинской шантрапе 60-х гг.
прошлого, разумеется, века.

Если вы захотите отследить первопричину любого явления,
вам придется вернуться к самому началу творения.
Э. Т.

I

самолет садился на поле за речкой, и все думали, что он не машет крыльями, а я видела, как машет, и видела, как в нем сидит авиатор, словно яйцо внутри птицы с бьющимся сердцем, только в этот раз он сам и был этим сердцем. Птица машет крыльями, как и человек, от боли и от радости, и если радость часто снаружи, то у боли вид как у венка, надетого на голову, и еще она делает человека безруким.

Летают только безрукие, я это видела в своем сне. Как только ты понял, что безрук, у тебя из сердца бежит теплый ручеек, и ты знаешь, что уже никого не обнимешь, кроме единственного неба и единственной девушки, которую если только обнимешь, то сразу умрешь и будешь жить в ней как яйцо. А она будет целовать тебя васильками губ и навсегда видеть тебя самым красивым.

Когда пропадают руки, то грудь заостряется, и тебе приходится открывать дверь лбом или подбородком, и от этого в тебе растет полет. Полет это новый человек, не похожий ни на тебя, ни на птицу, он ни на что из виденного не похож, может быть, немного на рыбу с человеческими глазами, и еще на то, как кто-то танцует, а потом, валяясь на земле в хлопьях собственной кровавой слюны, быстро-быстро сучит ногами, и тогда рыба делается снами, фигурами и буквами, и одна из этих фигур – это слова полета, а вторая тот, кто узнал эти слова полета.

Самолет заходил от моря, он был как этажерка и махал крыльями. На хвосте у него висел красный шар солнца, а на крыльях покоилось синее потемневшее море. Никто не видел голову летчика в очках, а я видела ее как золотое наклонное яйцо, и оно то приближалось и смотрело мне на живот, то удалялось и сливалось с красным шаром на хвосте аппарата.

А я стояла на мосту через речку, который дрожал под моими ногами, и я стояла среди подземного и среди подводного воздуха. В подземном воздухе тоже есть самолеты, но мало кто их видел, хотя всякий летал в глубоком сне. А в подводном воздухе живет полет с человеческими глазами.

Андрей Тавров родился в Ростове-на-Дону в 1948 году. В 1971 году окончил филологический факультет МГУ по отделению русской филологии. Работает на «Радио России». Автор двенадцати сборников стихов, прозы, статей и эссе. Участник антологий «Строфы века» и «Антология русского верлибра». Стихи и рассказы печатались в журналах «Новая Юность», «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «Комментарии», «Арион» и др. Главный редактор журнала «Гвидеон». Член Союза писателей Москвы (с 1996 года), член Международной федерации русских писателей (МФРП), член Международного Пен-Клуба (с 2010 года). Лауреат большой премии «Московский наблюдатель». В «Волге» публикуется с 2013 года.

У меня зонтик от солнца над головой, на мне новое платье, я иду в гости на виллу «Вера», выстроенную среди сосновой рощи на склоне горы три года назад, в 1912 году. Сегодня там бал и играет оркестр из Петрограда. Меня зовут Ефросинья, и здесь всегда пахнет хвоей, ах ваши синие глаза, зеленые от солнца и хвои, сказал мне тут кто-то.

2

если ты видишь грека на улице, то это не Лаокоон, три сердца которого стиснуты одной змееобразной линией – одно его и два – его сыновей, и каждое бьется в своем ритме: и сколько же тут планет поработало, сколько трав, сколько ударов мужских чресл в женские, чтобы возникли они на свет и теперь объединились силовой линией рока! У змей много рук, которые прячутся в изгибы, и они ими хватают города, и растения, и звезды, а потом все это приносят человеку, чтобы начать его душить.

Я видела эту скульптурную группу в Ватиканском музее, который мы осматривали всей семьей два года назад.

Греки в здешних местах маленькие и оборванные, и когда едешь на линейке в сторону Хосты, встречаешь их десятками в пестрых старых одеждах, они грязные, вокруг них летают летучие мыши, такие же темные и перепончатые, а греки продают виноградное вино из высоких стаканов.

Сергей Николаевич Худеков, хозяин дачи «Надежда», основатель здешнего великолепного сада и мой родственник, говорил про летучих мышей, что они летают, взявшись за руки. У них ведь еще что-то осталось от рук, и поэтому они могут летать только ночью, хватаясь за темноту и женские прически, выдирая их из визга, из шляп и из тела целыми локонами, чтобы женщина вспоминала про себя все то, что ей удалось про себя забыть и что родители спрятали в шкаф с другими живыми скелетами, которые иногда ходят в наших потемках и говорят юмка, не знаю, где я про это слышала.

У тех, кто вспоминает, а такие среди подвергшихся нападению летучих мышей действительно есть, глаза становятся синими как море, но не обычное, а такое, что их мужьям хочется его выпить, а сама жена или дочь ходит всю ночь по стеклянной комнате, и ее волосы, ставшие тяжелыми и плывущими над ней, как в воде, постепенно поднимают ее ввысь и даже, если она захочет, могут поднять к Луне, но мало у кого хватает на это храбрости. А те, кто пытались и поднялись к бледному спутнику земли, теперь проходят сквозь стены и говорят странные слова, а мужчины рядом с ними чувствуют, как бьется лодка о причал, даже если она находится в нескольких километрах от них, где-то у маяка или, например, в Лоо. Она может быть пустой или полной, эта лодка. Она может быть залита лунным светом или стоять в тени. Но в ней всегда кто-то есть, кто не думает и смотрит в море с его темнотой и серебряной неуследимой игрой зыби в дробящейся и яркой лунной дорожке.

Часа два мы веселимся и танцуем под музыку оркестра, приехавшего сюда, на виллу «Вера» из Петрограда. Народу много, работает благотворительный буфет с виноградом, шампанским и шоколадом, доход от которого будет потрачен на зимнее обмундирование солдатам, хотя пока что еще лето. Странно знать, что где-то сейчас воюют.

– А вот и наш герой, – говорит Сергей Николаевич, – просим-просим.

Я смотрю на молодого человека в светлом костюме и вижу, как машет крыльями, заходя на посадку с моря, самолет, а в нем наклонилось лицо в летных очках. Теперь оно внезапно приблизилось из небесного далека, и принадлежит не безымянному пилоту, а гостю виллы «Веры», юноше с короткими усиками, высоким лбом и серыми глазами.

– Николай Федорович, авиатор, – представляет молодого человека Сергей Николаевич.

3

пока на экране специально затемненной комнаты идут волшебные картины с фотографиями греческих развалин и редких растений, например, «лакового дерева смерти», которые показывает при помощи волшебного фонаря почетный гость сегодняшнего бала Сергей Николаевич,

человек искусства и пропагандист стиля модерн, Ефросинья косится на Николая Федоровича, присевшего на стул рядом с ней, на его белый пиджак.

–...Аэронавт, впрочем, будет точней, – говорит Николай Федорович, – да, точней.

Но, разве... – говорит Ефросинья. – Разве так называют не тех, кто летает на цеппелинах?

– Да-да, конечно. Обычно аэронавтами называют тех, кто летает на аппаратах легче воздуха, но это не всегда правильно.

– А как правильно? – говорит Ефросинья, думая, что белое это цвет ангелов и призраков и что Марию Стюарт хоронили в белом траурном платье, кем же, каким существом вышел из этого белого сюда Николай Федорович, и кто он – Мария Стюарт, ангел или призрак? Еще есть Белый, поэт, она была на его выступлении в Москве, он летал и танцевал почти что по воздуху, – может, Николай Федорович тоже поэт и танцует по воздуху при помощи стихов? Если вы в белом пиджаке и умеете летать... и все же, кто вы, Николай Федорович?

А еще – думает Ефросинья – при помощи стихов в воздухе танцует сирень – лиловая, тяжелая, как голубь в руке, мокрая и вся в лицах, которые перебегают от одного соцветия к другому, от тяжелых лиловых подков с одной ветви – к пятнам и глазам на другой ветви, и, пока их шевелит ветер, стряхивая капли, каждая сверкнет как алмаз, слетая к земле.

– А как же? – говорит Ефросинья, – как же сказать правильно? Чем аэронавт отличается от авиатора?

– Авиатор – это как шофер, – говорит Николай Федорович, – а аэронавт – как птица, хоть в авиаторе и живет птичий корень – avis. Но летает на самом деле «внутренняя птица», а не внешняя с мотором и бензином. А в аэронавтике она осталась.

– Это потому что Андрей Белый – аэронавт, и еще сирень – аэронавт, – говорит Ефросинья.

– У шофера ведь есть маршрут, цель и мотор.

– А у вас разве нет?

– Это второстепенное, – птица летает не по закону, а по истине. Маршрут, цель и сила полета – для нее одно и тоже.

– Вы так думаете? – она задумывается, тихо смеясь и ощущая холодок на спине, будто туда плеснули нарзана, – да! да! я тоже это знаю. Птицы летают нипочему, как сирень.

– Да, – говорит он. – Нипочему. И аэронавт, и авиатор тоже должны летать как птицы, прежде всего по истине, а не по науке, не по законам аэродинамики. Настоящий пилот – тот, чей самолет поднимает и держит в воздухе не один лишь технический расчет, а интуиция, которую он чувствует в сердце. Так примерно летают в сновидениях и так же точно – утки, майские жуки и чайки. Отто Лилиенталь сначала именно так летал. Если бы он летал и дальше так, то не разбился бы и построил еще много прекрасных летательных аппаратов. Но со временем он, увы, стал все больше полагаться на конструкцию и все меньше на собственную интуицию. Это была ошибка. Впрочем, иногда конструкция и интуиция сочетаются. Знаете, у него дома жили ручные аисты. Для того, чтобы перенимать у них полет.

– Разве полет можно перенять? – спрашивает она.

– Даже грипп можно перенять, – говорит он, улыбаясь. – Даже вес. Даже отсутствие веса. – Тут его глаза снова делаются серьезными. – Отсутствие веса. Как, например, у вас.

Он смотрит на нее внимательно, словно о чем-то спрашивая. В этом неверном свете может даже показаться, что он как будто бы умоляет ее расслышать что-то для него неизмеримо важное и нужное – так чудно легли на его лицо тени, – расслышать и понять. Внезапно он улыбается, легко и беспечно.

– А еще человека-птицу нельзя убить, – говорит он.

– Это почему же?

Он достает из кармана портсигар, не глядя выбирает тонкую папиросу, щелкает крышкой. Потом смотрит на Ефросинью серыми глазами, в которых она видит небо и себя в небе, и уверенно говорит: это противоречило бы законам жизни.

На экране с помощью волшебного фонаря показывают бога Аполлона и англичан, пакующих ящики с ворованными греческими скульптурами, – белый, как скорлупа, экран с такой же белой статуей, похожей на прореху в изображении, но Ефросинья туда не смотрит.

Она выходит в зал.

В зале и в саду играет музыка и вовсю работают буфеты с шампанским и лимонадом.

Лица танцующих она видит словно бы впервые.

И все остальное – цветы на столе, влажный блеск платья соседки, золотую искру на хрустале фужера, свои белые руки – Ефросинья тоже видит словно бы впервые. Николай Федорович идет за ней следом.

–Если бы я, – тихо говорит молодой человек, – то есть если бы я... вдруг решился и осмелился... мне сейчас сказали, что тут, на Ривьере, сегодня танцы... то есть настоящий аргентинский оркестр... одним словом, под открытым небом... на берегу моря. Если бы я... внезапно осмелился... если бы вы и я... если бы мы... –

– Едем, – неожиданно для себя говорит она, – едем!

4

вилла «Вера» такой трехэтажный дом с верандой и башенкой (сами можете проверить), к которому приближаясь, попадаешь в дождь и в запах сосновой хвои, а удаляясь, чувствуешь дом спиной зажженным до третьего этажа электрическими огнями и спиной же слышишь, как там поют ангельские голоса детей, и чем дальше уходишь в сторону моря и маяка, тем эти голоса становятся тише. Но эта тишина не такая, как нарастание, а потом затухание музыки, когда минуешь, например, консерваторию. Там голоса слабеют и уходят, а когда отдаляешься от виллы «Веры», то хор становится тише, но при этом он становится громче, как будто он поменял объем акустики и теперь звучит в вашем собственном зале, который делается все меньше по мере отдаления от виллы, а голоса в нем все тише, а поэтому все яснее и громче, и там, где они должны бы совсем затухнуть и слиться с тишиной, они, напротив, начинают звучать так, как никогда не звучал ни один голос. Они поют так, как будто бы вилла «Вера» это родник, из которого течет ручей, и когда вы идете к морю, где маяк, то серебряным своим концом ручей упирается вам в затылок, и вы, удаляясь, раскручиваете его как какой-то рулон фольги, а не воду и не пение. Потому что это именно вы расчищаете каждым шагом ему русло при помощи своей головы с щекотным затылком, куда он все время тычется, и от этого на затылке растет костер, и в голове все становится странно и зыбко, как будто вам сильно досталось на футболе, и теперь у вас даже в глазах двоится, а ноги идут сами по себе, как будто чувствуют свой собственный путь.

5

и там за мостом парк и огромный отель в электрическом свете, а на берегу моря площадка с террасою и павильонами, где лимонад и шампанское, запах цветов. Море наваливается на грудь как медведь, черное, бархатное, с тихим далеким огоньком у горизонта, и пока спускаешься к танцам, вокруг вразнобой пульсируют зелеными огоньками летящие светлячки. В этом есть невозможность, чтоб такая огромная люстра держалась невесть на чем в черной воздушной прорве, при этом тихо мерцая и медленно крутясь вокруг своей невидимой оси.

Светляк – это азбука Морзе. Вот летит он, мигая, и передает сообщение. Мигнул и исчез, как растворился в чернилах, и вновь мигнул – от небытия к небытию, или лучше сказать от вспышки света к такой же, что он носит не над затылком, как редкие светлые люди, а в брюшке.

Аргентинское танго это разрез книзу платья и непристойный шаг. Он, танцуя, немного ее выше, сухое лицо, а она смотрит снизу. Смотрит снизу Гертруда на сына вместо Офелии, запудренным лицом, не глаза читая, а мысли, а облака его чувств, в которые белый лик ее хочет, ужасаясь и скорбя, попасть как в грозу, где бьют молнии, летит самолет, пахнет бензином и кожей от перчаток, а руки сжали штурвал.

Мать это место, где все замыкается, вот почему все остальные женщины всегда замыкаются и размыкаются в мать. Это если перекрутить на пол-оборота полосу бумаги вокруг оси и замкнуть

концы, то идешь к возлюбленной, а оказываешься у матери. Идешь дальше, а она уж не мать, а возлюбленная, и ты уж не ты, а младенчик, вопящий на ковер с узорами, что висит над кроватью, а Млечный путь течет за окном, и тебе только и надо, что этого млека и чаши, из которой оно пролилось. Вот ты делаешь широкий шаг – к ней и почти сквозь нее, как не принято в обществе, а она – широкий шаг для тебя, от тебя, и ты держишь ее в объятьях, а она смотрит на тебя снизу, запрокинув лицо, размыкаясь широким шагом в разрезе платья до талии и снова смыкаясь.

И хоть на дворе военное время, а Мери Пикфорд и Мистенгет все поменяли в фасонах и модах, но танго взрывалось настоящим бунтом неслыханных жестов, непорочным и ясным бесстыдством у всех на глазах. Велеречивая птичья бумага начала века рванулась и прорвалась, и попытки множества алых губ склеить разрыв были тщетны, он больше не склеивался, за исключением цельного вязаного узора чулок, и дыра с расходящимися чернильными буквами, которую образует будущее в настоящем, зияла все шире. Когда губ и слюны слишком много – ничего уж не склеить, можно только расширить отверстие, где танцует сейчас человек без имени и его мать-возлюбленная, в красном, сверкая ногой, а Млечный путь льется ей на лицо.

И бьет фонтан, сверкая богинями, голыми фавнами и Дионисом, извергающим вкривь изо рта разноцветную воду, кружатся вокруг под звуки оркестра гибкие, юные пары в панбархате, шелке и ситцах, мелькая бледными лицами с неправдоподобно расширенными глазами, продолжая короткий и страшный сезон 1915 года.

У моря внизу, как пышный край занавески, шипит и белеет кайма прибоя, они промочили ноги, черпая воду в ладони, наступая и убегая от волн, как только что в танго. На языке вода свежа, солона, по вкусу похожа на кровь и на пот, но никто ведь не знает, из чего сделана кровь, из чего рождается слово в зыбкой глуби между красных губ, что кому суждено из здешних юных, влюбленных, взлетевших, ушедших в далекие дали, оставив на берегу –

– не только кровь от порезанной ракушкой ноги, но и – куклу-куколку, похожую на пропавшую на ваших глазах девушку с русыми волосами, в красном платье, исчезнувшую вовсе на миг, да так быстро, что не заметить... оставив взамен – непонятную куклу. Но не навсегда пропала она, как и любой летящий тут же светляк, – а чтоб выпорхнуть вновь из куклы-куколки – девушкой с русыми же волосами, в красном же платье, с пораненной ракушкой ногой, все, кажется, той же, но только вот имя, имя теперь у нее – другое.

Словно темная промокашка, пропитано имя ее теперь тяжкой струйкой подземной реки, кровью диких высот, жутью дыханий и шепотов.

Гулкое, страшное имя! Вязкое, двухконечное, словно бы смерть!

Чтоб такое произошло, должны вы быть по правде непорочно-бесстыдной, безумной и ясной, такой почти что, как грозовой этот воздух – влажный, пробитый озоном и йодом, полетом мотылька да запахом мокрых заборов и крыш, да черных персидских цветков – роз, солдат неубитых.

Из лунного веса, из черного крика зарезанного петуха сделан воздух теперь – нигде не найти больше такого воздуха, как только лишь здесь, на примолкшем прибрежье, среди остановившихся чудных огней, с береговыми сетями, безмерным и бережным гулом, водяными крысами и бледным утренним рыбаком утопленником.

Главное тут – выдержать, скопить в груди эту душную, грозовую, с электрической искрой, ветром и кузнечиками, ставнями и газонами, кустами и белой магнолией – силу коленчатого разрыва, русла для рукопашной стремительной вспышки, не дать мощи смерти иссякнуть напрасно, бесследно пропасть. Но выстоять, накопить ее в хрупком и замершем теле, словно бы вовсе нездешнем.

Непорочным лишь девам дается.

Вращается ветер, налетает порывом, дребезжит на даче стекло наверху и кажется, вот уже хлынет, проломится, грянет, кажется, вот уж пора и невмочь, вот уж не выдержать боле, не найти под ногой знакомой тропинки, руке не ощупать привычно перил, и душно как-то и тяжко, и томно, и вот – разрыв тут и вспышка, как шелк разодрали со свистом, в котором...

–...мир мгновенный, неузнаваемый, с обретенной белой тропинкой, бросится слепо к глазам, высветит клен вдали на горе, губы светом ожжет, сотрясет все вокруг миллионовольтным ударом. И птицы шарахнутся в гнездах, захолонут реки в руслах и обомлеет сердце в белой девичьей груди. Бьет свет львиноголовый, когтистый, крученый, бьет прямо в сердце тебе и там... там остается. И ежели сдюжишь и вынесешь – быть твоей жизни другой.

Читали Тургенева, слушали гимназических педагогов, бормотали Пушкина, любили Кропоткина, зубрили латынь и спряжения, писали в альбомах, влюблялись, награждаемы были медалями... – и все для того лишь, чтоб ночью однажды впустить в свое сердце всю мощь грозового удара, и там удержать. Ибо мощь измерима, а сердце безмерно.

...

– Угу, – говорит Ефросинья. Вот она и вздохнула, вот снова ударил пульс и пошел колотить время жизни, вот заново все началось, а что началось? Да все началось. – А ваш летательный аппарат... Я хотела просить вас, Николай Федорович, просить показать, но не знаю, удобно ли это...

– Аппарат? Ну, конечно! Конечно же! Едем прямо сейчас! – горячо говорит Николай Федорович. – Конечно же, едем! Тут близко!

6

внутри каждого нетопыря есть черный конь, которого никто не придумал, и, пока нетопырь летит по своим зигзагам, черный конь замер на одном месте, а внутри сидят солдаты с противогазами, и вокруг них смрад и лужи, потому что они там уже третий день, пока их не внесут во вражеский город, и тогда они смогут на свободе облегчаться, убивать и насиловать. А пока они могут лишь следить за зигзагами черного складчатого существа, которое режет серую ночь на клочки черного бархата в оврагах и ущельях, и завидовать его мощи и скорости: той – они знают – что ведет их к победе.

Они ехали на извозчике по выложенной булыжником улице с редкими фонарями, и небо смотрело на них огромной опрокинувшейся сковородой, особенно темной и мерцающей вдали от фонарей, на берегу речки, которая тихо журчала в заливающемся лягушачьем хоре. Нетопыри месили небо, пропадая в его тесте, но все равно было видно, что звезды это задумавшееся лицо.

– Aeronaute? – говорит Ефросинья, – pilote?

– По-французски тоже мало смысла, – говорит он в ответ, – меньше даже, чем по-английски.

– А что по-английски?

– Flier, aerman, skyman, ну, и авиатор, конечно.

– Skyman, – говорит она, подумав. – Красиво, но только немного театрально.

– Я летел через Туапсе, ночью, ориентируясь по линии прибоя, чтобы не сбиться. Повидаться с мамой. Она живет здесь, за Верещагинским ручьем, сразу за пансионатом госпожи Фронштейн «Светлана». Мне через два дня на фронт.

– Как на фронт?

– Да вот так, – смеется Николай Федорович, – на войне нужны летчики.

Он говорит, небо надо согревать, все понимают, кроме людей, олень согревает его своим полукостром-полудеревом на голове, подсолнухи – распускаясь, а светляки – мигая, и даже этот нетопырь с ромбом внутри тоже его согревает, и люди могут. – А чем люди, говорит она, могут? – Великодушием, которое на языке человека и есть его человеческое тело, а слова и одежда это буквы, которыми тело человека говорит, но само оно – слово, согревающее небо, и если небо согреть, то войн больше не будет, люди перестанут убивать друг друга и животных, читали графа Толстого?

– Васильки, говорит она, – согревают небо, и, может, каждый василек это один неубитый солдат. Так почему же человек не сделается лучше?.. Почему?

– Знаете, на что вы похожи? – говорит он. – Вы... вы – это как летишь в тумане вслепую, потеряв ориентиры, весь в напряжении, и только и ждешь, что удара о землю или о столб. И тут, как окно распахнуть, бах! – вылетаешь из мглы и открывается враз все ночное звездное небо, и сразу

узнаешь созвездия, и раньше даже, чем их самих – их имена, потому что они как будто уже вошли в позвоночник, расставили заново тело, весь самолет, стали главной деталью его – небом. Ты мог разбиться, но не случилось, потому что созвездия ждали, переговаривались, закручивали водовороты света, и глаз теперь смотрит на них, а они на него, читая друг друга. Я думаю иногда, что позвоночники динозавров и птеродактилей – это те формы, в которых по ряду причин задержались звезды, потому они до сих пор и не рассыпались, до сих пор их находят. Ведь есть формы, где они могут задержаться, прошептывая имена, и есть формы, где они задержаться не могут.

Он продолжал:

– Вы – это как идешь в незнакомом городе, никого там не зная, ни улиц, ни жителей, ни языка, и вдруг в разноликой чужой толпе встречаешь отца. И понимаешь, что это отец, еще даже не разглядев, потому что... узнаешь раньше, чем видишь. Я больше скажу, – голос его здесь дрогнул, – узнаванье – может, саму реальность и создает, и творит. Откуда я знаю, были вы мире, пока я вас не узнал, или нет? Потому что никто вас так, как я, не сумеет узнать, не сможет! А значит, вас до меня не было... вовсе. Какая-то тень, вот и все.

– Я вовсе не тень, – смеется она. – Это даже как-то обидно. Вот потрогайте. Вот!

– Нет, не тень, – говорит он, касаясь плеча. – Нет, не тень.

Извозчик въезжает на мост, на котором экипаж сильно кренится – на миг видны серебряные перекаты мелкой реки, темные камни, выступившие из приглушенного блеска; съехали – дальше дорога, слабо светясь, вьется меж молодыми платанами с латунной листвой в лунном свете; вот повернула, открыв панораму далеких гор, цепь белых вершин под луной, словно парящих на темно-синем воздухе, еще поворот – перед ними плоское поле, с краю бегут в сторону моря редкие огоньки, стой, извозчик!

– Приехали, – говорит Николай Федорович. – Вон он, стоит.

– Кто стоит? – спрашивает она.

– Мой аэроплан. Вон же, под фонарем.

7

самолет это спутанные волосы и родники. В нем больше волос, неба и родников, чем всего остального. Волосы и родники есть у каждого человека, но люди их теряют, потому что им их трудно удерживать. Самолет возникает, когда пилот направляет свое внимание между блуждающих родников и волос – там между ними есть ложбина, которую пилот приближает к сердцу и ребрам и потом переваливается через сердце и ребра, словно через борт лодки, и падает в эту ложбину, а потом в воздушный океан, и тут начинается его полет. Настоящий полет это когда ты состоишь из мыла, а воздух из воды, как все океаны. И когда ты ведешь свой аэроплан, тело начинает смыливаться, начиная с губ и пальцев. Потом смыливаются ноги и живот, и лоб. И тогда понимаешь про то, как одна субстанция может перейти в другую, при этом по видимости все будет оставаться как есть. Но ты, ставший ничем и воздушным океаном, теперь летишь водой в воде, и для этого даже можно больше ничего не делать, а только быть кровью в крови, воздухом в воздухе и родником в роднике.

Первые летчицы не пользовались рулями управления, им было достаточно расчесывать волосы, когда они летели, ощущая их как настоящие. Мало кто ощущает волосы и родники как настоящие, все думают, что это так себе, картинки, а если летчица расчесывает волосы, то самолет начинает делать такие вещи, которые никто делать не умеет.

Жанна Батэн, учительница музыки из Новой Зеландии, которую называли Гретой Гарбо небес, впервые пролетела из Англии в Австралию, расчесывая волосы и кивая на восход солнца светлой головой.

Рут Элдер летела между родников самолета, а он следовал за ней до тех пор, пока она не оказалась вместе с ним в Голливуде, снимаясь как воздушная гимнастка. Она стояла на крыле над бездной и не падала, потому что падать было некуда – ведь она уже была между небом и небом. Пропасть не падает в пропасть, а волосы в волосы.

Амели Эрхард из Англии засыпала от усталости в самолете из волос и родников над Атлантикой, но не разбилась и стала первой женщиной в истории авиации, пересекшей атлантический океан по воздуху. Она также первой отправилась в кругосветный полет, прервавшийся не из-за волос и родников, а из-за пьяницы-штурмана.

Самолеты не предают, предают люди. Но они этого не хотят.

8

аппарат стоял, освещенный прожектором и отбрасывал длинную тень на поле. Колеса со спицами блестели от сильного электрического света. Ефросинья подошла к аппарату и потрогала его за крыло. Он стоял в тросах и переборках, поблескивая и мерцая, и его тихий фюзеляж был похож на воздушный рулон, в который завернуто небо. Оно было гулкое и легкое, но, свернутое, оно было здесь сразу всё, во всей своей ширине и высоте, и в нем были все дали и ориентировки, дожди и аэродромы, и звезды, и ночные дороги внизу под крылом, по которым сверяется курс, – было все, все из чего состоит твое небо – небо без времени и небо из будущего, если оно тебя ждет, а оно тебя ждет. Будущее это как дверная ручка или как человек, про которых думают, что знают, а кто их узнал? кто их обнял, кто их согрел? Кто понял, что в них вложено, кто увидел в них свое же лицо, но ушедшим от времени, когда стало оно однажды от узнаванья – словно бы высь неба, словно бы край земли, словно бы пульс рыбы?

Она обошла самолет кругом. Дерево плоскостей и спицы колес были влажными от росы и отсвечивали как серебряная обертка. Над головами плыла луна, зацепившись за сизое облачко, и казалось, что поле тоже плывет вместе с самолетом, и Ефросиньей, и прожектором, и часовым с длинным ружьем.

– Ах! – сказала Ефросинья. – Как он похож на дерево! Дерево с заводными птицами на ветках.

– Хотите полетать? Завтра, с утра?

– Да, – сказала она. – Еще бы!

9

пока цеппелины не бомбили Германию, дирижабль был собой. Он приближался к тому, к чему хотят приблизиться люди, но не могут. Он приближался к той форме, попав в которую меняешь все, включая себя и небо, бывшее раньше просто голубым, черным, в птицах и вихрях, а теперь заметно, что оно и в других существах, от которых расходятся круглые и овальные вибрации, полные золота. Но золото это не то, которое взвешивают на весах, а то, которое кормит младенцев рыси, лошади и человека. Оно еще заходит как ложка в рот, когда человек лежит на лесах и пишет по сырой штукатурке руку Бога и как она приближается и никак не приблизится к руке Адама. Дирижабль находится в том пространстве, где рука Бога тянется к руке Адама, но еще не дотянулась, и пространство дирижабля делает так, чтобы эти руки никогда не соединялись снаружи, но перетекали бы друг в друга внутри – как реки, и этим внутренним пространством дирижабль поднимается в воздух и дышит обеими своими половинами – доброй и злой. Но когда половины соединяются в дирижабле, то идут в его центр и там становятся одним, в котором они могут как люди поплакать и спеть свою песню, и песня не будет напрасной, а слезы лишними.

Дирижабль приближался к своей форме, которую искал Фауст и почти нашел граф Цеппелин, а также ее искали те, кто был уверен, что Грааль это чаша, попавшая на Тайную Вечерю и сделанная по форме груди Елены прекрасной. Но в том поиске главное было все же – внутреннее пространство, уходящее в человеке в его никуда, словно бы внутрь его грудной ракушки, и возвращающееся с другой невидимой стороны, обратной всему видимому, и от этого-то и скакали кони, бились сердца и звучала странная мелодия, которую пели дамы вослед песням Персифаля, короля Артура и Александра Блока.

10

первые дирижабли, безрукие, как все лучшее, что летает, ощупывали воздух внутри себя другими руками: – зашедшими внутрь руками Бога и Адама, которые теперь уже почти никогда не видны, но именно они держали тех, кто летел на аппарате, да и сам аппарат тоже.

И мы с тобой поднялись в воздух внутри, и ты сияла как большая рыба в подводном солнце, когда мы кружили в сферическом центре, охваченные бережными прикосновениями невидимых перстов, и ты смеялась, а мы с каждым вдохом становились моложе, пока не стали, изменившись, двумя детьми зеленой горы, пронизанными языками пламени и солнца.

И когда твои волосы перетекли в меня, как реки со всем живым и мертвым, что было на их берегах когда-то: с окопами, полными убитых и раненных солдат, с расщепленными березами, выброшенными субмаринами, разбитыми артиллерийскими орудиями и горящими танками; с единорогами, бродящими между них, вынюхивая тех, кому еще можно помочь, с ласточками, енотами и оленями, согревающими небо, – тогда я переломился как водопад в горе и, теряя опору, стал падать в тебя, а ты в меня – пропасть в пропасть, рыба в рыбу и чаша в чашу. Океан под аппаратом прогнулся и заговорил детским голосом, а Панагия Горгона дунула в свой парусный корабль, и он, загудев, сошел с иконы, как со стапеля, и поплыл рядом с нами.

Головастики в лужах пели песни, и ангелы невидимых небес в стальных распорках вторили им, и это было то же самое, как мама вытирает руки о фартук, а потом прижимает твою голову к себе и целует в затылок.

И все наши стада – губы, ноги, волосы, сердце, легкие, бедра, румянец на щеках, шакал на горе – разбрелись в этом объеме, чтобы узнать о себе новое, и потом вновь вернулись домой, чтоб не умирать никогда.

Габриэла, говорил я, я умру в смерть, и елка войдет в елку, и дева в деву, как фонарь в ночи входит в фонарь в ночи, и когда так случится, мы сдвинемся в *сдвиг*. В то, о чем знает каждый, – *сдвиг*, когда звезды сыплются как теплая мука на передник, и все собаки и люди воскреснут, и свеча зажжется, и моря отдадут своих мертвецов, и не растает снег на детской ладони, и смерти больше не будет, и плача тоже.

Но они начали бомбить города, бросая тонны взрывчатки из черного неба на городские кварталы, и люди пошли в стороны как живые костры, и животные ушли на острова.

II

– а вы были на фронте? – спрашивает она.

Они сидят в комнате на втором этаже домика авторемонтной мастерской, в окно светит далекий фонарь, а смутные горы с белыми вершинами отсюда видны даже лучше, словно придвинулись, но когда зажигается свет, то все пропадает.

– А вот и чай, еще горячий, – говорит Николай Федорович и берет из рук сонного солдата поднос с чашками и печеньем. – Нет, – говорит он, ставя поднос на стол, – на фронте я не был, только в летной школе.

– Говорят, там страшно, на фронте, – она берет чашку и отпивает глоток. Чай приятно согревает ее – южные ночи холодные. – Несем большие потери.

– Эта война обернется трагедией, – говорит он. – Орудия убийства стали совершеннее – танки, скорострельное оружие, отравляющие газы, бронепоезда, крупнокалиберные орудия, аэропланы, подводные лодки... Что может противопоставить этому хрупкая человеческая грудь?

– Но ведь техника не сама же стреляет, – говорит она, – все это можно и нужно было предотвратить.

– Да, – говорит он, – конечно, конечно...

– Вас ведь там могут убить, – говорит Ефросинья.

Он снисходительно улыбается.

– В самолет трудно попасть, летит слишком быстро и на большой высоте. Самые значительные потери среди пехоты. А господин Худеков, кем вам доводится?

– Я ему внучатая племянница, – говорит Ефросинья, – с ним весело, он все знает о театрах, актерах и балеринах. Он пишет книги и пьесы. Они идут в Петрограде. У него есть газета. И еще он купил здесь землю по совету царя и собрал в свой сад деревья со всего мира, вы были в дендрарии?

– Обязательно схожу, – говорит Николай Федорович. – Вы знаете, – говорит он, зажигая папиросу, – ...позволите? – курите-курите! – я недавно прочитал одну статью господина Соловьева, философа, и она меня чрезвычайно заинтересовала.

– Какую же именно? Я люблю его книги и лекции, только они трудные, иногда не сразу доберешься до главного.

– Статья называется «О любви». В ней он пишет, развивая Платона, что цель любви – достижение с помощью этого чувства такого состояния любимого существа, при котором она (или он) никогда не умрет, обретет, благодаря любящему, бессмертие.

– Но как же?..

– Он выводит это из эволюционного развития всего живого на земле. Он считает, что эволюция задана Богом, который неприметно ведет историю Земли от примитивных форм жизни ко все более и более совершенным. Что сначала из ничего в мертвом космосе вспыхивает жизнь, потом она становится по существу бессмертной, воспроизводя себя во все новых и новых поколениях живых существ, все более совершенных, потом... Потом в среде высших неразумных животных возникает – разум. И эти разумные существа, т.е. мы с вами, они-то и должны решить задачу бессмертной жизни. Потому что именно к ней стремится эволюция.

Она видит, что Николай Федорович волнуется, на лбу его выступили капельки пота.

– Но не к такой бессмертной жизни стремится развитие, – говорит он, – чтобы поколения старших умирали, передав жизнь потомкам, а к такой, чтобы смерть, смертность совсем потеряла власть над людьми. И это возможно только через силу любви, причем, пишет философ, – любви между мужчиной и женщиной.

– Чтобы никогда не умирать? – говорит она.

– Чтобы никогда не умирать, – говорит он. – И вот я думаю, – продолжает Николай Федорович, – я думаю, что тогда, когда это произойдет, то будет совсем другое состояние жизни и даже тела. Это будет не просто арифметическое умножение телесной жизни без конца и без изменения состава тела, потому что это же...

– Это мука! – говорит она, – такое умножение – было бы просто мукой...

– Конечно, – он кивает головой, – о том свидетельствует история Кумской Сивиллы, изнемогшей от бесконечной жизни, а также судьба легендарного Агасфера... Но они жили во времени, а я думаю, что тот...

Тут он запнулся, словно не находя слов, но через минуту продолжил -

– ...тот, кто любит так, что время останавливается и вытесняется силой его любви, кто способен эту остановку времени удержать, тот сможет изменить состав тела и души – и своих собственных, и любимого человека.

– Но неужели же так еще никто не любил? – взволнованно говорит Ефросинья. – Неужели из стольких миллионов поколений – никто?

– Я не знаю, – говорит Николай Федорович. Он прищуривает глаза и трет двумя пальцами переносицу, словно бы снял очки, хотя очков он не носит, – не знаю. Может быть, и никто. Но кто-то же должен быть первым, если эволюция к тому подошла, а Высшее существо того желает. Тут важно верить. Вы вот, например, в это верите? – он вопросительно глядит на нее.

Ефросинья отчего-то смущается под его взглядом и отводит глаза. На щеках у нее горячий румянец. Она встает из-за стола и идет к окну. При свете электричества снежных гор в нем не видно, а видно комнату, но где-то там все равно они есть.

– Кто я такая, – говорит Ефросинья, стоя к нему спиной, – чтобы верить в это или не верить?

– Вы любовь моя, – говорит тихо и отчетливо Николай Федорович.

Теперь она видит горы, и их снежные вершины, и самолет, стоящий у прожектора, и часового рядом с ним. Видит, хотя в комнате никто не гасил света. Горячая волна дошла от живота до глаз, колыхнув веки с ресницами, и она чувствует, как быстро и сильно толкается в груди сердце. И еще она видит его, стоящего сзади и глядящего ей в затылок широко раскрытыми серыми глазами.

12

самолеты и жуки летают внутри ребенка-неба, а тот смотрит на них сонно и улыбается. И если он проснется и пойдет, то все они попа́дают, вот почему сидит над расчетами инженер – ведь какая может быть надежда на несмышленое чадо, сидит и рассчитывает линии элеронов и мощь бензинового мотора, как же иначе; и потому другой инженер тоже склонился над чертежами пулемета, умеющего при помощи остроумного приспособления стрелять через пропеллер, в точности попадая в момент, в который пуля проскочит в цель, не задев раскрученной лопасти.

Но если ребенок продолжает спать, то истинный летчик в это время способен выделывать на своей машине настоящие чудеса, черт знает какие штуки – летать, например, без бензина, или забраться в «кроличью нору», иную реальность, или же сам может стать ребенком, в котором летают другие самолеты, а среди них один (он сам) тоже спит, и в нем еще кружатся самолеты, и так далее. Ведь мир так и устроен – в оба конца нет ему предела, достаточно заглянуть в параллельные, что ли, зеркала или в глаза любимого человека, и такая даль на тебя оттуда пахнет, такая длинно́та повеет, что тут-то невольно и задумаешься про ночные полеты над вогнутым морем, над линзой пространства-времени и над смыслом окружающих тебя людей, часов и предметов.

И в книге Иова, в которой сказано, что Творец, помимо множества сил, качеств и великих чудес, обладает еще одним неожиданным свойством, а именно – «дает песню в ночи» – это тоже про самолет, про ночное его движенье в воздухе, когда весь ты объят темнотой и темным своим небесным телом и летишь, опираясь лишь на незыблемые огоньки звезд, до которых редкий кот дотянется когтем и не всякий долетит ястреб, но ты уже вложил в них свою забубенную чуткую голову, как в пасть дракону, отдался ночным течениям воздуха, которые Бог Яхве или мужицкий Иисус пустили вперемешку, и не как заблагорассудится, а словно бы воздушными дисками и водорослями, – и ты летишь и молчишь, и молчит самолет, и даже мотор молчит – и только тело твое поет про человека и его озера, его лаковое дерево смерти и ушко стальной иголки – вещи здешние, но пришедшие не отсюда, а оттуда, где вместо имени – пенье.

И ты поешь всем телом, и пока песнь твоя длится, сохранно небо с его полюсами и зодиаками, и не проснется в страхе младенец, и пролетит в пещеру летучая мышь, и ударит сердце, и раскроется цветок, и не заденет тебя стрела в ночи и не ужалит аспид в бензиновый страшный полдень.

Мне скажут, зачем столько отступлений, а я скажу, что так писали Пушкин и Гоголь – один сошел с ума и лежит в гробу без головы, а второй умер от жены и белого человека, но оба спели свои песни, которые дал им Творец, слегка качнув небо и целуя незаметно своих детей – безмятежных и ранимых певцов, чтоб было в суете и лихорадочном беге мира им время для ночных песен.

Мне скажут, никто такое читать не будет, а я скажу – и не надо, а надо быть среди сочинской шантрапы пятидесятых и увидеть однажды ночью из окна барака первый снег, как он покачивается, что ли, всей поляной в тишине и в светлом сумраке, будто бы большая белая черепаха, слишком широкий и нездешний, чтобы застыть без движения, пока сверху летят тихие белые звездочки и покрывают крыши из толя и листья пальм. И мы играли в «ножички» и в «расшибалочку», оглядывались с железнодорожной насыпи на женские пляжи, курили папиросы «Казбек» и прыгали в шторм с бетонной стенки вниз головой, ловя момент, когда взбухали, столкнувшись, две волны, набегающая и возвратная, перекрывая в брызгах и пене коричневые валуны в водорослях.

У многих не было отцов, а у брата с сестрой Лушиных не было и матери – воспитывала их тетка. Иногда к бараку подъезжал «ЗИМ» и поджидал, когда из него выйдет здешняя учительница в платье с пряжкой и на высоких каблуках. На праздники возле сараев накрывали столы и играл баян. Перед дракой с руки снимали часы, у кого они были, и прятали в карман – берегли, чтоб не разбить. Любовь к полетам была свойственна тому поколению, вот ведь что странно. Спасаясь от сумасшедшей «Кометы» с пьяным капитаном, прыгали в воду – оставшиеся в шлюпке погибли, взлетевшие и нырнувшие в глубину – уцелели. В 13-14 лет большинство разошлось по колониям. Впрочем, сегодня из них никого уже нет в живых, да и как могло быть иначе – но от этого все же печально и странно на сердце, печально и странно... но мы-то с вами остались.

13

– мне пора домой, – говорит Ефросинья, – как же мы будем отсюда выбираться?

– На автомобиле, – говорить Николай Федорович, и мы, спустившись по деревянной лестнице (он держит меня под локоть), выходим во двор, где, действительно, стоит автомобиль. Перед нами идет солдат, который подавал нам чай, и светит фонарем. Его зовут Никита, и он не просто солдат, он механик, который обслуживает аэроплан Николая Федоровича. На улице похолодало, Никита поднимает брезентовый верх. Загораются фары, и я вижу словно бы срезанные светом яркие брюки и край белого пиджака. Потом Николай Федорович открывает дверцу, усаживает меня на переднее сиденье и захлопывает дверь. Я смотрю в лобовое стекло и вижу два ярких растянутых эллипса перед нами – это свет фар на траве. Николай Федорович садится за руль, запускает мотор, и мы едем.

– Я ведь даже не знаю, где вы живете, – говорит Николай Федорович, – он внимательно смотрит на дорогу, над которой косо метнулась летучая мышь.

– Рядом с виллой «Светлана», – говорю я. – После новой гостиницы. Надо проехать немного дальше, вверх по дороге.

– Надо же, – говорит он. – Мы с вами соседи, я как раз в этой гостинице остановился.

– А как же ваша мама?.. Не обиделась?

– Немного обиделась, – говорит он, – но она мне все прощает. Зато из моего номера на втором этаже виден маяк.

Он отвозит меня домой. Перед тем как проститься, он спрашивает: во сколько за вами заехать завтра? И я отвечаю – в девять. Лучи фар в развороте выхватывают на мгновение из темноты куст шиповника рядом с моим окном, он сияет так сильно, что у меня болят глаза, а воздухе стоит запах роз и бензина.

14

Николай Федорович сидит в кресле, не зажигая света, и смотрит в окошко. Отсюда, действительно, виден маяк, и когда его луч входит в комнату между распахнутых штор, все тени в ней оживают, она сдвигается с места и идет гулять вместе со стенами и кроватью, блеснувшей на миг чайной ложечкой в стакане, зеркалом, креслом и Николаем Федоровичем. И будто не одна тут комната – две, вложенные друг в друга, словно два короба, которые кто-то нашел у дороги и задвинул сгоряча на пробу один в другой, посмотреть, что из этого выйдет.

Первый прочно стоит – со стенами и с порогом, с зеркалом, косяками, тумбочкой и кроватью. С картинкой на стенке и с летчиком в кресле, обычное дело. Но гуляет второй от далекого маяка – шаткий, вздрагивающий, улетающий каждый миг бог знает куда. Как растянул кто гармошку из света и тени, и ну наигрывать свои бесшумные воровские песни, разрывая тихо мехи направо-налево, туда и сюда, и вбок и наверх. Авось сыграет он этой шаткой гармонью такую песню, такую папиросную выстрадает да выпоет он мечту и коробку, слово такое скажет, что вылетит из его бесшабашного сердца вся его мощь и сила, высадив в сердце окно вместе с рамой, пальцы изрезав, шурупы сорвав, и все что тут есть увлечет мелодией в путь-дорогу без края и имени – туда, где нам быть поистине должно, но лишь кровь передвинув, смерть переплюнув и судьбу обманув. И играет гармошка, и крик стоит на земле, но никто того крика не слышит. Если даже в самой глубокой и страшной тиши и прислушаетесь, все свои мысли прервав, и тогда не услышите, а он все течет, как родник, все вокруг живит и растит, все рыдает и все свои разбойные песни поет. А замолкнет он – сгинем мы с вами в безнадежном повторе нашей налаженной, нашей единственной и надежной, нашей мертвенной жизни.

И все ж улетел бы короб, куда Макар телят не гонял, рванувшись от света и тени, но стоит на страже могучая сила, непреклонная и несговорчивая, угрюмая и надежная – одернет враз она комнату, поставит в ней вещи как надо, картинку – на стенку, стол на́ пол и летчика в кресло; прицыкнет и пальцем покажет на землю – здесь твое место!

А только что она, эта победная сила, без воровской да безумной песни, а скажу я вам правду – ничто!

А посидеть тут подольше, так можно и вовсе съехать с ума от всей этой пляски, спятить не в шутку от песни бесшумной, от гармоники тихой. Ведь в комнате пахнет еще ж и камелией, разливаются снизу лягушки, и все чудится, не перестает, запах женских духов, и белый пиджак висит на спинке кровати, как привидение.

Всю ночь вздрагивал светом Николай Федорович, глаз не смыкал, не вставал с кресла, расходясь с собою и снова сходясь, размыкаясь и вновь смыкаясь, расставаясь с телом и снова с ним же встречаясь, вспыхивая в зеркале и погасая.

Заходился хор лягушачий, речка звенела, ходили туда-сюда ночные скрипы – заснул он только под утро, откинувшись на подушки, не раздеваясь.

15

но и дом весь качается, ходит туда-сюда, как во сне, – вот уже он не гостиница, а жилой дом, в котором осели переселенцы с Кубани и Дона, приехавшие сюда в 1929-м, убегая от голода, в основном, казаки, тут и семья отца, и сам он, четырехлетний, и два его брата.

А вот он годы спустя – кудрявый, рисковый, сидит возле дома на лавочке над шахматною доской, бутылка портвейна «777» рядом, и шевелящаяся тень от листьев играет на его клетчатой рубашке. Напротив, на той же лавке верхом – игрок помоложе. В драных джинсах и синей футболке, пьет вино из стакана, скосясь на фигуры, обдумывая следующий ход, а рядом свалена куча угля для подвальной котельной, и шепчется в ветерке бамбуковая роща с металлической койкой, стоящей среди полых стволов. В сарайчике напротив сосед играет на аккордеоне «Синий платочек», бабочка, рыская, летит через двор незнамо куда.

А вот уже во дворе – кафе «Ромашка» с бьющим круглосуточно невысоким фонтаном, в котором дно бассейна выложено разноцветной смальтой, и вода морщится вокруг падающей струи. И когда пьешь пиво, стоя за утренним столиком, облокотившись на него, то кажется, что после бессонной ночи день вот-вот распахнется, как этот белоснежный мост, выбегающий почти из-под ног на ту сторону ущелья, и подхватит тебя и одарит полетом и безалаберной радостью.

Пьешь пиво и, морщась, вспоминаешь обнаженные тела двух подруг, светящиеся, как статуи, в домике на берегу моря, и как мерцал рыжий и голубой витраж в дверях, от фонарного света с улицы, – и вот уж размылось утро с фонтаном и белым мостом над ущельем, и вот – ни дома, ни бамбуковой рощи, ни беглых казаков и ни фонтана со смальтой на дне.

А на их месте высится нелепое сооружение, похожее на гигантскую чернильницу, малинового цвета, с тонированными окнами, то ли магазин, а то ли торговый центр. Остатки бамбуковой рощи все еще видны, но от моста почти ничего не осталось. Дома, вымахав со дна ущелья как исполинские грибы, встали над ним, превратив летящую конструкцию просто в еще одну улицу, скучно идущую параллельно невидимым пляжам.

И похоже, что больше никто не помнит гостиницы, из которой был виден маяк. Похоже, никто не знает уже, как текла речка по дну ущелья и как пели лягушки, потому что все-все куда-то уходит. Не знаем мы, куда именно уходит оно, в какие запасники, отделываясь невыразительным, хоть и весомым словом «прошлое». Но, похоже, не может уйти в прошлое то, что существует вообще вне времени. Уходит лишь то, к чему время прилипло, как скотч, оно-то с ним и уходит. И новый мираж все более плотный и яркий обступает людей, их закрывая от рощи, от пустого бамбукового ствола, от вспыхнувшей ложечки в стакане, от запаха утреннего моря, делая вид, что ничего этого больше нет, да и не было вовсе.

Так светящийся абажур делает вид иногда, что это он излучает свет, а не лампа. Но не абажур и не лампа рождают свет, в котором мы любим, живем и умираем, – нет, не они. Свет излучаем мы сами, мы и есть – этот свет, что никогда не уходит. Ведь свет, в котором бегут наши дни, как автомобили по мосту, он не уходит и не приходит, не начинается и не кончается, не восходит и не заходит – *он есть*.

16

человек и земля состоят не из того, из чего мы думаем. А также и снег, и ветер состоят не из того – из другого.

Вот идет в японской соломенной шляпе человек по мосту, в руках трость, в глазах небо и дождь, а в памяти – снежный пик, скажем, Фудзи. Внизу речка течет, и если всмотреться, увидим, что она состоит из человека, идущего по мосту, и что это она идет сейчас по мосту, а он течет там, внизу.

И так течет он внизу, что в каждой капле, какую б ты только ни взял, увидишь этого человека, как бывает с каплей на конце листка, скажем, астры, когда в ней видно все вокруг – и дом с красной крышей, и колодец, и береза с забытым на сучке полотенцем. И сколько б капель ни было в этом саду, во всех ты увидишь красную крышу и полотенце.

В каждом всплеске реки ты найдешь этого человека в соломенной шляпе, который на самом деле река, а значит, в каждой волне реки ты найдешь – волну реки, но потому лишь, что человек, из которого состоит река, на самом деле состоит из реки.

Его одевает дождь, его мочит плащ, а мостик поскрипывает под торопливыми шагами. Что это за человек, откуда он взялся и куда идет? Слава Богу, того я не знаю.

Дело в том, что знай я его, я бы владел его именем, и тогда все очарование пейзажа с дождем и человеком над речкой сразу пропало б, а так – он идет в *пространстве отсутствующего времени, а значит в пространстве незнания*: ни наверху, ни внизу, ни справа, ни слева, ни именованный, ни безымянный, ни мой и ни твой, ни дух и ни тело, ни человек, ни река, – а все это сразу.

Не знаю, когда именно я его увидел впервые, и ты тоже не знаешь. Никто, впрочем, не знает, никто. Сайге не ведает, и Хиросигэ не в курсе, потому как им всего этого знать не надо, им дела до этого нет и не будет.

А что надо знать?

А вот что. Вот ежели тебе удастся посмотреть на себя так, как ты смотришь на этого человека, то и войдешь ты тогда в свои запретные комнаты, о которых всегда тосковал, по которым томился, думая, что они – это твоя мама или, потом, что – возлюбленная, или что – деньги, или, уже намного позже, ты думал, что это – твое исчезновение.

Но нет! Не мама и не возлюбленная, и не исчезновение.

Но – человек с вязанкой хвороста на спине, сидящий в «форде» или в «пежо», играющий джаз на контрабасе, плачущий на могиле умершей жены, считающий выручку за день задубевшими руками, набивающий косяк или пускающий продукт по вене, стоящий утром в кафе рядом со скромным фонтаном, торгующий продуктами в деревенском магазинчике... – все они состоят из реки и человека, состоящего из реки.

Все они – ответ на твой вопрос, на твое безмолвие, на твое отчаяние и на твою любовь.

Поэтому склонись до земли, по которой они ходят, и поцелуй эту землю.

Человек и земля состоят не из того, из чего ты думал.

17

еще не предупредил я, что наша история движется не так, как обычно, а в обратном направлении, и не в сторону сгущения смысла, а вовсе наоборот – от конца и к началу, от итога и синтеза смысла – к его распылению и расточению, угасанию, что ли. Что ближе к концу ты будешь стоять у истока времен вместе со мной – не смешно ли! – словно бы у первых стихов Септуагинты, у начала древней и мудрой книги, названной Библией, почти что на побережье, а смысл повествования будет угашен настолько, насколько это возможно, когда ты книги еще не открыл.

Потому что все реки текут по-настоящему – вспять.

Потому что слова говорят не то, что ты думаешь, а то, что в них прошло от последней буквы до первой.

Потому что ни в ком из нас нет ничего особенного или интересного, кроме одного.

Потому что у дирижабля две стороны – добрая и злая, и исчезают они в его живом центре, где времени нет.

Потому что то, что мы все презираем, это и есть – мы истинные, которых мы презираем.

Потому что Христос мужицкий – это все мы, которых мы презираем и которых в себе не хотим, подменив свет – абажуром и лампой.

Потому что, пока ты не найдешь себя, ты не найдешь себя.

Роза не делает усилий, чтобы цвести. Она просто цветет.

Войди по колено в могилу – это твоя земля.

18

краткая информация

За четыре года Первой мировой войны воюющими государствами было проведено около ста тысяч воздушных боев, в ходе которых было сбито 8073 самолета, огнем с земли уничтожено 2347 самолетов.

Немецкая бомбардировочная авиация сбросила на противника свыше 27 000 тонн бомб, английская и французская – более 24000.

Немцы признают потерю 3000 своих самолетов. Не более 500 машин потеряла Австро-Венгрия и прочие союзники Германии.

Всего асами Антанты было сбито свыше 2000 германских самолетов. Немцы признали, что потеряли в воздушных боях 2138 самолетов и что не вернулось из расположения противника около 1000 машин.

Список самолетов, участвовавших в боях Первой мировой

Великобритания

Airco DH.1 и DH.1A, Airco DH.2 (aka De Havilland DH.2) (1915), Airco DH.4 (1917), Airco DH.5 (aka De Havilland DH.5) (1916), Airco DH.6, Airco DH.9, Airco DH.9A, Armstrong Whitworth F.K.3, Armstrong Whitworth F.K.8, Avro Type E и Es также известны как Avro 500, Avro 504 (1916), Blériot Parasol моноплан, Blériot XI, Blériot XII, Blériot XXI, Breguet Type III, Bristol Boxkite, Bristol Coanda Monoplane, Bristol F.2 Fighter (апрель 1917), Bristol F.2B Fighter, Bristol M.1, Bristol Prier Monoplane, Bristol Scout (1915–1916), Bristol T.B.8, Caudron G.III, Cody V biplane, Curtiss JN 3, Curtiss JN 4, De Havilland DH.10 Ariens, Deperdussin TT Monoplane, Fairey IIB (1917), Fairey IIIA (1917), Fairey, N.10 (1917 прототип), Farman Biplane, Farman F.40, Farman HF.20, Farman III, Farman MF.7 Longhorn, Farman MF.11 Shorthorn, Farman Type Militaire, 1910, FBA Type A, Felixstowe F2A, Flanders F.4, Grahame-White Type XV, Handley Page 0/100 и 0/400 (1916), Handley Page V/1500 (1918), Henry Farman Biplane, Howard-Wright Biplane, Martinsyde G.100 и G.102, известен как «Elephant», Martinsyde-Handasyde Monoplane, Martinsyde S.1, Morane-Saulnier Type AC, Morane-Saulnier Type BB, Morane-Saulnier Type G, Morane-Saulnier Type H, Morane-Saulnier Type I, Morane-Saulnier Type L (1913), Morane-Saulnier Type LA (1914), Morane-Saulnier Type N (1914), Morane-Saulnier Type, P (1914), Morane-Saulnier V, Nieuport IV моноплан, Nieuport 12, Nieuport 16, Nieuport 17, Nieuport 20, Nieuport 21, Nieuport 23, Nieuport 24, Nieuport 27, Paulhan biplane, Royal Aircraft Factory B.E.12 (1915), Royal Aircraft Factory B.E.2, 2A, 2B, 2C, 2D, 2E, Royal Aircraft Factory B.E.3, Royal Aircraft, Factory B.E.8, Royal Aircraft Factory F.E.2 (1915), Royal Aircraft Factory F.E.8 (1916), Royal Aircraft , actory R.E.1, Royal Aircraft Factory R.E.5, Royal Aircraft Factory R.E.7, Royal Aircraft Factory R.E.8, Royal Aircraft Factory S.E.2, Royal Aircraft Factory S.E.4a, Royal Aircraft Factory S.E.5 (1917), Short Bomber, Short S.32 School Biplane, Short S.62, Short Tractor Biplane, Short 184, Short Type 820, Short Type 827, Sopwith 1½ Strutter(1916), Sopwith 3-Seater, Sopwith 80 hp Biplane, Sopwith Baby, Sopwith Camel (1917), Sopwith Cuckoo, Sopwith Dolphin (1918), Sopwith Pup (октябрь 1916), Sopwith, nipe (1918), Sopwith Tabloid, Sopwith Triplane (1916), SPAD S.VII, Vickers Boxkite, Vickers F.B.5 (1915), Vickers F.B.12, Vickers F.B.14, Vickers F.B.19 Mk II, Vickers FB Gun Carrier', Vickers Vimy, Voisin II, Wight Converted Seaplane

Германия

AEG G.I-G.II, Albatros B.I, Albatros B.II, Albatros B.III, Albatros C.I, Alter A1, Aviatik B.I, Aviatik B.II, Aviatik C.I, Euler D.I, Fokker A.I, Fokker A.II, Fokker A.III, Fokker Dr.I (1917), Fokker E.I (1915), Fokker E.I, Fokker E.III, Fokker E.IV, Gotha G.I, Hanuschke E.I, Junkers E.I, LVG B.I, LVG B.II, Pfalz A.I, Pfalz A.II, Pfalz E.I, Pfalz E.II, Pfalz E.II, Pfalz E.IV, Pfalz E.V, Pfalz E.VI, Rex D 6, Rumpler B.I, Rumpler C.I, Schütte-Lanz D.I, Siemens-Schuckert D.I, Siemens-Schuckert E.I, Siemens-Schuckert E.III, Siemens-Schuckert R.I, Taube

Италия

Caproni Ca.1 (1915), Caproni Ca.2 (1915), Caproni Ca.3 (1915), Caproni Ca.4 (1918), Caproni Ca.5 (1918)

Россия

Анатра ДС, Lebed 12, Сикорский С-22 «Илья Муромец» (1914), Сикорский «Русский витязь»

Румыния

A. Vlaicu nr. 1 (Reconnaissance) (1910)

США

Curtiss JN-4D (1917), American DH.4a (Britain/U.S.) (1918, Loening M-8 (1918), Navy-Curtiss F-5L (1918)

Франция

Blériot XI, Breguet 14 (1917), Caudron G.4, Dorand AR, Hanriot HD.1, Maurice Farman S.11 (1914), Caudron G-III (Bomber) (1915), Morane-Saulnier L, Morane-Saulnier P, Nieuport 11, Nieuport 12, Nieuport 16, Nieuport 17 (1916), Nieuport 23, Nieuport 27, Nieuport 28, Salmson 2, SPAD S.VII SPAD S.XII, SPAD S.XIII (1917, Morane-Saulnier N (1917), Voisin III

Первый в мире самолет-истребитель РБВЗ-16 построен в России в январе 1915 г. на Русско-Балтийском заводе, на котором был ранее построен тяжелый воздушный корабль «Илья Муромец».

На вооружении Российской империи имелись и другие самолеты: «Моран-Парасоль», развивавший скорость до 125 км/ч и поднимавшийся на 4000 метров, «Депердюссен», и новейшие летающие лодки Д.П. Григоровича.

19

потери русской авиации

К началу боевых действий в составе воздушного флота России насчитывался 221 летчик: 170 офицеров, 35 нижних чинов и 16 вольноопределяющихся (добровольцев). На 1 января 1915 г. потери летчиков составили 33 человека или 14,9% от общего состава. Из них 6 погибли от действий неприятеля, 5 – в авариях, 22 попали в плен и пропали без вести. Среди погибших: штабс-капитаны Грузинов, Нестеров, поручики Лемешко, Гудим, старший унтер-офицер Доброшинский и др. Пропали без вести: поручики Николаевский, Шамин, Машерек и др. Ранены или разбились при падении: капитан Витковский, гвардии штабс-капитан Мельницкий, штабс-капитан Мучник, поручики Городецкий, Корнидов, Павлов, доброволец Шпицберг.

Таран и героическая гибель 26 августа военного летчика начальника 11-го КАО Петра Николаевича Нестерова открыли новую эпоху борьбы в воздухе. Из вооружения у русских авиаторов имелись только пистолеты «Маузер» и карабины.

В общей сложности в 1916 г. русские авиаторы совершили 15435 боевых полетов общей продолжительностью 25686 часов.

Из всех погибших самолетов 52% стали жертвами отказов матчасти; 23% разбились из-за ошибок пилотирования; 18% были сбиты огнем зенитной артиллерии и 7% погибли в воздушных боях.

На 15 сентября 1915 года из 208 аэропланов, состоявших на тот период на вооружении русских убыло 94 машины. В течение 1915 года армия получила с русских заводов 772 самолета, из них 18 – типа «Илья Муромец», с французских – 250. К началу 1916 года в русской авиации насчитывалось 360 машин, в союзной французской – 783, а в германской – 1600.

20

– а вы знаете, что Нестеров считает вас лучшим из авиаторов? – говорю я. – Мне это дядя сказал, он с ним встречался в Киеве.

– Господин Нестеров выдающийся пилот, – говорит Николай Федорович, – мне чрезвычайно приятно слышать положительный о себе отзыв такого человека, как он.

Мы стоим на утреннем поле рядом с самолетом, солнце светит косыми нежаркими лучами, вдалеке видно искрящееся море. С моря долетает ветерок, у горизонта тащится пароход с застывшей над ним полоской дыма.

Когда мы сюда приехали, было прохладно, поэтому на плечах у меня летнее пальто Николая Федоровича «Честерфилд», он накинул мне его на плечи еще в автомобиле, по дороге сюда. Мы немного задерживаемся, потому что механик Никита еще раз проверяет мотор и крепеж тросов управления.

Сегодня Николай Федорович в мундире и бриджах, на лбу у него летные очки. Такие же он дал и мне.

– Петр Николаевич, – говорит он, – открыл новые возможности пилотажа, продемонстрировав знаменитую «мертвую петлю», но это только начало того, на что способен человек в полете. Я вот что хотел вас спросить...

Я вижу, как он волнуется, и почему-то сама начинаю волноваться. Поэтому я меняю тему разговора и спрашиваю: А что это такое вы всю дорогу повторяли в автомобиле, заклинание?

– А, это... – он смеется, – да вот привязалась какая-то строчка, сам не знаю откуда.

– Какая строчка, я не расслышала?..

– «Зачем твои высоты мне – низины...» – говорит он. – Откуда взялась, ума не приложу.

– Иногда что-то придет на ум, а потом исчезает, как не было, – говорю я. – «Твои высоты – мне низины...» Это Бальмонт, наверное.

– Неважно, – говорит он. – Я вот что хочу сказать. Ведь кроме «мертвой петли» есть еще и «живая петля».

Я стою и слушаю внимательно, больше я его не перебиваю. Я вижу, что он волнуется.

21

– вы знаете такое имя, Август Мёбиус? – спрашивает он.

– В гимназии нам рассказывали, – отвечаю я. – Немецкий астроном, механик и математик, доктор философских наук, жил в 18 веке.

– Одно из его открытий, – продолжает Николай Федорович, кажется, довольный моей осведомленностью, – односторонняя лента, плоскость с одной поверхностью. Но это с точки зрения, скажем, идущей по этой ленте мухи, она с одной поверхностью, а зритель может видеть, как муха, идя по одной поверхности и никуда не сворачивая оказывается на другой стороне плоскости. Но наше Эвклидово пространство тоже можно представить в виде этой ленты, только трехмерной, а не плоскостной. И тогда, если его правильно замкнуть, путешествуя по нему, можно оказаться на другой его стороне. Я, наверно, непонятно объясняю, – внезапно говорит он.

– Отчего же, – говорю я, – я общий смысл улавливаю.

– Прекрасно! – я вижу, что он обрадовался. – Так вот, все дело в том, что эти три измерения – все это у нас в уме. Кант показал, что это просто категории, формы мысли, как и время. И что если в новой своей мысли я решу, что нахожусь в подобном этой ленте континууме, одним словом, в пространстве-времени, замкнутом наподобие ленты Мебиуса, то я смогу оказаться на другой его стороне. Хотя бы ненадолго, – добавляет он. – Звучит это просто, но ум не так легко перестроить,

перевести в новые измерения, он очень консервативен, наш ум... – с досадой говорит Николай Федорович. – Тут нужна помощь со стороны чего-то... конкретного, какого-то конкретного орудия...

– Самолета! – меня внезапно осеняет.

– Так точно, – почему-то по-армейски отвечает Николай Федорович. Он улыбается. – Как это вы так быстро поняли, а я ведь разным людям пытался объяснить, но все без толку.

Он оборачивается на самолет, с крыла которого только что спрыгнул Никита. Теперь он стоит рядом и выжидательно смотрит на нас.

– Сейчас, Никита, – машет ему рукой Николай Федорович, – минуту! Понимаете, – продолжает он, словно споря с кем-то, – на самом деле неважно, сколько у ленты сторон – две, три или бесчисленное множество. Это ведь все лишь умственные концепции, условные имена. Важно то, что делает эти две, три или бесчисленное множество вариантов ленты – возможным.

– И что же это? – спрашиваю я.

– Видите ли, в чем дело, Ефросинья, – говорит он как-то смущенно, – у *этого* нет имени, но именно его надо достигнуть, а лента Мебиуса, это так, чтобы уму было от чего оттолкнуться, как и самолет. Тут суть ближе к тому, о чем писал Владимир Соловьев в той статье, о которой мы вчера с вами говорили. Тут суть в вере.

Я чувствую, что этого мне не понять, но сразу вижу, что, может быть, тут и не надо ничего понимать, а надо – снова и снова видеть вот эту поляну с одуванчиками и кашкой, этот воздух, пахнущий бензином и морем, Никиту в комбинезоне, стоящего с железной канистрой в руках, – все то, что сейчас есть, обычное, беспредельное и радостное, будто бы только сейчас увиденное.

– Давайте, – говорю я, – давайте быстрее. Как же в него забираться?

– Правда? – он весь сияет. – Вы решились? Вы согласны? Но это может быть опасно, вы понимаете?

– Чего уж тут! – говорю я и с помощью механика лезу на крыло аппарата.

22

Никита помогает мне пристегнуть ремни, Николай Федорович садится передо мной. Он оглядывается на меня – все ли в порядке, и я улыбаюсь, чтобы он увидел, что у меня все хорошо. Никита дергает винт, тот рвется из рук, мотор ревет, и лопасти образуют сплошной размытый круг. Самолет трогается с места, бежит, подпрыгивая на кочках, все быстрее и быстрее, внезапно тряска прекращается, и я понимаю, что мы летим.

Белый шарф на шее летчика бьется в воздухе, правое крыло уходит вниз, и я вижу море. Оно сразу и далеко, и близко. Я вижу шаланды с приклеенным к корме мутно-молочным расходящимся следом, светлую береговую полосу, отчетливо очерченную пеной прибоя, белые мазки на синей поверхности, похожие на удары кистью с белилами по холсту, – это барашки, так их видно отсюда, я вижу маленькие дома у побережья, белое здание отеля «Кавказская Ривьера», городской причал с пришвартованным пароходом, рядом вспыхивает на миг серебром лента речки и тут же погасает. Мои волосы, выбившиеся из-под косынки, треплет ветер. Самолет делает разворот на сто восемьдесят градусов и берет курс на мыс Адлер. И здесь, над морем, между чаек, облаков и волн аппарат, кренясь и переворачиваясь, входит в фигуру, которую можно сравнить с огромной лентой, перекрученной вдоль оси и снова замкнутой спиральным кольцом на себя в месте разрыва.

23

– никогда ничего не надо утверждать, – говорит приезжий писатель Сергею Николаевичу Худекову, – слон, э... он ведь есть слон, э... и без утверждения, а когда уходит жена, она ведь берет и уходит, и ей ваше утверждение ни к чему. Люди, утратившие себя, а таковы почти все, – что они могут утвердить во благо? Ведь утверждать – это давать свою добрую жизнь томящемуся по ласке животному или же дереву, это прибавлять, так сказать, некоторое количество высокой человеческой жизни – жизни менее развитой. А какую жизнь может прибавить кому-то другому человек,

так и не ставший собой, – только лишь фиктивную и может, да-с.

– Не усложняете ли вы, Петр Иванович? – замечает Худеков, однако слушает гостя с интересом.

– Ничуть! Заметьте, мы только и делаем, что всё чего-то утверждаем, чего-то называем, определяем, кто прав, а кто сволочь, кто поэт, а кто торгаш, кто бл..., а кто праведница. А зачем?

– Что ж, не утверждать?

– А я вам вот что скажу, про мечту всей своей жизни, – понизив голос, проговорил гость. Он слегка выпил и теперь, что называется, поплыл. – И вот что я вам скажу, дорогой мой Сергей Николаевич, представьте, серебряный таз, а в нем несколько крабов. Только эти крабы, настоящие и живые, сделаны словно бы из стекла или какого-то прозрачного материала. В комнате, где этот таз стоит, происходит жизнь, ну, самая что ни на есть жизнь – с работой, хлопотами, несчастной, скажем, любовью к преподавательнице французского языка, с болезнями детей, поездками на курорты, денежными расчетами, а также обедами, встречами с влиятельными людьми и всем прочим. И вот они, эти стеклянные животные, ничего не делая, но лишь очень-очень медленно и нежно трогая друг друга клешнями, сообщают всему происходящему в комнате иной смысл. Они чутки, нежны, время их обходит стороной, они знают друг друга и знают каким-то простым способом все трагедии мира... и остальных планет, и им известно до глубины глубин каждое, да, каждое! человеческое сердце, как великое, так и ничтожное, со всеми его тайнами, благородными порывами, расчетами, любовным томлением и предательскими планами. И вот они, пронизанные светом попеременно встающего и заходящего солнца, ничего не делают, как только нежно прикасаются друг ко другу, даря этими почти невесомыми, но бесконечно значимыми прикосновениями всю любовь и сострадание, которые за века успел-таки накопить в себе наш бездарный мир, и даже больше того. И это все!

– В тазу, то есть, они дарят друг другу сострадание?

– Ну, что ж с того, что в тазу. Но таз тут не главное. Главное в том, что они ничего не утверждают, и потому вокруг них словно расходятся невидимые круги сил, преображающие все вокруг – цветут сады, убийцы раскаиваются, сухие деревья выпускают из себя новые юные побеги, младенец наступает на аспида, и тот не хочет его жалить, львы едят солому...

– А жена? – спрашивает Сергей Николаевич.

– Что жена?

– Жена возвращается?

– Вам угодно шутить Сергей Николаевич, но я скажу вам так – и жена возвращается, и все-все, что вы утратили некогда вместе со своей невинной молодостью, возвращается тоже. А вы утратили много – и первый снег на улицах, и запах весны, когда сердце трепещет и рвется, и белую от луны тропку в деревне с ежиком, и другие вещи, ради которых только и стоит жить, любить и плакать. То, что я вам сейчас рассказал, это невиданная, не знаемая пока что никем форма спектакля, это – прозрение нового, да! Начало никому еще не ведомого искусства, это революция в театре, рядом с которой господин Мейерхольд с его «Балаганчиком» померкнет, как вышедшая в расход монета!! Сцена! Свет! Стеклянные крабы, они же мы с вами, перебирающие силовые нравственные линии натяжения мира – всех миров на свете! видимых и невидимых... пронизываясь светом и шевеля клешнями, и при этом ничего не утверждая, заметьте! Ни-че-го! И вы не можете оторвать от них глаз, потому что с каждым мучительно медленным движением стеклянной клешни в вас раздается глубинная музыка миров иных, и вы... вы... находите в этот святой час самого себя, и ликуете и плачете от счастья.

– Так что же, – снимая салфетку с колен, замечает Сергей Николаевич, – эти ваши крабы и есть, так сказать, Царство небесное в силе?

– Можно сказать и так, – отвечает вдохновенно гость, но спохватывается, обмякает и добавляет уже как-то вяло, – можно сказать и так, – впрочем, я ничего не утверждаю, ничего! Вы знаете мои правила. Я никогда и ничего не утверждаю.

Тут гость неожиданно всхлипывает, достает из кармана чистый носовой платок и высмаркивается.

– Хотите кофе по-турецки? – спрашивает его Сергей Николаевич. – Прислуга моя, армянка, замечательно его варит.

От гостя Сергея Николаевича год назад ушла жена, сбежала с тенором из Миланского театра, и бедняга даже пробовал застрелиться, однако пистолет то ли дал осечку, то ли пуля попала не туда, куда надо, но так или иначе бедный поэт остался в живых. С тех пор, однако, он стал сильно пить и волочиться за девушками из простых – горничными, модистками и всякой прислугой. Сергею Николаевичу было жаль талантливого человека, и он как мог согревал его вниманием и вполне щедрой толикой мужской дружбы.

24

в Сочи зажглись уже окна домов. Странный это город, в котором никто не воевал и который никто не бомбил, потому что все хотели сохранить его для себя. Остальные города стоят себе на земле, а этот подвешен к небу, и вот не поймешь, как именно – нелепо или возвышенно. Словно летающее чудо-юдо в форме большого сита, завис он в воздухе меж морем и горами и уж который век просеивает сквозь себя жизни людей и кузнечиков.

Думаете, здесь плачут? Нет, тут не плачут, не такой это город, чтобы в нем плакать. Ну, а если и плачут иногда, то лишь крикливыми и серебряными казацкими голосами, и поэтому серебра здесь больше, чем в Валдайских озерах с большими рыбами. Город встряхивает свое сито и летят плевелы, а зерно, что должно умереть, чтобы снова родиться, остается.

И город идет слоями, словно воздушный пирог – вот слой адыгейский, вот черкесский слой, вот греческий, а здесь вот живут армяне, и турки, и эстонцы, и немцы, и молдаване, и русские – кого только нет в его слоеном объеме! А теперь на один миг только представьте, сколько видит за всю свою жизнь один-единственный, например, эстонец или, пускай, армянин или немец. И представьте, что будет, все это количество мыслей и образов внутри каждого человека, все эти воздушные города, слои и собрания, полные картин и впечатлений, сложить воедино – какой тут сад вырастет, сколько тут крови, виноградного сока и слез брызнет! Какой короб огромный понадобится, чтобы все эти грезы, судьбы и воспоминания в него запихать и, так сказать, увязать! И, конечно, невозможно было бы найти такой короб, если б только не превращались разноцветные воспоминания в чистые идеи и не уходили бы в небо – туда, в облачное хранилище, где все становится чище и легче, правдивее и компактней, при этом связи с землей не теряя, но со своей стороны выпрямляя и обновляя все, что на земле происходит.

Впрочем, одно время и тут велись военные действия, пока на том месте, где стоят сейчас церковь и маяк, находился военный форт Навагинский, подвергавшийся периодическим набегам убыхских племен и каждый раз успешно их отбивавший малочисленным своим гарнизоном.

Но сейчас в одном из слоев сита – в 1915 году, в начале августа месяца – тут никто не стреляет, горят тихо окна в дачах с витражами и башенками, а с побережья долетает музыка военного оркестра. И, словно гости фата-морганы, колеблются в танце пары почти что нестерпимой красоты и хрупкости. Предприниматели, актрисы, курсистки, дети промышленников-миллионеров, художники и дельцы празднуют свое первое военное лето, не очень-то задумываясь о том, что будет с ними через два-три года. Со стороны все это выглядит вроде черепахи, на спине которой танцуют вальс немцы, москвичи, питерцы, русалки, города́, летчики, ночные бабочки, золотые рыбки, Стравинский, неизвестный поэт, девочка с персиками, звезда Полынь и птица-секретарь. Колеблется черепаха на черной воде, когда еще нырнет!

И светят в парках фарфоровые фонари магнолий.

Тут, на спуске к порту, если идти от церкви, есть один дом, сужающийся двумя кирпичными белеными стенами в чрезвычайно острый угол. Внутри угла расположена комнатка, в которой житель, художник, служащий в местном казначействе, скопировал известную работу Леонардо «Человек Витрувия». И только там, в этой комнатке, если сидеть в ее сужающемся почти до остроты ножа пространстве и вглядываться в рисунок Леонардо – в фигуру человека с разведенными руками и ногами и вписанного в правильную окружность, – только там и можно увидеть, что человек этот не стоит, как принято думать, а падает. И делается совершенно ясно, что худож-

ник пошутил. Причем пошутил зло, хоть и бесстрастно. Потому что, если взглянуть на изображение в правильной перспективе, а именно – сверху, то видишь голого незнакомца, выпавшего из круглого люка дирижабля и летящего спиной к невидимой пока еще земле. И понимаешь, что человек, совпавший на миг разведенными руками и ногами с окружностью люка, падая спиной вперед и тяжело глядя на вас сумрачным взглядом, будет делаться у вас на глазах все меньше и меньше, пока не совсем не скроется из виду. Именно так падали летчики первой мировой, потому что парашюта на них еще не было, и если чем и можно было замедлить падение, то лишь разведенными на манер звезды руками и ногами.

После этого открытия, сделанного в острой комнате дома на спуске, вас уже не сбить с толку, не одурачить. Каждый раз теперь, когда вам на глаза попадется изображение, вы тихо скажете – ага! И, вглядываясь в лицо человека Витрувия, будете ждать мгновения, когда оно, чуть заметно дрогнув, начнет уменьшаться у вас на глазах, делаясь все меньше и меньше до тех пор, пока не исчезнет совсем.

25

и тут, когда самолет стал медленно переворачиваться вверх колесами, словно что-то щелкнуло, и я перестала слышать мотор. Наступила тишина, будто из «волшебного фонаря» быстро и мягко вынули картинку и вставили новую, и там, где только что был замок со знаменами, оказалось небо.

Я теперь была словно без веса и имени, как чистый свет, который все ж не терял моего тела из виду. Но я не была уже телом – скорее новым пространством, распахнутым на все стороны света – в нем-то оно и жило, кружась и ныряя, мое невесомое, не подвластное боли или утрате новое тело.

Я поняла, что хотел изобразить Сандро Боттичелли на своем рисунке к «Божественной комедии». Еще раньше, когда я увидела его впервые, у меня было чувство, что я его знаю.

Черной тушью вычерченные над небесной рекой, взятой в две сужающих линии, летели две фигуры – одна побольше, вторая поменьше. Первая Беатриче, и Данте – вторая. Никаких усилий они не делали. Усилие, что несло обоих к Эмпирею, к сердцу мира, над речкой с огненными цветами, было сделано ими давно, и теперь их влекла безымянная сила, выворачивая прошлое, как чулок, наизнанку. И потому не они теперь творили полет, а полет их творил, как сама жизнь, что творит бамбук или птицу, залив или гору, или подкову в пыли, или блестящий от солнца ключ на пороге.

Я видела, что любое движение, любая моя мысль единственно верны– *таким* было это пространство, в котором мы плыли. Его можно было б назвать *безошибочным*, но слово «родное» к нему подходило все ж больше.

Время текло сразу в несколько сторон, словно ветки дерева, и с разными скоростями. Бьющийся в ветре белый шарф замедлился – каждый его изгиб теперь *случался* и каждое движение белого шелка было единственно верным, таким, каким я его и хотела видеть, прежде чем оно появилось – и другого быть не могло.

Больше не надо было сравнивать, сомневаться, что-то искать – здесь было все, что я когда-то хотела. Все события, к которым я раньше стремилась, пришли ко мне как стадо овец и стали у входа, тычась в ладони, и я слышала запах мокрой сирени из детства.

Вес тела не был больше направлен к земле. Он не ушел, но *такая* тяжесть несла тело вперед или вверх по желанию, могла превратиться в бег и в полет, сразу вослед за мыслью о беге или полете наполняя движенье избытком послушной силы.

Мы теперь были вместе, нам было по пять лет, мы летели в самолете, и мы играли на зеленой горе среди цветов и бабочек, и все это сразу. И не было больше краев у вещей и людей и зверей, никогда и нигде не было больше краев...

Мы были – одно, словно гвоздь и магнит, словно огонь и свеча, словно тепло и рука. Сколько б разлук нас ни ждало потом, сколько б мы ни теряли друг друга, ни расходились поврозь – переулками, странами, войнами, даже смертью самой – это уже ничего не меняло.

Вот что произошло, там – в небе над Сочи.

О таком говорить – как на яхте идти против ветра – галсами, рыская, теряя направление, уклоняясь от курса и смысла, почти что мыча. О таком говорить – словно камень грызть.

25 а

песня Офелии

гладят меня волны, поют ручейки, несет течение. Поцелуи твои горят на моем теле, присосавшись к нему, как твердые раковины – песня греет мне горло. Кто бензин плеснул в воздух, кто свечку поднес? Взрывается авр[1] и горит, не сгорая, пока я плыву. Как найти свое тело, нежное и теплое, тяжкое и послушное, словно медуза? Только река найдет его, лишь ручейки, прозрачные щупальца, в которых вьется она. Ах, спрут-река, ах, родинка на плече, жгучая словно спирт, обозначьте, найдите меня огнем и щупальцем, освежите мне тело, расшнуруйте корсет! Глянь, безымянный, на тело, ныряющее в потоке, белое, как лилия, как дуст, как асбест, глянь!

Смотри на него, смотри, как плывет оно, чуть качаясь, через канал, через шоссе, супермаркет, аэродром, сквозь дуплистый дуб – не знаешь ты, что тело мое бензиновый факел. Плывет, одетое в пламя, как в платье, расширяясь над полом, юбкой метя, буги-вуги танцуя; распавшись на голыши, галькой шуршит, зажигает кефаль возле дна.

На правом плече у меня сидит черный кот, вопит и рвет кожу когтями. В животе моем рожает змея, множит свое отродье, семейку солнцеликих, помет премудрости – тужится крепкими кольцами – потому ширюсь я до спирали галактики, до пружины ракушки, потому застыла в дверях. А девочка воет на сплюснутый череп дружка, впрессованного в железку встречным грузовиком, а я шью слезы солдату, убитому в Ливии вместе с другом, с которым ходили в Воронеже в школу, а птица бормочет и тренькает в небе стеклянную песню.

Мой принц зачал меня, а я – его под орешником, рядом с алюминиевой рекой, среди разбитых компьютеров и пластмассовых пакетов.

Речной хрусталь играет у меня под головой, краб выпил мой глаз, водоросли дарят свеченьем, небо смотрит в меня другой свой стороной, где сияет его настоящее лицо, бесполое, как у ангела. И имя его стоит как разбитый танк на немых губах. Землечерпалка рвет подо мной воду, вынимает наружу ржавые бамперы, обручальные кольца утопленниц, кости коров с пастухами, мертвую рыбу, подводный огонь.

Мы зачинаем с тобой друг друга, мой принц, между хрипом и визгом, между светом и кровью, между ангелом с чашей и плачем дитяти. В начале вещей лежит начало вещей.

Он ушел и вернулся, и тогда мы легли, зачиная друг друга. И я задрала юбку в байдарке, и я задрала ноги в офисе, и я раздвинула их в палатке, шаря спиной по корням, и я крикнула «мама!» в кладовке, и я взвизгнула «да!» на диване, и я плакала «nicht!» в берлинской квартире.

И пока я плыву, я в огне, рот мой бормочет блаженную песнь о цветах и названиях: вот горицвет – для младенцев, чтоб язык их не был раздвоенным, вот булавочник для девушек с голубыми глазами, чтоб не прятались у них подмышками привидения, вот – иван-да-марья для шоферов-дальнобойщиков, чтоб отличали хрусталь дороги от угля проруби, а это, тебе, моя радость, для жизни невечной – цветок, что растет у меня из гортани, цветок без названья.

А это мак-человек, наш сынок, сорви его с губ моих, мальчик мой, звездочка, скиталец воздушных дорог, питомец небесной слюды, ребеночек мой золотой, солдат безымянный, колышет тебя рожь и вечный огонь горит из твоего живота.

26

мы приземлились на поле, а там шел какой-то праздник. Трепетали флаги, играл оркестр, на зеленой траве стояли столики с угощением и напитками. Некоторые пары танцевали, мелькая длинными пестрыми юбками. Я люблю, когда флаги трещат в ветре, особенно если рядом море

[1] фр. avre – теплый зимой и холодный летом ветер в Люк-ан-Диуа (деп. Дром, Франция). Ср. Эвр.

или речка. Почему море или речка, не знаю, но без них не так весело, не так раздольно. Флагам нужен простор. Встречи и расставания на весь мир – вот что им нужно.

Николай Федорович оставил самолет на попечение Никиты-механика, и мы пошли к автомобилю. Мы с ним еще не обмолвились словом, как приземлились – он только вскользь заглянул мне в глаза, когда помогал выбраться из кабины. И когда мы подходили к автомобилю, я не выдержала.

– Что это было?

Он смотрит на меня серьезно.

– Не знаю, – говорит он, – как это назвать. Можно сказать, что мы обнаружили себя самих, а можно сказать, что это было путешествие в Золотой век. Но все это звучит глупо. Все эти слова можно обнаружить в армейских анекдотах.

– Все же вы скажите... я никогда ничего подобного...

– Это последняя строчка Данте, – говорит он. В его «Комедии». Но, вообще-то, лучше ничего не надо называть, а все оставить как есть.

Через пять минут мы едем по мосту, с которого вчера вечером я наблюдала, как с моря заходит на посадку самолет.

– Я видела, как вы вчера садились, – говорю я. – Я тогда еще не знала, что это вы.

– Неужто? – удивляется он.

– Вообще-то, я знала, – говорю, – ваш аэроплан помахал мне крыльями.

– Это он может, – Николай Федорович улыбается.

Он довозит меня до дома, открывает дверцу, я выбираюсь из машины и останавливаюсь в нерешительности.

– У меня немного изменилось расписание, – говорит он и улыбается. – Я еду завтра. Завтра утром.

– Куда? – говорю я.

– На фронт.

– Уже? – Я пока что еще ничего не понимаю, я говорю какие-то слова почти машинально.

– Я вас никогда не забуду, – говорю я. – Я буду вам писать, Николай Федорович.

– Спасибо, – говорит он вежливо и грустно, – ваш адрес я теперь знаю. А адрес моей части я оставлю для вас в гостинице у портье.

– Неужели это все? – говорю я. – Даже не верится. Вы там поосторожней.

– Конечно, – говорит он. И повторяет серьезно, словно что-то вспоминая: меня убить невозможно.

Я протягиваю руку, он склоняет голову по-военному, пожимает мне пальцы в перчатке и залезает в автомобиль. Машина разворачивается и уезжает. У меня нет здесь «Божественной комедии», но я знаю, что она есть у Маши Белецкой, которая живет недалеко отсюда, немного повыше в гору. Я быстро переодеваюсь и иду к Маше.

В библиотеке я нахожу Данте в переводе на французский. Последняя строчка в книге такая: «Любовь, которая движет солнце и другие звезды». Тут я наконец-то понимаю, что завтра утром Николай Федорович, действительно, уезжает на фронт, и мне становится очень холодно. Так холодно, что у меня начинают стучать зубы.

27

стихи механика Никиты

когда началась война я испугался
потому что на войне убивают и на этой меня обязательно убьют
над гостиницей шелестят листья платана и я жду катулла
катулл из серебра а из чего же еще и из него торчит соха или я что-то путаю
про катулла мне объяснила одна учительница

он придет и возьмет мою смерть на себя, превратившись в летучую
мышь или это вергилий она назвала два имени сразу

или не придет и тогда я умру

я подал вчера Ефросинье чай она посмотрела на меня глазами как васильки
я люблю деревенских девок но она лучше деревенских девок
хотя наши – самые красивые особенно в соседней деревне
и некоторые вечером красят губы и пахнет от них свежестью
и духами а потом они всё смывают когда идут назад но на губах остается
они ласковые она лучше деревенских девок мама вижу как
она движется я однажды видел чертеж дирижабля –
эллипс в эллипсе как представишь все это в небе так темнеет в глазах
от восхищенья когда я подал ей чай я видел эллипс в эллипсе
и когда помогал ей забраться на крыло самолета тоже

я думаю о наступившей войне и жду Катулла что может
взять на себя мою смерть или это Вергилий хорошо бы нас не сразу отправили
на фронт я читал о смерти у Александра Блока та учительница мне тоже давала
его стихи и в этот миг в уме прошли все мысли единственные нужные
это он о разбившемся насмерть жокее я бы не разбился
на ипподроме я бы удержался и труп мечтательно глядит наверх
о чем он мечтает я знаю об эллипсе в эллипсе который есть
только у Ефросиньи они движутся как один прибор в другом
у нее шелестит юбка а губ она не красит и на ипподроме тоже
встречаются кони в которых движется в эллипсе эллипс
на них приятно смотреть но на таких трудно удержаться я пробовал
но это лучше пули в живот я видел как

конь скачет забирая ноги выбрасывая из себя вытянутый круг дальше чем копыта
стучит глухо в землю нас всех она ждет но я бы хотел раньше лечь в стог
с Ефросиньей а вдруг бы она согласилась мама только наверное
не согласится она влюблена в капитана это сразу видно
эти барышни всегда в кого-нибудь влюблены а что у нас там в деревне

сестра Евдокима что опился и повесился на Покров все еще что ли в девках
поди вышла уж замуж железная дорога мама это цивилизация техника
раз помню вышел из кабака пошел полем на переезд
хотел замерить скорость состава встал у светофора
он мчит горит на меня желтым глазом а я так и стою на рельсах
как в столбняке думаю зачем сходить думаю как цветет мокрая сирень возле плетня
зачем вообще сходить мама вот что мне было тогда непонятно

а теперь я жду Катулла в этой пустой гостинице под платаном
а он всё не приходит а может его тоже убили на войне но вряд ли
мы конечно победим только что толку лучше б мы проиграли
как говорил один агитатор из Питера рожа у него хитрая гладкая

эллипс в эллипсе мама это главное даже если
сделать всю механику неба при помощи механизмов и живых зверей
в апокалипсисе много ангелов их тоже надо учесть

потому что вселенная мчится на нас как паровоз вот и думаю я
зачем сходить не отвечай мне мама дождусь катулла на денек заеду

28

я стучу в дверь номера, и он открывает. Он щурит глаза на свет в коридоре.

– Вы? Это вы? Но ведь вы... Вот уж не ожидал, – говорит он растеряно и продолжает щуриться.

– Вы ведь завтра едете, – говорю я, – я зашла проститься. – Сердце мое бьется так, что меня покачивает.

– Входите-входите, – говорит он, распахивая дверь еще шире, и я вхожу. Вот почему он щурился – в комнате совсем темно.

– Я не могу просто так, чтоб вы уехали – говорю я. – Я хочу, чтобы у нас вами все было.

Он смотрит на меня непонимающе. Я иду к почти невидимой кровати и ложусь на нее. Потом, выгнувшись животом вверх, тащу на себя юбку, задираю ее до подбородка, поднимаю колени и раздвигаю ноги – так меня учила Катя Савина, приятельница по гимназии. Она не хотела, чтобы я попала в смешное положение с любимым человеком. Мне тогда показалось, что все это довольно-таки нелепо, но она сказала, слушай, дура, и запоминай! – и я ей поверила. Я ведь не очень большой знаток в любовных делах, хоть и читала Мопассана, а у нее был роман с инженером, вся гимназия болтала. На мне высокие шнурованные ботинки и светлые чулки. Ботинки тяжелые, и ноги долго держать на весу трудно, но я понимаю, что надо терпеть. Николай Федорович подходит ко мне, становится на колени рядом с кроватью, рубашка его белеет. Он берет мою руку и целует ее. Потом мягко опускает мои согнутые ноги на кровать и говорит, любимая моя Ефросинья, радость моя. Мои глаза привыкли к темноте, и теперь я вижу, как комната мигает, должно быть, от портового маяка.

– А почему вы плачете? – спрашиваю я, а сердце продолжает бухать и стучать в груди, и даже в темноте я вижу, как колышется моя грудь.

– Разве? – говорит он. – А я и не заметил. Я не плачу, – добавляет он, что за глупости.

– Нет, вы плачете, – говорю я. – У вас маяк мигает, мне видно.

– Потому что я очень люблю вас, – говорит он непоследовательно.

– Угу, – мычу я, – поэтому пусть все будет.

– У нас все уже есть, – говорит он. – И все было.

– Да, – говорю я, – все было. Но вы же едете на войну. Поэтому я хочу, чтобы у нас все-все было.

– У вас очень красивые ноги, – говорит он. – Такие же красивые, как ваше лицо. А почему вы в таких ботинках?

– Вам не нравятся мои ботинки? Я могу их снять.

– Мне очень нравятся ваши ботинки, – говорит он, и я чувствую, что он говорит правду.

– Я ходила навещать подругу, там круто и тропинка скользкая, потому я их и надела. Поцелуйте меня пожалуйста, Николай Федорович.

29

он лежит рядом со мной. Мое тело проснулось, оно знает, что ему делать, все мне наврала Катя Савина. Я чувствую, что я ракушка, как будто я длинная перламутровая ракушка, а вместо рук у меня воздух этой комнаты и мои губы, и то, как бьется все ровнее и глубже сердце, и вместо рук у меня его руки, и вместо рук у меня маяк за окном и ущелье с бамбуком, его волосы, и вся его благословенная длина – она тоже вместо моих рук и вместо моего сердца и моих ног, и вместо меня. И я закрываю глаза, и вот сейчас, и вот опять полетит самолет, сейчас-сейчас, и запахнет мокрой сиренью от моего любимого, и мое новое тело поднимет нас как ковер-самолет, и я что-то такое бормочу, а потом еще и еще, и я сама не понимаю, что говорю, и красное в глазах, и зеленое, и луна гудит как самолет, и тут раздается грохот и Николай Федорович вскакивает с кровати. Я сажусь и пытаюсь понять, что происходит.

А происходит вот что. Огромная ночная бабочка мечется по комнате, сбивая все на своем пути – шуршит, грохочет, путается в занавесках. Снова вылетает на середину комнаты и с размаха стукается в зеркало.

– Надо ее поймать, – говорю я. Господи, как же я напугалась! – Ловите же, она все у вас перебьет.

– Поймал, – говорит он. – Вот она, смотри, какая огромная.

Он держит ее двумя руками, развернув как письмо, и с темных крыл на меня смотрят два огромных глаза, обведенные белым, и тут мне становится страшно, и я кричу.

Маяк мигал до утра, не помню, что мы такое друг другу говорили, невпопад, бестолково и обнимая друг друга, помню запах его волос и шеи, и только на рассвете мы оба заснули – он в кресле, а я на его кровати. Бабочку мы выпустили, и она слетела в овраг, смутно мелькнув темными крыльями. А в небе было полно звезд, и снизу от речки поднимался холодный туман и шел слабый запах сероводорода.

30

сначала казалось, что он взлетит, что уцелеет, что даже если его и убьют, то обнаружат не обломки самолета, а фигуру человека в военной форме с обгоревшими, что ли, крыльями бабочки за спиной, но он лежал на поле недалеко от леса, рядом с покореженным самолетом и вонял, как воняли в то лето сотни тысяч убитых русских, австрийцев, украинцев и немцев. На третий день его обнаружили пехотинцы и похоронили тут же, рядом с безымянной венгерской деревушкой, не воздав воинских почестей, не отпев, потому что начиналось отступление, и все очень торопились. Это было в конце августа, как раз те дни, когда штабс-капитан Петр Нестеров впервые применил воздушный таран и погиб в бою.

Говорят, Николай Федорович был сбит, защищая автомобиль Красного креста от двух немецких аэропланов, стрелявших по машине из пулеметов. Очевидцы добавляли также, что немецким асам не удалось ее уничтожить лишь потому, что самолет Николая Федоровича непонятным образом завис в воздухе над фургоном, из которого в это время санитары выводили и выносили раненых, и так висел какое-то время, прикрывая их своим корпусом с раскрытыми, как руки, крыльями. В результате всех их удалось втащить в случившееся тут убежище в виде пустого дота.

31

такие сведения следует, конечно же, отнести к разряду военных легенд, в которых желаемое часто выдается за действительное, и при этом неважно, описывает ли рассказчик события, случившиеся в ходе наступления или во время бегства. В послевоенные годы такие истории можно было услышать за столиком вокзального ресторана или от главы семьи в канун какой-нибудь фронтовой годовщины. Время от времени их перескажет журналисту впавший от старости в маразм ветеран или упомянет за бутылкой охмелевший патриот. Рассказчики этих эпизодов, вероятно, стремятся дополнить с помощью поэтической выдумки то, что в принципе понять невозможно, потому что, в отличие от поддающихся статистике фактов, на фронте, действительно, случаются странные вещи. Но нужно ли их понимать? Обязательно ли понимать то, из чего состоят войны, вникать в их, так сказать, природу, в их основу, в их, если можно так выразится, суть, вызывающую к жизни события как очевидные, так и непредсказуемые, не укладывающиеся ни в какую логику? Одно ясно – если мы действительно захотим постичь природу войны и того, что на ней случается и происходит, нам придется вернутся в самое начало

32

и признаться, что начало – это место где еще ничего не случилось, ничего не сказано и ничего не названо. Где формы не возникли, а памяти не существует. И поэтому мы открываем первую страницу и, отказываясь от итоговых смыслов в пользу незнания и неосведомленности (как мы и обещали в 17-й главе), читаем: «В начале сотворил Бог небо и землю...»

Виталий ЛЕХЦИЕР

Magna Mater

1.

с удовольствием уплетают груди святой Агаты
булочки с соска́ми
и фисташковым мороженым
аранчини вырваны из глазниц

символическая пища сицилийцев
историческая находка маркетологов

а ты зря недооцениваешь воображение католиков

Деметру мы нашли на скале, над кладбищем
бешеный огурец выстреливает у рощи миндаля

2.

идентификация с рыбой
корзина с продуктами
ползёт по лебёдке
на четвёртый этаж

кровь тунца на джинсах
подвиги Геркулеса в зале парламента
умиральные картины, райские кущи

иконография смены подгузников
ангел делает надрез скальпелем

студенты-медики
рассматривают мученичество
пальмовую ветвь

Виталий Лехциер родился в 1970 году в Ташаузе (Туркмения). Окончил филологический факультет Самарского госуниверситета, доктор философских наук. Публиковался в журналах «Волга», «Воздух», «НЛО», «Цирк Олимп», «Дети Ра», «Золотой векъ», на порталах «TextOnly», «Syg.ma», «Литературa», в антологиях «Нестоличная литература», «Девять измерений», «Поэтический путеводитель» и др. Автор нескольких поэтических сборников, в том числе «Своим ходом: после очевидцев» (М.: НЛО, 2018), пяти философских монографий и более ста пятидесяти статей и эссе в различных периодических изданиях. Участник и лауреат ряда международных и российских литературных фестивалей. Соредактор электронного литературно-аналитического портала «Цирк Олимп+TV» и одноименной книжной поэтической серии. Куратор региональных акций «Антропология поэтического опыта» (2012-2013) и «Поэтическая логоцентрика» (2013–2018).

Данте обращается к окулисту Лукии

кто сможет собраться с силами
достигнет триумфа

3.

горгульи водостока
плюют во двор

недоделанная свастика
первая поваренная книга

ты сегодня будешь тираном

пергаменты бенедиктинского
монастыря, лимонная кислота
стирает надписи на папирусе

4.

Цицерон совсем спятил на Сицилии
кости крупного рогатого скота
использовались при строительстве перегородок

старые сикульские вотивницы
вовремя подмеченное
memento bambini

живая скульптура
просящей милостыню
на Via Etnea

5.

так далеко мы ещё не забирались
все вместе

перебежчик-заяц в долине
Чёрная мадонна из цитрусового дерева

точка эха в центре орхестры
между холмами

стои́т, держит на руках поросёнка

женский вариант Осириса

вулканическая глыба
летит со дна

6.

гражданин тот, кто вкладывается в
общие обеды

помимо театра – ряды портиков, булевтерий

мы впервые столкнулись с таким эффектом

Magna Mater

обаятельный гитарист из рок-группы
Perché Mamma ha Paura dei Topi[1]
разворачивает карту Катании

поднимаемся к бронзовым сандалиям Эмпедокла

колонизация приводит к резкому расслоению
рыбаки Верги требуют справедливости

***

вот и здесь: *смерть*
это то, что бывает с другими

подтвердилось

аплодисменты после фильма
Висконти, классовая
метафизика островного

красные рубашки гарибальдийцев
хлопо́к расстрела
триколор поверх жёлтого

палермчанин совершенен
с террасы дворца
танатологическая перспектива

[1]Потому что мама боится крыс (ит.).

шакалы боготворят иллюзии
скупают земли
подписываясь на Рисорджименто

в заброшенных комнатах
создаются воспоминания
не такие, как у смертных

королевские леопарды
уходят в тень
смотрятся в зеркало

застывают
на стене капуцинов

Баария

Ренато Гуттузо рисует осьминога, ангелов
семейное альбомное фото под потолком церкви
закрашено по требованию кардинала

траурные пуговицы на белых рубашках
социализм танцевальных пар
мокрый пол – убежище от жары

лучше быть в гробу, чем у всех на языке

кросс в сандалиях за полминуты
через столетие, тройная сакральная
цель ожидает счастливого рикошета

здоровья невесте! здоровья невесте!

после второго просмотра
не хватает моря, рыбаков сицилийских
подёнщиков, скупщиков рыбы

чёрные змеи фашизма падают на лицо
расколотый волчок возвращает живую муху
потерянная серьга излучает свет

хтоническая изнанка острова, здравый
смысл реформизма, монстры барокко
настигают в яблочном саду

Сорин БРУТ

БЕЗВЕТРИЕ

Рассказ

I.

Началась осень, и Шатов вернулся домой. Обычно торопливый, теперь он неспешно прошел через катакомбы подземного перехода и выбрался, наконец, в еще не полный, не оформившийся сентябрь на пересечении Азовской и Чонгарского бульвара. Достал сигарету и легко, в безветрии, раскурил ее. В стороне, у гостиницы «Берлин» стоял обычный предночной гул. Зычно перекрикивались таксисты, торговцы и маргиналы всех мастей. Здесь же все было спокойно. Шатов свернул на Черноморский бульвар и сразу же ощутил захватившую это место сонливость. Небо было высоким и тусклым. Листья еще крепко держались на ветвях и как будто не собирались ни падать, ни желтеть. Машин почти не было, а отработавшие своё усталые невеселые люди двигались неслышно и незаметно. Шатов часто писал портреты таких забитых жизнью людей, с особым старанием ловил морщины, синяки под глазами и отрешенность от всего, притупленную боль. На пересечении с Симферопольским бульваром художник закурил вновь, но не успел сделать и трех затяжек, как оказался уже у нужного подъезда многоэтажки из красного кирпича. Шатов присел на бордюр и докурил. Здесь, на четвертом этаже, была квартира его девушки. Он переехал сюда недавно, примерно полгода назад, и еще не приноровился высчитывать точное количество сигарет на пути от метро. Большую часть этого полугодия Шатов ездил по России, делал наброски, писал небольшие холсты и даже прочел в Саратове несколько лекций о современной американской живописи.

Андрею Шатову было двадцать пять лет. Среднего роста, неопрятный и полноватый, с лохматящимися, давно не стриженными светлыми волосами, он выглядел почти на тридцать пять. Руки у Шатова были длинными и крепкими, плечи широкими, а ноги несоразмерно худыми. Лицо казалось бы тяжелым и задумчивым, если бы не быстрые, смешливые глаза.

Шатов начал рисовать около десяти лет назад. В первые годы писал все подряд. Выходило сентиментально и, в целом, скверно. Со временем его отрывочные подростковые идеи сложились в какое-то подобие мировоззрения. Тогда Шатов всерьез взялся за портреты – иногда мрачно-реалистические, но чаще философские, изображавшие не конкретных людей, а *человека вообще*, так, как он его видел и чувствовал. Эти работы чем-то напоминали древние коптские иконы. Шатов ценил их больше других. Зрители же предпочитали картины попроще, образы мрачных горожан, иссиня-красные лица алкоголиков и рубленые, угловатые головы рабочих. Время от времени такие холсты приобретал в свою коллекцию какой-нибудь смелый и не считающийся с модой ценитель. Тогда у Шатова появлялись деньги, которые он старался растянуть на подольше. В остальное же время ему приходилось подрабатывать самыми случайными и скучными способами.

Так прошли три послеинститутских года. Теперь же все стало потихоньку меняться, двигаться и вроде бы складываться. Сначала появилось несколько заметок про Шатова в художественных журналах, потом купили сразу пять хороших философских портретов, и вот, наконец, одна приличная московская галерея предложила ему выставку. Все лето Андрей работал на юге. Кое-что

Сорин Брут родился в 1995 году, закончил отделение истории и теории искусства исторического факультета МГУ (бакалавриат). Учится в магистратуре на том же факультете. Статьи публиковались в журналах «Искусство» и «Литература».

из написанных там картин тоже удалось продать, а значит, можно было пока не держать в голове поиск новой работы. Шатов радовался уже этому. К осени художник вернулся домой, к Лере, которая уехала с юга раньше него. Они не виделись около месяца. Шатова ждала неделя покоя и тишины. И сам он уже давно дожидался этой недели.

2.

– Привет! – Лера неловко обняла его, потом крепко прижала к себе.

Однокомнатная крошечная квартира пахла чем-то старым и тихим. На советских коричневых полках стояли запыленные собрания сочинений Драйзера, Пушкина, Бальзака. Новые книги сюда еще не переехали и жили пока что на квартире родителей Шатова, хотя кое-что, вроде ярких «азбучных» и светлых «лениздатовских» обложек Сэлинджера, Кутзее, Довлатова и Сарамаго, гостевало на прикроватной тумбочке. Шатовских картин здесь тоже пока не было. Шатов сразу же прошел в кухню, достал из холодильника бутылку кока-колы и налил себе полную чашку, чтобы промочить пересохшее от сигарет горло. Потом он тяжело повалился на диван в комнате. Лера осторожно легла рядом. Шатов обнял ее и начал рассказывать то, что всю дорогу собирал мысленно в одну большую историю. Севастополь, Ялта, Евпатория, Коктебель и другие города древней Киммерии оборачивались и легендами прошлого, и настоящим, иногда светлым, иногда досадно пошлым и пустым. Волошин, Богаевский, Мандельштам, портики и колоннады Севастополя и лимонное пиво там, где некогда высадился на скалистый берег грек, тюленьи телеса туристов и отвернувшийся от них бронзовый Макс в своем извечном хитоне, провинциальный модерн ялтинских особняков, ютившихся на склонах гор, фруктовые сады многочисленных крымских дач и шум Черного моря – все это разноголосо звучало в историях очарованного Крымом Шатова. Художник говорил возбужденно, быстро, то и дело перескакивал с темы на тему, но потом всегда возвращался к предыдущей. Он не умел рассказывать что-либо последовательно. Лера была совсем другой. Возможно, именно поэтому им с Шатовым хорошо жилось вместе. Тихая, молчаливая и себе на уме, редко выявлявшая ход своих размышлений и чувств, она напоминала Шатову барсука. Не то чтобы она была похожа на этого своевольного дикого зверька внешне. Скорее ей подходило звучание слова. Лера была нелюдима, почти не разговаривала даже в компании близких друзей, а если говорила, то произносила что-то односложное подчеркнуто нейтральным тоном, словно бы только для того, чтобы собеседник мог продолжить свой рассказ. Когда же Лера была вдвоем с Шатовым, она раскрывалась и становилась вроде бы совсем настоящей, хотя сам Шатов не всегда это ощущал и иногда в душе беспокоился.

Несколько раз они выходили на узкий балкон, раздвигали стекла, Шатов курил, и разговор, перемежаемый затяжками и выдохами, приобретал новый ритм. В Москве у Леры все было по-прежнему – работа в НИИ, книги, редкие встречи с подругами, прогулки по заросшим тропинкам больших московских парков и жизнь в себе. Шатову казалось, что Лера любила такую жизнь. Но даже после общих полутора лет он не мог быть полностью уверен.

К ужину, то есть уже совсем в ночи, в гости заглянул писатель Иващенко, с которым Шатов сдружился еще в институтские годы. Лера достала вино. Иващенко вытащил из сумки бутылку водки. Вскоре они уселись за крошечный кухонный стол и взялись за макароны с сыром и, главное, за стаканы с рюмками. Все крымские истории были заново пересказаны, добавились и московские писательские байки, вино быстро сошло на нет, полилась водка, которую закусывали звонкими и хрусткими маринованными огурцами. Пока Шатов ходил в туалет, Иващенко с Лерой долили ему сорокаградусной в остатки вина и потом, спровоцировав быстрый тост за Довлатова, долго смеялись над ним.

В их компании любили дурачиться. Впрочем, как и пить за Довлатова. Как-то раз Шатов, Иващенко и несколько общих друзей собрались у кого-то на квартире. Пили много и выпили, кажется, уже за всё, но стаканы как назло снова наполнились, и повисла неловкая пауза. Наконец сильно пьяный Шатов нашелся и непоколебимым тоном провозгласил: «Не знаешь, за что пить? Пей за Довлатова! Древняя русская традиция, между прочим». И чокнулись, и выпили, и с того

случая начали регулярно пить «за Довлатова». Самым забавным, но и досадным было то, что в какой бы компании ни звучало это проверенное звоном рюмок «За Довлатова!», всегда находился человек, глаза которого при этих словах наполнялись неподдельным удивлением и даже смятением, и следом он произносил: «А кто это?» Все смеялись, а писатель Рицци с шутливой грозностью говорил: «Так ты извинишься? Или сразу выйдем?» Ну а после все пили за Довлатова.

У Иващенко была одна замечательная привычка. Во время дружеских попоек, в барах или на кухнях, во время совместных походов в музей или еще куда-то, – в общем, получается, что в любое время, он в некий случайный и слабо улавливаемый момент доставал вдруг электронную книжку и начинал зачитывать избранные отрывки из самых разных авторов. Это бывали Газданов или Мариенгоф, иногда что-то из переписки Набокова – Иващенко был отличным чтецом, удачно выбирал интонацию, выделял наиболее колоритные места, шутки же зачитывал неподражаемо. Для более изысканных острот он перевоплощался в высокомерного господина литератора, в голосе чувствовалась его деланно наглая, непринужденная поза. Когда же шутки были грубы и язвительны, он становился вдруг пузатым купчиной, сидящим, широко развалившись, в кресле за дубовым столом. В этот раз Шатова поразила история: некая грубоватая и не очень приятная женщина пришла с юношей-сыном к издателю «Аполлона» и автору этих воспоминаний Маковскому. Они принесли стихи. Маковский должен был решить судьбу молодого поэта – либо заниматься литературой, коли есть талант, либо не «маяться дурью» и идти в торговлю, в помощь родителям. Маковский пытался увильнуть, но под материнским напором вынужден был начать чтение. Это были обычные скверные юношеские стихи. Маковский не нашел в них совершенно ничего интересного. Но, подняв глаза на юношу, он прочел в его взоре такую мольбу, что не смог сказать правду, сказал только, что стихи хороши и что он видит перед собой настоящего поэта.

Пока Иващенко зачитывал этот отрывок, стояла напряженная тишина. Шатов ссутулился на хлипкой табуретке. Пальцы его были сомкнуты в замок и покраснели от напряжения. Шатов волновался. Быть может, потому что боготворил Мандельштама, а может, и из-за того, что схожая история происходила сейчас с ним. Она качалась тенью за окном, шла вслед по улице, закуривала вместе с ним у метро и тяжело дышала, поднимаясь по лестнице в офис галериста или коллекционера. Нужен ли нам, товарищи, художник Шатов? – как на каком-нибудь советском собрании спрашивали лица на рекламных плакатах, московские бульвары и залитые светом и жаром улочки Севастополя. Нужен нам художник Шатов или, может быть, он нам не нужен? – этот вопрос звучал в голове Шатова последние десять лет. Но он никак не мог собраться с духом, чтобы ответить на него самому себе. Чудо спасло Мандельштама, а есть ли и для него, для Шатова, чудо? Иващенко понимал художника. Он и сам был в похожем положении.

Когда писатель закончил читать, все втроем они вышли на балкон покурить. Темнота спустилась на Черноморский бульвар, во влажном воздухе тускло горели фонари, а тишина словно бы оплела весь город, всю планету, и не было ничего вне этой тишины, и не было людей, они все спали и потому казались не страшными. Слепыми темными глазами глядели соседние панельки, и лишь в немногих окнах еще оставался свет.

– Я вот, знаете, когда работала в банке... – начала расхрабрившаяся Лера. – я шла на работу утром и уже в метро, когда выходила на Рижской, чувствовала запах своего офиса. Я не могу описать его, но это был именно он. Держался несколько секунд, а потом пропадал и появлялся вновь, уже на весь день, когда я приходила туда.

– Печально, что могу сказать, – хмыкнул Иващенко.

– Да ладно, печально, – улыбнулся Шатов, – по-моему, дорога на работу – это до жути смешно. Ты вскакиваешь, злобный и невыспавшийся, ни свет ни заря и изо всех сил несешься в то место, в котором меньше всего на свете хочешь оказаться. При этом еще боишься опоздать туда и выслушивать какую-то чушь от помощника менеджера или вообще черт знает кого.

– Да, вот так бегаешь, бегаешь, злишься, раздражаешься, а потом привыкаешь. Просыпаешься заранее, ложишься вечером пораньше, идешь до метро не спеша и думаешь: что это стало с моей жизнью? Как незаметно она успокоилась! И самое главное, тебе нравится, что она успокоилась.

– Был такой стих у Бурича, – улыбнулся Шатов, – про благополучную жизнь. Он кончался, кажется строчкой «Каким предательством ты купил все это».

Иващенко засмеялся, а Лера продолжила:

– Да, что-то вроде того. Каждое утро, когда шла на работу – спрашивала себя: «Неужели Ты родилась для этого?» Знаете, я в детстве очень любила рисовать себя в будущем. Естественно, я была прекрасной принцессой, в платье роскошном, все дела. Так грустно было вспоминать об этом.

– Я помню как-то спросил Соню, ну с которой мы учились... – начал Иващенко, – а мы типа стояли у корпуса, этакие мрачноватые старшекурсники, вот, я спросил, что в нас поменялось за пять лет, ведь что-то же поменялось, а она говорит: «да, лодка разбилась о быт. Ну не разбилась точнее, а споткнулась». По-моему, весьма точно.

– Я, кстати, тоже в детстве рисовал себя будущего, взрослого, – сказал Шатов и затянулся, – это было в детском саду. У меня была подружка. Мы с ней даже хотели пожениться. Она, как и ты, рисовала себя принцессой. Или президентом. Ну, в общем, была высокого полета. А я рисовал себя художником с морщинами и бородой в какой-то неказистой потрепанной рубахе. И вот, значит, та моя подружка показывает мне свой рисунок, этакая барби у нее получилась, а потом смотрит на мой и говорит: «Как же мы станем мужем и женой, если ты будешь таким некрасивым».

Посмеялись.

– Ну вот, видишь, прямо по Фрейду у тебя получается. Станешь счастливым.

– «Черная карта», будешь счастливым! – передразнил Шатов.

– Ага, будешь счастливым художником по Фрейду. Это уже Хармс какой-то, – улыбнулась Лера.

– Но вообще, да, вроде движется дело куда-то, – сказал Шатов, – но это сейчас... А раньше-то я столько выслушал всякой ерунды про ужасы жизни художника.

– Поверь мне, очень знакомо, – сказал писатель.

– Но, с другой стороны, ведь это происходит просто потому, что все боятся нестабильности.

– И при этом почему-то не боятся променять жизнь на стабильность... – сказал Иващенко, – я вот вообще не представляю, для чего жить без нормального дела.

– Это литература-то нормальное дело? – засмеялся Шатов. – Примерно такое тебе говорили, наверное.

– Ну да, что-то вроде. Еще говорили, что все дети не хотят жить так, как живут их родители. А потом повторяют их модели.

– Знаешь, я в детстве очень любил пиратов, – сказал Шатов. – Ну типа я много в них играл. Помню, еще до ремонта, то есть мне было лет семь, в родительской спальне был старый диван, и я играл, что это мой корабль, плавающий в комнате-море, сражался с подушками, а наш пес был страшным морским чудовищем, и мы с ним боролись и возились. Вот. А еще я читал про пиратов всякие книги. Был такой пират Бартоломео Робертс, может, вы слышали. Экстравагантный персонаж. И в одной книжке была его цитата, что-то вроде: «Я хочу прожить короткую и полную приключений жизнь, а не долгую, размеренную и скучную». В общем-то, понятно, что мысль, так скажем, средней руки...

– Средней головы, – поправила Лера.

– Да, что-то Сидом Вишесом пахнуло, – усмехнулся Иващенко.

– В общем, мне тогда эта фраза безумно понравилась. И я ее смаковал всячески в школьные годы, а потом забыл. Но некоторое время назад вспомнил. И она снова мне понравилась. Вернее, не столько слова, сколько прямота, с которой этот человек строил свою жизнь. То есть он не создавал комфорт ценой каких-то бешеных усилий и потом за него не трясся, не искал стабильности, в которой потом умирал со скуки, не хотел денег самих по себе, славы самой по себе. Он хотел жизни и не просто, а такой, какой ее придумал. И строил ее, как архитектор, а не обставлял мебелью, понимаешь?

– То есть этакий пират-философ, плавающий в мире? – засмеялся Иващенко.

– Как это ни смешно, вроде того. Архитектор-пират, если быть точным.

– Вообще, по-моему, важно просто то, что он смотрел на жизнь в целом, а не на день недели, – вставил Иващенко.

– Мне кажется, мы говорим примерно об одном и том же.

– Конечно, – подтвердила Лера, – о высоком.

– Нет-нет, ты не поняла, мы о пиратах, – отшутился Шатов.

– Каких таких пиратах? Они уже потонули в море пафоса! – засмеялась Лера и выкинула бычок. Его искра мелькнула и исчезла в темноте.

Долго еще говорили. Допивали водку, снова шли курить, а потом включили музыку. Они отправились спать только под утро, когда за окном уже зашуршали по асфальту метлы дворников.

3.

А утром, то есть около часа пополудни, Иващенко ушел, и с этого момента начались тихие дни Шатова с Лерой. Они просыпались поздно, обычно не раньше двенадцати, завтракали яичницей или макаронами, для экономии с сырным соусом вместо сыра, и дальнейшее время до глубокой ночи проводили в приятной расслабленности, лишь изредка поднимаясь с дивана, и, как правило, только для того, чтобы заварить кофе и вернуться назад. И Шатов, и Лера в детстве любили футбол. Лера, наверное, даже больше. Когда-то она собиралась заниматься экономикой футбола. А Шатов мог стать профессиональным вратарем, но выбрал живопись, о чем он, конечно, не жалел, хотя то и дело норовил подшутить над собой на тему этих своих былых возможностей сделаться успешным человеком. Когда Шатов учился в школе, футбол здорово помогал ему. Школа была районная, на окраине, и потому для странного Шатова футбол был чем-то вроде языка. Так он общался с одношкольниками и завоевывал их бесценное уважение. Иначе бы ему часто доставалось. Потом, впрочем, и так стало доставаться. Но теперь игра в мяч осталась только на экране и только как один из приятных способов ничегонеделанья. Лерин телевизор показывал футбол по нескольким каналам и практически круглосуточно. Так, после завтрака свалившись на диван с чашками сносного растворимого кофе, Лера и Шатов старались не вставать часов до шести вечера. Все это время они болтали, одновременно следя за картинкой сменяющихся городов, стадионов и команд. Шатов рассказывал бесконечные истории, часто шутил, и часто «толсто», говорил о живописи, развивал какие-то свои идеи и, облекая в слова, сам начинал лучше их понимать. Лера охотно отвечала, но редко начинала разговоры. Так было для нее естественней. Иногда она отправлялась заваривать новый кофе или, для разнообразия, чай, а разленившийся Шатов не находил в себе сил оторваться от мягких подушек. Он разваливался во всю длину дивана и утыкался глазами в экран, горячо болел и даже вскрикивал, если игрок не забивал верный момент или вратарь ошибался.

Шатов несколько последних лет жил в состоянии, которое сам иногда называл самоубийственной гонкой. Это словосочетание он подсмотрел в книге рассказов Уильяма Стайрона. Все на бегу, все в спешке, случайная и скверная работа, ночи, в которые нужно успеть зарисовать все замыслы, еще и с Лерой побыть, убраться, посуду сполоснуть. Шатов никогда ничего не успевал. Он ежедневно корил себя за это, что тоже отнимало силы. Но теперь писать картины совсем не хотелось, хотя многие старые задумки еще не были воплощены.

– Вот же разленился, – любя, а подчас и всерьез, говорил он себе, – ну ладно, могу же я хоть немного поотдыхать.

Иногда вместо футбола Шатов и Лера смотрели «Южный парк» и «Свинку Пеппу». Когда начиналась «Пеппа», Шатов с усмешкой приговаривал «для самых маленьких», разумеется, относя к этим самым маленьким и себя, и Леру. Им нравилось детство. Лера часто сворачивалась в клубок у Шатова на коленях, и он, обхватив ее, покачивал из сторону в сторону и убаюкивал, как младенца. Еще забавнее было смотреть, как в такой же клубочек сворачивается крупный Шатов. А он тоже любил, когда с ним возились и тетешкались.

Время от времени Шатов отрывался от дивана и шел курить на балкон. Он смотрел на осеннее затишье. Чернели мокрые от недавнего дождя стволы. Бесцветное небо отражалось в тускло-зеленой листве. Осень чувствовалась во всем, что происходило в эти дни в городе, – в вялых движениях немногих прохожих, в плавном течении редких машин, в серости и отчужденности улиц. Ничто не спорило со сном, не будило спящий мир. Над аллеей спали потрепанные плиты брежневских домов. За ними дремали новые башни какого-то неживого блеклого цвета. Шатову казалось, что все вокруг успокоилось навсегда, и его собственная торопливая и нервная жизнь тоже перестала бежать. Прохладный воздух приятно обволакивал лицо. Шатову нравилось это состояние.

Как-то раз на улице поднялся шум. Когда Шатов вышел на балкон, он увидел, что внизу дерутся два мужчины. Они оба нетвердо стояли на ногах. Их пытались разнять женщина и маленькая девочка, видимо жена и дочь одного из них. Второй, как понял Шатов, был либо его близким другом, либо родственником. Драка продолжалась несколько минут. Потом они разошлись, и снова воцарилась тишина. А Шатов вспомнил, как как-то раз в его дворе парень повалил свою девушку на асфальт и несколько раз ударил ее ногой. Шатов тогда испугался и не заступился. Но в другой раз заступился, потому что был с собакой. Тогда мужчина тоже бил женщину. Это было четырнадцатого февраля. Они отмечали праздник «Виноградным днем» у подъезда и из-за чего-то поссорились. Шатов смотрел на снова опустевшую улицу и думал, что люди могут слепить себя совершенно любыми, но почему-то становятся такими. Слепить и слепить – одно и то же слово, но с противоположными смыслами, – решил Шатов. – Лепка и слепота как раз и есть что-то вроде выбора. Но стоило ему выбросить обжегший пальцы бычок и отправиться в комнату, как все это пропало.

А дома было уютно и хорошо. Шатов и Лера забирались на диван, болтали и прихлебывали из горячих чашек кофе с сахаром и молоком. И все мрачные размышления Шатова от этого ленивого состояния постепенно стирались. Словно бы совсем исчез большой и странный настоящий мир, а остался только тихий комнатный мирок, в котором было полегче и потише.

По вечерам они периодически покидали укрытие и выбирались в центр, в кино или в небольшое кафе, и возвращались уже за полночь. Если же оставались дома, то смотрели Джима Джармуша, Пон Чжун Хо или любимого Лерой Уэса Андерсона, предварительно закупив копеечного шампанского или водочки и к ней соленых огурчиков. Лера хмелела, уходила в себя, замолкала надолго, Шатов же, наоборот, веселел и расходился, включал какую-нибудь старую песню, слушал ее много раз подряд, подпевал, дико подтанцовывал и имитировал игру, кажется, на всех инструментах сразу.

А еще, кроме ленивого дня, кроме футбола, дивана, балкона, сигарет и выпивки, кроме отсутствия других, кроме вечерних фильмов или редких поездок в центр, в этой каким-то чудом не распадавшейся тишине были игры. Их придумывал Шатов. Иногда он прятал какой-нибудь маленький мячик, оставшийся в квартире от прошлой, неизвестной ему жизни Лериной семьи. А потом рисовал карты, разрезал их на кусочки и тоже прятал, а к ним делал загадки-подсказки со стишками или ассоциациями. Потом Лера начинала поиски. Шатов ходил за ней, шутил, подсказывал и как ребенок радовался, когда она находила очередной смятый листок, ведущий ее к кладу. Иногда они придумывали друг другу шарады и потом подолгу бились с ними: Лера – потому что Шатов загадывал сложно, а Андрей – потому что плохо умел отгадывать. Было и много других хитрых игр.

Как-то утром Шатов выдумал фантастический город и нарисовал карту его метро. Станции назывались именами общих друзей или деятелей культуры и, конечно, разными Лериными прозвищами. Риццианский бульвар и Риццоград получили свои названия в честь писателя Рицци. В тех же районах приютились театр Уайльда и ипподром Генри Чинаски. Другую окраину украсила своей изысканной модерновской застройкой и изобилием всякого рода питейных за-

ведений улица литератора Иващенко. Лера питала не слишком понятную для Шатова страсть к спальным окраинным районам. Поэтому названные в честь нее Барсуково, Медоедово, Бумбарашево и Улица 50-летия Зюзинца были мрачными и шантропскими, хотя и не без своеобразного шарма. Очень отличались от них Большие и Малые Зайцы с панельными пятиэтажками, увитыми виноградом и плющом, вокруг которых были зеленые, как будто «лесные», дворы с фонтанчиками и торчащими из земли бетонными каркасами, стилизованными под руины. Рядом расположился Солевой округ. Странное место. Здесь к брежневским гостинкам прилипли смешные «античные» портики и фронтоны, а в парке, среди старых деревьев, росли кое-где скульптуры из ржавого железа. Каждый район в этом городе имел какую-то изюминку.

Когда Лера проснулась, уже взбодренный собственной фантазией Шатов предложил ей отправиться в путешествие по воображаемому городу. На какой бы станции ни вышла Лера, Шатов тотчас же выдумывал окрестный пейзаж и в подробностях описывал его особенности, рассказывал историю места, говорил о людях, которые здесь живут. Потом Лера ехала дальше. Прогулка длилась около часа. За это время Лера побывала во всех уголках выдуманного города, окончательно проснулась и теперь почти все время улыбалась. Когда Лера улыбалась, она похожа была на полную луну. Шатов, глядя на нее в такие моменты, чувствовал, что, может быть, нужен и без картин.

И Шатов, и Лера были грустными людьми. Грустили они по-разному. Шатов шумно – злился, кричал и раздражался. Лера – совсем иначе. Она как будто выпадала из жизни и часами сидела, глядя в пустоту. Если же ее пытались пробудить, начинала плакать и пряталась под одеяло или плед. А Шатов подолгу сидел рядом и успокаивал ее. Хотя чувства в эти первые дни сентября стали отчего-то тише и проще, они и теперь часто грустили. Грусти было не меньше, чем радости, Но главным было то, что и Шатов, и Лера умели утешить друг друга. После грустных часов у них вновь появлялись силы и даже какая-то вера в жизнь.

4.

За всем этим прошло десять дней. Дней без ничего. Дней абсолютной тишины. А потом както утром Шатов не высидел, собрал масляную пастель, акрил и кисти. Холсты были на квартире родителей, в шатовской комнате, которая временно служила мастерской. Напоследок он покурил на балконе, над бульваром, где, как и прежде, начиналась осень. Шатов всматривался в нехитрый и не до конца еще родной здешний пейзаж и думал, что где бы он потом ни жил, где бы они с Лерой ни оказались, в каких комнатах ни строили бы заново свой собственный дом, в нем навсегда останется оттенок этого места, крошечной квартиры с пыльными полками и старыми книгами, осеннего бульвара, бесцветного неба, тоскливых окрестных домов и долгой непрерывной тишины. Шатов знал, что этот оттенок запомнится бессловно, без определенной картинки, но так, как остаются в памяти давно прочитанные книги – каким-то почти неуловимым, призрачным ощущением. Только оттенок. Все остальное умрет.

Попрощался с Лерой до вечера. Она осталась постепенно погружаться в научно-институтские дела. Шатов вышел на улицу, снова закурил и заспешил к метро, думая о молодом Мандельштаме и отчего-то радуясь. А на Черноморском бульваре опять зашумел ветер.

Нина КОСМАН

МОЯ ПАРА

Рассказ

Понятия не имею, почему на этот раз мне назначили пару. Официальное название этой должности – paraprofessional (буквально полупрофессионал(ка)), но у учителей нет времени на выговаривание такого длинного слова, поэтому мы все говорим просто пара. Я работаю с небольшими группами учеников и вполне справляюсь сама. Когда я спрашиваю одну из своих начальниц, зачем мне назначили пару, она говорит, что в моей новой школе два здания, и Мария, моя пара, будет приводить учеников из главного здания в мою классную комнату в менее главном здании и потом уводить их обратно, а во время занятий помогать слабым ученикам.

В первый же день Мария опаздывает на час, заходит в мою классную комнату, говорит: «Доброе утро, Нина», я отвечаю: «Доброе утро, Мария», и жду, скажет ли она что-нибудь ещё, но поскольку ничего больше не следует, возвращаюсь к прошлогодним оценкам и составлению списка новых учеников. Проходит около двадцати минут, на секунду отрываюсь от компьютера, вижу, что Мария волочит лестницу почти вдвое больше неё самой. Спрашиваю, что она собирается делать с этой громадной лестницей. Отвечает: «Чистить». Она машет в мою сторону, и этот широкий жест включает в себя как и мой стол, так и меня саму, из чего я заключаю, что она хочет, чтобы я освободила учительский стол. Она указывает на стулья учеников, мол, я могу сидеть там, на одном из маленьких стульев, а не за учительским столом. Мне её жаль, её английский так ограничен, что она не может сказать даже простейших фраз, поэтому я не возражаю и освобождаю учительский стол. Сижу на студенческом стульчике и наблюдаю, как она отодвигает учительский стол и ящики с пьесами, пытается установить лестницу в освобожденном от ящиков небольшом пространстве. Она лезет наверх по лестнице, останавливается на верхней ступеньке, говорит: «Paper towels», и я вручаю ей целый ворох влажных бумажных полотенец, которые она заранее положила на учительский стол. В моем маленьком, узком классе очень много полок – стеллажи стоят не сами по себе, они вбиты в стену, от окна до двери, от стены до стены, от пола до самого потолка, и она старательно прочищает каждую полку, отодвигая коробки с книгами и протирая и коробки и книги влажными бумажными полотенцами, туда-сюда, туда-сюда, пока бумажные полотенца не становятся совсем грязными, и она передает их мне, чтобы от них избавиться. Она говорит: «Мокрый», я макаю новую кучу бумажных полотенец в миску с водой, вручаю ей, и она протирает ими новую полку, пока они в свою очередь не становятся грязными и должны быть отданы мне и выброшены. Через полчаса я говорю: – Мария, по-моему, уже достаточно.

– Нет! Я делаю вашу комнату красивой.

– Но, – говорю, – Мария, мне надо работать. Я должна сидеть за столом, чтобы пользоваться компьютером, мне нужно составлять списки новых учеников...

– Я выполняю свою работу. Я делаю вашу комнату красивой!

Передвигаю миску поближе к лестнице и перестаю макать бумажные полотенца в воду: если ей так приспичило продолжать уборку, она может макать их в воду сама. Подключаю свой компьютер и предупреждаю её о шнуре, чтобы она не споткнулась об него, когда сойдёт с лестницы. Она повторяет: – Я делаю свою работу, вы делаете свою работу!

Нина Косман (Kossman) родилась в Москве. В 1972 году эмигрировала с семьей в Израиль, потом в Америку. Автор двух сборников стихов: «Перебои» (Москва, 1990) и «По правую руку сна» (Филадельфия, 1996). Публиковалась в журналах «Крещатик», «Новый журнал», «Слово\Word», «Знамя», «Новый берег», Homo Legens и др. Перевела две книги стихов и поэм Цветаевой на английский – «In the Inmost Hour of the Soul» (Humana Press) и «Poem of the End» (Ardis / Overlook, 1998, 2003, 2007). Переводчик стихов Кавафиса на русский. Составитель антологии «Gods and Mortals» [Боги и смертные: Современные стихи о классических мифах] (Oxford University Press, New York). Рассказы и стихи на английском публиковались в американских и канадских журналах. Живет в Нью-Йорке. В «Волге» публиковались рассказы (2017, № 11-12).

И всё-таки мне хотелось бы знать, когда она позволит мне наконец вернуться к моему столу. Уже полдень, обеденный перерыв, и я спрашиваю Марию, пойдет ли она на улицу купить что-нибудь поесть или будет обедать в классе. Она говорит, что никуда не пойдет, потому что утром заблудилась по пути из метро и уже здесь заблудилась по пути из главного здания в мой класс, и она боится снова заблудиться, выйдя за пределы классной комнаты, и поэтому никуда она не пойдёт на обеденный перерыв. Может, мне стоит спросить ее, не собирается ли она оставаться в моем классе насовсем из-за страха заблудиться, но я только пожимаю плечами и говорю: «Окей». Вынимаю из сумки свой ланч и пытаюсь думать о чем-нибудь другом, чтобы отвлечься от вида этой странной женщины на верхней ступеньке лестницы возле учительского стола. Пока я ем, она спускается вниз и перетаскивает лестницу в другой угол, жестами показывая мне, что я должна встать с маленького стула. Я беру свой ноутбук и возвращаюсь с ним к учительскому столу, но она говорит: «Не готово. Не сухо. Нужно ещё протереть».

– Мария, мне нужен мой стол. Полки теперь, кажется, совсем уже сверкают.

– Я убираю.

– Спасибо, Мария, но больше не надо. – Я делаю решительный жест, разрезаю воздух рукой, как ножом, и чтобы она поверила в мою решимость, кладу свой ноутбук и папку с бумагами на учительский стол. Она указывает на миску с водой и рулон бумажных полотенец; ждет, когда я ей буду снова помогать.

– Подавай, – говорит.

– Мария, мне нужен мой рабочий стол. Я не могу весь день макать и подавать вам бумажные полотенца. Спасибо большое за уборку, но больше не надо.

Она ставит лестницу рядом с моим стулом, поднимается на две ступеньки и говорит, что у нее много предприятий.

– Предприятий?

– Да. Компании. Бизнес. Understand? – Я киваю, повторяя её «Understand» в надежде, что смогу продолжить свою работу, но ей хочется рассказать мне чуть побольше.

– Один бизнес, другой бизнес, потом ещё один бизнес. Много бизнесов. Много дели.

– Дели? – О чем она говорит? О столице Индии?

Мария ходит на все собрания по профессиональному развитию преподавателей и высиживает их без единого слова или вздоха, но однажды, когда я сидела рядом с ней на особенно скучном собрании, я спросила ее, откуда она. Она ответила, что она из Перу, и что ее родной язык не испанский, а кечуа, язык индийского племени с тем же названием. Испанский ее второй язык, сказала она, и тут же шепотом научила меня нескольким словам на своем родном кечуа.

– Я продала свой айси бизнес месяц назад, – говорит она с явной гордостью. Она объясняет, что у нее было много тележек, и все они проданы, и когда она видит, что я понятия не имею, о каких тележках она говорит, поясняет, – Тележки для продажи icies. Ты увидишь их здесь после школы, повозки с icies, дети просят родителей купить и родители покупают.

– Понимаю, – говорю, но почему она их продала? Нужны были деньги, говорит она, чтобы купить дом в Швейцарии. Она продала свой бизнес за миллион долларов, и на эти деньги купила дом для одного из своих детей. Я спрашиваю, сколько у нее детей, и она макает очередное бумажное полотенце в воду и говорит: «Много». Спрашиваю, где именно в Швейцарии, и она макает ещё одно бумажное полотенце в воду и называет город, о котором я никогда не слышала. Она повторяет, что потратила миллион на покупку дома и еще пятьсот тысяч на ремонт, и поясняет, что дом в Швейцарии был старый и нуждался в ремонте, и хотя мне трудно поверить, что женщина, заблудившаяся по дороге в мою классную комнату, является самодельной миллионершей и покупает дома в зарубежных странах без страха заблудиться по дороге от уборной в аэропорту до посадочных ворот, я говорю себе: может быть, и правда, что она купила дом в Швейцарии за миллион долларов или евро. Я спрашиваю ее, почему она работает парапрофессионалом в нью-йоркских школах, если она так богата и покупает дома по всему миру, и она отвечает, что у нее много детей. Много-много. Некоторые из них ее биологические дети, а другие – из мусорной кучи. Все они – и биологические, и дети из мусорной кучи – уже взрослые, и все получили хоро-

шие профессии: юристы, врачи, профессора, брокеры на Уолл-стрит. Вот какое образование она смогла дать своим многочисленным детям.

Мне не понятно, что она имеет в виду, что это за «дети из мусорной кучи»; она видит, что мне не понятно, и поясняет: она нашла детей на улицах бедных кварталов Лимы, они лежали в мусорных кучах; она спросила уличных мальчишек почему, мол, младенцы в мусоре лежат, и мальчишки сказали, что матери этих младенцев так бедны, что не могут взять на себя заботу о ещё одном ребенке, и поэтому оставляют его в мусорной куче. Мария и ее муж забрали этих мусорных детей к себе домой, по одному ребенку за раз, и теперь у них уже много мусорных детей, и она обеспечила их всех хорошим образованием, ведь разве есть в жизни что-нибудь важнее хорошего образования? И для этого ей нужна эта работа, понятно? Я бормочу что-то невнятное, из чего она делает вывод, что мне непонятно, и поэтому объясняет, что для того, чтобы дать всем детям из мусорной кучи хорошее образование, нужно много денег. Деньги у нее есть, но было бы глупо тратить их на обучение. Если ее дети при поступлении в колледж подадут заявление на финансовую помощь и в графе о доходе родителей поставят её официальную низкую зарплату, то их образование не будет ей ничего стоить. Ясно, говорю. Я делаю несколько шагов в направлении её лестницы и протягиваю ей руку. Она откладывает мокрое бумажное полотенце на полку, подносит правую руку к моей левой, и у нас получается нечто вроде five. Продолжая вытирать полки, она говорит о своем отце, о том, как богат он был, и как из-за этого его и убили. Из-за чего? – переспрашиваю я. Его убили люди, которые хотели его землю. Да, это так, говорит Мария, хотя я с ней не спорю. Она их видела. Она присутствовала при убийстве, она видела, как его убивали, она помнит каждую деталь. Да, она там была. И она не слепая, нет. Когда ее отец состарился, он завел детей с горничной, и после того как его убили, Мария взяла к себе этих детей. В Лиме у неё свой фонд для бездомных детей. Она платит людям, которые там работают, людям, которым она доверяет, которые заботятся о бездомных детях.

– Не знаю, что и сказать, Мария, – говорю. – Вы прекрасный человек, Мария. Я рада, что в мире есть такие люди, как вы.

К концу дня у меня готово расписание на год. Я даю Марии распечатку и наблюдаю, как она переписывает расписание разноцветными фломастерами на ватманский лист: номер классной комнаты – красным, время начала урока – фиолетовым, время окончания – зеленым, имя учителя – черным и т. д. В первый день занятий Мария опаздывает, и я сама привожу учеников из другого здания в свой класс. Она появляется, говорит, что потеряла и расписание, которое я ей дала, и разноцветную схему, которую сама сделала. Я пожимаю плечами и ничего не говорю. Думаю, сказать ли, что мне все равно, мне вообще не нужна помощница. Она заходит в мою классную комнату в середине урока, несколько минут нерешительно стоит рядом с одной из полок, которые она сама недавно так здорово мне почистила, тянет к себе единственный свободный ученический стул и садится рядом с учеником. Ученики пишут. Несколько минут все сидят молча. Затем я слышу, как Мария говорит ученику что-то о его букве d. Он, мол, неправильно пишет букву d; его d выглядит как b. Он должен научиться писать букву d правильно.

– Мария, – говорю я, – Мне нужно знать, что они сами могут. Поэтому, прошу вас, не помогайте им.

Она либо не слышит меня, либо не понимает. Я слышу, как она с укором говорит другому ученику о слишком коротком хвосте его буквы y, а также его буквы j.

– Мария, – говорю я хриплым шепотом, – рядом с моим классом есть совершенно пустая классная комната. Вы не могли бы там подождать?

– Мне там холодно, – говорит она кротко.

– Но ведь можно закрыть окно или надеть куртку. У Вас есть куртка? Если нет, то могу дать вам свою. Но я Вас очень прошу, не надо им помо...

– Хорошо. Я уйду.

Она встает с ученического стула и робко выходит из класса. Я смотрю, как она медленно двигается к двери и мне ясно, что эта странная женщина очень застенчива. Она хочет быть полезной, но не знает, как это сделать. Где-то на одной из моих полок у меня был словарь.

– Вот, – говорю, – Мария, возьмите.

Мария не берёт словарь из моих рук.

– Возьмите, – повторяю, – чтобы вам не было скучно там сидеть. Этот словарь вам поможет учить английские слова.

Она неловко берет у меня словарь. Открывая дверь, она слишком резко поворачивает ручку, ручка падает, и она в ужасе закрывает рот. «Ох, прошу прощения», – говорит она грустным шепотом, и волна жалости омывает мое сердце.

На следующий день, в качестве подготовки к короткому сочинению, я спрашиваю своих учеников, что они делали в прошлые выходные и в ответ слышу обычное: «Смотрела телевизор», «Играл в видеоигры», «Смотрела телевизор и играла в видеоигры», «Был с папой в кинотеатре». Я говорю, что сегодня мы будем писать о том, что делали в выходные, и если они смотрели фильм или играли в видеоигры, то могут написать о фильме или о видеоиграх. О чем был фильм? Что в нём запомнилось им больше всего? Ах, мисс Нина, это был такой страшный фильм! Очень страшный. Но что именно в нём произошло? Что именно было страшно? Там были вампиры, Мисс Нина, они сосали кровь и убивали людей. И тебе было интересно на это смотреть – на то, как сосут кровь и убивают людей? Тебе это нравится? Видеть, как людей убивают в кино? Да, потому что это страшно. Это весело! «А скажи, если бы что-нибудь очень страшное произошло бы в реальной жизни, не в фильме, а здесь, вам бы это понравилось? Подумайте, было ли бы весело, если, скажем, человек с ружьем вошел бы сейчас в наш класс и сказал: дайте мне ваши деньги – если не дадите, я вас всех застрелю? Было бы весело?» – «Нет, мисс Нина, это было бы нехорошо». – «Но когда вы смотрите страшные сцены в кино, это кажется интересно? Почему страшные сцены в кино – это здорово, но если такого рода сцены произойдут в реальной жизни, то это нам вряд ли покажется здорово. Почему это? Как вы думаете? Кто-нибудь может мне ответить?» Девочка в первом ряду поднимает руку:

– Люди убивают других людей, чтобы распять Иисуса Христа.

– Что? – говорю, думая, что может, я ослышалась. – О чем ты, Анджела?

– Те люди, которые убили Иисуса Христа в первый раз. Они снова хотят его убить на кресте.

– Какие люди? О чем ты, Анжела?

Анжела не отвечает. Она моргает длинными ресницами, и её большой палец медленно, но неукоснительно приближается к пока ещё закрытому рту. Если рот откроется и большой палец очутится внутри, я должна буду сказать: вынь палец изо рта. Мальчик, сидящий рядом с Анжелой, поясняет:

– Она говорит о плохих людях. Они убивают и грабят, потому что хотят снова убить Иисуса Христа.

Пожалуй, говорю я себе, лучше не продолжать разговор на эту тему с моими учениками.

Мария, моя помощница, сидя рядом с самым слабым учеником, говорит:

– Это евреи. Это они убили Иисуса Христа.

Только что я хотела прекратить разговор на эту тему, но теперь у меня нет выбора. Теперь мне придется не только продолжить этот разговор, но и кое-что пояснить моим юным ученикам. «Благодарю за оригинальные мысли, Мария, – говорю. – Дети, поскольку мы начали говорить на эту тему, я должна вам кое-что сказать. Во-первых, должна вам сообщить, что Иисус Христос был убит не евреями, а римскими солдатами. Это раз. И еще я должна вам сказать, что произошло это две тысячи лет назад. Две тысячи лет назад. Кто знает – это давно, очень давно или так себе, не так давно?» Я игнорирую палец Анджелы, который она теперь сосет со смаком.

– Хорошо, дети, если вы не знаете, то я вам скажу. Это было очень-очень давно, так давно, что даже ваши пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-пра-прабабушки и пра-пра-пра-пра-прадедушки ещё не появились на свет.

Лица моих учеников выражают смятение: так давно!

– Да, – говорю я, – очень давно. И еще я должна сказать вам, дети, – я выжидаю паузу, – что сам Христос – или тот, кого принято так называть – был евреем.

Рот Анжелы приоткрывается в изумлении и её палец выпадает из открытого рта – так она потрясена.

– Мисс Нина, это правда? Что Иисус Христос был плохим человеком? Это правда? Что он был евреем?

– Быть евреем – это вовсе не значит «быть плохим человеком», Анжела. Евреи – такие же люди, как и все остальные. Думать, что евреи «плохие» и что две тысячи лет назад они убили Христа... так думать о мире – это значит ничего не знать и не понимать о мире. «Евреи» бывают разные, так же как бывают разные итальянцы и разные пуэрториканцы и разные ирландцы и т. д. И ещё я вам должна что-то сказать, дети... Я должна вам сказать, что я... я тоже... я тоже еврейка.

– Это неправда! – говорит мальчик, сидящий рядом с Анжелой. Он яростно чешет подбородок, как будто у него там щетина. – Вы не еврейка, мисс Нина! Вы не можете быть еврейкой. Вы хорошая. Вы наш учитель. Нет, Мисс Нина, Вы не можете быть еврейкой.

– Роберто! Я только что сказала, что я еврейка. И надеюсь, что теперь, после того, как вы все узнали, что я еврейка, вы не будете больше говорить, что все евреи плохие люди и что они что-то такое сделали две тысячи лет назад, из-за чего их всех надо считать плохими людьми. Ну ладно, мы достаточно долго уже говорим на эту тему; давайте вернемся назад, к разговору о том, что вы делали в выходные, и поскольку большинство из вас смотрело фильмы по телевизору или в кинотеатре, напишите два абзаца о фильме. О чём был фильм, почему он вам понравился, хотели ли бы его ещё раз посмотреть, и если да, то почему.

После урока я спрашиваю Марию, не хочет ли она сидеть в соседнем классе во время уроков. Ведь это совершенно пустая и очень хорошая классная комната, говорю я с чувством, и никто ею не пользуется. Хорошо, говорит Мария, она согласна. Она говорит, что не хотела сказать ничего плохого об еврейском народе. Она просто хотела пояснить мне, о чём говорили дети. Она сидит в позе кающейся грешницы, и вторая волна жалости омывает мое сердце. «Я не знала, что вы еврейка», – говорит она с неподдельным сожалением.

– Мария, – говорю, – даже наивные взрослые должны отличать реальность от мифа и знать историю, хотя бы недавнюю, хотя бы то, что произошло семьдесят пять лет назад – не так уж давно... Мы обязаны знать, что может произойти, когда одну группу людей обвиняют во всех проблемах человечества из-за какого-то мифа.

– Но это не миф. Это правда, – обиженно говорит Мария.

– Оставим эту тему, Мария. Но после ланча, когда вы приведете сюда следующую группу, пожалуйста, не помогайте мне, не вмешивайтесь в то, что происходит в классе.

Она продолжает сидеть с понуренной головой, и мне начинает казаться, что я была слишком сурова по отношению к ней.

– Вы, Мария, очень хороший человек, – говорю мягким тоном, чтобы не ранить её. – Мне просто не нужна помощь в классе. Хорошо?

– Хорошо.

Она открывает словарь и начинает переписывать слова на букву «М». Macaw, macaroni, macaroon, mace...

– Учу английский.

– Очень хорошо, – говорю. – Если вам нужна помощь, буду рада помочь...

– Вы мне не можете помочь. Вы ведь не знаете испанского.

– Верно, испанский я знаю очень плохо, поэтому не могу помочь с переводом, но если вам нужна помощь с самими английскими словами ...

– Но вы русская, вы родились в России, – говорит она беспомощно.

Я решаю больше не спорить о ярлыках. Русские, евреи, кечуа... Ярлык есть ярлык. Возвращаюсь в свою классную комнату, открываю сумку, вынимаю свой обычный ланч, веганское блюдо под названием «пекинская утка». Я ем эту пекинскую утку каждый день на ланч, хотя это вовсе не утка, и уж точно не пекинская, но ярлык есть ярлык, и поэтому я сижу и ем свою пекинскую утку.

Александр ВЕРГЕЛИС

ТИХИМИ, ТЯЖЕЛЫМИ ШАГАМИ...

Рассказ

...Помолчала в трубку и сказала: *его больше нет*. Что я тогда почувствовал? По бронзовой Фонтанке плыли палые листья. И так же – медленно и плавно – проплывала в голове спокойная, бесстыдно растянутая мысль: *теперь можно у нее*.

Так что я почувствовал? Ничего. Умер чужой человек, которого я никогда не видел, даже на фотографиях. Пожилой, почти старый. Судя по ее мучительному елагинскому рассказу, довольно неприятный. Перестал существовать тот, кто был лишним. Кто мешал. Стоял между нами. Являлся препятствием. Но: о мертвых... Я тоже помолчал в трубку – как мне показалось, скорбно и торжественно. Смерть, как и рождение, есть акт возвышенный, как было сказано в каком-то фильме. Я выдержал паузу, а потом сказал что-то сочувственно-ободряющее: то ли «крепись», то ли «держись». И все-таки, что я тогда почувствовал? Облегчение? Нет, не облегчение. Спазм совести? Нет. Ничего. Не было даже досады по поводу того, что в продуманный распорядок действий вклинился траурный форс-мажор, несколько отодвинувший нашу первую близость. *Теперь можно у нее...*

Да, теперь можно было не готовить себя к прохождению столь утомительной в моем возрасте эпопеи с дешевыми номерами (через «у», как говорила одна шалунья), сомнительными посуточными квартирками, столь же сомнительными саунами, грязноватыми берлогами холостых приятелей. Можно было дать отдых фантазии и не думать о прокрустовом заднем сидении моей машины, о пленэрах и всяческом уличном «экстриме» – например, каких-нибудь судорожных вертикальных соитиях в лесопарке Сосновка. В ранней молодости все это забавляет, но когда вам за сорок... Почему у нас нет «лав-отелей»? Вот, поистине, величайшее изобретение! Помню, как солидного вида седой японец в Токио заходил в уличный секс-инкубатор с молоденькой, годящейся ему в дочери лапочкой, и на милом ее личике – личике студентки-отличницы – была лишь легкая грусть, и никакого стеснения. А стесняться и не перед кем: ни видеокамер вам, ни персонала: выбираешь на дисплее свободную ячейку, платишь и получаешь ключ.

Итак, она сказала: его больше нет. Листья плыли по Фонтанке. Медленно и плавно. Медленно и печально... Тьфу ты, черт! Откуда, с каких пыльных антресолей памяти вывалился этот дурацкий, этот прыщавый анекдот? Это про то, как нетерпеливый любовник заявился к новоиспеченной вдове прямо накануне похорон. Любострастие в трауре, соитие в похоронном темпе: медленно и печально. Стать героем похабного анекдота – что может быть более жалким? Разумеется, надо выждать. Пусть похоронит, пусть поплачет. Ведь будет же она плакать? Помочь деньгами, конечно. А потом – можно у нее...

Я придумал, как убить вечер. Его надо было именно убить, поскольку из двух оставшихся вариантов оба не выгорали: кавалерист-девица Танечка схватила грипп, а к рыжей Маргарите раньше времени вернулся ее сезонный муж. Этот чудак ежегодно исчезал в апреле-мае и возвращался

Александр Вергелис родился в Ленинграде в 1977 году. Публиковался как поэт, прозаик и критик в журналах «Аврора», «Волга», «Нева», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Крещатик», «Сибирские огни», «Слово\Word» и других изданиях России и зарубежья. Лауреат премии журнала «Звезда» (2006), премии «Белла» (Верона, 2013), победитель конкурса имени Н.С. Гумилева (2017). Автор двух книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

только с наступлением холодов. Он каждый год увольнялся с работы и уезжал на Псковщину, где имел древнюю, от прадеда-старовера сохранившуюся избушку. И пока я утешал покинутую им временно Марго, он наслаждался общением с дикой природой. Мужик, полагаю, догадывался о моем существовании. Но треугольная наша ситуация устраивала его не меньше, чем меня. У кого-то страсть – охота и рыбалка, а кто-то – ловец человеков. Все были довольны: пышка-Марго не дичала, а я помимо прочего тешил себя мыслью, что благодаря моим усилиям сохраняется ячейка общества. Беда в том, что заморозки начались слишком рано. Не утративший деликатности в лесной глуши, он позвонил за день до приезда. Лавочка прикрылась до следующей весны: при муже праведная Марго не блудила.

Что касается внезапного Таниного гриппа, то моя милая лошадница могла и наврать. Дрессирует она меня, как своих четвероногих друзей. А что если нагрянуть с проверкой? Наказать злостную симулянтку? Но нет: голос в трубке был действительно хворый. Я предложил заехать просто так – поухаживать за болящей, но она отказалась: боится заразить. Ну и ладно.

Голос Анны тоже был как будто больной, с надломом. В несколько приемов, переводя дыхание, она сказала:

– Вы понимаете... Ты понимаешь... Это случилось... В то самое время, когда мы... В общем, когда мы были в парке.

Наше совместное пребывание на островах она воспринимала как грехопадение. Впрочем, так оно и было. Как это еще назвать, если не любовным свиданием? Я назначил место и время, она пришла – нервно оглядываясь, старомодно теребя перчатки, проглатывая слова от волнения. До этого мы виделись всего раз: собственно, в день знакомства. Там, на перерытом Каменноостровском я не нашел ничего лучше, как использовать трюк из арсенала начинающих пикаперов: изобразил то ли жертву карманника, то ли великовозрастного растеряшку и с мольбой выпросил мобильный – позвонить. Дело жизни и смерти. Дорогие часы, хорошие ботинки – разве можно подумать, что я убегу с ее убогим кнопочным телефоном? Она сунула мне его порывисто – как лекарство умирающему. Я набрал свой номер и тут же сбросил звонок, бросил несколько реплик в пустоту, потом рассыпался в благодарностях, предложил донести сумки. Она протестовала, сказала, что живет совсем рядом, однако я и слушать не захотел: изловчился и выхватил из ее тонких рук довольно тяжелую овощную поклажу, довёл до парадной (лифт, к счастью, не работал) допер сумки до пятого этажа, до ее – тогда еще *его* квартиры. В глазах ее была мука, эти испуганные глаза умоляли: «Отпустите меня!» Отпустить? Ну уж нет! Вечером позвонил. Сказал, что должен ее увидеть. Только увидеть, ничего более. На заднем плане крупнокалиберно загрохотал чей-то кашель, и она бросила трубку. Я звонил ей каждый вечер на протяжении двух недель. С каждым разом наши беседы становились все продолжительнее и все откровеннее. Она уже ждала моих звонков. Я уже был нужен ей. Наконец, она решилась.

На Елагином я читал ей стихи, я кормил белок с руки, я бросал сдобу ленивым, пресыщенным кряквам. Постепенно мы перешли на Крестовский, потом очутились на Каменном. Я показывал ей свои любимые особняки: гниющую дачу Гаусвальд, сахарноголовый дом Фолленвейдера. Там я рассчитывал как минимум на поцелуй. Но под занавес она лишь позволила подержать себя за локоть. Прощаясь, нетерпеливо высвободила из моих пальцев сухую холодную ладонь.

Чем она меня зацепила? Совершенно не мой тип женщины. Никогда не любил «волос шотландских этих желтизну». Я предпочитаю брюнетистых, темпераментных, с подкожным жирком. Рыжая Марго не в счет – ее формы искупили бы любой изъян, даже полное отсутствие волос на голове.

Новизна – магнит весьма мощный, но не в одной новизне дело. А в чем же? В неприступности? В столь растрогавшей меня смешной преданности старому нелюбимому мужу? В моем стремлении разрушить эту спасительную для нее иллюзию? В азарте игрока, никогда меня не покидающем?

Я мгновенно отыскал ее слабое место. Одинокую женщину видно сразу. Будучи замужем, за живым тогда еще ревнивцем, она была запредельно одинока. Что оставалось ей в удел? Мечты о

невозможном, женские романы, синематограф – единственное женское утешение? Ей нужен был любовник, желательно такой, как я.

А что если все дело в жалости? Что если мне просто стало жаль ее загубленной, в сущности, жизни, захотелось дать ей то, чего она была лишена? Разве я не способен на милосердие?

Другие сыпались быстро. Я настолько привык к этому, что, как говорит Марго, распаскудился. В своем деле я достиг легкости прямо-таки необыкновенной. Помню, когда на меня из леса на огромном гнедом чудовище выскочила похожая на пингвина в своем жокейском костюме Таня, я отреагировал мгновенно: простер к ней руку и, покрывая голосом конское ржание, продекламировал хрестоматийный кусочек про гордого коня и его копыта. В роли оседланного жеребца я оказался уже вечером. Что и говорить, наездница она первоклассная. А вот простая, как две копейки, Марго сдалась после присланного ей на телефон «Я вас люблю, хоть я бешусь» – решила поди, что это я сочинил. Кто сказал, что поэзия себя изжила?

Анна тоже любит стишки, держась стандартного дамского набора: Ахматова, Цветаева, Ахмадулина. За пределы этого треугольника, если не считать Блока, не двинулась, зато многое знала наизусть. «Сжала руки под темной вуалью» – разумеется. Вуалька – именно темная – была на ней в день нашей прогулки по островам. Я чуть не расхохотался при виде этого чуда, постепенно явленного мне медлительным эскалатором на станции «Старая деревня». Родом из какой театральной костюмерной была эта шляпка, нахлобученная на латунную проволоку ее волос? Впрочем, не в старомодности дело: она просто маскировалась. Страх разоблачения пересилил сопротивление вкуса и здравого смысла.

«Теперь можно у нее...» – думал я, спустя несколько часов сжимая ускользающую ладонь на той же станции метро. Эта мысль была совершенно несвоевременной, эта мысль так далеко забегала вперед, как будто до этого мы, как неприкаянные любовники, испили горькую чашу многолетней бесприютности. Между тем в моем активе было только рукопожатие и удовлетворенная после некоторых колебаний просьба перейти на ты. Она меня боялась. Вернее, она боялась превратиться в грешницу, и черт побери, мне это нравилось.

Когда она вернется домой, ее кнопочный телефон тревожно запиликает. Звонок будет из больницы: ему стало плохо на улице, прохожие вызвали скорую, медики на месте констатировали смерть.

Как-то неловко в этом признаваться, но мне почему-то хочется думать, что косая настигла его не где-нибудь, а именно на островах – с постыдным удовольствием я представляю, как, неуклюже перебегая от дерева к дереву, превозмогая одышку, он следовал за нами – страшный, жалкий, полный горечи и мыслей о мести. Сильные эмоции – вот что нас губит.

Я придумал, как убить вечер. Но через полчаса уже звонил в ее дверь. Лет тридцать назад эта дебелая, жалкая, обтрепанная дверь была визитной карточкой довольства и всяческого преуспеяния. Бьющая наотмашь советская роскошь: выпирающими тугими округлостями соблазняла неискушенный взгляд лоснящаяся кожаная обивка, золотой глазок придирчиво вглядывался: что за гость, достоин ли топтаться на лестничной площадке в ожидании, когда зазвенит дверная цепочка? Теперь, когда я жал на оплавленную хулиганской спичкой кнопку звонка, хозяин лежал в морозильнике, как какая-нибудь треска. Сама мысль об этом должна была надолго охладить мой пыл, но я смертельно (вот ведь каламбур!) хотел ее увидеть. В конце концов, по-человечески, надо было просто побыть с ней. Посидеть, подержать ее узкую нервную руку. Помолчать и уйти...

А что если она не одна? А с какой-нибудь плакальщицей из подруг или мужних родственниц? Подруг у нее не было, к ним давно никто не ходил. И все-таки... Тысяча причин была не ехать туда. Но похоть просыпается в самый неудобный момент. Ах, какое мерзкое все-таки слово! И все похожие слова – перхоть, пихать, опухать – мерзкие. Скорее, скорее подобрать синоним, достойный моей прекрасной дамы! Пусть будет – вожделение. О, вот что сильнее всего! Вот что все побеждает: представления о порядочности, стремление к покою, телесную брезгливость, страх

разоблачения. Вот что ничего не боится: ни утреннего запашка изо рта, ни чугунного чувства вины, когда, опустошенный, возвращаешься домой, к семейному очагу. Вожделение долго терпит, долго ищет своего, все покрывает и все переносит. Оно никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...

Однако разве одно только вожделение вело меня к ней? Тут все-таки нечто большее... Но чу! За дверью заскрипел рассохшийся паркет, послышался знакомый перезвон – то волшебными колокольчиками звучали дурацкие, совершенно ей не идущие, когда-то очень давно подаренные им серебряные серьги-бубенчики, которые она никогда не снимала. На секунду все стихло: она прильнула к глазку. Я различил сдавленный, придушенный вскрик. Возня с цепочкой продолжалась целую вечность. Она предстала передо мной во всем великолепии домашнего траура: старое тёмно-синее, почти черное платье, в котором, наверное, когда-то ходила с мужем в Мариинку, сочеталось с черной, похожей на хиджаб косынкой и черными же стоптанными босоножками. В ее водянистых, болотного цвета глазах кругами расходились удивление, страх и досада. Она косилась на соседнюю дверь, тоже снабженную глазком. Нормальное чувство вины перед покойником и стеснения – перед живыми. И все-таки было видно: что-то, сидевшее глубоко в ней, неведомое ей самой, ликовало при моем появлении. Сама она не подозревала об этом, вполне искренно сердясь на меня.

– Вы... Ты... Зачем? – сжимая горло, выдавила она.

– Аня... Позволь выразить соболезнования... И немного побыть рядом с тобой в эти трудные для тебя минуты.

Ничего более нелепого придумать было невозможно.

Я вошел, вдохнув сухой запах подступающей старости. Разумеется, они давно не были мужем и женой. Их брак обветшал, как эта квартира, давно забывшая, что такое ремонт. Тем меньше должно быть чувство ее вины, думал я, стягивая плащ. Собственное лицо в овале пыльного, почему-то не завешенного зеркала показалось мне старинным портретом. «Портрет неизвестного», – сострил я про себя, и скорбная физиономия в узорчатой раме чуть было не растянулась в улыбке.

Как будто почувствовав это, она резко развернулась и пошла прочь по сумрачному коридору. Паркет под ее ногами скрипел пронзительно и нервно. Это был не пол, а музыкальный инструмент: каждая паркетина-клавиша издавала свой особый, уникально-противный звук. Между тем надо было запереть дверь, но мудреный замок не поддавался, и я вскоре бросил возиться.

Я огляделся. Обои в прихожей местами отклеились, образовав под потолком свиные уши. Длинный узковатый коридор когда-то был увешан картинами, от былого великолепия остались торчащие гвозди и немногое уцелевшее: пыльный пейзаж в духе раннего Ларионова, андеграундный натюрморт с металлической селедкой и пачкой «Беломора» на клочке газеты «Труд», гротескная женская фигура a la Тышлер и небольшой мужской портрет. В советские времена покойник-муж, снабженец, коллекционировал живопись, покровительствовал непризнанным и гонимым. У него был некоторый вкус, а может, просто коммерческое чутье. В домашнем собрании имелись Арефьев, Шагин, Траугот и прочие нищенствующие живописцы. Большая часть коллекции давно распродана, осталось только самое ценное – «не в материальном, разумеется, смысле».

Надо все-таки отдать ему должное. Благодаря его влиянию она многого понахваталась, пристрастилась к чтению, полюбила оперу. Но – бытовая неряшливость, помноженная на многолетнюю бедность, способна была даже меня вогнать в уныние. «Никогда бы не женился», – с этой мыслью я вошел в кухню.

Анна стояла ко мне спиной, смотрела в окно. Несмотря на сумерки, внизу еще копошились оранжевые человечки, экскаватор яростно орудовал железной лапой. Он нагреб под собой целый курган и стоял на его вершине царем горы. Рядом, на месте тротуара чернела огромная воронка, обрамленная рубиновым ожерельем из красных фонарей, развешенных на хлипком ограждении.

– Всю улицу перекопали, ни пройти ни проехать, – с раздражением сказала она. Раздражение, конечно, адресовалось не дорожникам, а мне.

Потом она варила кофе, ежилась, как от холода, и терпеливо ждала, когда я уйду. Мы долго сидели молча. Время от времени я задавал вопросы, она коротко отвечала и снова погружалась в скорбные раздумья, отчего над переносицей у нее возникала отчетливая вертикальная канавка. Эта сосредоточенная печаль была ей к лицу. Я, не стесняясь, разглядывал ее. Какая она? Красивая? Пожалуй. Особенно судя по фотографиям (после кофе я попросил показать семейный альбом, она принесла потрепанную пачку добрачных снимков). Время, конечно, поработало, но как-то избирательно, многое оставив нетронутым: высокую, почти девичью грудь, крепкий подтянутый зад, стройные длинные ноги. И никаких операций, да и где на них деньги? Но сколько раздражающих мелочей... Пробивающаяся местами седина, дрябловатая шея. Выпирающие косточки на ступнях – от узкой обуви. Что ж, вожделение все терпит, все прощает, все преображает. Этот голодный зверь жадно съедает всё, и все пальчики облизывает, и все косточки.

Он ее любил – во всяком случае вначале. Она его, наверное, никогда. Но есть разница между «не любила» и «не любила». Равнодушие или ненависть – что хуже? Она не хотела о нем рассказывать. Я пытался представить себе этого покровителя искусств – еще не старого, хваткого, окруженного прихлебателями из богемы. Тот баловень судьбы, властелин дефицита давно умер. Его настоящая, не призрачная жизнь закончилась с крушением плановой экономики, в которой обязательно чего-нибудь не хватало. Многие его коллеги сумели приспособиться к новой реальности и даже преуспеть, а он почему-то не смог. Гуманитарные ли интересы помешали ему перестроиться, элементарное ли отсутствие гибкости, но вчерашний делец превратился в полубольного, ненужного, преждевременно состарившегося пенсионера. Чем он был перед столь милосердной в своей внезапности смертью? Ничем и никем. Только я мог внести в его дотлевающую жизнь новый смысл. Не умри он так скоропалительно, на его долю выпала бы роль абстрактного препятствия, вечной причины нашего с Анной скитальчества. Благодаря мне он бы перестал быть пустым местом, обретя значительность героя любовной драмы. Его рогатая тень следовала бы за нами повсюду. Не будь я стопроцентным материалистом, я бы, наверное, почувствовал присутствие этой минотавровой тени и сейчас, сидя на его теперь уже бывшей кухне с его теперь уже бывшей женой.

Мало-помалу я разговорил ее. Когда выходила замуж, была совсем еще девочкой: мать подталкивала в спину, и это можно понять, по тем временам жирнющий был гусь: «Волга», дача в Солнечном, отдельная квартира в хорошем месте. Он ради нее ушел от жены, оставил сына... Сын потом спился и умер относительно молодым. За все в жизни приходится платить.

Надо было о чем-то беседовать. Я вспомнил остатки картинной галереи в коридоре. Меня забавлял мужской портрет: масло, холст, вольный или невольный закос под Ван Гога. Казалось, еще немного, и художник прилепил бы к уху своей модели белое пятно – марлевый томпон. Впрочем, изображенному субъекту следовало бы отрезать не ухо, а нос – большой, составляющий едва ли не четверть лица. Можно было убрать все остальное, а нос оставить: он выглядел бы вполне самодостаточно, как какой-нибудь сезанновский фрукт. Я было поинтересовался, чья голова послужила моделью, но в прихожей задребезжал телефон.

Пока кто-то долго выражал соболезнования, я прогулялся по квартире, заглянул в комнаты. Жилище большое, барское, но до чего неуютное! Столпотворение ненужных, давно отживших свой век вещей, брежневская исцарапанная мебель, деревянные оконные рамы с типографскими следами от газетных полос. Какая архаика! И всё это теперь – ее? Нет ли родственников, могущих претендовать? Нет, кажется, никого. Разве что его брат в Мариуполе. Но связь с ним давно потеряна.

Она вернулась, села. В течение последующих минут десяти мы, как грызуны, сосредоточенно точили сухари. Рассчитывать на что-либо большее, чем чай из пакетика, было бы верхом самонадеянности. «Еще немного посидеть и уйти. Дальнейшее – после похорон», – распоряжался внутренний голос. На прощание я выдал возвышенную тираду:

– Анна, дорогая моя Анна... Я понимаю, как несвоевременен мой визит. Но я не мог не прийти. Потому что люблю тебя. Прощай!

Я поднялся со стула, скрипнувшего при этом так тонко и беспомощно, что пронзенный жалостью ко всему этому ветхому, жалкому миру, к этим застиранным шторам и усталой мебели я застыл на месте. Она не изменилась в лице, только вертикальная канавка на лбу стала еще глубже. Но вдруг (оркестр, тушь!) совершенно изменившийся взгляд, в расширенных потемневших зрачках – не безумие, но боль, отчаяние, надежда. Ее рука намертво вцепилась в мою. Она резко встала, уронив стул. Секунда – и я уже сжимал ее дрожащее под платьем тело. Кажется, я был совершенно не готов к такому повороту. Что? Прямо сейчас? Здесь? Нет, нет, туда, туда... Мстительные огоньки в глазах вспыхнули при слове «спальня». Целая жизнь, быть может, полная унижений, подавленных желаний, грошовых грез пролетела передо мной и упала синим бархатом на скрипучий рассохшийся паркет. Следом дрызнули вырванные чуть ли не с мясом серьги-бубенчики. Последней была сорвана черная косынка, из-под которой на простыню высыпалось блеклая канитель ее волос.

По стенам и потолку проплывали световые прямоугольники от автомобильных фар. Я старался не торопиться. Но старания эти были напрасны. Она закусила губу и захныкала, как ребенок, всеми четырьмя конечностями с силой прижимая меня к себе, будто боясь, что я исчезну. Старая кровать, давно забывшая о подобных нагрузках, отчаянно кряхтела. Казалось, скрипел, раскачиваясь, весь дом, населенный призраками. Еще немного, еще немного...

Постанывая, она зачем-то приподнялась на локтях и вдруг закричала так, как будто между ног у нее ходила зубастая ножовка. Потом так же резко умолкла и рухнула на подушку. «Такое бывает. От этого не умирают», – думал я, если вообще был способен думать в эти секунды.

...Я почувствовал его за мгновение до... Как там у Пушкина? До мига последних содроганий. Голой спиной я ощутил: кто-то стоял в дверях и смотрел на нас. Уши, пропустившие мимо музыкальный скрип паркета в коридоре, теперь уловили звук, похожий на блеяние. В комнате повеяло холодком – это, наверное, дуло в открытую дверь с лестницы. Требовалось всего-то лишь оглянуться, но разве под силу самоубийце-гребцу, лодка которого уже приблизилась к самому краю Ниагарского водопада, повернуть вспять...

Боже, неужели без употребления медицинских терминов об этом невозможно писать, не впадая в подобную пошлость?!

Словом, я чувствовал, что сзади кто-то стоит, но инстинкт самосохранения оказался куда слабее другого – вот уж, действительно, основного – инстинкта! Говорят, двух совокупляющихся лягушек невозможно разделить – даже если причинить им боль, даже если отрезать лапку самцу, смертельный спазм объятий будет продолжаться. Я с лягушачьей цепкостью прижимал к себе ее тело. Сжавшийся до размеров грецкого ореха мозг в эти секунды, однако, пытался работать, перебирая возможные варианты: незакрытая входная дверь, соседка заглянула – звала, но мы не слышали... Или соседский ребенок... Смешно, стыдно, но не так уж и плохо. Плохо, если вор, уголовник. Вот он, ухмыляясь, вертит в руках заточку или греет в кармане рукоятку пистолета...

Я обернулся не сразу. Не сразу после того, как взорвавшись внутри безответного Аниного тела, сделал жадный глоток воздуха, возвращаясь на поверхность сознания. Лишь отдышавшись, я приподнялся на руках и повернул голову, все еще сохраняя надежду, что был обманут шевелящимся где-то в спинном мозгу шестым чувством.

Наверное, я бы вскрикнул, если бы у меня были силы на крик. На меня смотрели глубоко посаженные печальные черные глаза, под которыми висели фиолетовые мешочки и размещался большой пористый нос, нависавший над скорбно сомкнутыми толстыми губами. На вид ему было под шестьдесят, он был серебристо небрит, давно не стриженные волосы его были беспорядочно разбросаны по крупной голове. На узких плечах топорщилось старое черное пальто со следами

подпирания меловой стены на правом рукаве. Бродяга, бомж, лестничный алкаш, пожалуй, мог выглядеть так – с поправкой на биографию опустившегося с неких высот обывателя. Не узнав собственного голоса, я задал, наверное, единственно уместный в этой ситуации вопрос:

– Ты кто?

Ответа не последовало. Пожевав губами, незваный гость снова издал странный, блеющий звук – то ли сдавленный стон, то ли застрявшее и скомканное в горле слово, медленно развернулся и, пошатываясь, вышел. Многоголосо запел паркет в коридоре, громыхнула входная дверь.

Анна по-прежнему была без сознания. Я прислушался к ее дыханию, припал к груди, схватил запястье – но и в ушах, и в утративших чуткость пальцах моих билась моя собственная закипающая кровь. Спокойствие! Множество подобных случаев описано в литературе. Оргазм, похожий на смерть. Я отхлестал ее по щекам – безрезультатно. Звонить в скорую? Глупо... Приедут, будут задавать вопросы – когда она уже очнется.

И тут только я понял, что уже видел это лицо. Соорудив набедренную повязку из ее платья, я бросился в коридор, поднес смартфон к холсту. Глаза только что ретировавшегося визитера так же печально, как только что в обрамлении дверного косяка, смотрели на меня из рамы – с писанного пламенеющим вангоговским мазком носатого портрета. При всех издержках манеры письма сходство было бесспорным.

Вернувшись в спальню, я сел на кровать и захохотал. Что это было? Кто это был? Отец ее, брат? Нет у нее ни отца, ни брата. Друг семьи? Художник? Собрат-коллекционер? Я смеялся, шлепая себя по голым ляжкам.

Итак, внезапный наш визитер мог приходиться покойнику близким родственником. Братец из Мариуполя? Кто-то сообщил о прискорбном событии, вот он и прилетел. Теоретически такое возможно. А что если? О Боже... А что если – сам? Полежал в морге, встал и пошел? Такое бывает. Внезапно оживший мертвец не такая уж редкость. Ошибка медиков, мнимая смерть, летаргический сон. Вспомнилась рассказанная Марго история, как умершая пенсионерка заявилась к дочери накануне собственных похорон – в саване и с венчиком на лбу: очнулась в морге, санитары спали пьяные, дверь была не заперта.

И что теперь? Ничего.

Более всего поразило его спокойствие. Он стоял и смотрел. По-идиотски невозмутимо. Если это был он, мнимый покойник, то это спокойствие можно понять: чем можно удивить Лазаря после смерти и воскрешения?

– Анна! Анна!

Ее обморок был слишком похож на смерть. Я снова надавал ей лещей, и снова – без успеха. Она была неподвижна. Ее голова покоилась на подушке в золотом нимбе волос. Я натянул штаны, набросил плащ поверх голого тела и бросился на лестницу. Его еще можно было догнать.

Вечер брызнул в глаза неоном реклам, отравил дымом, оглушил рокотом экскаватора. Впереди, как драконьи глаза, горели красные сигнальные фонари. За ними маячила его черная спина, зловещие красные отблески окрасили его неопрятную седину. Выскочивший как черт из табакерки рабочий-азиат что-то кричал мне, указывая пальцем куда-то вниз, к центру Земли. И тут визитер остановился: теперь была его очередь чувствовать спиной.

Но когда он обернулся, меня уже не было. Я ничком лежал на дне глубочайшей ямы среди обрезков труб и асфальтовой трухи. Последнее, что я видел перед тем, как потерять сознание от боли, были склонившиеся надо мной круглые, прокопченные азиатские головы. И – первые звезды, такие далекие и безразличные.

Сергей ИВКИН

Петербургский трилистник

1.
Бабушка продала отцовский аккордеон,
чтобы вывезти ребёнка в Крым.
Самым ярким впечатлением остался
совместный просмотр всем пансионатом
сериала про Шерлока Холмса по вечерам.
На «Сокровищах Агры» наши соседи кричали:
«Смотрите, сейчас свернём с Мойки
на Екатерининский канал!
по правую руку Конюшенное ведомство,
где в Храме Спаса Нерукотворного образа
отпевали убиенного Александсергеича!!!
по левую – Высшая школа народных искусств
и ризница Иверской иконы Божьей Матери!
впереди, если камеру поднять выше,
мы увидим Храм Воскресения Христова!
однако за тройным мостом
идёт склейка –
мы возвращаемся обратно на Мойку!»

Такая вот советская Темза.
И по спасательному кругу на борту катера
отчётливо читается
«Чайка».

2.
Защищаю его: «Мой хороший,
подаривший мучительный сплин,
перепутавший паззлы матрёшек
в лотерее шекспировских спин,
мы с тобой не пекли каравая,
но делили надежду и страх».
Значит, вывезла жизни кривая
в Петер-пыль, Петер-пух, Петер-прах.

Сергей Ивкин родился в 1979 году в Екатеринбурге. Окончил Российский государственный профессионально-педагогический университет по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные технологии». Работает дизайнером в торгово-производственной фирме русских сувениров. Участник третьего и четвёртого томов Уральского поэтического движения. Дипломант Первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса им. И.А. Бродского в номинации «Большое стихотворение». Лауреат премии MyPrize-2018. Автор девяти книг стихотворений. Один из редакторов журнала поэзии «Плавучий мост» (Германия). Член СПР.

3.
Прошлого уже не существует.
Будущее сделали сейчас.
Обогнули Третью Мировую,
на иных фронтах не мелочась.

Совесть, точно соус на рубашке,
но её обратно отбелит,
Команданте с ликом Чебурашки
(или с ледорубом Айболит).

Что горело в полутёмном детстве,
до сих пор чадит сквозь профнастил.
Не было случайного соседства:
общий грунт нас дрын-травой растил.

Неизменны символы печали,
раз ни счастья, ни покоя нет:
времена на слух не различаем –
движемся на запах и на свет.

***

Андрею Пермякову

Под дорогой был переход.
И когда выходил ты на свет в театральные эти края,
то с фронтона встречал Дон Кихот
с золотым петушком на верхушке копья.

Память не держит того, что внутри,
только много ступенек, фойе и огромный парк,
который, сколько себя я помню, всегда закрыт,
но люди и дети проходят туда и так.

Представляя город, видишь конкретный дом
или двор, или это открытое небо у входа в ТЮЗ.
Всё, что случится с тобой потом:
– Боишься страшного рыцаря?
– Не боюсь.

***

Станция Товарно-Сырьевая.
Каждый звук идёт, как на таран.
Время прямо в глотки заливаем,
ни на миг не прикрываем кран.

Кособоко чешут грузовозы.
Электрички мелко лебезят.
Я тебе принёс в стакане воздух:
наш плацкарт глазами пить нельзя.

Словно рыбы из ухи, с вопросом
на перрон выглядываем: Ась?
Здесь ли нас одарит папиросой
добрая и праведная власть?

Ничего не бойся, мы ведомы
через фильтры горя и стыда.
Если мы не пригодились дома,
значит, мы сейчас нужны сюда.

***

Глядя на детскую фотографию, я сейчас
вижу: все уже были теми, кем стали.
Ничего не меняют воспитание и матчасть:
нас разработали из серебра и стали.

Посмотрите на робких девочек: каждый бюст –
клейкий диагноз и выбор мужчин в дальнейшем.
Их никто ещё не касался, но слышен хруст
уязвлённой невинности, гнев превращенья в женщин.

Нет ни одной улыбки, но каждый характер – взгляд
вытащил, вывесил предгрозовое знамя.
Насобаченный в похабную жизнь отряд.
Боевые машины, присланные за нами.

Злая готовность – всякую реку вброд,
всякое сердце – вдребезги, всякую душу – в пепел.
Экзоскелеты, покрытые сталью и серебром,
как среди вас оказалась моя златокудрая Пеппи?

Что она делала, стоя плечом к плечу
с мелкими тварями, жаждущими сигнала?
Даже то, что именно я её захочу,
судя по фотографии, она изначально знала.

***

Имя мне – дым, туман, всевозможная ерунда.
Вынь моё сердце и прожарь его на мангале.

Имя тебе – Надёжность: ты создаёшь города
и способы взятия их, в идеале.

Имя мне – щебень, разбросанный по дворам.
Вынь мои лёгкие и разверни парусами.

Имя тебе – Надежда: ты воздвигаешь храм.
Завтра его прихожане разрушат сами.

Имя мне – хохма, за которую бьют в живот.
Вынь мой язык и скорми прилетевшим тварям.

Имя тебе – Отход околоплодных вод:
новую книгу обещающий комментарий.

Имя мне – срамословие, от которого чёрен день.
Вынь мои чресла и приготовь лекарство.

Имя тебе – Закон. Ты – вершитель небесных дел.
Просто убей меня и спокойно царствуй.

***

Нечего вскользь по ключикалам совести
острой отмычкой скрести –
всё, что дано тебе: снов решето нести,
руки над сердцем скрестить,
в позднем саду зрить опавшие яблоки
в кресле-качалке тоски
да провожать запоздавшие ялики,
словно готовиться в скит.

Нечего в цацках с волшебными знаками
строить куманских сивилл:
правда останется за нумизматами,
как бы историк ни свил
сказку горячую да центробежную,
полную слов и невзгод –
на пластилине останутся бежевом
профиль, корона и год.

Вот и стихи – не птенцы и не отпрыски,
а разлетаются прочь,
будто и вправду их бледные оттиски
могут кому-то помочь.
Воспоминания будут отложены,
буркнут подавшимся к ним:
«С тем же успехом пейзажи Волошина
документируют Крым».

Олег КОЦАРЕВ

Перевод с украинского ***Станислава Бельского***

Бахчисарайский чебурек с орденами

И вот сижу я в Бахчисарае
Возле окна огромного, а передо мною лежат
Раздавленные мёртвые солнца чебуреков
С пустыми вздутыми кратерами, жирными законами физики,
Мясными морями галактик.
Ещё вчера я был разведчиком в штабе субординации:
Нагло вербовал агентов,
Зычно смеялся и кашлял,
Короче, вёл себя непрофессионально.
А вот сегодня сбежал. Сегодня я посреди
Геометрического сада пропорций,
Посреди углов, извивов и с точками башен.
Здесь на минаретах живут сфинксы,
А на сфинксах живут козы,
А напротив меня
Русский дед пьёт чай с орденами.
Я бы и сам соорудил здесь фонтан
И написал бы тюркскими буквами:
«Вырастают груди у женщин
когда они вместо мыса входят в средние волны
а у морских мужчин
когда они посмотрят на небо
в глазах – стая чёрных волосинок».
Но ведь я сначала перепутал –
Солнце чебурека совсем не мёртвое, а живое.
Вот я сейчас съем – и засвечусь
Самовлюблённым солнцем.
Короче, я вполне доволен,
Как и русский дед напротив,

Олег Коцарев (Харьков, 1981) – киевский поэт, писатель, переводчик и журналист. Автор поэтических книг «Коротке і довге» (2003), «Цілодобово!» (2007, совместно с Богданом-Олегом Горобчуком и Павлом Коробчуком), «Мій перший ніж» (2009), «Стечение обстоятельств под Яготином» (2009, в переводах на русский), «Котра година» (2013), «Цирк» (2015), «Плавні річки» (2015, совместно с Тарасом Прохасько), «Černý chléb, bílá velryba» (2015, в переводах на чешский язык), романа «Люди в гніздах» (2018) и книги малой прозы «Неймовірна Історія Правління Хлорофітума Першого» (2009). Произведения переведены на польский, чешский, русский, белорусский, немецкий, английский, шведский, бенгальский, азербайджанский, словацкий, литовский языки. Лауреат литературных премий «Смолоскип», «Молоде вино», имени Валериана Пидмогильного, «Метафора» и других. Член ПЕН-клуба. Произведения в переводах на русский язык опубликованы в журналах «Воздух», «Союз Писателей», «Крещатик», «Літературна», «НЛО», «Двоеточие» и др.

Одного бы мне только хотелось:
Увидеть фильм, фотографию или пантомиму
О том, как он вселялся
В чужую сырую квартиру,
В чужую глиняную хату,
В чужой сарай, в чужой сад с забором,
И как при этом чухал голову.

Московский проспект

Тысячи следов на снегу
потягиваются и куролесят;
тысячам следов на снегу
в нём уютно,
как и людям
в своей утренней и вечерней любви.

Миллиарды снежинок в старом дворе
забавляются и танцуют;
в узком проходике из двора на проспект
мне сказали они,
что жить собираются в моём пальто.

Щурятся глаза угасшим фонарям –
один лишь пух в мире вокруг!
И никакой несправедливости!
Я носом шмыгнул и сильно плюнул вперёд,
но кусочек моего плевка
прилип к одной из снежинок
и с нею быстро полетел сквозь проход,
быстро полетел наружу –
куда-то в опасный,
в бесконечный проспект.

Что такое счастье и кто такая работа

каждый человек
каждый день
999
раз произносит слово «счастье»
так что же такое счастье?
и, если на то уж пошло,
кто такая работа?
итак, работа – это когда
инженер возвращается с завода трезвый,
садится на зелёный диван,
достаёт свою домру –
это такой струнный

инструмент,
такое чёрное солнце с одной длинной ногой –
и исполняет пару адаптированных
произведений Бетховена,
а счастье – это когда
тот же
самый инженер
среди ночи
проснувшись, увидит,
как лунный луч сквозь окно
выхватывает из комнаты тёмной
портрет Аль Бано и Ромины Пауэр
на обложке старой пластинки:
Аль Бано хитро смеётся, а Ромина
придерживает шляпку,
инженер подскочит к окну
и увидит, что далёкий лес –
это обдранная тощая собака,
завывающая на луну,
тогда инженеру станет хорошо,
словно он две недели отдыхал в санатории,
словно свечкой негасимой работал
в окне церковном
на дежурстве ночном –
пока колокола не проснутся
и не придут
на работу.

***

Только бесконечные
Цепи фонарей
Соответствуют
Моему
Настроению.

Год национал-социализма

Год национал-социализма
Начался жареным утром,
Когда сторож перетащил к центру стоянки
Разбросанные взрывом автомобили…

Если честно,
Души были пусты,
Даже деньги, эти коньки морские,
Мало что возбуждали:
В этом легко можно было убедиться,

Зайдя в первый попавшийся офис
И выслушав половину телефонного разговора.
Сомнения исчезали:
Другой половины нет...

Огней было немного:
Архитектор из окна офиса
Увидел бы их как несколько новых высоких деревьев,
А бантики появились у всех
За считанные минуты,
И каждый дышал всё сильнее,
И кто-то нёс домой новую книжку,
И кто-то отколупывал жёлтый кирпич,
А у кого-то была только минутка – перерыв для чая –
Чтобы посмотреть, как в небе потягивается и вздыхххает
Раскалённый синий лев...

Когда расстреливаешь быт,
Хочется видеть цветные гильзы,
Очередь над очередью:
Воздушные шары и выкрики,
Это каждый в толпе надеется получить себе орешек
Из длинных рук,
Люди не хотят болтовни,
Люди смеются и лепят нашлёпки на витрину,
И один выкладывает слово «дуля», а другой – слово «оля»,
Потом – резко спешат домой,
А там в лифте вооружённая женщина
Прибивает табличку:
«человека нужно беспощадно использовать
и человеку нужно беспощадно помогать!»

Репортаж

Уважаемые друзья
Предлагаем вам узнать
Что же происходило в нашем городе сегодня

Восемь утра. Парень приезжает на вокзал
И встречает там подружку
А у него настолько вежливое настроение,
Что он говорит ей: «А я едва не опоздал на поезд»
Но только она отвечает:
«Хорошо, что ты есть»

Двенадцатый час. Улочка
Длинная серпантинная улочка
Самая настоящая река застывшей брусчатки
С усыплёнными каменными водоворотами!

Жители рассказали нашему корреспонденту
Что ждут и не спят:
«Вот скоро выйдет она из берегов»
Какое-то мгновение – и на церковных куполах
Так засверкало солнце
Что зачесалось у улицы в носу
Она развернулась и чихнула –
Даже камешки из брусчатки полетели на небо
Полетели на крыши
На деревья
На дождь

Третий час. В парке на скамейке
Цвета пейзажа XIX века
Один алкаш
Лезет через спину другого и бьёт третьего
Третий бьёт второго
И все падают
Вместе со скамейкой солнечной
Рвут рубашки портят воздух
И катятся по чуть-чуть влажной траве
Словно эдакое свихнувшееся колесо судьбы

Восьмой час. В нашем городе начинается дождь
Вода несётся из верхних районов города
Словно школьники на свободу
Трамваи быстро со скрежетом
Режут эту святую маслянистую воду
Своими ножами вилками и рогами
А в пригородном лесу
После музыкального фестиваля
За спиной у костра возле палаток
Двое дерутся глухо как вагоны экспресса
А потом затихают
Только навязчивый обиженный голос
Блуждает как телёнок-подросток
Посреди капель дождя

Одиннадцатый час.
Юля аккуратно идёт по скользкой тропинке
Сквозь бурьяны
Над чёрным заводом
На заводе что-то быстро и часто вздыхает
Громко чтобы услышала
Каждая звезда выползшая из-за тучи
И какой-то работник ненадолго
Загораживает белую пасть сторожевого прожектора
Тогда весь мир исчезает
Юля немного пугается
На мгновение останавливается

Но она смелая девушка
Она дальше идёт
Свет оживает
И привидения прошлогодних бурьянов нас подбадривают
Юля вышла на трассу и взяла такси
День окончился
Над мостами проснулись совы

А мы попросили мэра нашего города
Прокомментировать события этого дня
Он долго вздыхал долго смотрел на нас и на вас друзья
А потом сказал:
«Ах как недостаточно!
Ах как ещё недостаточно!
Ах как ещё недостаточно мы наслаждаемся жизнью!»

Инсталляция сельской интеллигенции

мальвы и бурьяны в рост человека
в среброкленовой рамке окна
и неправильный серый неба треугольник
эта инсталляция
одновременно живая и идеальная:
хата сельской интеллигенции –
зелёная табуретка
широкие доски
немного кривого пола
белые стены и тёмные снимки
некогда идеально красивой хозяйки
и мужчины с усами гитлера
пианино «десна»
«лолита» набокова
тонкий хвост дворовой кошки
а на заборе чтоб подчеркнуть безнадёгу
кто-то написал “tokyo hotel” –
и надо всем
словно слой воды
шевелит лучиками шопен
кошка играет
хвостом мыльных пузырей-сплетен
а в раскрытых дверях стоит тот
единственный кто знает сюда
(хоть и не скажет зачем)
дорогу –
лёня «иисус»
и показывает вместо справки об увольнении
шахматную доску своих зубов
здесь даже ему интересно

здесь словно выворачиваешь наизнанку
как носок
графин воды
колодезной воды
с толстым песчаным осадком

Последний день

Не было
Ни ангелов, ни труб,
Была салатовая молния,
Чёрная трава
Заглядывала
В окна,
А на крыше
Сытый с голодным
Начинали понимать
Друг друга.

Холод сидит в кресле напротив

Каждые часы показывают своё время.
Дед разглядывает тройку ключей.
Металлическая спираль пульсирует красным.
Тихо и нет никого. Только холод
Сидит в кресле напротив.
Холод старший брат.
Спокойный и светлый.
С ним можно говорить и даже ругаться.
Дед отбивает неизвестный ритм.
Каждые часы показывают своё время.
А на далёкую асфальтовую трассу
Водитель поставил недопитый кофе.
Дождь падает в него и разбавляет.
И скоро может опрокинуть.

Я+:

точки над речной водой
точки над лепестками кабины душ
точки над я

Обходиться без всего

Вечер:
На соснах
На десять минут
Созревает малина

Дополнительный сервис

Ты сидишь на серой стене
В точках над беззвучной рекой,
И для муравьёв, блестящих на солнце,
Твои ботинки –
Как одна из пещер этой извечной крепости,
А если ты просидишь тут ещё с полчаса,
То они залезут тебе даже в рот,
Даже губы защекочут.

Из-за того, что ты пишешь sms тем, кто умер,
Ярко сияет на корпусе серебряная краска,
Вместо номеров – забытые слова
И огненные черепашки звуков.
Эти провалы на востоке засыпаны листвой,
И ты пишешь, пишешь, пишешь,
Руки-узелки, руки-детекторы,
В одежде прячется столько букв,
Из этого можно создать много сообщений!

Твой телефон, конечно, запутанная штуковина,
Но в нём должен быть этот сервис –
Дрожать во сне,
Узнавать фигуру,
Хрустеть ветками и снимками,
Пересылать туда сообщение,
А у отдельных операторов можно даже
Позвонить бабушке на навскую пасху.

Из цикла «Серо-красное вещество»

1919

Полная комната ключей.
Воспоминания пытаются вынырнуть
Из чашки чая, разбавленного сгущёнкой.
Ласточки. Брызги.
Очередное бесконечное время года.
Армия Украинской народной республики
Свободно перемещается по железной дороге –
Ведь Шиян контролирует
Всю ветку: от завода и до Харькова.
Теперь у каждого дождя – своя армия,
Теперь ворон не лови.
Поэтому Шиян и его армия
Украинской народной республики
Окружают лавку моей прапрабабушки
И требуют им открыть.

Заходят в комнату и видят, что она
Битком набита только одним:
Бочками с селёдкой.
Селёдки – и всё,
Словно гильзы, собранные во всех уголках войны,
Бесконечные селёдки,
Бесконечные буквы о, такие обидные для тех,
кто не умеет читать.
«Откуда это?» – спрашивает Шиян.
Моя прапрабабушка отвечает:
«Это моей дочери жених подарил,
он приезжал в белых перчаточках,
но провалился под лёд, простудился и умер».
Шиян забрал всю селёдку,
Не боясь
Быть выслеженным по запаху.
Прямо на коне он заехал в госпиталь,
«Есть ли такой-то?» – спросил,
Конь через ступеньки запрыгнул на следующий этаж,
Почему-то не удивив старую сестру,
И бойцы вывели четырёх раненых.
Это арт-нуво, мир после дождя,
Когда прикасается к раскалённому авангарду,
Начинает бешено дымиться,
И за недостатком времени расстрелянных кладут
В той самой части двора,
Где убивали предыдущих пациентов
Белые русские и красные китайцы.
Вода на реке каждую весну разливается,
И выдры ныряют в неё, как чаинки
В чай, разбавленный сгущёнкой.

Две ворожки

Есть у меня две ворожки –
Обе чернявые, высокие,
И обе на меня похожи.

Я их боюсь – я видел,
Как задуманное ими сбывается,
Как ведут они за тонкие верёвочки
Горы, комнаты, самолёты и любови.

«Что вы обо мне задумали?
Разложили карты и руки,
Вулкан чая дымит у вас и сигарета,
Я знаю, что больно не будет,
Но всё-таки от вас убегу».

Они посмотрят на меня издали, подумают:
«Ах, какая хорошая часть пейзажа!
Жаль его трогать, жаль портить дорогу,
Пускай уже так,
Пускай!»
И правда, я так гармонично
Спешу по полям к кому-то,
Такой растянуто-изящной синусоидой,
Что ни один занесённый меч, тьфу-тьфу-тьфу,
Не осмелится меня ударить.

Посмотрите в мои раскрытые карманы:
Какие нитки,
Монеты и ткани комки!
Может, это самое красивое, что вам приводилось видеть
В этот незрело-черешневый вечер?
И положите, будьте добры, обратно.

Мои карманы раскрыты, поэтому я не боюсь,
Даже ворожек,
Это я им соврал,
Когда убегал,
А они совсем и не обиделись,
За что на меня обижаться?

Они руки складывают,
А я спешу,
Дольки радости понемногу тасуются с пейзажами,
Руки гладят карты, а карты – стол:
«Он выйдет на трассу, и его опять подвезут».

Карты превратятся в маленьких зверят,
Тузы – в красных и чёрных ёжиков.
И одна ворожка скажет:
«Пусть чёрные ёжики незаметно живут в сожжённом лесу»,
А вторая:
«А красные пусть спокойно живут в осеннем».

Стоматолог мороз

Обычно эти процессы растягиваются,
Но сегодня
Одна за другой
В течение каких-то шести секунд
Отпали три сосульки
От крыши маленького домика,
Медленно, слегка поворачиваясь,
И куклы висели на окнах
Медленно, поворачиваясь,

Уж скоро разольётся теней кефир,
И на улицу Цыгарёвскую
Придёт стоматолог-мороз

Поединок в горизонтальных плоскостях

Капает тёплый дождь на мозаику,
Где застыли в полёте с мечами
Крепкие и решительные мужчины.
Сразу видно, что это тот самый
Драматический поединок свободы и рабства,
Которому учит нас всемирная история,
Осторожно идите, не наступите на героя!
Но приходит вода, чуть сероватая,
Изменяет очертания, знамёна и краски мечей,
История –
Ошиблась,
Мозаика –
Усложнилась:
Ваш выбор на самом деле – между рабом и дебилом,
И у каждого, что характерно, свои преимущества,
Дебил улыбаться лучше умеет,
А раб лучше приспособлен
К марафонским дистанциям.

Сергей БОРОВИКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА. 2001 ГОД

27 августа 2001

Весной или в начале лета я рассердился на Дневник и себя и решил «жить», а не записывать. Гаже лета в моей жизни, кажется, не было.

С этого же примерно времени началось умирание матери, от падений и повредившейся «крыши» до капризов и хулиганств.

Чуть позже началась лодка, и если бы я вёл Дн. с середины июня, 90% записей было бы о Сенном[1], Рассвете[2], Володе Часове[3], Толе Романенко[4] и т.д. И всё время: вот-вот! Ободрали – вот-вот покрасим (и закупка краски) – и дыры вдоль борта. Заварим дыры – вот-вот! – и пустые беседы с Вал. Викт.[5], обида Пети[6] и замирение с Петей и его последующий запой. Вместо сварки заклеивание борта бинтом с эпоксидкой (это Тамара[7], дважды побывавшая на базе). Вот-вот спустим и поедем. Спустили (Денис[8], Колобродов[9], Володя Часов, Ленька[10]) и не поехали. Долгое, по невозможности Часова поехать, ожидание, наконец, завелись и даже вечером понеслись с электриком за водкой и на сл. день с Данькой[11], с пивом, едой с утра – и тишина. Целый знойный день дерганья стартера, Володя Брюсов[12], старательный и беспомощный. Потом ожидание Часова – вода в бензине! И двиг. завелся, и я отвез Часова в Энгельс и отправился сразу в Шалово[13], и самогонка, и внучок[14] – в один день! Но – течь масла неописуемая. А через день Данька с компанией на Факел[15]. Сначала звонок Славы[16]: погром устроили. Потом Милка[17] в поликлинике у Томы о якобы безобразиях Данькиной компании. Безобразия, думаю, были, но правда, конечно, 50 на 50. Главное же, что оторванным стабилизатором, на который громоздились, из воды вылезая, сбили водную ловушку. Данька еле дотянул до базы и с помощью Брюсова встал жопой к берегу на лебёдку. Вчера там был. Та же черная вода с маслом в свежевыкрашенных отсеках, та же необходимость что-то делать. И также 2,5 месяца + прошлое лето с водолазными работами.

Это все ложилось на долгое проживание Томы у бабушки, т.к. её родственники уехали в Тур-

---

[1] На Сенном рынке приобретались детали для двигателя.

[2] Лодочная база на острове напротив Энгельса.

[3] Завгар областной детской больницы.

[4] Вахтенный на «Рассвете».

[5] Отец снохи Лены, сварщик.

[6] Сварщик на «Рассвете».

[7] Жена.

[8] Старший сын.

[9] Саратовский журналист.

[10] Лёня Алексеев, приятель.

[11] Младший сын.

[12] Вахтенный на «Рассвете».

[13] В Шалово дача Дениса.

[14] Егор, сын Дениса.

[15] База отдыха на Шумейском острове.

[16] Быков, начальник «Факела».

[17] Жена Быкова.

цию, а на дом (т.е. на меня) Томе плевать больше, чем на них. Плюс звонок от Ларисы Докторою[1] – надо их встречать, а лодка в говне.

Плюс, а м.б. самое главное, беспрестанная дикая, до 38 градусов жара, полная атрофия всего, кроме жажды, купанья и пития. Квартира – консервная банка на солнце. Сплю голый на полу, а Шера[2] дышит в лицо огненной вонью.

Скрашивала обязанность кормить, будить и пр. Даньку, июль-август в отсутствие Томы живущего здесь.

Отрада – с о-ва в пивную «Пончики», где стал своим. Столик на улице, движение людей в двух шагах. Живое пиво, беляши из соседних «Мантов», и так часа полтора. И – духота вечером-ночью, пот, летящий с головы душем.

Отложение (до этого торопили!) книги со стороны театра[3].

Трата $300[4] на лодку (краска, детали, 1000 р. Володе, транспорт, угощенье его в «Пончиках»), да и дома с Данькой, помимо еды, вся выпивка удвоилась. Прошлую неделю Телепрофи[5], с мерзейшей аурой и неплохими фильмами. Отрада, что дня 3 как холодно, чуть ожил. Надо писать Гришковца Роднянской[6].

Из UDV[7] тишина. Вчера звонила Ира[8] – В.Н.[9] прислали билет. А мне ещё нет. М.б. меня уже убрали из Комитета?

28 августа 2001

Тот холод, которого так я вожделел. Но – лодка, надо отчерпывать воду, вытаскивать! Я трёкнусь-таки с ней.

Мозги с холодом стали проворачиваться: читал-записывал Гришковца. (Роднянская звонила в один из самых страшных дней зноя, тоски, неудач, мамы – какие там рецензии! – но я бодро пообещал на Букера привезти).

Читаю посл. время Воскресенье, 2 и 3 часть которого плохо помнил, и варианты к нему, историю писанья и печатания в ПСС. Вчера звонил Денис, с жалобами на то, что Егор не дает им спать (зубы), и Данька, у которого на днях каникулы.

Вчера ходил к О.Дм., продал $300 за барабан[10]. День был пустоватый, но спокойный. В проклятом же июле (как я страшусь этого месяца!) я не только пива пил до 2-3 литров в день, но и водку не менее четвертинки, неодолимо тянуло к алкоголю, несмотря или благодаря зною и духоте. Утром только о смерти мысли, пока не выпью, и так дополз до ночного сна. Вчера вовсе не употреблял, а позавчера в Энгельсе ритуально зашел в пивную на Набережной.

Кроме долларов, прожил за лето зарплату в ОМ[11], гонорар из Знамени 600 рублей. В Зн. печатался подряд в нескольких номерах, посл. в 8-м «В русском жанре». Пообещал себе на 20-м остановиться, но все же собираю.

Сегодня надо идти к маме (Тома укатила в Самойловку) и выяснить про Москву. Зонт нужен. Старый (ему лет 15) продрался. За квартиру полгода не платили.

[1] Жена Гилберта Докторою, секретаря Букеровского комитета.

[2] Наша собака, ризеншнауцер.

[3] Несостоявшаяся затея издания, совместного с гл. режиссёром театра драмы А. Кузнецовым.

[4] Доллары имел за работу в Букеровском комитете.

[5] Фестиваль телефильмов, на который был отряжен журналом «Общественное мнение».

[6] Заказ мне рецензии зав. отделом критики журнала «Новый мир» И. Роднянской на книгу прозы Евгения Гришковца.

[7] Торговая компания, финансировавшая тогда русского Букера.

[8] Ирина Войнович, жена писателя.

[9] Владимир Войнович, бывший тогда, как и я, членом Букеровского комитета. Билет ему на самолёт из Мюнхена в Москву.

[10] Запись мне непонятна: О.Дм. – Загайнова, бывш. главбух «Волги», какой барабан?

[11] Журнал «Общественное мнение».

2 сентября 2001

Отвык от записей, забываю про Дн.

Вчера дождь, с Томой в Губ. рынок. Ей и мне туфли, мне брюки спортивные + толстовку. Потом вечером жарил заморож., все никак не кончающуюся густеру – подарок Томиного пациента.

Затянул с Гришковцом, а послезавтра ехать. Не достал СВ (1590 р.!), туда в купейном. Невнимание из UDV в отсутствие Кати.

Обсуждали окт. № в ОМ, предложил, точнее Данова[12] предложила, отрывки из «Алкоголя».

Выпивал с Денисом. Купил зонт, не самый дорогой, все же 480 р. (Доллары, доллары...)

Читал много газет, чуть писал 2-ю часть про телефестиваль. Очень похолодало, и если бы не хроническое уже беспокойство о лодке, все неплохо.

Сегодня утром у Крытого встретил Нину[13]. Машка[14] с сожителем торгуют «водкой», т.е. разбавл. спиртом, когда их нет, торгуют её маленькие дочки.

4 сентября 2001

Дождь. Вчера и позавчера вместо того, чтобы написать про Гришковца, пил по маленькой, глядя в ТВ. Правда, оттягивая, что-то внутри себя решал – уж очень Гр. меня затронул – как Роднянская[15] это угадала?

Сегодня еду.

Вчера жарил икру. Солнце, лодочная тяжесть. Ну, лето! А Данькины похождения на «Факеле»!

Мама оживела телом – бегает-ползает по квартире, головою же совсем поглупела.

9 сентября

Женя Попов[16] на «Семёне Будённом». Не пил с ним и Колобродовым в его каюте. Он хорошо, весело рассказывал о суде с Фелькой[17] по поводу оригинала «Метрополя» и др. Дождик. Колоб. при несомненных и немалых достоинствах очень портит самоуверенность, самомнение и крайняя невоспитанность.

Вчера с Томой на «Рассвете». Ехал со страхом после 2-х недельного отсутствия: утонула! Лодка в прежнем состоянии, но к воде, бывшей из течи, добавилась вода от дождей. Отлили. Потом сидели в пивной под тентом на набережной.

До этого 1,5 дня в Москве. Свинство некого Сергея из UDV, с утра в гостиницу не поселили, потом определили в «Космос» (встреча с Витей Топоровым[18] в огромном вестибюле, набитом старикашками-интуристами и энергичными китайцами), заседание в комитете, на авто ВН[19] в «Знамя» (прежде Библиоглобус – купил только Чуева о Молотове, всё дорого). Знамя: гонорар, разговор с Нат.[20] о протасовских очерках[21] (неприятно меня поразил Колобродов, сказав: «На 40% очерки Протасовой – это я»), лавка Академкниги в Б.Черкасском, где наконец есть письма Горького, но 1-3 т. уже нет. Вечером у Войновичей, не в той огромной квартире в переулке у Проспекта Мира, что он получил по возвращении, а в сталинке на Ленинградке у метро «Аэропорт». Я – со своей баклажанной икрой. Ира очень посвежела. У них понравившийся мне Б.Сарнов. Купил зачем-то аж 4 бут. пива в гостиницу, а очки забыл у В. Утром отчего-то болел, хотя выпили вдвоем

[12] Ольга Данова, издатель ОМ.

[13] Вдова брата.

[14] Её дочь.

[15] Зав. отделом критики журнала «Новый мир».

[16] Е. Попов с какой-то тусовкой плыл по Волге на этом теплоходе.

[17] Феликс Кузнецов, главный гонитель альманаха «Метрополь».

[18] Петербургский писатель.

[19] Войнович.

[20] Н.Б. Иванова

[21] Рекомендованные мной в «Знамя» очерки саратовской журналистки О. Протасовой.

с ВН 1 бутылку «Флагмана». Так что даже ходил к метро напротив «Космоса» за «отверткой». На весь день, по выражению Карелина, *потнягин,* особенно когда попёрся с 2-мя пересадками в редакцию НЛО. Правда, взял там 3 последних номера. Оттуда морда потела так, что носовой платок, полежав в кармане, намочил его, словно я обоссался. Сушил платок в ожидании поезда на ветре из подземного жерла.

ВДНХ: безумные расстоянья, автобус, павильон, куда не пускали по бумажкам UDV. Наша выгородка тесная. Ира. Прятался от Роднянской (безуспешно). Лена Шубина[1]. Фуршет бедный и в дикой тесноте, так что вволю лишь сока со смирновкой выпил. Оттуда (благо прямо) в чебуречную на Сретенке. Сосед с рассказами о Серебряном бору и простатите. Попёрся на Цветной (в сумке 9 тяжелых томов) – посидеть, почитать, а там убрали все до единой скамейки. Болтался у Павелецкого до 8-ми, пил пиво.

Приехав домой, озверел сперва от того, что Данька обманул с лодкой, не ездил, да еще и ключи лень принести. Орал на него так, что, он, наглец, все-таки явился.

Жадность к бумаге, одновременно всё хочется читать и обо всем писать. Много долгов: 1) Гришковец, 2) Рус. алкоголь для ОМ, 3) Телепрофи, 4) Хронос, И еще звонили Горбачев[2] и Салынский[3].

11 сент. 2001

Чудовищная катастрофа в Штатах. Угнанные Боинги с пассажирами, террористы, конечно, исламские, направили на торг. центр в Нью-Йорке, Пентагон, и один, покружив над Белым домом, упал в Кэмп-Дэвиде. Показывали ликование палестинцев. Картина дыма над Нью-Йорком как в фильме ужасов.

Звонил Илья[4]: умер Тартер[5]. Завтра в 3 похороны. В 4 в ОМ заседали. Правильно, что (я сказал, поддержала Данова) слишком много про (против) Аяцкова. Он, конечно, сам в этом повинен – не сходит с экранов и газет, но нам надо быть пошире и посдержаннее. Я тоже в этом небезгрешен, да еще Кол. вынес абзац об Аяц. в анонс Телепрофи. Вчера опоздали (Тома ходила за зарплатой) ехать на Рассвет, с дороги вернулись через Пешку, купили ведро помидоров, Тамара закатала несколько банок.

О.Дм. и Иванову[6] пригласили в налоговую. Я звонил об этом в Лепту[7]. К чему бы это и почему именно Иванову? Опять гнусная жара.

16 сентября

Написал: Хронос[8] о Юл. Семёнове, Телепрофи-2, сократил для ОМ предисловие к Пушкину. Осталось самое трудное – Гришковец, которого знаю, как сделать, но всё никак, а Роднянская звонила.

Провожал Тартера, похожего в гробу на кузнечика, так высох. На кладбище не поехал.

Один раз с Данилой были на Рассвете, отлили воду. Хотел во Вт собрать людей, но Часов не может (запили 2 шофера, и он за рулём), а сегодня Денис, точнее вчера, свалился с недоделанного балкона дачи спиной, Данька не хочет идти в Пентагон[9]. Разговор с ним и с Денисом, которые хотят убедить мать разменять кв-ру добровольно. Выпивал ежедневно, не чересчур, а денег опять улетело много: водка + пиво + орешки + вобла + (увы!) сигареты.

[1] Зав. редакцией издательства «Вагриус».

[2] Редактор саратовской газеты «Богатей».

[3] Олег Салынский из журнала «Вопросы литературы».

[4] Илья Петрусенко. Ближайший старинный, с 1-го класса друг.

[5] Володя Тартер, наш общий приятель.

[6] Бывшие работники «Волги».

[7] Строительная компания, где работал Лёня Алексеев, купила помещение редакции.

[8] Моя рубрика в ОМ.

[9] Дом, где он жил у матери.

Читал письма Горького и НЛО. Сегодня прохладно, а то опять стало лупить под 30. Сейчас идти кормить маму, так как Тома у своей бабушки.

19 сентября 2001

За Вс и утро Пн сделал Алк в ОМ, Телепрофи-2, Хронос (Юл. Семёнов), а главное – Гришковца, который мне надоел. Роднянская сказала, что коротковато, но точно.

Надо сейчас делать проект для Дановой, которая вдруг решила попытаться возродить «Волгу», т.е. найти деньги и печатать в «Ностальгии». Вчера-позавчера выпивал отчасти из-за безобразной сцены Томы в Пн: увидев, что здесь Данька, побелела и стала скандалить: я – предатель и проч. Опять напоминало сумасшествие. Я сделал кучу работы, сварил борщ, кормил Шеру и маму, себя и Даньку, получил 1,5 тыс. зарплату и за все – получил. Вчера было 33 года Денису, но я не был, так как Тома потребовала, чтобы Данька туда не ходил (!). Мрак. И висящая в голове лодка.

Солнце, ночью холодно, днем почти жарко. Данька валяется у ТВ на раскладушке. Сам сплю на полу.

22 сентября

Все то же. Безоблачное небо, хроническая лодочная тревога, а ехать не с кем: главная помощь была от Дениса, а он упал со 2-го этажа дачи, устраивая балкон.

Тома кричит на меня дурным голосом. Иногда кажется, что у неё с головой не всё в порядке[10] («тебя Данька по ночам против меня настраивает!»). Конечно, её ещё изводит общение с мамой, вчера та замазала говном всё вокруг себя.

Вчера написал проект и был в ОМ (картинки к Алкоголю), потом купил в столовой на Радищева 2 пирожка с мясом, выпил 100 Самарской + 100 Калиновой, съел пирожки и долго сидел в заплеванном садике у ДК.

Сейчас (2-й час) сократил, выправил, писал «Алкоголь» для ОМ: Толстой, Горбунов, что делать дальше, не знаю. Тома дежурит, Даньку вчера она выжила в Пентагон. И солнце это! А займусь лодкой – будет дождь.

23 сентября

На базу не поехали, подвел Сашка[11], да и я колебался: всю ночь обливался ледяным потом, так вчера нажрался. Поминки[12] были в «Тельняшке»[13]. В конце на нашем углу – Наиль[14], некто Борис, которого именуют с ударением на первом слоге, Шундик[15], сгрудились вокруг Талер[16] с бюстом (её похабные речи, адресованные Шундику, который когда-то ей пренебрег). Зачем-то я сидел до упора, затем неизбежное дома пиво с орешками, затем вечером четвертинка с тоником, долго хождение с Шерой (беседа со встреченным Страдзе[17]). Сегодня, несмотря аж на 2 Томиных скандала, ужасных своим однообразием: «Я 16 лет за твоими детьми!» и т.д., написал неплохо про Леонова, правил Есенина. Солнце. Почти жарко.

Завтра во что бы то ни стало надо ехать на Рассвет, уговорить-нанять Толю, Валеру, вытащить её наконец.

Мерзко все.

Читал восп. Мариенгофа.

---

[10] К сожалению, так и оказалось.

[11] Кто, не помню.

[12] По ком, не помню.

[13] Столовая.

[14] Саратовский бизнесмен

[15] Приятель, сын первого гл. редактора «Волги».

[16] Не то жена саратовского бизнесмена, не то сама бизнесменша.

[17] Преподаватель гимназии, бывший репетитор Данилы.

Наконец отправился в Энгельс, узнал, что завтра будет Дрозд[1] (заплачу) и Романенко – решил заплатить ему, чтобы вытащил лодку.

25 сентября

Ругаю себя, что в жару и сушь, скотина, не выбрался, а начались дожди, собрался. Несмотря ни на что, от злости, что ли, пишу: т.е. главу за главой правлю в ОМ Алкоголь, набираю В рус. жанре для Салынского, читал противного, но нужного Мариенгофа (прозу).

UDV – молчит, звонил – он занят, хам.

27 сентября

Утешение: 1) вечером Вол. Часов: сделаем и проч.

2) Вол. Салимон. Позвонил ему, увидев в какой-то ТВ-галиматье Василевского типа Пресс-клуб, что он зам. гл. редактора Вест. Евр. – я ему пошлю «Крюк»[2] (сейчас правил).

Вчера в ОМ. Злые послания Гилберту и Шайтанову[3] по поводу хамства UDV. Вчера же выпил.

Правил для ОМ Алкоголь.

Сегодня солнце, вчера дождь.

30 сентября

Позавч. Ан. Ив., гад, посмотрев мне корму (мы с Томой ездили) сказал: Григорич, не беспокойся, в Вс приезжай, мы с Петей будем, поднимем на понтоне и заварим. Сегодня к 10 приехал: ни Ан. И., ни Пети. Толя Романенко мне: на х.. тебе сварка, давай на понтон поднимем и т.д. Через минуту он уже махал с понтона: я здесь!

Вовка и Толя подняли корму на метр над водой, вмиг отхерачили крепление ловушки, но стабилизатор не пустил ее снять. Ох! Завтра еду продолжать. Приехал (с 12 час. перевозкой) домой, «принял ванну», побрился и в ОМ. Хорошо сверстали Алкоголь. Но в номере идёт антипрозоровская[4] статья, хотя я и возражал.

Отправил эл. почтой «Крюк» Салимону (я звонил ему позавчера), и Салынскому «21» для Воплей.

А доллары меж тем расходуются.

Позавчера с Томой в пивной в Энгельсе. Хорошо. У мамы будет жить медсестра Оксана. Сегодня должен приехать Денис показывать бабушке Егора.

Вчера весь день дождь, сегодня солнце.

Читаю Лескова.

От Гилберта утешительный ответ на мою кляузу.

2 окт.

Вчера Толя, дай Бог здоровья, «помогал», т.е. я ему помогал. Ловушка на месте, 4-го должны подсоединить шланг. Дал ему 50 р. Выспался после возни на лодке сладко, а вчера с утра нервничал. Вчера письмо из налоговой.

Сегодня с утра встреча у «Гранд-Мишеля» с Арбитманом: бумаги от Андрея Немзера.

Ночью ноль, солнце.

После встречи с Ромой в банк на Чап. и Белогл. (курс выше, вообще в Саратове свински низкий курс покупки долларов), в Крытый: сахар 4 кг х 12.50, яблоки 4 кг по 5 р., по 1 кг гречки и гороха – по 8 р. Масло слив. бутербродное по 38, плавл. сыр стрелецкий по 53, тушенка по 18 и 24, перец мол. 3, 6 кубиков бульонных по 1.20, соус по 8 р., зел. гор. – 8 р., яйца по 14 р. 2 дес.

Еле донес на 300 р.

---

[1] Дрозденко, начальник «Рассвета».

[2] Мой неоконченный роман.

[3] Игорь Шайтанов, председатель Букеровского комитета.

[4] Т.е. против проф. декана филфака СГУ В. Прозорова.

3 окт.

С утра занялся грантовыми бумагами[5]. Ничего особо сложного, и с Голицыным договорился, существенных НО два: Я не кандидат наук (Андрей не знал), и – кто напишет рекомендацию – в Саратове некому. Перезвонил сегодня по этому поводу Андрею. Посоветовал: Чупринин.

Затем ездил на Сенной (хомуток, патрубок), оттуда в ОМ: вычитал тексты, позвонил на письмо от UDV: гостиница. Еду, взял билет на 7-е.

Завтра, тьфу-тьфу, на Рассвет. Затем, Бог даст, заполнять бумаги. Теплеет.

4 окт.

Всю ночь дождь, спал плохо. Тамара в «Словакии» по поводу очередного действа, устроенного Аяц[6]. До «Рассвета» был с ней у мамы: изощр. капризы, всё, чем она и раньше не в лучшем смысле отличалась – расцвело. И разбилась – куда-то лазила, левая рука чёрная.

На Рассв. Толя присоединил шланг (я туда-сюда на карачках, отливал воду после дождя), в 2 уехал. Завтра поеду спускать на воду. День золотой, ярко-синяя вода с ровной рябью, листья, камыш стоит.

Потом в пивной, где с улицы убрали столики по российскому страху перед холодом, а внутри обычная сквернота. Но истратил 80 рублей:

– 12 – две воблы

– 12 – два беляша

– 17 + 12 + 5 – водка и пиво.

Остальное сигареты и троллейбус. Мне в день нужен стольник. Но это весь мой заработок.

Сейчас по радио: у Сочи 154-й ТУ грохнулся в море. Основная версия – украинская: из Крыма ракета по ошибке.

13 октября 2001

В Москву съездил не в пример сентябрю славно: гостиница Озерковская, маленькая, словно в Голландии, ресторан «Семь пятниц» на Воронцовской, оставили в Комитете еще на год. Образование фонда Букера, для него помещение в Воплях (я там еще не был), свой работник.

Потом Григорьевские чтения в Трубниковском. Никита Елисеев: доклад об эротике у Кононова и Павловой – от Куприна и Бунина. Он же потом до странного пьяный от нескольких рюмок сухого на фуршете, откуда мы вели его под руки с Немзером. Обед в «Семи пятницах» даже с устрицами, к-рых не ем. Тесный коридор, кабинет – всё в старинных часах, фотоаппаратах, сундуках, лампах, фото. Кровать с подушками.

Воротившись, занялся делом: Хронос-окт. – Пырьев, Ромм 100 лет, иллюстрации к Алкоголю, «Св. речь» – о фанатах, и – вчера заново написал Заявку (рекомендацию Чупринин в Москве подписал), к-рую уничтожил нечаянно перед отъездом. В отличие от своих текстов, эти проще писать в нетрезвом виде. Похолодало, 2-й день дождь. Вчера из-за этого не ездил на базу. Завтра?

Сегодня впервые привезут нам Егора сидеть.

Украина созналась, что Ту-154 из Тель-Авива в Новосибирск сбит был их ракетой с крымских учений.

Мама крышей съехала. У неё живет медсестра Оксана.

Не удалось сегодня отдать текст заявки Голицыну, который, судя по телефонному ответу его матери, запил.

14 октября

Балдели от внука, Тома с ним занималась, мы обедали, мой борщ и курица удачны. Потом они пошли гулять, а Тома везла Егора на коляске. Шера напряглась от Егора, даже дрожала: не поняла, ЧТО это, но, видимо, заподозрила, что отношение наше нежное и он может вытеснить ее.

---

[5] Я с подачи А. Немзера собирал бумаги на американский грант, в котором отказали.

[6] Она работала в больнице, которая по традиции звалась в городе «партактивская», т.е. для начальства, и больничные врачи дежурили на всех начальственных мероприятиях, включая пьянки.

Только сейчас в 12.30 сажусь за компьютер. Опять дождь. С Денисом договорились на Вт на базу. Хоть бы сухо было.

17 октября

Вчера счастливый день: с Денисом и Ромой[1] на Рассвет. Поначалу дождик, но не очень холодно. Вытянули родимую под руководством Анатолия, у которого купили за 20 р. (+10) поллитра самогона. С Вовиком и Серёжей[2] в его сарае.

Это с 9 до 2. Потом в Энгельсе беляши + мы с Ромой по 100, Денис 50 гр. Он за рулем, но может немного выпить.

Потом бродил с Шерой, пил настойку в Антее, купил с машины ведро картошки, нажарил, в 8 вечера лег спать и в полшестого, как ребенок ясный, встал. Помылся, погулял с Шерой. Кусок дополн. в ВЛ (звонил Салынскому), начал читать Голую пионерку.

Звонил в налоговую, разговор нетяжелый, но не понравилось, что инспектор как бы не учитывала Шульпину[3] и О.Дм. при назывании других сотрудников. К тому же, О.Дм, к к-рой я договорился зайти, убежала, меня не дождавшись. М.б. и беспочвенные, но подозрения на их счёт.

Сейчас вечер, встречал Тому и Оксану с Шерой. Завтра надо, наконец, зайти к маме.

По радио читают мёртвый текст – «Кысь».

22 октября

Резко похолодало, утром +1, а лодка, мука моя, не укрыта, завтра поеду – один?

Мать всё хуже, кричит, лёжа в памперсе, куда делает. Говорит плачущим голосом, оживляется и веселеет лишь во время еды. Всю жизнь была малоежкой, сейчас ест за двоих. Тамара у нее, то Надежда, то еще кто. Кричит: «Мамочка моя, где ты?» и т.д.

2 дня жил Данила. Спокойнее стал парень.

Написал Пырьев + Ромм и о футб. фанатах в №11. Никак не одолею талантливую, но удручающую Пионерку.

Вчера звонок Жени Попова. На совещании молодых писат. Андрей Дмитриев обратился к Матвиенко по поводу «Волги». Аудитория поддержала, она спросила цену вопроса. Чупринин назвал сумму 250 т.р. Она сказала: не проблема. Помощник её предложил Дмитриеву прийти. Я звонил ему. Но: Москва повесит (если повесит) финансирование на Саратов, а Аяцков не станет этого делать. Во всяком случае, не отдаст журнал нам, мне. К тому же, предстоит 14 арб. суд по нашей ликвидации...

Встал в 6, Данилу проводил. Понедельник.

24 октября

Ранний снег, увы, наводит не покой, а тоску и уныние: лодка стоит не укрытая.

Вчера бегал: «Лепта», ОМ, «Саратов» (ждал, пока Харитонова[4] допишет интервью с Аредаковым[5]). Сдал «Пионерку». Пришлось Колобр. отказать в рекомендации (конкурс на лучш. рассказ в Нов. Мире), настолько в похабном ж-ле он напечатал их. Он договорился с Дановой об Интернете мне домой. Голицын скоро присоединит. Сегодня в Рос. газете (сообщил Арбитман) есть информация о Матвиенко-Волге.

2 ноября

Вчера не выдержал, купил бутылку водки, селедку (до этого, правда, сочинил в Хронос 100 лет Фадееву), съездил в ОМ за неожиданным авансом – 1000 р., к-рый вчера, еще в трезвом и потому

[1] Роман Лата, друг Дениса.

[2] Соседи на лодочной базе.

[3] Бывш. мой зам. в «Волге».

[4] О. Харитонова, саратовская журналистка.

[5] Худрук театра драмы.

возбужденном виде зачем-то обнародовал супруге! Сделал винегрет, ежики, выпивал, потом приехал Ленька: разговор о продаже помещения, мой рассказ про истерики Шульпиной[6]), я спьяну обижался на него и Тому, что они меня не слушали. За неделю так отвык от алкоголя, что утром болел (ещё и перекурил) и начал похмеляться с утра. Заезжал Денис. Солнце +t.

6 ноября

В Сб в гостях у А.Дерюгина (Валентин Золотухин). Приятно, но странно дружить и выпивать с 70-ти (Дерюгин) и 80-ти (Валентин) людьми[7].

В Вс на Рассвет, Данька ночевал, из-за него уехали, не доделав. Вчера набрался духу (выпив в Энгельсе), поехал один, почти сделал, лодку укрыл толем, лишь кабину не обвязал. М.б. еще съезжу. День золотой. И – снежные темные тучи, приглядываясь к земле, ходят над водным простором.

Потом опять в Энгельсе – беляш, пиво, 100 гр. В кафе в ТВ безмолвный (выключен звук) Кр. отец, которого я накануне Бог знает в какой раз смотрел, опять волнуясь. Лучший для меня фильм.

Сегодня с утра ездил в ОМ (Коляда прислал по моей просьбе текст «уральского» Устава), в ЖЭУ (напрасно) по приватизации квартиры. Потом заканчивал Хронос (Зол. теленок), читал в Интернете дневники Дедкова – «благородные», но серые. Радость письма от Войновича и Дмитриева. Интернет даёт чувство собственной подсоединённости к миру.

10 ноября

Вчера с утра к Рягузову[8] с поздравлениями с Днём милиции. Денис в новой куртке. Оттуда в ОМ – выводить на бумагу Устав, над которым позавчера провел весь день до полного отупения. Отвез в правительство. Потом 100 гр. в забегаловке напротив их проходной, возведённой на месте общественного туалета, где я когда-то одним ударом уложил на зассанный пол приставшего к Илюшке пьяного хулигана, от дружков которого на выходе мы успешно скрылись, успев вскочить в автобус. Потом встреча с Аллой Кисиной[9], проводил её до Крытого. Она покупала носовые платки, которых в Штатах в принципе нет – только одноразовые. К сожалению, всю неделю ежедневно квакал, притом и «Кавказ», и «777». Сокрушаюсь. Отослал Салимону «22».

Сыро, тепло. Надо бы завтра окончательно укрыть красавицу. С Пн перевозка на остров не ходит.

13 ноября

11-го был на базе. Сперва студеный ветер (на берегу) и вдруг всё замерло, вышло солнце, вода сделалась пронзительно синей, и стало очень тепло. Продолжалось час.

Опоздал на перевозку, последнюю в сезоне, возвращался на берег за червонец (единственный) и сигареты на огромном катере, грубом и прочном, точно военное судно.

Отправил Салимону «22», сделал Хронос о Фадееве и Зол. телёнке, читал-писал Бунина эротику. Выпивал, увы, и даже и Анну Павловну[10].

Позавчера у мамы: она вся в говне, с любопытством наблюдает, что с ней делаем. Отнесли в ванну. Вместо зада, не говоря уж о другом, кожаные мешочки. Вчера же в отсутствие Оксаны полезла закрывать форточку и разбилась. Тома полагает, что перелом шейки бедра. На памперсы уходит не меньше 1 тыс. в месяц. Сколько это протянется?

Вчера продал $100, купил билеты на 3 декабря.

Похолодало.

---

[6] Она во всех действиях моих и людей из «Лепты» подозревала криминал, за который придётся отвечать ей, т.к. она была директором нашего МП.

[7] Об участниках встречи см. мою публикацию «Про вино» («Волга», 2018, №9-10).

[8] Начальник курса в Саратовском институте МВД, где учился Данила и работал Денис.

[9] Бывшая сотрудница «Волги», которая уехала в США.

[10] Портвейн «Анапа».

15 ноября

Вчера заседали в ОМ. Странное ощущение с этими ребятами – и совместимости и дистанции. Как бы провис между нами – не хватает человека поколения Немзера.

Колобродов сообщает (после встречи с Володиным): Аяцкову не дадут досидеть срок, кандидаты – Аксененко (его сам Д.Ф. тянет: ворон ворону...) Коргунов и Харитонов. Якобы Д.Ф. взял с Акс. гарантии, что не тронут его и его собственность.

И, судя по Кондратенко, Кремль дает им спокойно уходить. Олигархов и министров трогают, а губернаторов нет. М.б. с нашего начнут? Жена слышала в поликлинике, в правительстве жгут бумаги, Пипия бежит в Германию. А? Для нас, меня, хуже всего Аксененко – воцарится совсем уж серая деревня, словно на завалинке. Вышел 11 номер: у меня рецензия на Голую пионерку, Фанат, Есенин и Хронос.

Холодает, обещают резкий мороз, а Данила прошлой зимой увел мои перчатки вязаные.

16 ноября

Метель, подмораживает. Сижу за компьютером с утра, но практически не писал: разбирал записи для Русского жанра и раздумывал о предложении из газеты «Алфавит» (сегодня купил, а вчера звонили оттуда). Цветной еженедельник. Но не знаю, если они хотят меня собкором – обозревать жизнь саратовскую, хотя бы и только культуры, мне не по силам. Но заманчиво.

Вчера вечером купил селёдку, четвертинку, сварил картошки.

Сегодня с утра в банке продал $100 – завтра собираемся идти покупать мне куртку. Осталось зеленых всего 200. А 100 – внуку Егорке на год.

С утра у «Тельняшки» пара: Лапшин и Ципоруха[1] – гудят уже неделю. Делились опытом, как пить, я им о своем.

19 ноября

Тамара сделала то, что мне бы и в голову не пришло: пригласила к маме католического священника из храма на Октябрьской. Старик Майкл, плохо говорит по-русски. Исповедовал, принес ей просфорку, которую без разрешения Тамары она брать не хотела. Не взял ни копейки.

Разговор с Тамарой о том, что мне надо покреститься по католичеству.

Ругал себя, что ту неделю каждый вечер часов с 5-6 до бутылки водки плюс пиво или вино. Вчера образумился. Правда, писал все время, заканчиваю «Эротику». Прикинул «23». Читал эти дни мало, в трезвом виде словарь Русские писатели, выпивши Кр. отца.

Вчера с Данилой купили мне куртку.

20 ноября

Вчера уже ходил в похоронное бюро Харон на Бабушкином. От мамы – ничего, это уже ничто, но дышит, и чуть говорит. Тома ей на меня – Маша, это кто? – В-вторник!

Но к вечеру она вновь оживела, хотя начинает уже кусками гнить. Я давно свыкся со *смертью*, и даже поселил её ежедневно рядом, и мысли о той жизни постоянны, как и о крещении, но я забыл про *умирание*, а оно чудовищно, как у матери. Отец умер быстро, хотя и долго лежал, но умирал несколько дней, мать же несколько месяцев.

Дописал вчера Эротику и послал Роднянской – Василевскому. Среди бела дня зашли выпившие Денис с Вингуртом[2], оба какие-то бессмысленные.

27 ноября

Мама умерла 25-го в Вс утром, часов в 10. А 24-го мы были у Егора на дне рождения. Он бегает и включает телевизор.

До этого две неприятности: 1) вирус передал компьютеру Войновича и 2) публикация в газете

[1] Неразлучные собутыльники, которые стоят отдельного, где-нибудь, описания.

[2] Валера Вингурт, друг Дениса.

«Саратов настоящий», к чему, увы, причастна Сафронова, которая, конечно, плохого не хотела: письмо ПЕН-центра Аяцкову, моя справка о «Волге» (за подписью А.Е.), а утром в тот день Аяцков по радио утром обещал обратившейся Тяпугиной[3] (так!) восстановить «Волгу» по просьбе Матвиенко.

К тому же пил я 23, 24, 25, 26 много. Хоронили маму в 2 часа. Очень вежливые гробовщики. Одолжила у кого-то Тамара 5 тысяч, и вообще все сделала она. Были Данила, Денис без Лены, Борисовы[4], Лисенковы[5], ГП., Илья, соседки, Галя Заборовская, Марина[6] (обе – старухи). Теперь почти не представляю маму живой, а все мертвой или полумертвой.

28 ноября

Странное, смутное настроение. Мама, возня вокруг «Волги» (звонил Крутов[7] из «Богатея»[8]), прекращение пьянства, перемена погоды (сильная метель), всё вместе странно действует. С утра копался в своих листках, ничего не сделал – почистил про 2-й съезд СП.

«Саратовские вести», как и предполагал, не взяли статью[9], так как, по словам редактора Гришина (весьма необаятельного типа), не полемизируют с другими изданьями из этических соображений. Денег в ОМ нет, точнее, Чесакова[10] нагло не платит, гнусно отвечая: «Я про вас помню», даже и не ездил туда. Встречал Тому и ходил на мамину квартиру (шкатулка, ордена).

10 декабря

Пред Москвою роковым образом заквасил. Кажется, начал с того, что помогал Лисенкову перевозить старые доски из новой квартиры Юли[11] к ним на дачу. Снегопад, гололед, вымокли, потом пили выпили бутылку в машине его у Детской больницы. Во всяком случае, даже в Москву уезжал похмельный с четвертинкой и пивом, от чего много раз зарекался. Зато в М-ве хорошо:

1-й день – UDV, Знамя, гостиница, вечер у замечательных Дмитриевых + Немзеры.

2-й день Комитет, Тома в Третьяковке, вечером мы дома, т.е в Озерковской.

3-й день в резиденции Дэвида Джована[12] (особняк в Староникольском, бывш. Поляковых), вечером банкет в Царевом Саду.

Вялый и неприятный разговор с Костаняном (Вагриус) о 10 листах, серии и проч. В последний день у Калединых, где Шубина вновь: пробивать, давить, постараюсь! Серега поутих немного поведением, не орёт, как бывало.

В поезде (Кондратюк пожмотничал на СВ) – дикая жара + похмелье. Дома у Дани порядок, зато продолжение скандала вокруг «Волги»: в газете «Саратовские вести» подлая статья помощника Аяцкова Санберга[13], суть её в том, что есть 2 группы: одна саратовских писателей и части бывших сотрудников (ну, Шульпина, а кто же ещё?), вторая – другая часть сотрудников, т.е. Арбитман, Сафронова, Голицын, во главе со мною, которые бьются за право на журнал с помощью всяких чуждых ПЕНов, о чём и предупреждали саратовскую власть писатели-патриоты! Первые уже представили смету (это, конечно, Наталья постаралась, а то, что наша смета тоже представлена, у Санберга ни слова), а вторые только скандалят, т.е. публикация Сафроновой. И в центре

[3] Н.Тяпугина, член саратовского СП России.

[4] Родители ГП.

[5] Наши друзья.

[6] Галя Заборовская и Марина Кулакова, мои двоюродные сёстры.

[7] Саратовский журналист.

[8] Саратовская газета

[9] О том, кто и как решил возрождать «Волгу».

[10] О. Чесакова, ком.директор ОМ, родная сестра Колобродова.

[11] Дочь Лисенковых.

[12] Не помню точно фамилию, британский культурный атташе.

[13] Саратовский журналист.

скандала – я! Так как к вечеру, когда купил газету, был уже выпивши, и на 2 недели прошлых, то маленько всплакнул. Тома и Даня стыдили-утешали. Сейчас понедельник. Мороз. Тишина. Я один.

12 декабря

Оказывается, праздник – т.н. День Конституции.

Вчера Даня сюда, Тома к бабушке. Готовил свинину, харчо, купил селедку, с Данькой немного махнули. Он поражает меня *собственным* взглядом, который, в отличие от меня, предпочитавшего держать своё при себе, заявляет, порой довольно агрессивно.

Ищу и не найду тему для январского Хроноса.

К тому же, надо написать о «Гавани»[1], что-то о новом, 2002 годе и для Степаняна[2] ничего не придумал.

Зачем-то согласился на участие в жюри о лучшем материале о Саратове в СМИ. Бесплатно! Видимо, сыграло роль то отторжение меня в городе, с которым решил по первому же поводу побороться.

Погода как в сказке – минус 10, несколько дней снегопад. Разбираюсь еще в Огоньке 1946 года. Предстоит же разбор книг и проч. наследства.

Угнетающее впечатление от фото Г.Ф. Я не предполагал, что их может быть так невероятно много, хоть и знал, как он любил фотографироваться.

20 декабря

Разбираю бумаги родителей. Вчера вынес тонну бумаги, при том что ценное оставляю. Грустное впечатление от обилия бумаги и ушедшей жизни.

Вчера придумал Хронос – 100 лет Маленкову. Умерла С.А. Бах[3].

25 декабря

Гнусности: 1) Статьи и интервью Шульпина[4] о «возрождении» «Волги», мои безрезультатные емели в Москву, досада. Ведь знал такой финал, но не мог сопротивляться московским друзьям, которые хотели помочь.

2) т.н. жюри, ворох публикаций, дебильные барышни из пресс-службы, бесплатно несколько дней, что оказалось не нужно. В клуб с подлым названием Джуманджи не пошел, так как билет на 1-е дали. Тьфу! Ведь тоже знал, что нельзя, а согласился.

3) отказ ГП размениваться с Даней.

4) излишняя выпивка.

Хорошее:

написал неожиданно о Маленкове (Хронос).

разобрал огр. число писем и фото, что-то почувствовал.

Данила в порядке.

Тома взялась за ремонт родительской квартиры.

Денис получил майора.

Была неделя дивного мороза и снега.

Похороны Светланы Александровны Бах, от которой видел только добро, мороз, угрюмо-торжественные лица парочкой идущих Прозорова и Болкунова[5].

[1] Т.е. о передаче «В нашу гавань заходили корабли».

[2] Зав. отделом критики «Знамени».

[3] Многолетний декан филфака.

[4] Отв.секретарь местного отделения Союза писателей России.

[5] О нём см. в мою публикацию «Пустая полка» (Волга, 2018, №7-8).

Михаил БАРУ

ВЕКСЕЛЬ СПИРИДОНА КОЗЛОВА

Елатьма

Писатель Михаил Кольцов в тридцать шестом году писал: «За трое суток из Москвы можно доехать до Мадрида, в Сухум, в Новосибирск, в Константинополь. И трое суток надо, чтобы добраться в город Елатьму своей же Московской области. Она запряталась, сия Елатьма, в лесной глуши, на Оке, летом утопает в садах, а весной и осенью утопает в грязи». Теперь от Москвы до Елатьмы часов шесть на автомобиле по хорошим и не очень хорошим дорогам. Писатель Кольцов написал про Елатьму... Впрочем, начинать рассказ о Елатьме надо не с тридцать шестого года и даже не с ее основания в четырнадцатом веке, а с юрского периода. Именно тогда в этих местах плескалось теплое море, а по его дну ползали аммониты. Были они небольшими – всего дюжина сантиметров в диаметре, но отличались от других аммонитов юрского периода тем, что у них была более пологая пупковая стенка, более короткие и более косые первичные ребра. И это не все. Сам пупок у них был более широким. Обычный человек, найдя такой аммонит, и внимания не обратит на его пупок, а тем более на то, что пупковая стенка у него более пологая, а вот геолог С.Н. Никитин, изучая юрские обнажения в районе Елатьмы сто сорок лет назад, обратил и назвал представителей этого вида аммонитов Cadoceras elatmae или аммонит Елатомский. Так что впервые Елатьма появляется не просто в истории, а в истории юрского периода.

Потом в истории Елатьмы был перерыв на сто шестьдесят шесть с половиной миллионов лет, потом пришел ледник, потом ушел, потом вымерли мамонты, потом выросли леса, потом они стали дремучими, потом туда пришли племена, у которых не было никакого названия, а были каменные топоры, скребки и рубила. Занимались они охотой, собирательством и убеганием от волков[1] и медведей, когда случалось им украсть дикий мед из под носа у косолапых. Вслед за этими племенами пришли другие, а потом третьи, а четвертыми или сорок четвертыми племенами были мещера и мордва. Поначалу мещера и мордва и не думали строить себе никаких городов со стенами и рвами. Им хватало землянок, огороженных плетеным тыном или, в крайнем случае, деревянным частоколом, и сторожевых собак. Лишь с появлением в этих краях славян, которые начали теснить совершенно не воинственные племена мещеры и мордвы, последние стали строить укрепленные городки. Одним из таких городков-крепостей стала Елатьма, стоявшая на высоком берегу Оки. Со стороны суши крепость окружал трехсотметровый вал и ров, заполненный водой, через который были перекинуты подъемные мосты. Оба конца рва запирались шлюзами. Внушительное было сооружение по тем временам. Остатки этого рва сохранились в центре Елатьмы до сих пор и представляют собой небольшой пруд, изрядно заросший осокой. Штурмом или осадой славяне крепость взять не смогли. Да и не брали. В период между концом шестидесятых и началом семидесятых годов четырнадцатого века Дмитрий Донской просто купил Елатьму, которая тогда называлась Мордовским городком, вместе с Городцом Мещерским, переименованным позже в Касимов, у мещерского князя Александра Уковича. Сохранилось договорная грамота между Москвой и рязанским князем Олегом Ивановичем, датированная 1381 годом, в которой сказано, что Мещера, купленная Великим князем Дмитрием Донским у Мещерского князя Александра Уковича, остаётся за Москвой. После покупки Мордовский городок поменял свое название и стал называться Елатьмой.

Прежде чем двигаться дальше, надо рассказать почему, собственно, Елатьма называется Елатьмой. Понятное дело, что у нее, как и у всякого русского города с многовековой историей, имеется полный сундук версий, гипотез и легенд о происхождении собственного имени. Самая

первая и самая красивая легенда говорит о том, что жила на этом месте в незапамятные времена мещерская княгиня, которую звали Елатома. Вот и назвали город ее честь. Кстати говоря, и Елатьма раньше называлась Елатом, а не Елатома. Бог знает почему. Вторая легенда утверждает, что на месте Елатьмы в незапамятные времена, еще до княгини Елатомы, стоял дремучий еловый лес – иными словами, росла здесь елей тьма или Елатьма. По третьей легенде, которую можно классифицировать как вариант второй, тьма была не елей, а под ними. По четвертой... лучше мы пропустим четвертую, которая уж и вовсе ни в какие ворота крепости Елатьма не лезет, а сразу перейдем к восьмой или даже к девятой, по которой Елатьма в переводе с угро-финского... просто земля, место удобное для жилья. Про десятую, по которой и вовсе Елатьму построили не мещера с мордвой, а татары, и в переводе с татарского «елатом» означает место, откуда идет сигнал об опасности, мы и вовсе не скажем ни слова.

Так или иначе, Елатьма как появилась в конце четырнадцатого века – так с тех пор уже не исчезала. Ее детство... Впрочем, это была уже юность и даже молодость, поскольку детство и юность Елатьмы прошли, скорее всего, еще до 1381 года. В том году крепость, можно сказать, получила паспорт, и начались у нее обычные будни московского форпоста на юго-восточных рубежах Московского княжества. Обычные будни включали тогда, в конце четырнадцатого, а также весь пятнадцатый и шестнадцатый века регулярные набеги казанских татар, ногайцев и крымских татар. Вернее, эти были первыми в списке набегающих. Время от времени этих набегающих самих брали в плен. В 1539 году в Елатьму приехал из Москвы дьяк Разрядного приказа и обменял группу пленных ногайцев на князя Семена Бельского. Через одиннадцать лет елатомский воевода князь Константин Курлятев вместе с рязанскими воеводами разбил набежавших ногайских мурз и гнал их более ста верст до самого Шацка. Еще через год «князь Константин Иванович Курлятев да Семен Шереметев да Степан Сидоров таково во многих местех нагай побили». Еще через год Елатьма приняла самое активное участие в Казанском походе. Войска Ивана Грозного останавливались по пути в Казань в Елатьме, в которую подходили подкрепления и подвозили продовольствие и боеприпасы. Мало того, в передовой полк вошли елатомские ратники под командой князя Курлятева. За участие в Казанском походе царь разрешил елатомцам вместо имеющейся у них деревянной церкви Рождества Богородицы построить каменную. Для ее звонницы он подарил колокол с надписью «Дар царя Ивана Васильевича». Вряд ли надпись была именно такой, но... так написано во всех книжках и статьях про Елатьму, так рассказывали мне в местном краеведческом музее. Еще рассказывали, что в колоколе было большое содержание серебра и потому звенел он не только на всю Елатьму, но и на окрестные поля и луга. Проверить ничего уже нельзя, поскольку колокол этот до нас не дошел буквально несколько шагов – в тридцать пятом году прошлого века его отправили на переплавку. Народному хозяйству колокол прибавил полтора десятка тракторных шестеренок или даже целый коленчатый вал. В звоннице церкви, кроме колокола, были старинные гиревые часы. В чугунных гирях серебра... не было, и часы звенели только на всю Елатьму – на окрестности их уже не хватало. Часы тоже разобрали. Тоже, наверное, понаделали из них полезных запчастей для сеялок и веялок. В пятьдесят восьмом разобрали и саму звонницу на запчасти к домам, а в самой церкви разместили пищекомбинат, выпускавший варенье, сироп для газированной воды, грушевую газированную воду, лимонад и овощные консервы. Сотрудница музея, которая в детстве с мамой бывала неоднократно на этом комбинате, рассказывала мне, что газировка с двойным грушевым сиропом, которым ее тогда угощали... Moët & Chandon просто ни в какое сравнение не идет. Даже полусладкое. Количество пузырьков в елатомской газированной воде было огромным. По своей щипательной способности в детском и даже взрослом носу они не уступали французским шампанским и даже их превосходили. Не говоря о московских. В девяностых годах пищекомбинат умер и теперь в здании церкви хозяйственный магазин – стиральные порошки, прищепки, средства от тараканов и эмалированные ведра. Перед грозой бывает что-то загудит басом в подсобке или на заднем дворе, а что – непонятно. Проходит быстро, но у продавщицы от этого гула тревога по всему телу, и в груди все как захватит... и долго не отпускает. Или в полночь как начнет бить...

Впрочем, мы несколько отвлеклись от истории Елатьмы. Вернемся в ее шестнадцатый век. При Федоре Иоанновиче наместниками в Елатьме были Иван Петрович Протасов, о котором неизвестно почти ничего, и Евстафий Михайлович Пушкин, о котором известно, что он через три года после того, как был назначен наместником в Елатьму, вел многолетние переговоры со Швецией и добился от нее уступки Карелии, потом подписал со шведами договор, потом присутствовал в Золотой палате во время приема царем посла германского императора, потом подписал соборное постановление об избрании на царство Бориса Годунова, потом был сослан этим же Годуновым в Тобольск, в опалу, вторым воеводой, и там умер. В промежутках между всеми этими делами Ефстафий Михайлович еще успел стать предком Александра Сергеевича.

В середине семнадцатого века елатомским воеводой становится Григорий Гаврилович Пушкин[2] – искусный дипломат, принимавший неоднократное участие в переговорах с Польшей и Швецией. Был он первым боярином и оружейничим в роду Пушкиных, а вот предком нашего всего не был, поскольку умер бездетным.

В 1637 году елатомский воевода князь Шаховской отправился в Польшу во главе посольства. Обычное посольство, которому нужно было обсуждать умаление в письмах государева титула, межевые дела и пленных, но... взять из рук посла верительную грамоту захотел не король, не канцлер, а вовсе подканцлер, что было таким умалением титула русского государя, которое Шаховской позволить себе не мог. Князь просто не отдал ее подканцлеру и настоял, чтобы сам король взял ее и снял с нее печати. Шаховской потом вернулся в Елатьму по месту работы. Бывало, как выпьет – так соберет писарей, подьячих, приставов, рассыльщиков и давай им рассказывать о том, как он поставил на место подканцлера. Ну, натурально начинает с подканцлера, а заканчивает польским королем. Выходило, что он им на двоих на семь ног наступил. Или даже на восемь.

Как раз в то самое время, когда опальный Евстафий Михайлович Пушкин умирал в Тобольске, в Елатьму пришла Смута. Из песни слов не выкинешь, а потому надо сразу честно сказать, что елатомцы[3] поддержали польского королевича Владислава. Потом-то, конечно, они покаялись и били челом Василию Шуйскому, но пока была Смута, успели еще и принять самое активное участие в крестьянском восстании Ивана Болотникова. Досталось и помещичьим владениям и монастырским – крестьяне вырывали из земли межевые столбы, распахивали межи и выжигали межевые грани на деревьях. Неподалеку от Елатьмы крестьяне захватили Андреянову пустынь и сожгли все царские грамоты, закреплявшие за пустынью права на землю. Хотели идти на Муром.... Ну, а потом, когда крестьян поймали, то уже досталось им...

Только кончилась Смута и на престол сел Михаил Романов, как случилась новая напасть – Елатьму захотел себе в удел последний касимовский царь Арслан Алеевич и стал просить об этом царя. И выпросил бы, кабы елатомцы не написали челобитную отцу Михаила – патриарху Филарету, в которой писали, что «они из покон веков ни за кем не были». Тут кстати подоспели и сообщения касимовских воевод о том, что Арслан Алеевич препятствовал распространению православия, «бусурманил» новокрещеных татар и даже русских. Не вышло ничего у касимовского царька. Государь пожаловал его «одним елатомским кабаком», а про Елатьму было писано, что «посацкие люди ему не даны и не дадут». Арслан Алеевич и от кабака не отказался.

При Петре Великом Елатьма хотя и утратила военное значение, зато приобрела промышленное – в ней возникло и развилось парусное, канатное и стеклянное производства. Местные жители вовсю сеяли коноплю, из которой делали пеньку. В самой Елатьме работала канатная фабрика купца Гусева и полотняная купца Коржевина. Вся их продукция уходила в Петербург и Москву. Когда при Екатерине Второй утверждали гербы уездных городов, то серебряный парус с золотыми канатами на голубом фоне и стал гербом Елатьмы. Кроме производства парусов, канатов и стекла, елатомские купцы торговали солью и хлебом. Елатомская мука была белее других и отличалась высоким качеством. Вообще, что касается экономического развития, Елатьма в первой половине восемнадцатого века опережала соседний Касимов и даже выглядела лучше, чем он. Голландец Корнелис де Брюйн, проплывавший в начале восемнадцатого века мимо Елатьмы по Оке, писал: «Город этот стоит на вершине горы и значительно продвигается внутрь страны... Он

довольно обширен, с восемью церквами, и несколько каменных домов его расположено вдоль левого берега реки. Он окружен многими деревнями, а частью лесом, и представляет с обеих своих сторон довольно красивый вид».

В начале восемнадцатого века Елатьму приписали к Казанской губернии, потом отписали от Казанской и приписали к Шацкой провинции Азовской губернии, потом Азовскую губернию вместе с Елатьмой преобразовали в Воронежскую. В 1722 году ее оттуда выписали и приписали к Касимову, чтобы уж вместе с ним передать Рязанской губернии. Как раз в этом году через Елатьму проезжал Петр Алексеевич, отправлявшийся в Персидский поход. В городе он остановился всего на одни сутки. За это время царь успел принять нескольких челобитчиков, и среди них крестьянина Антона Иванова из близлежащего седа Богданова. Иванов жаловался на притеснения со стороны старосты Родиона Никитина, собиравшего лишние подати и «чинившего всякие обиды». Петру разбирать дело было недосуг, но он приказал Шацкому воеводе «разыскать накрепко» приведенные в челобитной факты, найти ответчиков, и «кто из них в том явятца виноваты, тем учинить жестокое наказание, чего они по указу будут достойны, и кто из них будет более виноват, того пошли в каторжную работу в Петербург вечно». Никитину и его сообщникам повезло – не торопись царь в Персидский поход, они могли бы и до каторжных работ в Петербурге живыми не доехать.

Восемнадцатый век не был спокойным в тех местах. Разбойников с большой дороги было едва ли не больше, чем проезжающих по дорогам Тамбовского наместничества, к которому тогда была приписана Елатьма. Речных разбойников, грабивших суда, проплывавшие по Оке, было ничуть не меньше. Всего за десять лет до Пугачевщины бургомистр Елатомского магистрата купец Коржевин доносил в Шацкую провинциальную канцелярию, что шайки разбойников бродят вокруг Елатьмы, нападают на суда, идущие по Оке, и уже не один раз ограбили его стеклянную фабрику. В июне 1760 года разбойники так распоясались, что пригрозили не только сжечь фабрику Коржевина, но и саму Елатьму, а бургомистра лишить жизни. Елатомцам пришлось усилить караулы и вызвать на подмогу сыскные команды из Тамбова, Рязани и Воронежа.

Когда в округе появились первые пугачевские отряды, у крестьян уже был испечен для их встречи хлеб-соль. Под колокольный звон встречали их в каждой деревне. Под колокольный звон уносили ноги дворяне из сел, окружающих Елатьму, и из самого города. Программа восстания у местных инсургентов не отличалась новизной – сначала, как по расписанию, грабеж и поджог злосчастной стеклянной фабрики купца Коржевина, потом нападение на проходящие по Оке суда, потом грабеж всех, кто попадется под руку, и поджог помещичьих усадеб. Надо сказать, что отличить отряды Пугачева от обычных бандитов было практически невозможно. Они еще долго бродили в окрестностях Елатьмы и Касимова уже после того, как восстание Пугачева было подавлено. Жители Елатьмы в деле защиты от разбойников на власти надеялись, но и сами не плошали. К примеру, у купца второй гильдии Семизорова, владельца серно-купоросного и лакокрасочного заводов, в доме хранилось три ружья, два пистолета и один мушкетон. Кстати, потомки Семизорова и теперь проживают в Елатьме. Правда, ни серно-купоросным, ни лакокрасочным заводами они уже не владеют.

В конце восемнадцатого века в Елатьме проживало около двух тысяч душ мужского пола – большей частью мещане, меньшей – купцы, мастеровые, чиновники и совсем немного дворян. Тут вместо скучной статистики лучше бы рассказать читателю о каком-нибудь интересном событии, произошедшем в Елатьме – об открытии картинной галереи, или о проезде через город Екатерины Алексеевны с семьей наследника престола, или о выловленной в Оке огромных размеров севрюге, или о постройке образцового инвалидного дома, или о закладке сорокапушечного океанского фрегата «Гордость Елатьмы» из твердых пород дерева, но... не расскажу. Не проезжали, не строили и не закладывали. Могу только рассказать об открытии в 1787 году уездного училища. Боюсь, что и его не открыли бы, если бы не настойчивость тогдашнего Тамбовского наместника Гавриила Романовича Державина, большого любителя просвещения. Да, вот еще. В доме у купца Семизорова было семь писаных маслом портретов, одна картина, два каменных

и пять деревянных портретов с позолотой. Небось, купил их оптом по случаю на какой-нибудь ярмарке выходного дня в Касимове или в Муроме. Не картинная галерея, конечно, но частное собрание. Быть может, первое в Елатьме. Деньги у местного купечества водились. Картинных галерей они, конечно, не строили, а вот церквей в маленькой Елатьме к тому времени было больше десятка. К концу девятнадцатого века в Елатьме было уже четырнадцать церквей, синагога и две мечети. Изо всех этих культовых сооружений до нас дошла в более или менее сохранившемся виде кладбищенская Всехсвятская церковь, построенная в ознаменование победы над французами и еще две – Троицкая и Вознесенская[4]. До Елатьмы, конечно, враг не дошел и никакие полки в ней, как во время похода на Казань, не формировались, но был военный госпиталь, работавший с сентября двенадцатого года по август четырнадцатого. По приказу Кутузова в Касимове, Елатьме и окрестных деревнях разместили главный военный госпиталь русских войск, рассчитанный на двадцать тысяч человек. По воде Москвы-реки и по Оке везти раненых в тыл было куда как удобнее, чем по дорогам, которые в этих местах... да и в тех тоже.

На кладбище Елатьмы похоронены солдаты, умершие от ран, полученных при Бородино. Елатомцы на свои деньги поставили им памятник в виде часовни. Стояла часовня в центре города, рядом с городским Спасо-Преображенским собором. Ее вместе с собором и снесли при большевиках.

Как раз перед войной с французами главная торговая площадь Елатьмы украсилась торговыми рядами, построенными по проекту Висконти и Русско. Правда, только подписанному ими. Составлял-то этот проект некто Григорьев. Здание торговых рядов и сейчас стоит на том же месте. Правда, вид у него... Зато имеет официальный статус памятника архитектуры Рязанской области. Единственное в Елатьме. Выставили его областные власти на торги, но что-то никто покупать его не торопится.

С 1828 года в городе начала проводится ежегодная Предтеченская ярмарка, на которую собирались продавцы и покупатели не только из Тамбовской, но и из соседних губерний[5]. Оборот ярмарки... Честно говоря, цифры этого оборота вряд ли могут произвести впечатление на читателя, который не то что не родился в Елатьме, не только в ней никогда не бывал, но даже и не найдет ее на карте, если его вызовут к доске в каком-нибудь страшном сне про давно оконченную среднюю школу. Оставим эти цифры статистикам, а также полезные, но невыносимо скучные сведения о том, что к середине девятнадцатого века в городе открылась аптека и почта, не нашлось средств на то, чтобы поставить керосиновые фонари и замостить булыжником хотя бы площадь перед торговыми рядами, о том, что к концу века открылись публичная библиотека, телеграфная контора, книжный магазин и мужская гимназия, образовался театральный кружок, ставивший драматические спектакли по пьесам Островского и Сухово-Кобылина, о том, что местная интеллигенция образовала бесплатную народную читальню... Куда интереснее рассказать о замечательных чудаках и оригиналах, проживавших в Елатьме в первой половине девятнадцатого века.

В самом деле, как не назвать чудаком и оригиналом чиновника Потаповича, описанного историком и краеведом Иваном Ивановичем Дубасовым в очерках по истории Тамбовского края. У Потаповича была странная фантазия не брать взяток и не красть из казны. Ну, не хочешь брать – не бери, но делай это молча. Не укоряй товарищей по службе, не говори им о том, что они поступают неблагородно. Потапович не умел молчать и договорился до того, что товарищи по службе, считая подобные разговоры очевидным признаком психического нездоровья, добились его медицинского освидетельствования в губернском правлении. И очень опечалились, когда врачи объявили, что Потапович совершенно здоров. Он был здоров и тогда, когда написал в Шацкий уездный суд письмо, в котором просил... изыскать средства, чтобы сделать людей добросовестными, а на вопрос членов Тамбовского губернского правления о том, где он желает служить, отвечал: «В таком месте, где более благородства, ибо служа в статской службе, я сам себе делал вопрос, какая польза от этой службы, и не мог решить этого. Впрочем, я готов служить, но только с благородными людьми, которые имеют такие же правила, как и я». Как тут, спрашивается, не ~~озвереть~~ опечалиться сослуживцам...

Еще один чудак, помещик Алексей Алексеевич Ушаков, жил не в Елатьме, а в Елатомском уезде, в селе Изтлееве, где владел шестью сотнями душ крепостных. Ну, владел бы как все – порол бы за выдуманные провинности, заставлял бы гнуть спину на барщине, брюхатил бы дворовых девок – никто бы о нем и не вспомнил, но Ушаков... освободил всех своих крестьян с землей еще при Александре Первом. Освободил потому, что хотел оградить своих крестьян от жестокостей трех его сыновей – отставных военных. Сначала-то он их увещевал по-отечески, просил не пороть крестьян, не заставлять их всю неделю гнуть спину на барщине, а потом... устал от увещеваний, освободил крестьян и отправил письмо министру внутренних дел графу Кочубею объяснительное письмо, в котором писал: «Учиня крестьян моих свободными, утверждаю все мои земли с угодьями в вечное их владение». Это не конец истории. Каждому сыну этот король Лир Елатомского уезда вручил по нескольку тысяч рублей и предложил поступить в статскую службу. Еще и заявил: «Пусть узнают они, что такое долг, тогда ко всем людям они лучше относиться будут». Что ответили сыновья Ушакову и ограничились ли они словами... Иван Иванович Дубасов не записал.

Наверное, можно было бы и ограничиться описанием этих двух елатомских чудаков, но из песни слов не выкинешь – были в уезде и совершенно другие помещики. К примеру, помещик Кашкаров – изверг и садист, буквально каждый день поровший крестьян. За малейшие провинности давали по четыреста ударов кнутом. Одного крестьянина пороли шестнадцать раз за время Великого поста, каждый раз давая по сто ударов. Тех, кто умирал во время наказания, без малейшей огласки закапывали на кладбище. Следствие, до которого все же дошло дело, установило, что в имениях Кашкарова не было ни одного небитого и невысеченного крестьянина. Врач из Елатьмы, освидетельствовавший кашкаровских крестьян, осмотрел около трех десятков человек и на каждом обнаружил глубокие рубцы. Неудивительно, что крестьяне от такого барина даже в солдаты шли с охотой. Женщинам было куда хуже. Молодых женщин Кашкаров заставлял грудью кормить щенков, бил их и поджигал им волосы. Изверг вовсю пользовался правом первой ночи, и в его деревнях почти не было ни одной молодой женщины и даже девочки, которую он не изнасиловал бы. Надо сказать, что жена Кашкарова была ему верной помощницей и сама приводила к нему девочек. Впрочем, и крестьян она секла нещадно. Собственноручно секла и розгами и кнутом. Слухи об издевательствах этого помещика над крестьянами дошли до властей, и в имение к нему нагрянуло следствие. Кашкарова заперли в собственном кабинете и держали под караулом. Старик понял, что дело пахнет уголовным судом, и стал предлагать взятки следователям – губернскому чиновнику Сумарокову и жандармскому офицеру Телегину. Взятки были большие – Кашкаров был человеком очень богатым. Те отказались. Тогда Кашкаров стал писать жалобы на следствие губернатору и шефу жандармов. Прислано было новое следствие, которое... к прежним пунктам обвинительного заключения присоединило еще одно. Оказалось, что Кашкаров еще и судил своих крестьян за уголовные преступления, как какой-нибудь средневековый барон или граф. Тогда Кашкаров обратился с письмом в дворянское депутатское собрание, в котором писал: «Настоящие обвинения против меня представляют случай небывалый, ибо беспорочный дворянин, доживший почти до 60 лет, обвиняется в нарушении будто бы права, предоставленного ему верховною властию. Не страдает ли от этого незапятнанная честь моя? И где же у следователей моих страх Божий?» Удивительно не то, что Кашкаров обратился с таким письмом к собранию. Удивительно то, что большая часть дворян Елатомского уезда встала на его защиту. Более того, предводитель уездного дворянства написал губернатору о том, что весь уезд «встревожен по случаю бедствий господина Кашкарова и между крестьянами стали ходить слухи о вольности...». Уездные полицейские чины, у которых не было сил отказаться от кашкаровских денег, вовсю препятствовали следствию. Ободренный бездействием властей Кашкаров стал писать тамбовскому губернатору, обвиняя своих крестьян во лжи и развращенности. Он писал о том, что без его власти в его имениях начались беспорядки, земля не вспахана, оброки не собраны, нарушены государственные основы и народное спокойствие, дворовые люди предаются буйству, а женский пол – распутству. Видимо, боязнь того, что женское распутство, в отсутствии надлежащего контроля со стороны Кашкарова, может распространиться за пределы Елатомского уезда, и привела

к тому, что губернские власти вызвали подсудимого в Тамбов, где он пожил некоторое время под надзором полиции, имение его недолго побыло в опеке и... все. Тем дело и кончилось.

Надо сказать, что жил в середине девятнадцатого века и еще один помещик в елатомском уезде, список преступлений которого мало чем отличался от кашкаровского. Пожалуй, даже и превосходил. У этого было заведено, что каждый день к нему приводили несколько крестьянок, которых он насиловал. Зимой приводили меньшее количество, а летом большее. Крестьяне на него жаловались уездным властям. Уездные власти жалобщиков выслушали, велели их высечь и посадить в елатомский острог. Тогда трое отчаявшихся крестьян убили и оскопили барина. Слезных писем губернатору они не писали, дворянское депутатское собрание за них вступаться не стало, а потому их судили, дали каждому по сто ударов плетьми и сослали на бессрочную каторгу, в Сибирь[6].

Было бы, однако, нехорошо заканчивать описание елатомских типов первой половины девятнадцатого века на такой мрачной ноте. Расскажем еще об одном помещике, отставном губернском секретаре Василии Семеновиче Горбатове, проживавшем в деревне Малые Клинцы, в собственном имении своей супруги. Человек он был тихий, незлобивый, в ведение хозяйства не вмешивался, во всем слушался жены и был, что называется, подкаблучник. Целыми днями сидел он за книгами и делал из них разные выписки. Василий Семенович не был ученым и настоящего образования, при котором дают диплом и значок об окончании университета, у него не было. Он был по профессии читатель и читал все, что попадется под руку – от агрономического календаря до сонника жены. Однажды попался ему на глаза роман французского писателя Жюля Верна под названием «С Земли на Луну», и спокойная жизнь в Малых Клинцах кончилась. ~~Вымолив~~ Вытребовав у жены денег на постройку пушки и снаряда, Горбатов принялся за строительство. С самого утра Василий Семенович уходил на дальний выгон, где под его руководством крестьяне рыли фундамент под огромный пушечный лафет, который планировалось построить из кирпичей. Одновременно с лафетом по рисунку барина кузнец Никифор с мальчишкой-подручным изготовлял внушительных размеров снаряд, в котором оборудовали небольшую кабинку для путешественника в пространстве. Под ней устроили кладовку, в которую Горбатов, точно белка, приносил тайком от жены то свиной окорок, то связку сушеных грибов, то сдобных сухарей, а то и бутылку ямайского рому, в который его строгая супруга перед сном любила накапать чаю. С тех пор как Никифор устроил в снаряде крошечную печку, Василий Семенович даже оставался в нем ночевать. Надо сказать, что его жену это нимало не беспокоило. Лишь бы муж был занят чтением сделанных собственноручно выписок из книг и не отвлекал ее от мыслей о покосе или о заготовках на зиму. У нее даже щека начинала дергаться, когда Горбатов вдруг возникал откуда-то из-за спины и начинал своим тихим, доводящим ее до бешенства голосом: «Послушай, душа моя, что пишет Сенека в своем письме...». Короче говоря, хватилась она Горбатова только тогда, когда прибежал к ней Никифор с криком «Барин улетели на Луну...». Правду говоря, он не прибежал, а его, подлеца, пьяного и еле ворочающего языком, приволок староста. Осмотрели лафет и пушку, из которой можно было улететь куда угодно, но только не на Луну, и в казенной части орудия обнаружили густую черную копоть, несколько вывороченных кирпичей и обгорелую спичку. Этой спичкой, очевидно, поджигали пороховой заряд, забитый в пушку. Пропал и снаряд. Еще раз, допрошенный с пристрастием, почти протрезвевший кузнец плакал, крестился и заскорузлым своим пальцем показывал в небо. Из Елатьмы вызвали следователя. Тот приехал, да не один, а с помощником... Впрочем, мы увлеклись рассказом о Горбатове. Вернемся в Елатьму... Нет, все же скажем, что через две недели упорных розысков снаряд вместе с Горбатовым был найден за полторы сотни верст от пушки, в городе Шацке. Оба они – и снаряд и отставной губернский секретарь – были спрятаны в бане собственного дома мещанки Трегубовой, красивой женщины, за одно прикосновение к плечам которой, по словам помощника следователя, можно было отдать десять лет жизни. Что же касается кузнеца Никифора, то он, давно знавший о планах... Ну, теперь уж точно хватит. Вернемся в Елатьму.

За время нашего отсутствия через нее не проехал не только ни один российский император, но и вообще никто из семьи Романовых. Не прибавилось в городе картинных галерей, фрегат

«Гордость Елатьмы» так и не был построен. Уже готов был чертеж и уже строительные подрядчики успели украсть часть средств, отпущенных на строительство... и тут какой-то умник из кораблестроителей посмотрел карту и выяснил, что из Елатьмы хоть три года плыви – ни до какого океана не доплывешь. И все же колесный пароход «Елатьма» к концу девятнадцатого века по Оке уже плавал. И не он один – в городе уже были купцы, владевшие пароходами. У пароходчика Самгина[7] было два судна – пассажирский теплоход «Дмитрий Донской», ходивший по Оке от Рязани до Нижнего, и буксир «Владимир Храбрый». У купчихи Марии Андреевны Поповой, урожденной княгини Кильдишевой, поначалу не было ни одного парохода. Она была просто женой купца Попова, торговавшего бакалеей. После смерти мужа Мария Андреевна взяла дела в свои слабые женские руки. Этими слабыми женскими руками она давала ссуды окским и даже волжским пароходчикам, а в заклад брала их суда. Не раз и не два бывало так, что ей доставались закладные пароходы. Видимо, Попова была примерной вдовой и заботливой матерью – пароход «Братья Ляховы», доставшийся ей по невыплаченной в срок закладной, она переименовала в «Дети Попова». Мария Андреевна была одной из самых богатых женщин Елатьмы. По делам она ездила на первом и единственном в городе автомобиле. Она же завела в Елатьме первую электростанцию. Ее двухэтажный, богато украшенный резьбой дом, похожий на пароход, был построен по проекту голландского архитектора. Он и до сих пор стоит на одной из улиц города[8]. Надо сказать, что Попова была и самой щедрой из елатомских предпринимателей – она платила за обучение бедных гимназистов, содержала детский приют, а по выходным и по церковным праздникам на улице возле ее дома всегда стояли столы с бесплатной едой для всех, кто в ней нуждался. Сначала некоторые елатомцы просто упоминали, что миллионерша Попова могла бы быть прототипом горьковской Вассы Железновой. Со временем это предположение обросло подробностями, и теперь уже рассказывают с чувством, толком и расстановкой, что Горький, путешествуя по Оке как раз в те поры, когда Мария Андреевна... И правильно делают, что рассказывают. На их месте я бы тоже рассказывал[9]. В восемнадцатом году Мария Андреевна финансировала мятеж эсеров в Елатьме, а после его подавления по подземному ходу... но не будем забегать вперед.

Вообще говоря, Елатьма на рубеже веков если и не процветала, то просто цвела. В 1897 году в ней проживало около восьми тысяч жителей, а через тринадцать лет уже девять тысяч, и в их числе сто купцов. В городе было сорок улиц, три площади, земская больница, приходское и уездное училища, мужская и женская гимназии, банк, аптека, в которой можно было купить сельтерской воды, десять кирпичных заводов, почти два десятка толстых усатых городовых с начищенными до блеска бляхами, одиннадцать постоялых дворов, семь кабаков, полностью укомплектованных пьяницами, тридцать три кузницы, четыре канатных фабрики, канатами которых можно было опутать не только Тамбовскую, но и прилегающие к ней губернии, две библиотеки, шесть общественных бань и скотобойня. Елатомские купцы торговали хлебом, поступавшим к ним из Моршанска. В год через пристань на Оке проходило до семисот тысяч пудов хлеба. Из них полмиллиона пудов отправлялось вверх по Оке. Бóльшая часть из этих полумиллиона пудов шла в Петербург. Кстати говоря, в прямом смысле Елатьма тоже цвела – в ней и вокруг нее насчитывалось почти девять сотен плодовых садов. О красоте Елатьмы и ее фруктовых садов имеется письменное свидетельство. «Местность очень красивая, и очень тихо тут. Шума никакого. Все фруктовые сады», – сообщает в письме брату Василий Суриков, приезжавший в девятьсот третьему году в эти места писать этюды к картине «Степан Разин». Наверное, те две недели, что Суриков жил в Елатьме, и были расцветом культурной жизни в этих местах. Если, конечно, не считать заблудившегося в сосновом лесу около Елатьмы Горького, когда он шел пешком в Муром.

Девятьсот пятый год Елатьма и уезд встретили беспорядками. В городе прошла демонстрация, которую не удалось разогнать даже конной полиции. В уезде крестьяне увозили из поместий и экономий урожай, уводили скот и уносили все, что могли унести. В селе Ардабьево они с таким энтузиазмом рубили общинный лес, незадолго до этого отнятый у них промышленником и помещиком Девишевым[10], что едва не зарубили исправника, прибывшего из Елатьмы для того, чтобы призвать решительно настроенных лесорубов к порядку. Спустя сорок лет самодеятельный

елатомский поэт Волков в своей революционной поэме «Набат», посвященной этим событиям, писал: «Жуткие слухи в усадьбы дворян заползали. Ближе и ближе несущий им гибель момент». В тот раз «несущий им гибель момент» власти сумели остановить. Вместо чудом спасшегося исправника прислали казаков. Сто с лишним человек арестовали, судили и отправили в арестантские роты и тюрьмы. Командовал казаками мастер своего дела, штаб-ротмистр Гортынский, который так усердствовал в наведении порядка, что его пришлось отозвать. Через год, в память о событиях девятого января, снова была устроена многолюдная демонстрация в Елатьме. На этот раз для того, чтобы успокоить елатомцев, в город приехал тамбовский вице-губернатор, выступивший в городской управе с речью, толку от которой... Тогда приступили к обыскам, которые позволили напасть на след елатомской ячейки РСДРП и арестовать ее активных участников. В конечном итоге всех большевиков выслали за пределы Тамбовской губернии.

После высылки большевиков в городе и уезде наступило затишье. Капитализм, точно чувствуя, что жить ему в России осталось не больше десятка лет, стал развиваться с удвоенной силой. Жизнь в Елатьме кипела – купцы торговали хлебом, мясом, пенькой, полотном и медом, во время проведения ярмарок на центральной площади города устанавливали до пятидесяти балаганов; миллионерша Попова раскатывала по улицам на своем красном кабриолете, и за ней бежали мальчишки, собаки и гуси, за которыми бежали толстые усатые городовые и оглушительно свистели в свои свистки; лесопилка купца Попова изо всех сил своих трех паровых двигателей пилила лес; серно-купоросный и красочный завод купцов Семизоровых сернокупоросил и красил по двенадцать часов в сутки с часовым перерывом на обед; в шести городских банях народ парился до такого состояния, что холодная вода, в которую ныряли после парилки, вскипала; в городском саду, на летней эстраде члены театрального кружка ставили «Живой труп» и «Дядю Ваню», а за эстрадой, в зарослях бузины, вовсю курили и кашляли гимназисты, стараясь побыстрее повзрослеть; в читальных залах двух городских библиотек с утра и до вечера читали дамские журналы с выкройками, детективы и биржевые ведомости, в чайной Елатомского общества трезвости люди с постными лицами пили чай вприкуску с брошюрами о вреде алкоголя, в городской аптеке нарасхват шли шпанские мухи, порошки от похмелья и леденцы «Монпансье» в жестяных коробочках; в семи кабаках пьяные купцы, матросы с пароходов и буксиров, девицы легкого поведения, извозчики и приехавшие в город на ярмарку крестьяне без перерывов на обед пили водку с пивом из граненых стаканов, которые выпускала стекольная фабрика купца Гусева.

Кстати, о крестьянах. В елатомском краеведческом музее хранится вексель, датированный шестнадцатым годом, в котором написано, что крестьянин села Большое Ардабьево Елатомского уезда Спиридон Арсеньев Козлов занял у своей жены, Серафимы Дмитриевой Козловой в долг триста рублей денег без процентов, сроком до востребования, а буде его, то есть долг, по первому требованию не уплатит, то вольна она, Козлова, просить о взыскании и поступлении по закону[II]. Так и вижу, как Спиридон ночью, дождавшись, когда уснет жена, тихонько, стараясь не скрипеть половицами, ищет этот проклятый вексель, чтобы его проглотить не жуя. Серафима шарит ногой под лоскутным одеялом и, не находя мужа, отрывает от подушки тяжелую ото сна голову, чтобы посмотреть...

– Шпи, Фима, шпи, – шепчет ей муж. – Это я квашу попить вштал. Шашда мушает. Долшно от шеледки, – шамкает он набитым векселем ртом, гладит жену по голове и она засыпает чутким и тревожным, как у всех кредиторов, сном.

– Дурак ты, Спирька, – думает она засыпая. – Как есть дурак. Вторую копию жрешь и того, вахлак, понять не можешь, что оригинал... Не там ты шаришь... Хотя бы до утра дотерпел, чтобы при свете...

Капитализм. Товарно-денежные отношения. Не то, чтобы бессмысленные, но уж точно беспощадные.

Октябрь семнадцатого года добрался до Елатьмы лишь в конце февраля восемнадцатого. Правду говоря, в городе его никто и не ждал. Большевистская ячейка была в уезде, в селе Сасово. Руководил ей некто Андрей Янин, приехавший из Петрограда. Уже в начале декабря семнад-

цатого в Сасово было получено известие о перевороте, произошедшем в столице. Немедленно вышедшие из подполья большевики провели съезд представителей крестьян, солдат и рабочих, создали ревком, объявили о прекращении в уезде власти Временного правительства и провозгласили власть Советов. В самой Елатьме все было тихо. Там вообще не было большевиков. Там и пролетариата было с гулькин нос. В город, спасаясь от революционно настроенных крестьян, приезжали землевладельцы и привозили из имений имущество, которое удалось спасти от разграбления. Помещик Девишев привез в Елатьму все запасы крахмала со складов своего крахмального завода и бесплатно раздал его горожанам. Видимо, было у него предчувствие, что новая власть, когда доберется до Елатьмы, отнимет у него и крахмал, и завод.

В первый раз устанавливать Советскую власть в Елатьме приехали большевики из Тамбова. Было их трое. Елатомские власти думали, думали, что делать с этой троицей и... решили их отпустить. Между тем, в окрестностях города шныряли вооруженные отряды солдат, дезертировавших с фронта. По ночам эти отряды грабили дома обывателей. Вернее, пытались грабить. Для борьбы с грабежами и пожарами в городе была организована боевая дружина, состоявшая в основном из офицеров и юнкеров, собравшихся со всего уезда. На городских колокольнях были установлены пулеметы. Дружину, состоявшую из восьмидесяти человек, возглавил двадцатилетний помещик елатомского уезда, штабс-капитан Аваев. Начальником штаба Аваев назначил корнета одного из драгунских полков Покровского. Был этот корнет всего на год старше своего командира. Финансировала мероприятия по защите города от большевиков Мария Андреевна Попова. Некоторые даже утверждают, что именно она, а не городской голова Фруктов руководили обороной Елатьмы.

Во второй раз устанавливать Советскую власть в Елатьме отправился отряд кавалерии и пехоты из Сасово. Командовал им... Впрочем, все равно кто командовал, поскольку город красные не взяли. Часть отряда вместе с его незадачливым командиром белые заманили в Елатьму, разоружили и посадили в тюрьму, а оставшаяся часть просто разбежалась.

В третий раз устанавливать Советскую власть в Елатьме пришел отряд красногвардейцев, состоявший из двухсот кавалеристов и трехсот пехотинцев, усиленный тремя артиллерийскими орудиями. Командовал отрядом сам Андрей Янин. Из Петрограда ему прислали винтовки и патроны. Все это воинство выступило из Сасово и подступило к Елатьме аккурат двадцать третьего февраля восемнадцатого года. Большевики с трех сторон окружили город и пошли на штурм. Правду говоря, отряд красных был мало похож на воинское подразделение – это были обычные крестьяне, большей частью мордовские, думавшие, что вернутся из похода, навьюченные мешками с награбленным добром, но когда с городских колоколен по цепям наступавших ударили пулеметы... Праздник, о котором потом так долго говорили большевики, пришлось отменить.

Через четыре дня к деморализованным красным прибыли из Москвы на подмогу сто солдат регулярной армии и пулеметная рота из Рязани с шестью пулеметами. Стало понятно, что восьми десяткам дружинников не удержать город. Мария Андреевна Попова, в доме которой был штаб сопротивления, успела покинуть Елатьму. Говорили, что она по подземному ходу[12], ведущему от колокольни Ильинской церкви, вышла на берег Оки, а уж там ее и ее спутников ждали лошади, чтобы увезти в неизвестном направлении. Свободным неизвестное направление было только на Выксу. Сначала переправились беглецы через Оку, а уж потом... В музее мне сказали, что следы Поповой ведут в Нижегородскую губернию. Там она прожила до тридцатых, работая в каком-то детском доме, а уж в тридцатых кто-то ее властям выдал и... По сведениям из других источников, скончалась Мария Андреевна от сердечного приступа во время освобождения из тульской тюрьмы.

В ночь с третьего на четвертое марта, после продолжительного артобстрела, красные пошли на штурм Елатьмы, и к утру город был взят. Остатки дружинников под покровом ночи и разыгравшейся пурги покинули город, но на следующий день были настигнуты красными недалеко от города, в Рожновом бору. Там они большей частью и остались. Штабс-капитан Аваев и корнет Покровский сумели добраться до Москвы, но были схвачены в мае того же года ВЧК, проходили по делу «Союза защиты родины и свободы» и приговорены к расстрелу.

Почему-то всю эту трагическую историю захвата Елатьмы большевиками в советское время было велено называть «мятежом эсеров», хотя артобстрел города красными и последующий штурм на мятеж эсеров были похожи, как... [13]

Потом все было так, как обычно и бывает после революций – сначала аресты и расстрелы, потом банды дезертиров и уголовников, заседания ревкомов, укомов, волостных советов, продразверстка, аресты, расстрелы, продотряды, расстрелы, съезды, конференции, первые комсомольцы, вторые комсомольцы, превращение Елатьмы в двадцать шестом году из города в село, первая коммуна в двадцать девятом, распад коммуны, раскулачивание и колхоз в тридцатом. В тридцать первом организовали типографию и стали печатать газету «Красный маяк», в тридцать третьем организовали первую в губернии МТС с американскими тракторами в доме и усадьбе Поповой, в тридцать пятом стали проводить водопровод, а в тридцать шестом сюда приехал журналист Кольцов и написал: «В ней три тысячи жителей, из них более шестисот инвалидов, посланных сюда в дома собеса. Директора домов – не из блестящих: трех последних, одного за другим, посадили за решетку. Вечером в городе ни зги не видно. Была библиотека, так ее почему-то в свое время целиком кто-то отвез в Москву. Приезжих встречают удивлением, с явной примесью тревоги: разве человек по хорошему делу заберется в нашу дыру? Деревня не уважает такой город. Колхозы Елатомского района смотрят свысока на свой районный центр. Им нечему здесь учиться. Пожалуй, даже наоборот. Колхоз завел в своей деревне Щербатовке чистоту, озеленение, устраивает парк культуры и отдыха, парашютную вышку, а в Елатьме ничего этого нет.» Обидно, что и говорить, хотя... Кольцов по ошибке называет Елатьму городом, хотя она и была в то время селом Московской области. И на том спасибо.

Тут надобно немного отступить и рассказать – откуда столько в Елатьме инвалидов. Все началось с богаделен еще в начале позапрошлого века. После того как кончилась война с Наполеоном, в военном госпитале остались инвалиды, часть из которых власти оставили жить в Елатьме – часть в госпитале, который превратился в инвалидный дом, а частью в городских богадельнях. Была в Елатьме, кроме мужских, и женская богадельня. Был приют для мальчиков имени купца Попова и приют для девочек при церкви Рождества Богородицы. Был приют в доме, подаренном городу купцом Сорокиным. В двадцать девятом году в Елатьме, за семь лет до приезда туда Кольцова, открыли Дом инвалидов для увечных воинов. В тридцать шестом увечных воинов было шестьсот, а потом их количество выросло до двух тысяч. Поначалу это были инвалиды военные, а потом просто инвалиды. Дом и сейчас работает, только называется Елатомским психоневрологическим интернатом. В тридцать четвертом по приказу Московского областного отдела социального обеспечения открыли детский дом-интернат[14]. Воспитанников набрали туда из дома инвалидов. Тех, кому было от восемнадцати до двадцати лет. Сначала в детский дом брали только девочек, но перед войной стали привозить и мальчиков. Во время войны стали привозить умственно отсталых детей, сирот, детей, которые выжили после ранений и контузий.

До Елатьмы фронт не дошел, но окопы рыли. Выращивали картошку и лук, сушили их и отправляли куда скажут. Уходили на фронт. Собирали теплые вещи, обувь и отправляли их на фронт. Уходили на фронт. Устроили шесть детских домов для приема эвакуированных детей. В сорок третьем по решению исполкома райсовета организовали пищекомбинат. Выпускали на нем, кроме сушеных картошки и лука, пряники. Сушеную картошку и лук велено было отправлять на север, а пряники разрешили продавать местным жителям. Ушли на фронт... и не вернулись двести пятьдесят елатомцев.

Послевоенная история Елатьмы мало чем отличается от десятков и даже сотен историй таких же провинциальных городков. Восстанавливать разрушенное не пришлось, поскольку разрушенного, кроме церквей, не было. В сорок седьмом заложили фруктовый сад. В пятьдесят восьмом Елатьма пошла на повышение – из села превратилась в поселок городского типа. Правда, райцентром так и не стала. Через пять лет приписали ее к Касимовскому району. В конце семидесятых заасфальтировали главную площадь поселка – площадь Ленина. Сначала, понятное дело, поставили памятник вождю мирового пролетариата, а потом заасфальтировали пространство вокруг

него. Тогда было принято асфальтировать пространство вокруг памятников Ленину. На площадь кататься на велосипедах специально приезжали елатомские мальчишки. К развлечению мальчишек служил и аэродром, который в те далекие времена повсеместного развития малой авиации был даже в маленькой Елатьме. «Кукурузники» летали в Касимов и Рязань каждый день. Долететь до Рязани можно было за час, и билет стоил пять рублей. Ну, это в будни, а по праздникам на этом же самолете катали детей. Наберут их полный самолет и кружат над поселком. Еще можно было изо всех сил стоять позади самолета во время взлета и не падать. Теперь аэродрома нет. До Рязани надо ехать на автобусе около пяти часов. Есть в Елатьме маслосырзавод. Вернее, был. Вернее, есть, но то ли при смерти, то ли уже умер совсем. Старожилы говорят, что он выпускал такого качества сыр, что в советские времена не только в близлежащем Касимове, но и в далеко отстоящей Рязани за ним выстраивались километровые очереди. Скорее всего, его в ограниченных количествах поставляли и в Москву, к столу членов Политбюро, но все это информация закрытая и ее, понятное дело, еще не время открывать. Или это был не сыр, а масло...

В восьмидесятых открылся в поселке приборный завод. Сначала делали на нем что-то военно-радиотехническое, детские игрушки и фены. Понятно, почему детские игрушки и фены. Какие-то отходы у военного производства имелись, и из Москвы приказали из них делать игрушки и фены. Плановое производство – это когда некогда объяснять, почему игрушки и фены, а не шахматы и чайники. Просто выпускаешь, что велено. В девяностые годы завод... не влез в долги, не разорился, не пошел по миру, не растерял квалифицированные кадры, а стал выпускать медицинскую технику и до сих пор ее выпускает, да еще и такую, которую можно поставлять в Европу, США, Канаду и даже в Израиль, в который продать что-нибудь медицинское еще сложнее, чем продать краснодарский чай в Китай. Делает «Еламед» самую различную аппаратуру для физиотерапии, стоматологические инструменты и аппаратуру для ветеринарии. Работает на заводе тысяча сто елатомцев. Это чуть больше трети населения Елатьмы. Поскольку Елатьма поселок, а не город, то «Еламед» можно считать поселкообразующим предприятием.

Инвалидные дома, детские дома-интернаты, психоневрологический интернат градообразующими предприятиями язык не повернется назвать, но... Так уж получилось, что в Елатьме человек с ограниченными возможностями может прожить всю свою жизнь – от того момента, когда его привезли в детский дом потому, что от него отказались родители или родители лишены родительских прав, и от них нужно забирать не только детей-инвалидов, но даже и кошек с собаками, до самой смерти. Сначала ребенок будет жить и воспитываться в детском доме, а потом, когда ему исполнится восемнадцать, его переведут или в инвалидный дом в поселке или в один из двух инвалидных домов, расположенных в окрестных деревнях, и уж там ему жить... Конечно, детей пытаются адаптировать – приводят их в обычные школы или на елки в доме культуры. Они поют в хоре. Теперь это называется социальной адаптацией детей в городском пространстве. Другими словами – доступная среда. В местном краеведческом музее даже получили два гранта, сделав так, что с экспозицией теперь могут ознакомиться даже те, кто почти ничего и не видит. У этой медали, однако, есть и обратная сторона. Представьте себе детский хор, в котором поет не один ребенок с ограниченными возможностями, а... весь хор из таких детей и состоит. Представьте себе елку в доме культуры, или масленичные гуляния, или концерт художественной самодеятельности, когда на сцене и в зале... Это легко сказать – представьте, а представить, и тем более взять обычного ребенка и привести туда, где большинство детей... Вот елатомцы и не ходят. В большом городе этих проблем, наверное, и не возникло бы, но Елатьма город небольшой, а маленький, да и не город вовсе. Надо бы, конечно, искать какую-то золотую середину, но за поиски середины, хотя бы и золотой, грантов не дадут, а вот за социальную адаптацию, хотя бы и с таким результатом, могут.

Не будем о грустном. Будем о красивом. Бродил я с экскурсоводом краеведческого музея Светланой Григорянц по огромному заброшенному двору и заброшенному саду заброшенной елатомской мужской гимназии... Нет, так тоже нехорошо. Лучше так: в городском саду есть смотровая площадка. С нее открывается живописный вид на противоположный низкий берег Оки. На том берегу, чуть левее Елатьмы к берегу выходит из прибрежных зарослей грунтовка. Де-

баркадера там нет никакого, а есть только мостки, по которым машины и трактора заезжают на паром. Когда я стоял на площадке и смотрел на тот берег, заезжал всего один трактор и одна легковая машина. Наверное потому, что была середина октября и в этих местах те, кто не улетел на юг, собирали на болотах клюкву, чтобы продать ее проезжающим, перекапывали под зиму грядки в огороде и убирали позднюю капусту. Туристов в эту пору нет. Разъезжать на машинах некому. Паром шел медленно. Издалека было не слышно, как тарахтел его двигатель. Только еле заметный сизый дымок вился над трубой. Я подумал: если закрыть глаза, то можно услышать... Нет, и так тоже никуда не годится. Только дай себе волю и закрой глаза, как тотчас же увидишь причаливающий к городской, а не к поселковой пристани пассажирский теплоход «Дети Попова», услышишь, как играет духовой оркестр, представишь, как пассажиры первого класса закусывают в ресторане на верхней палубе икрой и севрюжиной с хреном, как звонят колокола на городских церквях, как упоительны в России вечера, балы, красавицы, лакеи, юнкера... тьфу. Если закрыть глаза на холодном осеннем ветру и представлять ерунду, то можно не только простудиться, но и опоздать на автобус, который уходит в Рязань. Он теперь ходит всего раз в неделю по воскресеньям. Проще и удобнее, конечно, в Касимов поехать. Туда автобусы идут каждый час, а уже оттуда прямым рейсом в Москву. Так елатомские мужики и делают, когда едут на заработки. Они всегда были хорошими плотниками. Вот и строят теперь дачи в Подмосковье. До Москвы из Касимова ехать долго. Едешь себе в теплом автобусе, закроешь глаза и представляешь высокий берег Оки, цветущие сады, белые колокольни церквей, шумную ярмарку, городскую пристань, на которой играет духовой оркестр, белый пароход, севрюжину с хреном... Ну, вот, опять. Пора доставать из рюкзака плавленый финский сырок и черствую плюшку, купленные в Елатьме.

---

[1] В елатомском краеведческом музее стоит чучело волка. Не доисторического, конечно, а вполне современного. История этого волка удивительна. Маленьким раненым волчонком нашел его в лесу местный лесник, принес домой, вылечил и одомашнил. Жил у него волк всю свою сознательную жизнь. Жил как собака. В хорошем смысле этого слова. После того как волк умер, лесник заказал сделать из него чучело, которое попало в музей. Детишки, приходящие в музей, любят с волком фотографироваться, а сотрудникам музея он предсказывает погоду. Перед дождем чучело начинает сильнее пахнуть волком. Бог знает отчего, но это так.

[2] Григорий Гаврилович был назначен «товарищем» князю Львову, возглавлявшему посольство в Польшу*. Пушкин оказался с гонором и не захотел ехать, потому как быть в «товарищах» у захудалого Львова ему было унизительно. Львов в долгу не стался и, в свою очередь, накатал жалобу на Пушкина, в которой писал, что тот его «бесчестит». Царь, недолго думая, приказал Пушкина посадить в тюрьму, и там Григорий Гаврилович быстро понял, что Львов не такой уж и захудалый и что посольский паек лучше тюремного. У незахудалого Пушкина как раз с деньгами было все так плохо... Короче говоря, он принял назначение. Из казны ему выдали 680 рублей командировочных, но Пушкину этого показалось мало, и он бил челом в Посольский приказ, слезно жалуясь на свою «худость» и прося добавить хоть сколько-нибудь. Надо сказать, что приказные в Посольском и не таким отказывали. Выдали ему сорок рублей и велели за эти же деньги «тайно проведывать» об отношениях Польши с соседями. С тем он и поехал...

---

*В инструкциях Львову было сказано: «А за столом у короля, буде позовет, сидеть вам вежливо, чинно и остерегательно... и зело не упираться и слов дурных меж собою не говорите и в брань не входите... а бражников и пьяниц, кои ведомы, на королевский двор и вовсе не имати». Или так... «Там у них пока что лучше бытово, так чтоб я не отчубучил не того – он мне дал прочесть брошюру как наказ, чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас». Или так... «Будут с водкою дебаты – отвечай: «Нет, ребяты-демократы, – только чай!»

---

[3] Именно елатомцы, а не елатьминцы, как следовало бы назвать жителей Елатьмы по правилам русского языка. Связано это с тем, что до петровских времен Елатьма называлась Елатом.

Интересно, что жители Елатьмы и до сих пор елатомцы и все у них елатомское, включая и Елатомский приборный завод и Елатомский психоневрологический интернат.

[4] От городского собора осталось только футбольное поле в городском парке. Правда, ухоженное.

[5] От тех времен, когда Предтеченская ярмарка только начиналась, уцелела двухпудовая гиря, которая теперь стоит на видном месте в краеведческом музее. Сотрудник музея уверил меня в том, что она приносит финансовое благополучие тем, кто ее погладит. Я погладил и даже приподнял за кольцо. Представил себе огромного детину, который при помощи таких гирь взвешивал мешки с мукой, картошкой или овсом. Представил, как он гладил эту гирю перед тем, как поставить на весы, как с размаху ставил, как долго колебалась стрелка... Определенно, что-то есть в этой сказке про финансовое благополучие. Вернее, было.

[6] Тамбовский летописец Иван Иванович Дубасов, о котором я уже упоминал, рассказав в начале восьмидесятых годов девятнадцатого века в очерках по истории края обо всех этих чиновниках и помещиках в главе, которая называется «Нравственно-бытовые черты Тамбовского края», прибавляет: «Подобных... героев крепостного права мы могли бы указать целые десятки. Но мы не делаем этого, так как цель нашего очерка заключается не в увековечении отживших печальной памяти типов, а в простом указании на былые несовершенства местной внутренней жизни. Все эти мрачные стороны нашего быта уже прикрыты светлым ореолом 19-го февраля; и как воинские знамена в прошлом столетии восстанавливали поруганную честь, так и великая крестьянская реформа незабвенного царя-освободителя примиряет нас с прошлым...». Думать о том, что реформа «примиряет нас с прошлым», оставалось тридцать с небольшим лет.

[7] Конец девятнадцатого и начало двадцатого веков были временами расцвета окских пароходств. Елатомский пароходчик Самгин состоял одним из учредителей касимовского пароходного товарищества «Наследников А.В. Качкова», которое владело всеми пристанями на Окской линии движения до самого Нижнего. Пароходы были отечественной постройки. С рестораном и музыкой. На больших пристанях их встречали и провожали с оркестрами. Ресторанное меню рассылали клиентам заранее, в апреле, чтобы известить их, чем будут кормить в первую половину навигации и во вторую. К примеру, ботвиньей с осетриной кормили только до первого июня. Рябчики и тетерева появлялись в меню во вторую половину навигации, а стерляжью уху, поросенка под сметаной, котлеты де-воляй, севрюгу и паюсную икру можно было спрашивать с весны и до поздней осени.

[8] Увы, дом сильно обветшал. Денег на его ремонт у елатомских властей, понятное дело, нет, а хотя бы и были... К счастью, нашлась одна состоятельная москвичка, купившая «Фрегат» (так называют этот дом елатомцы), чтобы его восстановить.

[9] Версия о том, что Попова была прототипом главной героини горьковской пьесы, не подтверждена никакими документами. Серьезным краеведам и историкам литературы давно известно, что прототипом Вассы Железновой была нижегородская купчиха Мария Капитоновна Кашина, владевшая целой речной флотилией, что... Впрочем, пусть себе считают. На то они и серьезные краеведы, которые без документов шагу ступить не могут. Вот если бы нашли письмо Горького, в котором было бы написано... Или в мемуарах жены Горького, или его секретаря, на худой конец, его кошки... И без всякого письма или мемуаров можно верить в то, что Мария Андреевна Попова была прототипом Вассы Железновой и до хрипоты спорить с неверующими. Только представьте себе – маленький и, мягко говоря, небогатый поселок городского типа в Рязанской губернии, в котором не так-то просто найти работу, в котором среднемесячной зарплаты на найденной с трудом работе хватит на то, чтобы пару-тройку раз пообедать в московском ресторане, в котором живут люди, не первый год спорящие о том, кто был прототипом главной героини пьесы, которую сейчас...* ~~И ведь пьеса-то не бог весть какая, если честно. Ладно бы прототип Офелии или Раневской, а то...~~

Уж если зашла речь о прототипах, то нельзя не упомянуть уроженца Елатьмы епископа Таврического и Симферопольского Михаила, в миру Михаила Михайловича Грибановского, дей-

ствительно бывшего одним из прототипов чеховского рассказа «Архиерей». Тут уж не домыслы, а письмо Ивана Бунина к Борису Зайцеву, в котором он пишет: «В “Архиерее” он слил черты одного таврического архиерея со своими собственными, а для матери взял Евгению Яковлевну». Ялтинский знакомый Чехова, священник С.Н. Щукин, писал в своих мемуарах, что на Антона Павловича произвела большое впечатление фотография епископа Михаила, которую он случайно увидел в витрине фотоателье и купил. На фотографии епископ, смертельно больной туберкулезом, которому жить оставалось всего ничего, сфотографирован рядом со своей матерью...

---

*Во многих провинциальных музеях вам непременно расскажут о таких прототипах. Почему-то это всегда очень важно – жил ли в их городке известный писатель или хотя бы был проездом. У какой бабы спросил холодного квасу, в каком трактире обедал и что сказал половому. Может, писатель и не проезжал вовсе, а проезжала его жена или свояченица или просто пробегала писательская собака, отставшая от дилижанса. И про это не преминут рассказать и показать чудом сохранившуюся фотографию собаки. Расскажут и о судьбе ее щенков. Тем, что здесь была, к примеру, первая в России фабрика, которая производила швейные иголки или лучшие в мире примусы, гордиться вряд ли будут. В Елатьме вам поведают о своем земляке Николае Павловиче Раевском – первом гомеопате Одессы. Раевский родился в Елатьме и прожил в ней, в общей сложности, совсем немного лет. Знаменит он вовсе не своей гомеопатией, а тем, что несколько недель или даже целый месяц был знаком с Лермонтовым, когда тот жил в Пятигорске. Раевский в своих мемуарах подробно описал Пятигорск того времени, дуэль поэта с Мартыновым, хотя сам на ней и не присутствовал, и церемонию похорон Лермонтова. Не свояченица, конечно, но и не жена. Тем не менее, в списках знаменитых елатомцев Раевский занимает почетное место... Иной раз даже думаешь, что это только в России так любят все то, что связано с литературой, что у прочих там шведов и тем более американцев таких мыслей отродясь... Глупые, правду говоря, мысли. Такие надо от себя прогонять, но... иногда их думаешь. Против своей воли, конечно, думаешь.

---

[10] Девишевы и вообще любили утеснять крестьян. Папаша Девишева, купив Ардабьево уже после реформы 1861 года, сильно им насолил, выпасая свой скот на мужицком выгоне и самовольно захватывая смежные с его поместьем куски общинной земли. В ответ крестьяне избили Девишева так, что его хватил паралич. До самой смерти барина возили в инвалидной коляске и говорить не мог, а только мычал. Сына, видимо, это ничему не научило.

[11] Скорее всего, Спиридон искал заначку жены, но их сестра, в отличие от нашего брата, умеет прятать деньги в таких местах... Отчаявшись ее найти, он и выдал своей Серафиме вексель.

[12] Теперь этот подземный ход, понятное дело, закрыт, завален землей навсегда, и в нем, если верить рассказам аборигенов, хранится библиотека Ивана Грозного.

[13] В нынешней Елатьме есть улица Янина. В музее есть его фотографии. Янин потом пошел на повышение в Москву, но Елатьму, как мне рассказывали, не забывал. Не любил он ее, потому как была у Андрея Никитовича хорошая память, и все свои военные успехи под стенами Елатьмы он помнил хорошо. Говорили мне в Елатьме, что именно Янин приложил усилия к тому, чтобы Елатьма не стала райцентром, а так и осталась поселком городского типа. Зато его родное Сасово, которое не одну сотню лет входило в состав елатомского уезда, стало в двадцать пятом году и городом и райцентром. Впрочем, это мне так говорили, а уж как оно было на самом деле...

[14] Теперь это Елатомский детский дом-интернат для умственно отсталых детей.

Александр МАРКОВ

ЦИКЛ С ОТБРОШЕННЫМ КЛЮЧОМ

От автора: *Этот трактат – скорее work in progress, чем final paper, он создавался вместе с публикацией первых стихов цикла в Фейсбуке как попытка понять не столько внутреннюю связь между стихотворениями или общие их принципы, сколько к каким границам и перспективам выводит появление даже одного такого стихотворения. Можно считать этот трактат феноменологическим экспериментом, а можно – пролегоменами или началом разговора, здесь уже судить читателю.*

Биографический цикл Екатерины Симоновой о деятелях поэзии русского модерна был начат в фейсбуке автора 20 февраля 2018 г.[1], 22 февраля 2018 г. между четвертым и пятым стихотворением цикла было опубликовано теоретическое заявление[2], заставившее всех комментаторов недоумевать.

Заявление, как и весь цикл, было прочитано как предпочтение биографических ключей к творчеству исследованиям закономерностей поэтики. Наиболее доброжелательные комментаторы заметили, что сближение жизненного поведения и содержания творчества – исторически локализованная литературная стратегия, важная для символизма и отчасти для позднесоветского андеграунда. В таком случае, проект Екатерины Симоновой противоположен историзации культурных достижений прошлого.

Ни один из комментаторов не дал себе отчета в том, какое биографическое поведение как ключ к творчеству имеется в виду. Сама Екатерина Симонова в завершении говорит о желании поэта быть понятым, а значит, и слова о том, что авторы любимы за их безобразное поведение и что стихотворное описание рождается из невозможности заняться сексом в нужное время и в нужном месте, и должны быть прочитаны как воззвание к пониманию.

Нигде в заявлении автор не говорит, что безобразное поведение автора как-то делает его или ее творчество поэтичнее. Речь совершенно о другом: автор настолько хочет быть понят, что готов в том числе на безобразное поведение. Равно как и нигде не говорит, что источником творчества является сублимация полового инстинкта. Сказано прямо противоположное: невозможность полной сублимации полового инстинкта, именно в силу заведомо доверчивых отношений между автором и читателями, необходимости раскрыть все карты, что и заставляет автора напряженно картографировать действительность.

В заявлении идет прямая полемика с исследователем, который пытается через определение «неважной точки в пространстве (...) уловить суть текста». Исследователь «уточнял, во сколько в такой-то день было время заката в Москве, затем высчитывал угол падающего света (или что-то в этом роде), после чего наконец радостно восклицал, что, мол, вот о каком месте идет речь в тексте». Иначе говоря, Екатерина Симонова не отстаивает одни ключи против других, но утверждает, что нельзя интерпретировать поэзию исходя из вынужденной ситуации поэта, потому что с таким же успехом можно интерпретировать, что это сказано для рифмы. Если мы хоть раз при-

[1] https://www.facebook.com/edinoroga/posts/1685587191492632?pnref=story
https://www.facebook.com/edinoroga/posts/1685751951476156?pnref=story
https://www.facebook.com/edinoroga/posts/1685843244800360?pnref=story
https://www.facebook.com/edinoroga/posts/1686722924712392?pnref=story
https://www.facebook.com/edinoroga/posts/1687684887949529?pnref=story

[2] https://www.facebook.com/edinoroga/posts/1687567237961294?pnref=story

знаем вынужденную ситуацию поэта нормальной, то потом мы можем допускать любой произвол в толкованиях, считая, что всё сказано для рифмы или красного словца.

Посмотрим на метод того исследователя, с которым идет полемика:

Веденеева не встречает Парнок – она спешит? – отсутствие света задержало ее. Значит, там, куда они идут начало в строго определенное время? Можно даже приблизительно сказать в котором часу. Заход солнца 3-го февраля в 17 ч. 06 м. Следовательно, на улице еще светло до 17.35. В окно комнаты Веденеевой можно было видеть закатное небо и понять, что окно выходит на запад. Закат за окном не может не заметить человек, все детство которого прошло в комнате с окном на запад[3].

Очевидно, что последняя фраза в этом рассуждении более чем тривиальная, и ее тривиальность подготовлена тем, что исследователь рассуждает об уникальной ситуации любовной встречи Парнок и Веденеевой как о рутинной. По сути, Екатерина Симонова стремится преодолеть инерцию понимания всех сказанных слов как необходимо сказанных, показав, что даже если поэт вынужден говорить так, а не иначе, эта вынужденность не бывает окончательной. Такое преодоление инерции и встречается во всех стихах цикла.

Первое стихотворение посвящено Нине Петровской, и основным источником для него послужил очерк Владислава Ходасевича «Конец Ренаты», причем идейная программа очерка оказывается разыграна в лицах участников. Так, Брюсову приписано, что он провожал Петровскую «с коньяком», в отличие от трезвого Ходасевича. Так пародируется эпизод «Конца Ренаты», где автор, Ходасевич, возмущается строкой Брюсова «Берем мы миги, их губя» – ключевой для его дальнейшей аргументации об отношениях Брюсова и Петровской. «Пригубить» коньяк – типичный оборот из идиолекта русского купечества – тем самым оказывается отброшенным ключом[4] для характеристики Брюсова как выходца из среды московского купечества.

Точно так же устроены строки:

слова «бедная, бедная, бедная»,
никем не произнесенные вслух,
потому что и так все ясно, и уже все равно.

Перед нами опять своеобразное переложение эпизода из «Конца Ренаты», где Ходасевич вспоминает строки русского символиста, более прославившегося жизнетворчеством, чем художественными достижениями. При этом признавая и за этим символистом, и за Ниной Петровской «дар жить», а не «литературный дар», он цитирует строки, говорящие о «бедной и случайной» жизни, из которой можно извлекать бесконечные творческие переживания:

Литературный дар ее был не велик. Дар жить – неизмеримо больше.

Из жизни бедной и случайной
Я сделал трепет без конца:

она с полным правом могла бы сказать это о себе. Из жизни своей она воистину сделала бесконечный трепет, из творчества – ничего.

[3] http://parnok.ru/?p=208

[4] Ключевой термин статьи заимствован из статьи М.Л. Гаспарова, посвященной разбору стихотворения О. Мандельштама «За то, что я руки твои не сумел удержать…»

Получается, что последняя строка опять осмысляет идеологическое высказывание Ходасевича как биографическое высказывание. Отброшенным ключом оказывается многозначность слова «бедный»: как «заслуживающий сожаления», так и «скудный»; и если аргументация Ходасевича строится на публицистическом смешении всех этих значений, из чего он и выводит упрек всем символистам в творческом бесплодии, то у Екатерины Симоновой этот отброшенный ключ – способ сказать о равнодушии публики к действительным судьбам поэтов.

Ходасевич писал:

Знаю, что из Италии она приезжала в Варшаву, потом в Париж. Здесь, кажется, в 1913 году, однажды она выбросилась из окна гостиницы на бульвар Сен-Мишель. Сломала ногу, которая плохо срослась, и осталась хромой.

О хромоте вроде бы Ходасевич говорит сочувственно, но его сочувствие явно не полно, и скорее напоминает упрек в убожестве, в частности, благодаря слову «однажды», превращающему исключительный опыт в некоторый необходимый эпизод жизни. Отброшенным ключом будет здесь само понятие об инвалидности как признаке нищенства, хромая как нищенка. И в таком случае инвалидность оказывается свойством жизни, от Варшавы до Парижа:

попрошайка-Варшава, вальсировать в стоптанных ботинках,
Подайхристаради, как я тебя ненавижу, помню,

Реплика «как я тебя ненавижу» оказывается и той репликой, которую встречают убогие со стороны ближайших родственников, но также это и обращение к Брюсову, которое в стихотворении далее намекает на сюжет «Огненного Ангела», романа Брюсова, запечатлевшего отношения с Петровской:

каждое письмо к тебе –
палец, истыканный ржавой булавкой

Одновременно напоминание о героине романа как о ведьме Ренате, как бы подписавшей договор с дьяволом, и с другой стороны, распространенное во времена русского модернизма поверье о магической силе булавок. Таким образом, здесь отброшенный ключ репутация, которую можно вернуть себе, только признав свою «ведьминскую» сущность как постоянное мученичество. То, что стихотворение оканчивается своеобразным подражанием Брюсову, кратчайшим конспектом его образности:

Февраль, похожий на влажную свежую гуашь на сухом языке,
на бедную фиалку в окне напротив.

– говорит о том, что разговор поэтов еще может состояться.

Второе стихотворение, посвященное Парнок, как раз исследует отброшенный ключ другого типа, прячущийся не в мемуарах, а в позднейшем творчестве. Так, зачин этого стихотворения:

Давно придерживаюсь сомнительного мнения,
что самые важные путешествия – те,
от которых в биографии
остается одна строка:
год, место, факт возвращения.

– явно отсылает к строкам Парнок 1928 г. о невозможности вернуться, ставшей всемирной невозможностью:

А где-нибудь на западе, в Париже,
В Турине, Гамбурге – не все ль равно? –
Вот так же высунувшись в душное окно,
Дыша такой же ядовитой жижей
И силясь из последних сил вздохнуть, –
Стоит, и думает, и плачет кто-нибудь –
Не белый, и не красный, и не черный,
Не гражданин, а просто человек,
Как я, быть может, слишком непроворно
И грустно доживающий свой век.

Тем самым, отброшенным ключом оказывается понимание «сомнительного» не в смысле «намекающего на сомнения», но «обозначающего невозможность». Как иногда говорят «сомнительная кандидатура» про человека, которого нельзя принять на работу, а не чье участие в работе заслуживает обсуждения. Из этого проистекает и дальнейшая фабула стихотворения: даже возможность вернуться к себе не означает возможность вернуться к своему прежнему настроению, и только осознание каких-то вещей как «необходимых», например, купленного дорогого шарфа, заставляет помириться с этй необходимостью – и здесь отброшенным ключом оказывается многозначность слов «не важно», которыми замыкается стихотворение: не важно как равно невозможное и не важное как то, что только оценивается, а не переживается как экзистенциально необходимое. Здесь этот отброшенный ключ появляется в последних строках, чтобы раскрыть эту поэтику отброшенных последующих ключей:

затем, что это – сейчас уже совершенно не важно, а значит:
иначе бы этого текста не было.

В третьем стихотворении, посвященном тому, как Михаил Кузмин после успешной премьеры «Забавы дев» не стал бы парижским жителем, а иначе бы богемная жизнь и соперничество с Ахматовой за внимание Модильяни привели бы к кризису всей русской литературы, нельзя видеть только программу того, чтобы с легким сердцем относиться к невозможности путешествовать. Конечно, ключ можно видеть в сюжете самой «Забавы дев»: по приказу султана сожжены все корабли, но это делает невозможным не бегство, а наоборот, погоню.

Строка «Михаил Алексеевич в Париже, и все там – для него» указывает на рефрен героя-венецианца в пьесе:

Безумен, кто любви бежит,
Когда любовь в самом лежит.

И ниже куплеты:

Любовь – художника быстрее:
Она нам дорисует всё...

То есть отброшенным ключом оказывается мечтательность, которая делает действительным всё, что до этого считалось возможным. Поэтому начало стихотворения, в котором повествовательница говорит о чрезвычайных событиях, сопроводивших бы ее путешествие, и фабула о Кузмине, который путешествовать не смог, вовсе не противоречат друг другу. Речь о том, что поездка

в Париж была бы попыткой «бежать любви», которая спонтанна, неожиданна, и потому просто не должна подчиняться географическим перемещениям. Екатерина Симонова говорит о том же, о чем в прозаическом заявлении: нельзя высчитывать географию места любовной встречи, если действительная любовь направила и эту встречу, и сбывшееся и несбывшееся в ней.

Стихотворение о Мандельштаме как андрогине, которое можно было бы считать ироничной зарисовкой, на самом деле тоже имеет тройное дно, где андрогинность внешнего облика указывает необходимость превратить идеологическое в биографическое, рутинные предрассудки – в уникальный опыт:

Видели ли вы когда-нибудь идеальную жену?
Чтобы все как по нотам:
в первый день она вся такая острогубая, острозубая и заинтересованная,
во второй день – с охапкой водяных лилий
и рядом с тобою,
а через сорок лет до сих пор помнит все твои стихи.
И прозу тоже.

Мы легко угадываем черты внешнего облика Надежды Яковлевны Мандельштам, равно как сохранение ей всей поздней поэзии Мандельштама в памяти. Но откуда водяные линии? Конечно, из стихотворения Мандельштама о распятии, где лилия оказывается сложным символом чистоты, поминания и воскрешения:

И царствовал, и никнул Он,
Как лилия в родимый омут,
И глубина, где стебли тонут,
Торжествовала свой закон.

Это «стебли тонут» осмысляется в морали стихотворения Екатерины Симоновой:

жизнь людей, сломанных вместе,
в итоге всегда почему-то становится идеалом.

Иначе говоря, в глазах публики воскрешение бывает только идеологическим фактом, «идеалом», тогда как Мандельштам имел в виду, что сломанный стебель все равно подчинен законам глубины, законам более общего психологического ожидания, чем наши привычные идеологизированные реакции. Отброшенным ключом оказывается не упомянутая ломкость тростника: как объективная хрупкость, так и живость и требование бережного отношения.

Наконец, последнее стихотворение, о Блоке и невозможности «французских стихов» наравне с «итальянскими стихами» из-за общего недовольства Блока поездкой во Францию, содержит как раз указания на Итальянские стихи Блока. Описание его жалобного письма матери:

Открывает аккуратную записную книжку,
аккуратно обмакивает перо в чернила,
сдержанно и коротко вздыхает и –
сообщает, что все во Франции плохо.

Сразу намекает на работу счетовода, требующую аккуратности, но одновременно на счетоводчество веков Данте по Блоку:

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Так отброшенный ключ «бухгалтерия» оказывается объяснением, почему Блок не мог сочинить французский цикл: он не видел этих теней, общения с царством мертвых, при котором только и могут быть исчислены грех и спасение. Вместо библейских образов Итальянских стихов

В тени дворцовой галлереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

– в Париже возможно только присвоение себе всей этой святости:

Нимб его волос нежно золотится в утреннем французском свете.

Здесь отброшенный ключ – грязные волосы: грязные от крови или грязные от того, что во Франции, как сообщает стихотворение, негде помыть голову. Разумеется, если нужно увидеть золочение своих волос, то грязь будет видна вокруг. Здесь мораль всего стихотворения и всего цикла: идеологическое отношение поэта к себе и к окружающему миру оказывается из-за своей предсказуемости только моментом творческой спонтанности, которая дала Итальянские стихи Блока и многое другое.

Итак, мы убедились, что на самом деле Екатерина Симонова исследует вовсе не влияние биографии на творчество, а наоборот, ту творческую спонтанность, которая никогда не может быть закреплена в географических координатах биографии. Локализация биографии – первый шаг к ее идеологизации. А преодоление идеологизации требует «отброшенных ключей», которые своим отсутствующим присутствием указывают, что не всякий мотив может быть беспроблемно воплощен в творчестве, что некоторым мотивам лучше просто быть как они есть.

Роман АРБИТМАН:

ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА-СЛОВАРЯ

В нынешнем году в издательстве «Время» вышла книга Романа Арбитмана «Субъективный словарь фантастики». Автор ее – прозаик, литературный критик, публицист, исследователь телесериалов. Несмотря на сравнительно небольшой тираж (1000 экз.) книга не осталась незамеченной критиками. Вот лишь несколько цитат из рецензий. «Из его словаря действительно можно почерпнуть много любопытных фактов» (интернет-сайт «Год Литературы»); «"Словарь" написан так легко, что его можно дать и подростку, и неофиту без опасений, что книгу захлопнут на первой странице. Но легкость эта – следствие мастерства» (интернет-журнал «Питербook»); «При всей намеренной фрагментарности словарь оставляет на редкость цельное впечатление, и это лучше всяких слов говорит нам о том, что составлял его настоящий знаток» (интернет-сайт «Библиогид»); «эрудиция автора, степень его начитанности абсолютно феноменальны. Автор знает о своём предмете всё – в данном случае не преувеличение. Научная фантастика рассмотрена и представлена в книге на всех уровнях – от высоких образцов до откровенного трэша, от истоков до последних достижений» (интернет-сайт «Textura-club»); «всей своей специфичности "Словарь...", мне кажется, заслуживает того, чтобы стоять на полках каждой школьной, а уж тем более университетской библиотеки. Хотя бы потому, что другой такой книги, понятной неофитам и в то же время включающей некоторые ключевые термины и понятия, на русском языке просто не существует. Это базовая, отправная точка: кто может лучше – пусть возьмет книгу Арбитмана и сделает лучше» (газета «Санкт-петербургские ведомости»). И так далее. С Романом Арбитманом беседует Аркадий Данилов

– Роман Эмильевич, в аннотации к вашей книге говорится: «Таких словарей раньше не было». Это ведь рекламное преувеличение?

– Чистая правда. Именно таких – не было. Например, четверть века назад в городе Владимире вышла тонкая книга большого формата под гордым названием «Энциклопедия фантастики». В ней было много черно-белых картинок и мало текста, причем в основном про кинематограф и комиксы. Два года спустя в Минске издали огромный том с таким же названием и подзаголовком «Кто есть кто» – так называемая «энциклопедия Гакова». Титанический труд! Помимо Вл. Гакова, авторами словарных статей были известные фантастоведы – Виталий Бугров, Владимир Борисов, Всеволод Ревич и другие. Однако вся книга, все 1300 статей были посвящены только писательским персоналиям. С тех пор у нас вышло несколько справочных изданий – в бумажном виде или в электронном, но все они были посвящены отдельным сегментам фантастики и не претендовали на универсальность...

– А ваш Словарь, значит, на нее претендует?

– Скажем осторожнее – замахивается на нее. Среди 145 словарных статей есть те, которые посвящены отдельным направлениям SF & Fantasy (например, антиутопиям или постапокалиптике), отдельным темам (будь то роботы или путешествия во времени), или отдельным литературным героям фантастики – от Агасфера и Гарри Поттера до Фантомаса и булгаковского Шари-

кова. Есть в моем словаре и статьи об отдельных книгах и фильмах – «Понедельник начинается в субботу», «Война миров», «Матрица», «Шестое чувство» и так далее. А вот от персоналий я сознательно отказался.

– Почему?

– По принципиальным соображениям. В культуре все-таки произведение «главнее» его создателя, и в истории остаются отдельные книги или фильмы, а не творчество писателей и режиссеров в целом. Творец имеет право на ошибки или неудачи – и точно так же составители справочников имеют право отбирать и презентовать лучшее у каждого из авторов. Книга не безразмерная, приходится делать выбор, и это, конечно, очень субъективно...

– Кстати о субъективности! Это слово в названии вашего Словаря многих удивило. Одни критики увидели в нем некое кокетство, а другие сочли его хитроумной индульгенцией, выданной самому себе. Дескать, я не претендую на всеохватность и объективность, пишу о чем хочу, и отстаньте...

– И те, и другие правы. Я только заменил бы слово «кокетство» близкими по смыслу – «пижонство» и «выпендреж». Да, конечно, заголовок книги должен немного эпатировать публику и даже отчасти злить, тогда у книги больше шансов привлечь внимание даже тех, кто относится к фантастике спокойно. Пусть читатель откроет книгу из чувства протеста, с желанием прищучить автора-пижона. Все равно у меня сохраняется шанс, что по мере знакомства со Словарем читатель сменит гнев на милость. Насчет индульгенции тоже всё точно, и в этом нет ничего дурного: я заранее честно объявляю, что не считаю себя великим гуру, владеющим Истиной в последней инстанции, и не делаю вид, что включил в книгу самое-самое главное. Нет. Есть тут и довольно второстепенное, но интересное мне самому. Я выбираю темы для словарных статей, исходя из собственных пристрастий. Почему в моей книге есть Алиса Селезнева и нет, например, капитана Немо? Почему имеется Конан-варвар, а Ктулху отсутствует? Почему есть Эндер Виггин и нет принцев Эмбера?..

– ...почему есть вампиры и нет тунгусского метеорита, который пробудил к активности многих писателей-фантастов?

– Про тунгусский метеорит, кстати, претензия вполне реальная – я увидел этот упрек, просматривая читательские отклики на сайте одного из книжных интернет-магазинов. Ответ на претензии такого свойства у меня один: мне захотелось – и всё тут. Имею право. Я читаю фантастику с семилетнего возраста, а пишу о ней последние тридцать пять лет. Поэтому у читателя, надеюсь, имеются некоторые основания доверять моему выбору и моему вкусу. Есть еще одно немаловажное отличие моего Словаря от других. Я, условно говоря, здесь не только субъект, но и отчасти объект...

– В каком смысле – объект?

– В самом прямом. Я не только автор, но, как ни забавно звучит, отчасти и персонаж своего Словаря. Не бесстрастный наблюдатель, а, некоторым образом, участник. Многие годы я варился в этой фантастической среде, сам писал (и пишу до сих пор) фантастику, общался (и общаюсь) с писателями, у меня полно друзей и врагов в этой сфере, многие события произошли у меня на глазах – например, появление премии «Аэлита», борьба братьев Стругацких с так называемой «молодогвардейской» НФ или возникновение петербургского конвента Интерпресскон. Скромность – не моя добродетель, и в Словаре довольно часто встречается местоимение «я». Самая

последняя словарная статья так и называется. В ней я рассказываю о том, как реальная жизнь автора Словаря переплеталась с его темами. Например, к статьям «Журналы фантастики», «Сериалы фантастические», «Псевдонимы фантастов» мне есть что добавить из личного опыта. Собственные живые впечатления ценнее тех, о которых ты знаешь по чужим пересказам...

– Мир быстро меняются, словари и справочники стремительно устаревают. Сколько лет, по-вашему, продержится «Субъективный словарь фантастики»?

– Понятия не имею. Все зависит от конкретных статей. Те, которые посвящены прошлому, прослужат дольше других. Те, что затрагивают современность, придется корректировать при переиздании. Например, я сетовал на то, что заключительный роман трилогии Ричарда Моргана о Такеши Коваче так и не переведен на русский язык – и вот уже через несколько месяцев после выхода Словаря роман перевели. Это пример со знаком плюс. Есть и печальный. Я писал о «Мире фантастики» как об одном из немногих оставшихся на плаву бумажных журналов фантастики, и вот теперь выясняется, что с 2019 года останется только интернет-версия.

– Может, это неизбежный процесс? Железный конь однажды пришел на смену крестьянской лошадке, а электронные издания, быть может, уже скоро вытеснят бумажные...

– Очень надеюсь, что бумажная книга – в том числе и фантастическая – не отомрет совсем с течением времени. В конце концов, есть вещи, которые изобретены гораздо раньше книги, но востребованы до сих пор.

– Например?

– Например, колесо.

8 ноября 2018 г.

Владимир КОРКУНОВ

МЁРТВЫЕ ДУШИ ВАДИМА МЕСЯЦА

Вадим Месяц. Искушение архангела Гройса. – М.: Издательство «Э», 2018. – 384 с.

Роман Вадима Месяца «Искушение архангела Гройса»[1] – один из самых нахальных и запутанных текстов, которые я читал за последнее время. Тем интереснее было разбираться в кодах, прошивающих книжное полотно, расшифровка каждого из которых прибавляла не только к знаниям об изображённом автором предапокалиптическом мире, но и о человеческой природе в целом.

Тот рецензент, который открыл роман и прочёл пару абзацев для цитат (я знаю, так делают), действительно может назвать книжку «путевыми заметками», в духе Михаила Бару (хотя я не уверен, что он и Бару читал). Но внешняя фрагментарность – всего лишь приём, маскировка «от идиота», потому что обращается Месяц к читателю, способному воспринять более сложный материал, чем детективный нарратив. Перед нами – фантасмагория, поэма в жанре мистический реализм. А это всегда обманчивый жанр. Та внешне жанровая проза, которая на самом деле большая[2].

Мистический реализм – узнаваемая, но сдвинутая реальность. Герой Месяца, внешне напоминающий автора (это, конечно, образ), оказывается в стране, внешне напоминающей Белоруссию. Поначалу всё происходит как в фильмах Сэма Рэйми – бытовые/путевые сцены, диалоги, локации. Вроде бы ничего примечательного, но от главы к главе нарастает ощущение тревоги. Это происходит благодаря непонятным поначалу событиям: ночью на заправке японские коммунисты (!) просят подкинуть девушку до аэропорта за десять тысяч баксов (нужно сделать крюк, но небольшой) и малюют странный иероглиф на дверце машины, от вида которого люди то пускаются наутёк, но начинают бить поклоны. (Иероглиф – символ абсолютный власти – герой смоет на автомойке, отказавшись от роли бога.) Знак появился во второй главе, а вторую сюжетную зацепку[3] Вадим Месяц отложил аж до седьмой. В Поставах, на стенде «Они позорят наш район», протагонист видит фотографию давно погибшего друга Гарри. А когда после похода в магазин решает проверить, не обознался ли он, оказывается, что фото на стенде нет. Тогда-то он начинает понимать: Белоруссия за ним следит.

Тема близящегося апокалипсиса пронизывает роман, саспенс нарастает. Вскоре герой встречает с Гарри в деревянном ресторане «Соловьиная роща»: «Матвей Самуилович Грауберман <...> в форме официанта. <...> Я был на его могиле». Божественный конструктор соединил разорванные в автокатастрофе части Гарри: руки, ноги, голову. Новая версия унаследовала повадки старой (интонации, любимые фразы), но героя «оживший мертвец» не помнил. Гарри оказался первым, но далеко не последним воскресшим: «Мои любимые покойники начали являться мне на здешних дорогах пару месяцев назад». Эту фразу следует понимать и как часть сюжета, и как метафору. Покойники, если речь о не о тотальном фикшне, оживают всякий раз, когда воплощаются в образ. Есть в этом что-то от миллеровской «Книги о друзьях». Только у Месяца не эссе. А истории Гарри, Гройса или Сашука (он в «Гройсе», правда, только упомянут), являются сквозными, то есть перетекают из книги в книгу.

В «Стриптизе на 115-й дороге» герой вместе с *живым* Гарри воровал матрасы, в обмен на которые они получали (у пунктов сдачи тряпья) книги. В «Искушении архангела Гройса» *воскресший* Гарри как будто излишне упорно

[1] Первая (журнальная) публикация: Месяц В. Легион архангела Гройса // Урал. 2015. №№ 2, 3; http://magazines.russ.ru/authors/m/mesyats/.

[2] Это вообще свойство хороших как бы «жанровых» книг – нечто подобное я писал ранее о романе Марии Галиной «Автохтоны».

[3] Если говорить, конечно, именно о мистическом нарративе: от иероглифа до архангела-Рэмбо.

отказывается вспоминать об этом эпизоде из детства. Процесс узнавания (он происходит постепенно, люди будто бы заново знакомятся и учатся доверять) – из разряда психологии, особенно когда герои воскрешают в себе – и это ещё одна цепочка воскрешений – травмирующий, перерождающий опыт. Главный герой ведь тоже переродился – бежал в Белоруссию из России, где сменил фамилию и имя. Благо родни у жены – половина Синеокой.

Символы преследуют на каждом шагу. Причём чем дальше, тем больше воинственной чертовщины. Даже во сне – война крестов: «Из-под земли, разрывая зелёный плодородный слой, медленно и неумолимо начинают расти каменные кресты. <...> Со страшным скрежетом рухнул крест, стоявший метрах в десяти справа: его выдавил из земли другой, более мощный и жизнеспособный». Это уже обещает некий микс из Гоголя – мёртвые души и пляски всевозможной нечисти. Кстати, о плясках. Мозаика рассказов превращается в (остро)сюжетную линию во время празднования Купалы, который, как известно, в чести́ у нежити – от ведьм до бесов. Даже архитектоника у романа бесовская, почти законченная пентаграмма: четыре кунсткамеры (вставки-переходы между приключениями героя) и пять сюжетных блоков. Ну или девять (4+5) кругов ада – кому как удобнее.

Кстати, о кунсткамерах. Поначалу они кажутся абсолютно чужеродным элементом, ну вот как бы были у автора другие мистические местечковые рассказы о Белоруссии, в сюжет не лезут, а выбросить жалко. Но потом понимаешь, что каждая из них помогает найти ответ на главную загадку книги: что, чёрт возьми, здесь происходит?[1] Ключевое слово, разумеется, чёрт. Раз за разом Месяц изгоняет беса, устанавливая в конце каждой кунсткамеры (в виде небольшой главки) Поклонный крест – их, как известно, ставили на месте уничтоженных языческих идолов. Причём возникает Поклонный крест после, как правило, проявленных чудес: в первой кунсткамере это, например, исцеление («Ключ и кастет»), дарованная рыба («Ихтиандр»), пусть временное, но воскрешение («Мама Ава») и др. Беларусь, таким образом, становится едва ли не новой землёй обетованной, во всяком случае, священной: «Кресты стоят повсюду, у каждого посёлка, превращая родную Беларусь в храм под открытым небом».

Празднование Купалы – тот внутренний романный Рубикон, после которого магический реализм приобретает элементы экшна. Мало того, что во время скитаний по поляне герой в третий раз встречает Гарри, так ещё и спотыкается о прикорнувшего на берегу... покойного Михаила Гройса. (Мистика от Вадима Месяца, кстати, весьма весёлая: герой едва не размозжил ногой воскресшему голову.) Наконец, на пути домой героя пытаются прикончить – подстрелить из ружья. Эпизод охоты на протагониста кажется вторичным для структуры романа, однако это не так.

Нападение произошло неподалёку от дома Теляка, на которого работали воскресшие друзья Сергея (и будет работать он сам) – практически сразу после того, как Гройс притащил с местного кладбища непонятный камень с загадочными письменами. Пусть в этот раз нападение объяснялось бытовыми причинами (местный националист решил пристрелить инакомыслящего), но в будущем каждое соприкосновение с загадочными булыжниками будет резонировать надвигающейся опасностью.

Месяц мастерски путает читателя. Где мистика, а где «реальная» жизнь – поди разберись. Это, конечно, элементы детектива. Читатель вслед за героем пытается разобраться: только не кто убил, а кто воскресил.

Один из рецензентов очевидно-банально окрестил «Искушение архангела Гройса» постмодернизмом от головы. Без головы не обходится даже лирическое стихотворение, а постмодернизм – обязательное условие любого текста, написанного в XXI веке. (Простите, что напоминаю очевидное.) Отсюда и фрагментарность, и неопределённость, и выход репрессивных представлений о романе. И множественность трактовок. Одно из прочтений, тревожащих на протяжении всего текста – где

[1] Особо внимательные читатели заметят: угорь-гигант в главе «Ихтиандр» (во всяком случае, так окрестил «чудовище» водолаз-рыбак Андрей) – это явившийся к герою в самой концовке книги местный бог Живойт, василиск, который охраняет последний из сакральных камней.

находится герой? Жив он или нет? Лестница в небо, на которой Сергей спасается от снайпера, – намекает на *возможную* смерть. И на попадание в рай на земле, о котором вскоре заходит речь.

Александру Григорьевичу удалось осуществить народные чаяния, реализовать великий замысел. Мы превратим нашу республику в земной рай. <...> Мы в такой ситуации, что и мертвые встают, чтобы нам помочь. <...> Все четырнадцать республик нашего Союза предали дело социализма, повелись на сладкий пряник... Обесчестили себя. Разрушили промышленность, бесплатное образование и медицину. Зачеркнули подвиг отцов. Забыли про Берлин. Про космос. Забыли и тут же подверглись Вавилонскому столпотворению. А мы не повелись! Мы. Белорусы. Поэтому в нашей стране стали воскресать люди со всех просторов нашей необъятной Родины. <...> Мы построили рай! Царство небесное, совпавшее с царством земным.

Все коммунисты попадают в рай, не иначе.

Поэтому герой романа отчасти – герой Шрёдингера. (В пользу этой версии говорят и встречи с умершими близкими друзьями и первой любовью).

Вадим Месяц как будто специально играет с религиозными чувствами читателя. Божье воинство, как выяснилось, развернуло ставку не у ортодоксов или латинян, а в оккультной секте. Сектриархом/магистром (ну или местным «богом Кузей») назначен Теляк, под началом которого служит протагонист сотоварищи, в том числе Гройс. Архангел Гройс. Архангел Михаил. Очевидно, что максима «делай что хочешь, только в храме не танцуй» – не про Вадима Месяца. Но вообще-то, ловить покемонов в храме – давняя традиция русской прозы. «Сказка о попе...» Пушкина, гоголевский канон, упыри А.К. Толстого, «Мастер и Маргарита» Булгакова... Вадим Месяц никого не оскорбляет – он создаёт альтернативную реальность (ещё один привет постмодернизму). И поднимает тему религии скорее в философском измерении. Роман – это ведь ещё и предостережение, сатира на тех, кто строит рай на земле. Апостол Павел писал: «Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти». «Искушение архангела Гройса» – это антикоммунистический роман. Единственный отрицательный герой книги (Месяц вообще не склонен давать оценку героям, в каждом присутствуют как положительные, так и отрицательные стороны) – снайпер Максим Шаблыка, который «занимается отстрелом коммунистов, перешедших на сторону демократии». Инквизитор от Маркса. Ну а герой с кротостью Христа подставляет вторую щёку, прощая покушение. Во всём этом видится сатира в духе Салтыкова-Щедрина. Неудивительно, что сам автор в одном из постов на Facebook назвал роман чокнутым. Ну да, так и есть. Жанр – это условности, шаблон, в который критик встраивает книгу. Но вообще каждая настоящая книжка – вещь в себе. Свой жанр. Как и роман Вадима Месяца.

Стилистически у Вадима Месяца на вооружении весь арсенал фикшн-приёмов. Это и повышенное внимание к деталям, отчего некоторые рассказы/главы кажутся перенасыщенными. Даже у случайных попутчиков, например, у старика, которого герой подбрасывает до дома, на пути в Беловежскую пущу, в загашнике несколько историй и система мировоззрения. Вкрапления юмора – иногда на грани фола: «Я сорвал большой боровик у края дороги, за что получил возмущённое замечание экскурсовода. – Вы нарушаете экологический баланс. Здесь ничего нельзя трогать! – Извините, не знал, – ответил я девушке и воткнул гриб на место». Образный, но при этом точный язык: «Я просто чувствовала, как и у неё в горле пересохло от моего бега, и она вырастала прямо на глазах, и я бежала прямо в её лицо...» И – фирменная черта – пуанты в конце глав/рассказов, но это не процитируешь.

Чем же занимается «оккультная секта» Теляка? Устанавливает по всей Беларуси на местах силы камни с надписями на енохианском, якобы языке ангелов, способном колебать пространство-время. Беловежская пуща, музей Белой Вежи (Каменецкая башня), замки, кладбища... Цель (которая до последних страниц скрыта; Месяц как будто специально дурачит

[1]читателя) – подготовить второе пришествие. А попутно возродить Великое княжество Литовское[2] – Теляк на поверку тоже оказался националистом, только литвинским. И это из разряда сатиры: дела небесные и дела земные. Служба Богу большому и богу маленькому. Вера и безверие, магия и реальность сплелись в такой узел, что разрубить/распутать его может разве что помесь Александра Македонского с Шерлоком Холмсом. В самом деле. Проезжая по Браславу, герои обращают внимание на герб города – «магический глаз, вписанный в масонский треугольник». Ну, а магия енохианского языка в книжке убивает любителей всмотреться в иероглифы/орнамент на булыжниках: «Некоторое время милиционер стоял, всматриваясь в фигуры орнамента <...> и, наконец, рухнул замертво».

По ходу романа происходит всё больше странностей[3] и воскресает всё больше людей – и приятелей Сергея («Я не был больше уверен, кто из людей, встреченных на моём пути, жив, а кто уже побывал за чертой»), и знаменитостей вроде Сахарова и Солженицына. И тут сатира: диссиденты-антисоветчики возродились в последней «красной» стране Европы. Даже о возможном воскрешении Ленина есть намёк. Но бригада Теляка готовит *не это* второе пришествие.

Многослойность текста подтверждается маятником добра и зла. До последних страниц непонятно, Бог воскрешает людей или Сатана? Кто такой Гройс: архангел или чудовище? «Преследователь отчётливо заскрипел зубами за моей спиной. Я посмотрел на него. Мужчина вынул руки из карманов. Они оказались длинными, почти до земли. <...> “Остановить Гройса, остановить Гройса”, – стучала в голове глупая фраза, написанная мною на стене когда-то в юности». Ещё одна загадка книги – застывшие 9:11 на часах героя. По нумерологии, между прочим, девятка означает всемогущество, а одиннадцать – цифра злого духа (а герой, если что, отчасти «святой дух»: все особи женского пола, с которыми он переспал по ходу романа, зачали от него, даже покойница). 9.11 – это и мольба о спасении (телефон спасения 911), и день, когда самолёты с террористами прошили Всемирный торговый центр... Но если обратиться к священному писанию, в девятой главе Откровения Иоанна Богослова, стихе одиннадцатом, читаем: «Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион *(губитель. – **В.К.**)*». Царь – это, разумеется, дьявол. Он же дракон или змий, об этом тоже писал апостол:

И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали [против них], но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Откровение Иоанна Богослова. Глава 12, стихи 7-8

Центральный конфликт книги – священная в прямом смысле война, которую ведут архангел Михаил с группой воинственно настроенных ангелов против сил зла: Дракона и Зверя. Зверь – знаменитые кабаны из Беловежской пущи. Они нападают на коммандос Теляка, когда те добираются до предпоследнего булыжника – в Зоне отчуждения. (Припоздились, не сориентировались, бывает). Камни, которые Теляк, как выясняется, не только развозит по местам силы, но и разыскивает с тем же маниакальным упорством – обломки метеорита с надписью на енохианском (или алфавитом языка ангелов), который тысячу лет назад швырнул на Землю Бог: «Чем, собственно, метеорит отличается от бомбы? <...> Только тем, что бомбу кидает враг, а метеорит – Бог. <...> Однажды они *(буквы или слова. – **В.К.**)* должны сложиться в слова, от которых зависит наше будущее и прошлое». Божественная сила камней помогает архистратигу воскрешать

[1] Так, скажем, в одной из кунсткамер за енохианский поначалу выдан румынский язык.

[2] Это ещё одна «земля обетованная», созданная во времена короля Литвы XIII века Миндовга. Или та же самая, ведь один из второстепенных персонажей романа оговаривается: «Он считает себя князем Миндовгом, создавшим литовское государство Беларусь».

[3] Люди встречают двойников, заброшенные дома оживают, в магазинной примерочной возникает портал и др.

пригодных для службы покойников: «Они поднимают из могил всех, кто годится на подмогу. Нас для священной войны слишком мало».

Последнее сражение новые неудержимые ведут у нарочанского озера (того самого, куда погружался ихтиандр) – там находится последний камень, там же засел искомый дьявол, змей Живойт. Победа над зверем – и кульминация сюжета (внезапно!), и его концовка. Почему точка высшего напряжения сдвинута на последние страницы, становится понятно, если вникнуть в символику текста. Вадим Месяц уклончиво отсекает героя от последующих событий: «У архангела Михаила огромное воинство. Мы с Гарри своё отслужили». Почему недовоплощённые души и верующие стекались к озеру? Почему именно там засел змей? Автор зашифровал ответы в тексте. Чтобы подобрать код, обратимся теперь уже к двум апостолам. В «Откровении Павла» говорится, что именно охранял Живойт: «И сказал я архангелу: “Что сие, господин мой?”. И говорит он мне: “Сие есть Ахеронтово озеро, внутри же его – град Божий”». Иоанн дополняет: Небесный Иерусалим. Вход в Царство Небесное. Искомый рай.

И последнее. Сергей с Лолой (и этим заканчивается текст) ждут ребёнка, девочку. К непорочности зачатие отношения не имеет, но автор как бы намекает, что в дело *могли вмешаться* высшие силы. Жена на прощание бросает герою: «Ребёнка ты ждёшь от дьявола». Это ещё один ребус Вадима Месяца, которые следует прочитывать так: «Послушай женщину и прочитай наоборот» (простите за невольный сексизм). Второе ли это пришествие или многозначительный пуант от Вадима Месяца – решать читателю.

Вера КОТЕЛЕВСКАЯ

МУЖСКОЕ – ЖЕНСКОЕ ГЕРТЫ МЮЛЛЕР

Герта Мюллер. Как даме жить в пучке волос / Пер. с нем. А. Прокопьева. – Ozolnieki: Literature without Borders, 2018. – 201 lpp. – (Поэзия без границ).

Герта Мюллер. Бледные господа с чашечкой кофе в руках / Пер. с нем. Б. Шапиро. – Ozolnieki: Literature without Borders, 2018. – 216 lpp. – (Поэзия без границ).

У билингвальных изданий поэзии есть противники и сторонники, однако в случае с книгами Герты Мюллер, составленными из стихотворений-коллажей, без оригинала явно не обойтись. Два тома, условно о «дамах» (2000) и «господах» (2005), вышедших в русских переводах Алеши Прокопьева и Бориса Шапиро, – явная издательская удача. Возможность и прочитать, и, главное, рассмотреть немецкие тексты, маскирующиеся под аппликации из газетных и журнальных букв, обрезков фотоиллюстраций и рисунков, одним словом, соприкоснуться с артефактом, в котором графическое и словесное вступили в сговор, дает важный ключ к пониманию этого сговора. Невольный эффект сглаженности от классического типографского текста, стихотворения в столбик на правой стороне книжного разворота, тут же ломается: на левой стороне покачивается долька арбуза, разноцветные и разнокалиберные буквы прыгают по строчкам, диван едва держится на приклеенных вместо ножек человеческих кистях. Дадаистская детскость мюллеровских поделок – как раз в веселости и ужасе, без которых взрослой «даме», стянувшей волосы в пучок, не вспомнить и не рассказать ни про «двенадцать пальцев» на маминых ногах, увиденных ребенком под столом, ни про то, что «за деревнями солдаты а войны-то нету / скушно и тошно у бетономешалок» («Как даме жить в пучке волос»). Невинных слов не осталось. Чтобы описать сад детства, к которому снова и снова возвращается память Герты Мюллер, слова приходится брать у политиков, рекламщиков, у *читателей газет*, наконец, и оттого тексты пронизаны горьковатой самоиронией, стыдом, то и дело слышится смешок.

На золотом крыльце сидели «гробоноши птичники печники и плиточники». Книга **«Как даме жить в пучке волос»** подыгрывает жанру детской считалочки, складно ритмизируя и рифмуя воспоминания детства с напускной прохладцей взрослой героини, которой будто бы всё по плечу – любая боль, любая мерзость и – по соседству с ней – до-животного беспо-

рочная радость. Здесь хороша игра масштабами: сердцебиенье улитки и товарные составы, папины усы и «плащ истории» метонимически, по законам сна и всеядного детского воображения, подогнаны друг к другу. Семантика кройки-и-шитья, стрижки, поливки, вообще семейно-домашней созидательной моторики прирастает механикой разрушения (откусывание, отламывание, разложение, раздавливание). Укрыться в остраненной вневременности детства невозможно (папа «на усах повесился и так / картиной смелой на стене висит»): детские мифы о зачатии и рождении, трапезы, погребение кошки под грушевым деревом и снятие мертвого электромонтера с проводов – все пронизано мотивами Истории. Частенько выпрыгивает из этой колоды «король», «правитель», зорко присматривающий за папой и мамой. Русский перевод довольно тонко передает прыгающую ритмику, от силлабо-тоники до свободного стиха, плотность образов, интонационную игру. Может быть, местами интерпретация чуть избыточна или «поэтична» (так, на с. 154-155 просто «бузина» становится «бузиною Гёльдерлина», как бы упреждая появление этого имени через несколько текстов; «лагерь» заменяется «гулагом», хотя со строчной сегодня читается уже как нарицательное; на с. 4-5 в строчке «in den Straßenbäumen saßen» появляются «трамваи», вероятно, по созвучию со «Straßenbahn»).

Книга **«Бледные господа с чашечкой кофе в руках» (2005)** в переводе Бориса Шапиро открывает нам ироничную Герту Мюллер: девочка из плодово-ягодного сада родителей выросла и теперь наблюдает за видовым разнообразием мужского мира, чая порой спастись какой-нибудь детско-поэтической метаморфозой, *да, видно, нельзя никак*:

Мать превратилась в крапиву
отец превратился в тополь
вместо превращенья сказал мне
один тип за ужином что любовь всегда
становится репейником рано или поздно
а я откуда знаю чем он стал
и как себя я упакую
охотно стала бы я пеной
на мундштуке кларнета
и бедными деньгами вора на рассвете
или голодным лаем собак
на нарисованный скелет на модной куртке

Стилистика здесь заметно иная: ритм сохранен, но силлабо-тоника исчезла, много бытовых деталей и реалий, констатирующая модальность сменила удивленно-обескураженные интонации «женской» книги. Штрихи резче, выражения жестче (например, «сердечная срань» / Herzscheisse), кругозор шире: политическое больше не маскируется за недоуменными метафорами, о нем говорится прямо, чаще с сарказмом:

тогда на прогулочном пароходе
я сидела рядом
с одним недавно произведённым
вице-адмиралом
мы разговорились он спросил меня
вы за мир
я сказала конечно но не за всякий
он подмигнул и ухмыльнулся эдак
тихо-тихо

Мир Герты Мюллер становится здесь фактурнее, овнешняется, обрастает микросюжетами. Читать «Бледных господ...» хочется медленнее, внимательнее, как хорошую прозу, в то время как первая книга дается на коротком дыхании.

Андрей ПЕРМЯКОВ

«...В ЗНАК РАССТАВАНЬЯ С ДЕТСТВОМ»

Антон Васецкий. Монтаж все исправит. – М.: Стеклограф, 2018. – 60 с.

Вячеслав Памурзин. Мертвая петля Веселого Роджера. – М.: Стеклограф, 2018. – 56 с.

С определённого времени граница литературной молодости стала почти совпадать с некогда принятой границей молодости как таковой. Помните характеристику, полученную от Ильфа и Петрова гражданином Корейко? Да: «...человек в последнем приступе молодости – ему было 38 лет». В поэзии же то ли с подачи семинара в Липках, то ли явочным порядком

утвердилась чуть иная, но близкая граница: 35 годиков.

Многим такая ситуация не мила. Дескать, большинство поэтов к подобному возрасту уже написали лучшие стихи, а самые романтичные и одарённые – вовсе оставили сей мир. Думаю, мысль эта неверна, а сдвиг возрастных границ свидетельствует о зрелости нашей литературы. В интернете и в околокультурных кругах давно ходит байка, впрочем, ничем не подтверждённая. Якобы в средневековой Персии потенциально способных к литературе или просто гуманитарно настроенных ребят, достигших семи лет, отбирали в специальные школы. Там, помимо общеобразовательных предметов, детки эти, постепенно отсеиваясь, изучали весь корпус родной поэзии, тюркской поэзии, арабской поэзии, античной поэзии и всего, докуда ум дотянется. Изучали долго, двадцать лет. То есть оставляли учёбу в возрасте, когда ныне принято оканчивать аспирантуру. А следующие двадцать лет выпускники изученное ими тщательно забывали. Нет, занимались, конечно, некой более или менее разумной деятельностью, чего-то сочиняли. Но считалось, что к самостоятельному и действительно ценному высказыванию люди способны примерно по истечении указанных выше сроков.

Снова легко возразить: ставка на зрелое творчество исключает эксперименты. К примеру, с какого-то периода восточные поэзии замерли, прекратив развитие и занявшись самоповторами. Но, во-первых, это не так, а во-вторых, множество биографий поэтов вполне западных свидетельствуют о возможности радикального новаторства именно в осмысленных летах. Допустим, У.Б. Йейтс в ранних (и не очень ранних) стихах своих был, скорее, архаиком. Это потом уж он открыл, пафосно говоря, новые перспективы европейских литератур. Да и среди отечественных сочинителей много тех, кто стали творить подлинно новое, одолев «второй перевал»[1].

Разумеется, о границах поэтической молодости в частности и поэтических поколений вообще не написал только ленивый. Мы пока в эти споры свою лепту вносить не станем, ограничившись делением общепризнанным. И поговорим о двух авторах, перешагнувших тридцатипятилетний рубеж в уходящем 2018-м году. Авторы эти очень неслучайны, имена их на слуху, а что издательство «Стеклограф» выпустило их книги ровно к своеобразному возрастному рубежу – приятная неожиданность.

И, кстати, первый из них, Вячеслав Памурзин, сразу же прозвучал во «взрослой» номинации, став одним из лауреатов премии MyPrize, предназначенной как раз для авторов, переставших быть *совсем молодыми*. Премию эту создала, проводит и спонсирует Дана Курская – главный редактор упомянутого «Стеклографа», человек, состоящий из энергии, организатор многодневного и ежегодного фестиваля поэтов, охватывающего, помимо Москвы и Петербурга, очень разные города, в которых Дана, кажется, присутствует одновременно.

В анонсе к презентации «Мёртвой петли Весёлого Роджера» написано (думаю, опять-таки рукой Д. Курской): «Скандальный автор нашумевших стихов-легенд и одновременно последний романтик нашей эпохи – вот кто такой Вячеслав Памурзин». Десятью годами ранее Елена Погорелая говорила о поэте *в несколько более сложных словах*: «Вячеслав Памурзин свою роль “голоса поколения” отыгрывает удачно; соотношение технических реалий современности с абстрактностью эмоциональной сферы бьет в точку – на очередном этапе понимания “форум души” оказывается эквивалентом все той же Книги Иова, все того же бесконечного странствия по закоулкам человеческих сущностей, ибо что, в конце концов, есть лирическая реальность, как не наиболее адекватное отражение внутреннего строя, строя души? Лабиринт трагедии ждет своего Тесея; поэтический архетип странника воплощается в разных образах...»[2].

Хорошо это или плохо, когда восприятие автора мало изменяется спустя годы, мы обсудим, перейдя непосредственно к разговору

[1] Давид Самойлов под таким перевалом имел в виду сорокалетие, но, согласимся, разница с тридцати пятью или сорока семью годами не слишком велика.

[2] Елена Погорелая. Над бездонным провалом в вечность (современная поэзия 20–30-летних: личность и условия существования // Знамя. 2007. № 3.

о книге, но, так или иначе, Памурзин присутствует в литературе активно и давно.

Впрочем, и второй персонаж нашей рецензии – отнюдь не дебютант. Более того, у Антона Васецкого эта книга уже вторая. Первая, «Стежки», вышла очень давно, в 2005-м ещё году, и совсем не напоминала пробу пера. Во всяком случае, на Урале (а жил тогда Антон в Екатеринбурге) её заметили. Далее произошёл переезд в Москву и какое-то довольно фрагментарное участие в литературной жизни: то Антон присутствует на каждом фестивале и каждой посиделке, то пропадает, точно насовсем. И ещё удивлял контраст между образом состоявшегося, чуть даже вальяжного работника СМИ и стихами. Была в них какая-то скрываемая боль, неуверенность, почти желание разжалобить – качества, в обычной жизни Антону максимально несвойственные. Словом, казалось, как это часто бывает: стихи отдельно, личность отдельно.

И первая же страница новой книги этот разрыв внезапно устранила. Начало прямо-таки танковое:

Сперва мне придется представиться.
Мое имя – Антон.
И я – поэт.

А вот дальше, после такого от Маяковского идущего старта в жанре: «Я поэт, и этим интересен», следует отнюдь не эстетическая или поэтическая декларация, но достаточно длинный верлибр о росте и становлении «поэта Антона». Причём изложен процесс становления совсем не так, как это было в третьем томе «Антологии Уральской поэтической школы», вышедшей в 2011-м году. Там Васецкий заявлял о себе весьма уверенно и спокойно. В данном же случае... В данном случае нам явлена история внешних и внутренних обстоятельств, призванных помешать росту литератора.

Нет-нет, процитированный текст – «Общество анонимных поэтов» – стал буквально гвоздём сезона. А выигрывать с ним все слэмы подряд Антону мешает лишь избыточный для слэмов объём стихотворения. Зато отдельные современные литераторы узнали о себе много интересного.

В частности, оказалось, что автор этой рецензии, Андрей Пермяков[1], невольно оказался косвенным виновником творческого кризиса автора, а также – потери им, автором, любви и работы. В этой ситуации Андрею Пермякову пришлось несколько уточнить собственную эстетическую позицию. В частности, Пермяков не раз излагал резоны, способные подвигнуть человека на бескорыстное знакомство с тем или иным произведением, вне зависимости от рода и жанра этого произведения. Таких резонов крайне немного:

«1) произведение сообщает нечто важное мне обо мне;

2) произведение сообщает важное мне о мире;

3) произведение сообщает нечто важное о языке (не суть важно – о русском языке или, например, о языке искусства)».

Ну, вот. Самым прямым и непосредственным образом узнал о себе нечто новое. Изменилось ли от этого восприятие стихотворения? Вроде, не слишком, но некоторый шок произошёл. С таким вот лёгким потрясением и читал первую часть сборника.

Да: книга совсем небольшая, шестьдесят страниц. Формального разделения на главы, либо иного структурирования, нет. Но сборник отчётливо делится на четверти – так, помнится, в финале советского детства был отрядный девиз: «Нам никогда не будет шестьдесят, а лишь четыре раза по пятнадцать». Жутковатый слоган, если вдуматься – учитывая тогдашнюю продолжительность жизни мужчин и общесоветский инфантилизм.

Мы, впрочем, отвлеклись. Хотя во многом первая четверть «Монтажа» напоминает подростковое доказательство личной самости. Это не в упрёк. Просто едва ли не единственным пунктом, вызывавшим то ли недоумение, то ли какое-то сходное чувство при чтении более ранних стихов Васецкого, были непременные длиннющие периоды, где автор пытался разъяснить нам всё слишком подробно. Предложения-монстры длиною в катрен. Верные, точные, но оставляющие маловато пространства для мысли читателя.

[1] Или «лицо, похожее на Андрея Пермякова именем, фамилией, манерами и ролью на одном из литературных мероприятий».

А тут, в начальных стихах книги, с разнообразием способов высказывания дело обстоит очень хорошо. Но смысл, опять-таки, сводится к описанию «бесконечной пытки взросления». С неожиданными порою коннотациями. Скажем, строфа:

А когда не поймут – укрыться лицом
в подушках
и прижать колени к испуганному сердечку,
всхлипывая о своей вселенной:
квакающих лягушках,
майских прогулках в парке и тумане,
покрывшем речку.

– прямо-таки вопиюще напоминает Анну Русс.

Всё меняется, повторим, ровно при завершении первой четверти книги. Вот с этого стихотворения:

Выпускной

Девочки в черных юбочках,
мальчики в белых рубашках.
Взгляды ясны, рассудочны,
искренни и бесстрашны.

Даже ни капли порчи на
лицах, а что за жесты.
Брови упрямо сморщены
в знак расставанья с детством.

Мысли потонут в гуле
и растворятся в бале.
Как же их всех надули,
предали и так далее.

Кто их предал? Мы. Кого предали? Нас. Мы сами предали себя. Тех, прежних, невозвратимых. И значительная часть книги посвящена истории этого предательства. Его результатам. Например, ужасный цикл «Лытдыбр». Не по уровню поэзии ужасный, разумеется, а по восприятию мира. Ад офисов и метро описан не раз, однако, похоже, число граней тут бесконечно:

<...>
Вряд ли найдется хоть что-то, в чем
мы одинаковы,
кроме совместного права считать себя
трусами.
Сколько ни жульничай, как
ни подделывай подписи,
это уже не исправить, не вырвать
из графика.
Нам остается сидеть до последнего в офисе,
пережигая ресурсы казенного трафика.

Напомним: в дебютном верлибре Антон Васецкий уже объяснил нам, что говорит от своего имени. То есть всё это происходит именно с ним. Симпатичным, спокойным и очень сдержанным человеком. Конечно, иногда лирический герой скрывается за легко узнаваемой литературной маской. К примеру, упомянутый цикл интонационно вторит усреднённому Бродскому. Есть прямые отсылки к классике вековой давности:

<...>
не жалею, не зову не плачу,
не курю, не пью и не колюсь.

Или:

Девушка с нижней полки бледные
прячет ноги,
переживая, что вряд ли ее поймут.

Есть обращения к авторам куда более современным. Строфа:

Иногда забывается, кто
и куда едет в этом пальто,
в этой обуви, в этом вагоне,
в бесконечном, как сон, перегоне....

– напоминает Олега Дозморова. В хорошем смысле слова.

Да, присутствуют в этой части книги длинноты, присутствуют повторы. К примеру, рассказанная на нескольких страницах невесёлая офисная шутка на тему: *«– Самый ужас – это когда свое тридцатилетие отмечаешь в Макдональдсе... – Ага. И кричишь – "свободная касса!"»* – особых дополнительных смыслов не обретает, однако образ Макдональдса как красного вигвама, снабжённого «клоуном в красных ботинках», работает. Именно сти-

хотворение про этого клоуна давно стало уже другой визитной карточкой поэта Васецкого. И вполне по делу.

Но в целом долго-долго остаётся сомнение: зачем нам знать, сколь тосклива и ужасна жизнь столичного клерка? Даже если описана она весьма талантливо. У нас своя жизнь есть. И она тоже не спеша идёт к интересному финалу. К счастью, «Монтаж всё исправит» это именно книга. И книга, очень хорошо выстроенная. Весьма длинный блок «офисных» текстов был необходим. Хотя бы – чтоб подготовить переход к теме куда более важной. К теме сопряжения времён. Внутренних человеческих времён:

Внимание персоналу!
У главного входа
между фонтаном и аквариумом
найден мужчина
семидесяти лет.
Зовут Степан Николаевич.
Одет в серый пиджак,
синие брюки, голубую рубашку.
В руках полотенце.
Ждет встречи с родителями
и старшей сестрой
на центральной информационной стойке.

Времена не обязательно переплетаются в теме родственных отношений. Вот лирический герой взял и «выпилил» раздражавшего его одноклассника Глоторукова с общей и уже почти антикварной видеозаписи. А тут его с другом приглашают на поминки этого Глоторукова.

Но всё-таки чаще о времени (не о себе!) Васецкий пишет, прибегая к образам детей и отцов. Иногда чуть делано обижаясь при этом:

Прошлое и будущее.
Любовь и смерть.
Сущее и небытие.
«Вырастешь – поймешь», –
говорили родители,
когда не могли
что-то объяснить.
Обманули.

При этом доминирующей нотой остаётся вина собственная. Не вина даже, но благодарность миру за то, что мир его приемлет таким вот несовершенным. Понятно: в собственном детстве протагониста опорой и надеждой были родители. Это, в сущности, норма. Так бывает почти у всех. Но многим ли удаётся такой взгляд сохранить? Некоторым – вполне. Вот забыли лирического героя в детском садике. Не совсем забыли, конечно, а просто опоздали. Он ждёт со спокойствием абсолютно самурайским. И не зря ведь ждёт:

<...>
Не выдающий ни горечи, ни печали,
хотя и страшное что-то произошло.
И не поверил, когда вдруг с улицы
постучали,
и улыбнулся папа через стекло.
Сколько бы лет, километров, людей,
событий
ни вытесняло из памяти детский сад,
я и теперь, ощущая себя оставленным
и забытым,
иной раз ловлю внимательный этот взгляд.

Будущее, даденное в награду за ожидание – сюжет почти сказочный. Только в сказку надо верить и её принимать. И да: передавать. Не передавать даже, а не мешать следующему поколению принимать всю ту же сбывающуюся сказку. Глядеть иногда на мир и семью глазами собственного ребёнка:

<...>
Может, хотя бы сегодня
эта сонная великанша
возьмется за ум?

Словом, вторая книга Антона Васецкого являет нам почти безупречную психологическую картину спирального развития: от иронической внутренней оценки процесса становления собственной личности до умения пристально взглянуть на себя и мир со стороны. Вернее – с разных сторон и разных точек зрения. В том числе и незабытым детским взглядом. А о собственно поэтической состоятельности мы уже высказались в самом начале. Но повторим ещё раз. Да и с удовольствием.

Книга В. Памурзина представляет картину совсем иной авторской эволюции. Хотя в

его случае разговор о развитии поэтики может оказаться довольно специфическим. Сравним два фрагмента. Первый:

неужели – как есть неужели
в лихорадке душевной пурги
я встаю ежедневно с постели
непонятно с которой ноги
этот завтрак – опять этот завтрак
ништяки от вчерашних гостей
банка пива дежурная залпом
называется завтрак в постель...

И второй:

<...>
Неэпически маешься между глотком
«Арсенального»
И дебильным азартом вселенский
снискать геморрой.
От совковой манеры латентного
пассионария
тяжело отвыкать, вообще не втыкая
порой...

Согласимся: не техническая, но стилистическая разница между текстами минимальна. Меж тем, написаны они в 2007 и в 2015 годах, соответственно. В тех же самых – 2007 и 2015 годах – в строчках появляется косуха, носимая автором. Конечно, живописание алкогольных приключений – тема благодатная. Да и отсутствие перемен в образе жизни на протяжении длительного периода вызывает честное уважение. Более того, каждому известно: Пермяков завидует Памурзину. У Памурзина есть косуха, а у Пермякова – нет. Однако возникает момент настороженности.

Ещё в тех самых, финальных годах первого десятилетия нового века мне неоднократно случалось присутствовать на выступлениях Вячеслава Памурзина. И впечатления были весьма противоположными: то полный успех, то... Нет, особых провалов не упомню, но, дабы не подыскивать лишних эпитетов, скажем: часть чтений были куда более слабыми. Теперь можно понять, чем такое восприятие обусловлено. Тогда поэт много писал о методиках прямого восприятия мира через изменённое сознание. В сущности, он почти ни о чём ином и не писал. Естественно, одни стихи на эту тему были лучше, другие хуже. Это влияло на впечатления из зрительного зала.

Повторим: упомянутая тема в творчестве Памурзина осталась довлеющей. Повторим другое: ничего особенно плохого в этом нет. Однако, в рецензируемой книге стихи 2007–2009 гг. занимают 2/3 объёма, а 2014-й, например, год представлен двумя произведениями; 2015-й – четырьмя. Отсутствие более поздних текстов малосущественно: книга, вышедшая в 2018-м, вполне могла быть составлена двумя-тремя годами ранее. В общем-то, и так ничего страшного: тема могла себя исчерпать, периоды молчания бывают у каждого автора – мало ли для этого причин? Но есть более важный нюанс.

В предисловии Сергей Геворкян отмечает «...скептическое до яростной аллергии отношение к человеческой природе вообще и к алгоритмам человеческих связей. Вячеслав – мизантроп в поэзии, но только в ней. И сразу бросается в глаза, что автор в первую голову беспощаден к самому себе. Причём, это – редкая беспощадность. В ней нет и толики самолюбования, уничижения паче гордости и вообще – ноль пафоса. Есть отважная и честная ясность, которую Башлачёв называл – бешеной». В целом – бесспорно. Такой вот требовательностью к миру и себе, выстраиванием постоянно нарушаемых границ, в конце концов – некоторыми особенностями просодии и, например, пристрастием к неформатной лексике Памурзин напоминает поэта Максима Жукова.

Отлично. Только вот здесь-то пьянка и начинает мешать. Причём абсолютно неважно, присутствует ли алкоголь в реальной жизни Памурзина. Но избыток этанола в его стихах – правда во вред.

Пиши Памурзин иначе, демонстрируй он добрый, снисходительный и расфокусированный пьяненький взгляд на Вселенную – вопросов почти б и не возникало. А так они есть. Не зря ж яростный боец и великий альтернативщик Генри Роллинз говаривал: «Если ты хочешь развалить этот мир, следует держать ум трезвым. Не так ли?»[1] А с похмелья мы все

[1] Возможно, это был Трент Резнор. Он тоже великий, яростный и сторонник трезвости.

злые и мир нам кажется ощетинившимся. С похмелья ненавидеть легко. Оттого острота вопросов, задаваемых Памурзиным окружающей действительности, несколько снижается.

Но вот отказавшись от похмельной оптики, Памурзин обретает очень интересный ракурс освещения самых разных сторон и аспектов реальности. Начинает, как рекомендовал один политический деятель, с себя:

Фотография скорбной картины
перечёркнута смертной тоской:
как во фраке я и без ботинок
заблудился в зиме городской.

И на ощупь дорогу нашарив,
в астеническом полубреду,
я бреду как поддатый Лошарик,
спотыкаясь на засранном льду.

Никто не виноват: ни мир, ни лирический герой. Просто так вот сложилась обстановка, будем думать, как эту обстановку переменить или к ней приспособиться. Сил-то для этого более чем достаточно. Цену-то себе протагонист памурзинской поэзии знает. И вполне осознаёт себя в иронически описываемом, но безусловно признаваемом ряду:

Суровый Дант не презирал сонета –
Спасибо Пушкину за это.

А Мандельштам не презирал Цветкова –
Он попросту не знал такого.

А я сижу и тягостно зеваю –
Я тоже их не презираю.

Опять скажем: цитатностью, центонностью, блистательным ориентированием в поэтическом наследии предшественников теперь никого не удивишь. Памурзин удивлять и не собирается. Для него просто кажется органичным, сочетая Ломоносова и Хармса, высказаться о том, о чём оба упомянутых поэта высказываться умели и любили. О феноменальной плотности времени и его *мгновенности*. Следующее стихотворение написано десять лет назад, совсем ещё молодым автором. Но ситуация включённости в жизнь уже почти минувшую, в старушечью, передана отлично. Он тут не описывает старушек, а сам становится старушкой:

Бабульки юношей пинают
Ногами в Бауманском саду.
Они слегка не понимают,
В каком находятся году.

Не лучше ль в маленькой избушке
Попечь румяный каравай,
Попеть на лавочке частушки?..
Но нет – им *драйву* подавай!

Неожиданно отчётливое понимание: когда-нибудь ты постареешь, а твоё восприятие мира останется прежним. Только ты всё равно постареешь.

Жаль, но иногда (к счастью – редко) автора подводит чувство меры. Вот длиннющий текст, отрывки из коего мы сейчас приведём, задуман, конечно, в виде травестийного трибьюта «Незнакомке»:

Знакомый

На хэппи-завтраке в Макдоналдсе
Прохладный новенький кондей
И трезвенников держит в тонусе,
И как бы всё как у людей.

Недалеко, под сенью лиственниц,
Под гвалтом городских утех,
Томится погребок милиции
И молкнет незаконный смех.

<...>

И по утрам, спонтанной придурью
На фоне менеджерских рях,
Мужской затылок, гладко выбритый,
Застыл как вкопанный в дверях.

И быстро, прошмыгнув меж трезвыми,
Мы по случайности, вдвоём,
Давясь ухмылками скабрезными,
На задней лестнице встаём.

<...>

Кепарик, за ухо заломленный,
Как астролябия ослу,
Служивший где-то за Коломною,
Теперь освоил и Москву.

В моём подгузке зреет паника,
С народом связь мою поправ.
Но ты не прав, охранник паркинга,
Не знаю в чём, но ты не прав.

Увы, получается не аллюзия на Блока, но оммаж Евгению Лесину. Однако парадоксальным образом стихотворение спасают интонации Дениса Новикова *(«Ну, встретились. Теперь на Бронную...»*), свойственные Памурзину и придающие объёма отмеченной уже его наблюдательности. Внешний мир, всё-таки, оказывается поэту интересен. Хотя бы как абсурдный контрапункт теме цельной внутренней неустроенности.

Внутренний раздрай лирического героя в стихах Памурзина действительно весьма органичен и непротиворечив. А вот мир внешний состоит из множества слоёв, в том числе – слоёв вербальных, продраться через которые к самой сути почти невозможно. К примеру, в следующей короткой цитате рядышком оказываются библейские образы и кадр из «Ну, погоди!», где упомянутая в последней строке песня оказалась весьма кстати:

<...>

Покуда суд земной не вынес приговора,
Уснувший грешник ждёт свой
пламенный привет:
От станции Содом до станции Гоморра –
У нас с тобой билет, у нас с тобой билет.

Так или иначе, но кажется, что литературное будущее Памурзина в этом – в поисках истины под толщею мира. Ибо про себя он знает, похоже, всё.

Итак, мы более или менее тщательно прочли две книги двух поэтов. Поэтов, достигнувших своеобразного неустойчивого равновесия. Причём точка этого равновесия расположена весьма высоко. Авторы в самом деле совершили уже не так и мало. Самое интересное здесь – траектории дальнейшего движения. Мы эти траектории попытались предсказать. Будем рады, если прогноз сбудется. И ошибиться тоже будем рады.

Вячеслав ЛОПАТИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РАДИЩЕВСКОГО МУЗЕЯ

(Продолжение. Начало см.: Волга, 2017, № 11-12; 2018, №№ 3-4, 5-6, 9-10)

Памяти Огарёвой Н.В.

Нонна Валерьевна Огарёва

...каталог рукописного отдела. Русского отдела международной книжной выставки четырнадцатого года – перед войной этой большой. И там автограф! – чтобы отдать в библиотеку, а моя мама директор библиотеки этой была. У меня ещё есть одна книга, но я её что-то не нашла, она мне в глаза не бросилась – с автографом жены Горького Пашковой. Маме тоже книга подаренная, на какой-то конференции встречались. Я тоже её хотела в библиотеку привезти, но всё в сутолоке такой у нас.

– Нонна Валерьевна! А завтра вас провожать нужно?

– Нет, не нужно. Как-нибудь обойдусь. Обойдусь!

– ...нас интересует всё, что вы помните о Гущине. Как вы познакомились? Вы же дружили с ним, да? – как мы поняли.

– Конечно, дружили мы, пока нас не поссорили! Человек-то он был неохватный. Я когда-нибудь напишу о Гущине. Ой, Господи! – ну что же о Гущине?

В какой-то степени это было счастье моей жизни, что я встретилась с такими людьми, такими, как говорят теперь, харизматичными, как Николай Михайлович Гущин, как Юлиан Григорьевич Оксман, как Натан Эйдельман, ну и многими другими. Что я училась у Николая Николаевича Пунина – он учил нас видеть вещи. Он был приверженцем теории Вёльфлина, теории стилей, и мне это очень подошло. Я тоже смотрю на вещи, – первое, что я стараюсь понять, какого стиля эта вещь. В то же время мой Алексей Петрович Боголюбов – он от академического романтизма, так можно сказать, доразвивался до импрессионизма. Так что многие искусствоведы считают его эклектиком, – я считаю его великим художником и человеком, который прошёл путь со своей эпохой. Художник и человек со своей эпохой!

Вот таким же стильным художником был Николай Михайлович Гущин. Он воспитанник, конечно, Серебряного века. И его поразительная индивидуальность! – выросшая, в сущности, как мне кажется, конечно, на Врубеле и художниках-символистах. И стал таким сугубо индивидуальным мастером.

...где-то они влияли друг на друга, – в конце жизни встретились Гущин и Юстицкий. И, конечно, влияли друг на друга – ну, и музейная братия!

...когда Гущин стал работать в саратовском музее – он на год раньше меня пришёл в саратовский музей – в сорок седьмом году, а я в сорок восьмом. И когда я приехала! – вот когда я в сорок седьмом была на каникулах в Саратове, – я ничего не знала, что в Саратове появился такой мастер. А когда уже пришла работать первого сентября, то мне сразу Наталия Ивановна Оболенская сказала: «У нас потрясающий человек теперь работает. Николай Михайлович Гущин очень хороший художник и замечательный реставратор – у нас заведует реставрационной мастерской. И очень интересный человек! Ты должна прежде всего с ним познакомиться».

Ну, коллектив у нас очень маленький был. Сотрудников всего-то было! Наталия Ивановна – она была зам. по науке тогда у нас. Ирина Александровна Фомина... ну, вы, наверное, лучше меня знаете! Ратнер... потом работала жена Чечнева. И Георгий Иваныч Кожевников. Георгий Иванович ещё

был молодой человек совсем, но его все уважительно звали Георгий Иванович. Он как-то сумел себя поставить, он – я не помню, чем он заведовал, и я... по справочнику можно это всё узнать теперь. Но к нему очень хорошо и очень уважительно все относились! Сидели мы все – музей был закрыт, когда я пришла, ремонт был. И сидели мы все в библиотеке, в сущности, – которая напротив теперь помещение, напротив фондов графики. Оно было уютным! У нас там был огромный стол – овальный огромный стол. Ну потом мы расширились немножко, перегородили это большое помещение, и часть была библиотечной, а была часть научных сотрудников. А когда я пришла, мы все сидели – вероятно, вы, может быть, застали – когда реставрационная мастерская напротив лестницы была? Вот это была комната наша научных сотрудников.

Я уже перезнакомилась со всеми – жизнь была вольная в музее. Директор был совсем не имеющий отношения к искусству – Бурмистров. Наталию Ивановну я знала с детства, она была приятельницей близкой моей мамы.

А Гущин всё так и как-то не появился и не появлялся.

И к вечеру как-то входит в нашу комнату высокий человек, худощавый такой – ну, подтянутый, в клетчатом пиджаке. Не носил никто в России, по-моему, клетчатых пиджаков тогда! С шапкой кудрявых полуседых волос – такой чернобурка такая была! – с очень красивым лицом. Мне показалось, необыкновенно красивое лицо, очень выразительное такое подвижное лицо было. И он прямо подходит ко мне. А у меня стол стоял около окна слева. После меня Вредонос на нём сидел. А он был высокий стол, а я же карапетка, я всё время сидела на ноге – так я все двадцать лет и просидела почти на одной ноге. А теперь варикозное расширение вен – это уже...

Ну и начали с ходу говорить! А он ни о чём больше не говорил, он об искусстве всегда говорил. Я уже не помню, о чём мы говорили. Ну, я рассказала, чего я кончила, чего я более-менее понимаю. Слава Богу, Пунин нас научил видеть, понимать искусство. Ну и другие учителя у меня! Был Доброклонский, например, знаток западного искусства и работал в Эрмитаже. По русскому искусству у нас Сергей Константинович Исаков был тоже замечательный. Потом пришёл учитель Вредоноса Савинов Алексей Николаевич. Вредонос у него кончал заочно...

Ну, а наша группа в университете, в сущности, сформировалась из разных – ну я по привычке стариков перебрасываюсь туда-сюда. Ну, я хочу сказать, что школа у меня неплохая была до Гущина – неплохая. Серьёзная школа была! А потом Эрмитаж, Русский музей. При мне – я сразу после снятия блокады в это лето уже приехала в Питер – и мы, ну, искусствоведы! – там помогали. И эрмитажную коллекцию восстанавливали – экспозицию: носили, конечно, вещи. ...я долго свой носовой платок держала, потому что я из запасника несла в экспозиционный зал портрет Дениса Давыдова – тогда мы не знали, теперешний Евграф Давыдов Кипренского. Я его сама несла, пыль стирала платком носовым и долго этот платок держала как память.

И Шишкинскую пейзажную экспозицию в Русском музее мы тоже... «Зиму» Шишкинскую мы тащили – ну, девчонки! – тощие, молоденькие. Ну, мы тоже лепту делали! И в Эрмитаже тоже, когда вернулась коллекция Эрмитажная – мы помогали тоже.

Жизнь была военная, конечно, всё было. Публичная библиотека – единственная библиотека была. Ещё в Академии художеств библиотека была – нерабочей. А Публичка, конечно, уже работала. Но работал один огромный зал – был один туалет, и очередь в туалет была клубом, по отраслям. И все в этой очереди решали научные вопросы – всё такое! Ой, девчата, это так интересно было! Теперь всё по полочкам, вроде бы.

...мои друзья стали его друзьями. Я его познакомила с Головницкими – с Любой и Энрикой. Я его познакомила с Ненашевой.

– То есть Ненашева через вас стала с ним общаться?

– Да, да, да. Мы как-то подружились с Ненашевой, и Николай Михайлович даже занимался с нами рисунком. После меня кончала наше отделение искусствоведческое Надежда Григорьевна, Наденька – я потом вспомню её фамилию! Она пришла преподавательницей в художественное учили-

ще. С нашего курса Точилкина пришла туда, а потом Надя приехала и туда пришла. Надя была очень красивая женщина – ну, девчонка тогда, конечно. И она была! – летом она в отпуск приезжала к нам, когда ещё студенткой была – и экскурсоводом у нас работала. Она замечательно экскурсии водила! Просто замечательная, живая такая, красивая – у неё такая! – дамистая немножко. И около неё не расходились, особенно мужчины.

Ну, так мы познакомились с Николаем Михайловичем. Первое впечатление? – он был единственным в Саратове! Были, конечно, и другие репатрианты. Его приятель был врач Соколовский или Соболевский – я не помню уже. Ну, они нормально как-то работали тихонько. А он такой художник был, артистичный очень, и когда – он часто меня провожал с работы! – когда мы выходили, мальчишки – он в берете ходил, уже холодно стало уже – он в берете на этой копне седоватой! – такой берет чёрный, и мальчишки его дразнили: – «Берет бабий! Берет бабий надел!» Ну вот – смешно так было.

Мы часто очень встречались! Мои друзья собирались, Николай Михайлович приходил. Ну, я подружилась с Лёвой Гореликом в этот год. Год у меня был тяжёлый очень. Ну, очень тяжёлый! Бабушка умерла семидесяти лет, мама умерла, в сорок восьмом муж умер. В общем, за одиннадцать месяцев я осталась одна. Ну, выжила! Тяжко, страшно было! Но выжила! И, конечно, друзья очень помогали. Очень помогали! Ольга Фёдоровна Корпакова – на будущий год у нас семьдесят лет дружбы. Я обещала приехать – отметить!

Ну, вот наша компания. Ольга Фёдоровна Корпакова, Надежда Григорьевна – ну как же Наденьку, фамилию-то её? – Горелик, ну кто ещё из известных? Ну вот Лёва Головницкий с Энрикой. Мама Энрики – Морозова, художница-гравёр, к нам часто приходила. Потом Любовь Павловна, тогда Моршнева она была – была в газете «Коммунист», потом «Молодом сталинце». Журналисты – они меня заставляли писать статьи, по всем выставкам! Советским искусством никто не занимался – старшие наши сотрудники не больно любили, а меня заставляли – вот я и делала. Писала всё!

Дружили мы очень с Александром Васильевичем Скворцовым. Ну, когда я приехала в Питер, я гравюрой очень увлекалась. И даже просила нашу администрацию университетскую, чтобы курс гравюры ввели. И Пётр Григорьевич Корнилов нас принимал в Русском музее в кабинете гравюр, и нам рассказывал, что такое гравюры. И когда я приехала, то я перво-наперво стала дружить с гравером Скворцовым. Он уже солидный был человек. Он лет на тридцать меня старше был и замечательный мастер, замечательный художник. И человек такой замечательный! Я – до его смерти мы очень-очень дружили с ним. У него лодка была, и как только пена сходила с Волги, мы с ним ездили – я матросом была! Мыла, готовила к навигации. У него была потрясающая жена – умница необыкновенная, Нина Степановна. То мы втроём – или с кем-нибудь ещё – с его друзьями чаще всего мы ездили на Зелёный остров, он не затоплен ещё был, огромный. А в весну на этом острове делянки были огородов... и художники были. И вот Ольги Фёдоровны Корпаковой родители имели делянку там. И я, когда приезжала на каникулы, то мы ходили туда. Николай Михайлович с нами вместе туда – несколько раз бывал, на делянке, у Корпаковых. А потом ещё Казачий остров. Туда часто ездили, до того как он Марфутку себе сделал.

– Сразу лодку приобрёл?

– Нет, не сразу, потому что он ещё пока ещё как-то обживался. Находилась какая-то группа, которая покупала и заказывала ему портреты, – он у нас самый богатый был в музее. Да! Но он не обращал внимания – чего-то донашивал. У него огромный сундук – он привёз из Франции себе, и там! – как-то мы на его день рождения – моя вся братия! – к нему пришли в эту его малюсенькую его комнату и принесли ему тёплые такие полусапожки зимние. Потому что он ходил в туфельках – ну, он привык во Франции, особенно в Монте-Карло-то, там тепло круглый год, и он в этих лёгоньких туфельках ходил. Мы ему купили на день рождения вскладчину тёплые. А он сказал: «Зачем? У меня их же много!» И открыл этот сундук огромный. И там и пиджаки всякие его: «Хорошо, что вы мне подсказали!» Он оттуда какую-то одежду тёплую вынимал и несколько пар на самом деле обуви хорошей такой. Но мы ему рабоче-крестьянской купили – но он их носил тоже, они тёплые были.

Господи! Ничего же тогда не было, Господи! – как мы тогда одевались!

...комнатка-то была малюсенькая, но её преимущество было в том, что она как-то на отшибе от всех – эта комната была – она была кухаркина комната, выходила в большую кухню. Так что она как-то отдельно была. А на первом этаже жил Юстицкий. И они так дружили.

– Благодаря Юстицкому и Гущин получил эту комнату?

– Да, они... ну, не благодаря Юстицкому хлопотать стали! – они подружились. Юстицкий был под стать Николаю Михайловичу совершенно, там тандем, как теперь говорят, двух таких ярких – ну, я вам о Юстицком немножко расскажу тоже.

Ну, с Николаем Михайловичем у нас как-то сложилось так – мы и дружили, и всегда спорили. Когда экспозицию делали – я же пришла, когда музей был свёрстан: после войны Минская галерея уехала уже и стали полный ремонт делать этого здания. И экспозицию первую мы готовили к открытию, к празднику – годовщина какая была в сорок девятом году? Праздник Красной армии, 23 февраля мы её открывали.

Николай Михайлович за меня очень переживал, потому что я первую экскурсию должна была водить в этот день. Я два с половиной часа таскала их за собой – народу очень много пришло, потому что музей-то закрыт был, соскучились. Вся интеллигенция – театральная интеллигенция, а я ещё преподавала в студии театра Карла Маркса историю театра, наравне с музеем. И училась на первом курсе художественного училища. Но я выдержала только два месяца, немножко больше двух месяцев – это такое напряжение, я с тех пор так стала уважать художников. Ну что казалось девчонке? Великие мастера, умные люди! Кисть взял в руки и написал гениальное произведение, которое потом века другие изучали. А тут я поняла, что такое – как нужно помучиться, чтобы нарисовать куб – ну, ставили нам! – учила меня, она потом жена Просянкина стала, я не помню, как её звали.

У нас столько работы было – с училищем я выдержала два с чем-то месяца. И сказала – нет, это не по мне, я искусствовед, я и так буду знать!

Ну, в общем-то я поняла, что это за труд, и живым стал Репин, который запирался в своей мастерской, и ему в окошечко давали еду, чтобы он не помер с голоду. Ну, это очень большой труд – это не только труд технический, это физический труд – я выматывалась после этих занятий. Я приходила и часа полтора я спала просто.

Так постигалась профессия искусствоведа – при школе, конечно, очень хорошей школе. Я до сих пор помню вводную лекцию Николая Николаевича Пунина, который для меня... Открыл глаза! У меня тётка художницей была, она кончила Боголюбовское училище, ну, я много читала, и знала художников, и музей наш знала. Но Пунин на этой первой вводной лекции – такой обзор! – от первобытного искусства наскального французского до Сезанна и абстракции.

За два часа лекции он такой прошёл путь – в основном анализ был стилистики искусства, он такую широту видения! – многообразия стилей национальных школ от Японии до Африки, от наскальных до Сезанна и русского абстракционизма, – что я эту лекцию запомнила, и потом, когда мне приходилось читать лекции, что такое искусство...

А я одна советским занималась тогда, но характер у меня живой, настойчивый, любознательный, и я на каждую большую выставку, каждое большое событие командировку выбивала у Завьяловой, она стала директором тогда – так что я была в курсе тогда.

И Николай Михайлович Гущин один из самых моих активных учителей по вопросам искусства. Хотя мы с ним спорили тогда! Закваска официального искусства – что искусство должно быть реалистическим и только реалистическим – всё-таки сидело во мне, хотя я очень увлекалась импрессионизмом. И когда приехала сюда и познакомилась с художниками, то где-то в конце осени или начала зимы кто-то из идеологов написал в газете статью...

...всё печатайте! Всё, что открыли для себя, всё облекайте в плоть. Я, при своём широком охвате – всё должно быть фундаментально! – Боголюбов должен быть фундаментально поднят... поэтому летопись по дням, поэтому «Записки моряка-художника», чтобы опираться на его подлинные

слова. А вот монография до сих пор – ничего! – отдельные куски. Да мне не интересно выдавать, мне интересно узнавать – вот! А выдавать надо! Всё, что знаешь! И надо так себя воспитывать. Никто за вас ничего не сделает, другой головы вам никто не предложит. Конечно, голова развивается с годами, очень развивается – совершенно другое видение. Подчас сама себя ловишь – когда-то я так смотрела на это явление в искусстве, а теперь я совершенно по-другому смотрю.

...развитие. Я очень почитаю Боголюбова моего потому, что он развивался – вот я вам повторяю! – развивался со своей эпохой вместе. Такая чуткость художественная была, общественное такое чувство развитое очень – поэтому и музей создавался первым, и открытие его европейского искусства для России отмечал Крамской. Просто грех на моей душе – всё, что накопила, всё, что знаю, не облекла в форму, серьёзную форму. Но я ещё надеюсь – чего-нибудь получится, может быть, получится.

Да ещё и время-то было какое! Боголюбов был не в чести. И лекции о его жизни – в этом музее о ком угодно читали лекции – а его запрещали как прихвостня царского.

– А кто запрещал?

– Райком! Райком нас... я очень активная комсомолка была. И при райкоме комсомола у меня была группа лекторская – я собрала, чтоб сеять разумное, вечное – красивое! Группа была большая, двадцать семь – тридцать человек. Мы лекции читали – везде. А в этом же здании, где теперь вот прелестный домик на спуске от Советской улицы, на спуске к Волге такой маленький домик – он кирпич с белым, хорошенький. Там райком комсомола и райком партии. В райкоме комсомола я была очень активной и прогрессивной, а в райкоме партии мне запретили диссертацию по Боголюбову делать. Я с ними поругалась, конечно, что я и без диссертации буду умная. Хотя у меня зелёная улица была! Учёный секретарь в университете на истфаке была моя подружка, говорила: «Ну, Нонка! Ну, напиши!» – а я: «Не хочу! Хочу только по Боголюбову!»

...в Питере. И сдавала я экзамены по Боголюбову! Собралась почти вся наша кафедра, потому что о нём как о баталисте морском никто ничего не знал. А почему я занялась им особенно... я всё к Боголюбову сведу! Когда я кончала университет, мне все, вся профессура наша говорила – все знали, что я приеду в саратовский музей работать, они заявку на меня делали – все говорили: «Займитесь Боголюбовым! Займитесь Боголюбовым!»

Я приехала сюда, всерьёз посмотрела на Боголюбова, – хотя я знала экспозицию ранее, ещё при детстве. А когда мы развесили экспозицию Боголюбовскую в Серовском зале наверху – весь зал был занят Боголюбовым в два ряда, и так все они мне показались такими одинаковыми! Да ещё детское впечатление... Мы туда бегали греться у Вазари после – я жила за Липками по Волжской, и вся дворня зимой – в сугробы между театром и музеем, наметали сугробы так прямо чуть не в дом какой-нибудь, и мы все приходили плавать в сугробах. И конечно, валенки забивались снегом, и все в снегу, и в музей мы прибегали греться. И бежали сначала к Вазари – там лето, голенькие все. Смотрители нас гоняли, потому что следы – таять валенки начинали. И ещё в Боголюбовскую комнату, потому что там тоже лето всё, тепло и зелень – и хорошо. И они все казались такими!

Когда мы первую экспозицию делали – делал Георгий Иванович, а я ему только подносила. И он первый мне дал урок – что такое Боголюбов! Что Боголюбов художник большой, очень большой. Что Боголюбов очень разнообразный художник, несмотря на два типа рамок, в которых его картинки висят. И я ему очень благодарна. Он как-то раскрыл мне глаза. А когда через год он уехал, он мне отдал свои материалы по Боголюбову... Маленькая книжечка эта массовая его – сорок девятого года! И его – в очерках русского искусства, академическое издание, его тоже – очень хорошая статья, очень хорошая.

Когда к нам приехала Манана Андронникова, которая потом тоже написала и издала книжечку – это её дипломная работа, я её водила, я ей всё объясняла. Ей Зильберштейн потом помог диплом сделать книжечкой. Это очень примитивная, конечно, книжечка, – Кожевникова лучше, по-моему. Лучше, гораздо лучше! Зрелее статья! Ну, библиографии-то мало было. Потом, когда я начала заниматься – это все журналы проштудировала, я все отпуски проводила, занималась в Питере или в Москве.

А в Саратове, конечно, Николай Михайлович открывал глаза на искусство, запретное тогда: искусство девятнадцатого – начала двадцатого века. Впервые я узнала, что был такой замечательный художник Йонгкинд, впервые мы как-то с ним говорили о Пикассо всерьёз, о всей этой группе, о Дерене. Ну, в общем, он продолжил мой университетский курс.

И практически он был очень хорошим преподавателем, наверно. Вот Надежда Григорьевна из училища, я, Ненашева – он ставил постановки ученические, говорил, что через два года, если я специально займусь всё-таки рисунком, что из меня может получиться художник. Ну, Альдона-то училась в училище, он её хорошо руку поставил на рисунок. Потом она, когда я уже опять бросила – ну, это очень тяжело! Труд искусствоведа в сорок раз легче и приятнее, я скажу, чем труд художника. Ну, Альдона вышла в очень хорошего художника. У неё замечательные вещи – есть болванки, но есть замечательные вещи. И рисовала она хорошо. И как-то они – у них был сеанс специальный: она его рисовала, а он её рисовал. И её рисунок – под его влиянием, в его стиле – был хороший портрет её Николая Михайловича Гущина... я отдавала в музей небольшую фотографию с этого рисунка.

– А сам рисунок у неё?

– У её сестры. Она его подарила родителям... А когда мы рисовали с натуры – когда занимались! – девочку-пионерку посадили, внучку маминой подруги Юлю Грязнову. И этот портретик – я потом, когда у Ненашевой ничего Гущинского не осталось, я посчитала нужным ей отдать этот рисунок, чтобы у неё было какое-то впечатление. А её портрет, который Гущин делал, тоже очень романтический – у неё кудри какие-то такие! Он сделал замечательный портрет Горелика, замечательный портрет в пятьдесят седьмом, чтоль-то, году.

У Горелика ещё рисунок был, о котором Миловидов говорил – ну, такой кричащий человек! – Миловидов, когда увидел: «А может, он кричит долой коммунизм!» Вот так вот к Николаю Михайловичу относились.

Ещё очень большое впечатление на меня произвели две вещи Гущина. В сорок девятом, чтольто, году он показал... свой автопортрет парижский, такой высокий, зелёно-красный такой портрет, и показал, я даже помню, как она висела, картинка эта, в южном зале, где теперь Запад, на правой стенке, боковой свет на неё шёл. Он её называл «Пламя», «Парижская голова» – он поразному называл её.

– А где же она теперь? Мы её не видели.

– Она пропала. Это была голова молодой женщины, девушки – запрокинута, в ракурсе таком. И писал он красным крапплаком её, говорит он: «тональность!». Она как скульптура красная в огне была, а крапплак, он как бы изнутри светится. Впечатление было колоссальное! Около неё все художники стояли – замерев! И пошла-поехала травля на него. Что они только ни делали! Ну, они, в основном, при училище были – Миловидов, Гуров, ну, они и Щеглова травили! – они особенно активны были.

Собрания часто были художников, они проходили в музее – в этих залах нижних. И на эти собрания наши любила со мной ходить жена Юлиана Григорьевича Оксмана. Ну, он-то приходил только выставки какие-нибудь смотреть. Ну, он очень занят был, очень много работал он. После Колымы так работал, как, наверно, никогда! За эти десять лет он всё продумал про русское искусство. Летопись Белинского он начал в Саратове. Между прочим, летопись Боголюбова появилась только благодаря тому, что я с Оксманом была хорошо знакома, видела, как он начинал летопись Белинского, и я по этому же принципу с цитатами сделала летопись. Летопись большая была, когда я её подарила-то музею, она на двадцать пять листов была – рукопись. Потом три раза сокращалась она до двенадцати – ну, на это всякие причины были, личные и всякие прочие. Но всё-таки летопись издана. Она до сих пор единственная летопись художника русского. Даже Репинская валяется – «Пенаты» сделали огромную летопись, замечательнейшую, там только именной указатель большой – на десять листов. Представляете, какая летопись? И никак не могут издать! Даже вот уже! – может это Гришина, которая была директором музея – и менялись директора в «Пенатах», и, между прочим, Пугаев наш директор был, и там директором – но его обожали! Потому что он ни во что не вникал. Он «Пенаты» рассматривал как дачу. Прекрасно он жил там и не мешал им со-

вершенно. Они были счастливы иметь такого директора. И они потрясающий сделали труд, потрясающий! – и летопись двадцать лет лежит, может, и больше, готовая лежит в неизданном виде. Очень жаль! Я думала, к выставке юбилейной сделают, и всё равно ничего не получается. Остатний принцип государственный на искусство идёт.

Ну, вернёмся к Гущину. Чего ж вам я ещё расскажу? Он очень был компанейский! У него несколько было тут очагов дружественных. И когда говорят, что он был очень одинок здесь – не верьте! Потому что жил он очень напряжённо. Увлекающийся, как ребёнок! «Голубые видения!» – мы с Натальей Ивановной прозвали его увлечения женскими молодыми образами как «голубые видения». Голубые видения Николая Михайловича! Она приходила: «Нонка! Там у Николая Михайловича новое голубое видение!»

...как-то мы ездили – каждое лето, конец осени, начало весны, мы ездили на Волгу. Николай Михайлович отличался – он не плавал никогда. Я бултыхалась, конечно, в воде, но бултыхались мы в воде, как только пена сходила, так мы уже бултыхались всей дворней.

А осенью мы воровали арбузы! Привозили целые баржи арбузов – и мальчишки! – мы, девчонки, заговаривали зубы этим, которые привозили, парни такие молодые были – а мальчишки в это время подплывали сзади баржи и сбрасывали арбузы в воду. И притягивали к берегу – они же плавают, арбузы, очень хорошо, красиво так. И мы с арбузами во двор приходили, там, конечно, били их – на набережной.

Набережная была – сплошной песок. Ничего этого! – это уже мы набережную, мы все – повинность горожан саратовских была, и мы, музей тоже! – ходили, опалубку делали, заливали там бетон какой-то, цемент какой-то.

Я хочу завтра всё-таки сходить, на набережную посмотреть. Осенью я видела – очень интересная! – суровая набережная. Видела...

И Гущин очень внимательно смотрел, он приглядывался к волжскому пейзажу. У него удивительный взгляд был – он смотрел на какую-то часть пейзажа и видел уже картинной её. И он всегда говорил: «Нонна Валерьевна!» – он официально звал «Нонна Валерьевна», неофициально, когда мы... – «Нонна Валерьевна! Посмотрите – тень идёт оттуда, а свет отсюда, и вот они встречаются, и получается такой живописный шум». Это замечательно было!

Терпение у него было необыкновенное. Конечно, жратвы тогда мало было. Селёдка – это было такое лакомство! Мы – очень много кильки продавалось – почему? – да в Волге своя рыба! Ну, на базаре, конечно, покупалась рыба живая. И вот мы покупали килограмма полтора этой кильки, и Николай Михайлович – пока мы бултыхались, в песке возились! – он отрезал голову, хвосты, выдирал внутренности и раскладывал красиво её. Раскладывал – они такие серебристые, красивые, он кому-нибудь поручал кильку вымыть эту в воде выше по течению... Любовь Ратнер! Ой, Господи! Вы потом запутаетесь в моих рассказах... Вот Николай Михайлович терпеливо сидел час, два, потом красиво раскладывал.

– А так он импульсивный был человек? Да?

– Да. Вспыльчивый! Вот когда мы экспозицию первую делали – он же как художник смотрел, а у меня глазомер хороший был, у меня дальнозоркость большая, я видела с берега, дальний какой пароход проплывает, а теперь очки не снимаю, – вот! Импульсивный ли был? Очень! Вот вешаем экспозицию. Он говорит: «Так!» Я говорю: «Николай Михайлович! На два сантиметра выше, или на сантиметр». Он говорит: «Ну!» Потом вымеряли – я была права. Обедать шли – около моего места всегда лежала шоколадка – я выигрывала спор. Спорили! И он признавался, но видимо, на словах, не признавался. Но шоколадку – мы её с удовольствием разъедали.

Ну, вообще, конечно – у всех семьи! Все уже пожилые, а я? – завей горе верёвочкой! И – иногда мы с ним когда-нибудь уплывали на Казачий отдельно! Кто-нибудь нас привозил – потом уезжали, там покупаются, покупаются... и это было очень! У него был очень – я не знаю теперь, где он, раздаривал очень много! – был этюд прекрасный. Этюд с этого Казачьего острова. Я вам начинала уже говорить про Казачий, он весной затапливался весь. А там, когда большую Волгу-то делали, срубали же деревья. Вырубали деревья все, и стояли – ну срубали не низко! – и там стояли такие уже серебря-

ные остовы деревьев. Причудливые ветки эти – у него был такой очень красивый этюд. Я его даже на выставке вот юбилейной не видала, кому-то он его подарил. Но очень красивый этюд был – эти чёрно-серебряные против солнца – они чёрными силуэтами стояли, на солнце серебрились.

И мы как-то остались с ним одни на этом острове. У Николая Михайловича радикулит был – я ещё не знала, что такое радикулит. Он зарывался в горячий песок. Я садилась рядышком, и мы разговаривали. Он рассказывал про свою жизнь. В Париже! В Пекине! Как он бежал от Колчака! Ну, бежал через всю Сибирь и Дальний Восток в Харбин, потом оттуда в Китай, из Китая во Францию. Ну, трагедию свою семейную рассказал и свою жену называл мадам Лаврецких – по Тургеневу! – как трагедия с Лаврецким, у него тоже была. Рассказывал, что у него очень хорошее ателье было, у него и фотография была – ателье парижское, ателье и в Монте-Карло. И рассказывал, как он оказался нищим после того, как он миллионером был. Он дал в долг какому-то приятелю, и тот не вернул. И он остался нищим. И ему приходилось, чтобы содержать мастерскую, очень много работать. Он очень много портретов делал – в его стиле, конечно, и очень котировался как портретист и пейзажист там. Рассказывал, что он несколько лет работал реставратором в Луврe, – и когда пришла в Лувр в первый раз, я всюду смотрела картинки, думала, мне что-то подскажет – может, эту картинку Гущин реставрировал?

Реставратор он был – вот как теперь я понимаю реставратора работу, когда я поработала в Кусково, поняла, что такое реставратора работа. Мы сдавали вещи там, и приходилось наблюдать за этим всем. Мне казалось, что Николай Михайлович не глубоко реставрировал. Так как он живописец был замечательный – конечно, он видел и...

– То есть не вмешивался?

– Не вмешивался глубоко. Он не проводил ни грунтовки такие большие – ну, замазывал, всё что-то всё большими... особенно, когда он в Вольске реставрировал. Он несколько месяцев там работал. И мне рассказывали, как он жил на одном молоке! Ему приносили несколько литров молока, и он целый день... увлекающийся, конечно, очень был. И он забывал совершенно о времени, когда работал. Раздаривал он много вещей своих. И мне дарил вещи. Вот – я на многих квартирах в Саратове жила. У меня была квартира в этом Доме коммуны: трёхэтажная квартира была – малюсенькая. И мы очень часто собирались там. Николай Михайлович мне подарил небольшую – ну вот так вот, вот такая картинка была – вот такая. «Нечисть» называлась. На чёрно-синем фоне красным очерком – ну всякие чертенята там, там – во всяких позах извивающихся там... по-моему, замечательная была картинка.

Николай Михайлович как-то услышал, как мои друзья! – он нам всем раздарил-подарил свои парижские репродукции: привёз «Портрет жены», автопортрета два. Среди этих репродукций, понятных всем, вот эта маленькая картинка. Он услышал, как кто-то, поднимаясь – они висели на стенке над лестницей, которая в антресольное помещение – сказал кто-то: «А что это мазню-то такую повесили?» Он мне не сказал об этом. И как-то! – я уже жила на другой квартире, на Советской и Вольской, последняя туда к Рабочей – последний балкон моей комнаты был. Раиса Азарьевна Резник летом, когда была безумная жара, – она жила в общежитии в маленькой душной комнатке, – она приходила спать ко мне на балконе. Мы очень дружили! И Николай Михайлович с ней очень подружился! А я с ней подружилась из-за Оксмана. А с Оксманом я подружилась – он очень дружил с моей мамой, она была директор этой большой библиотеке! И первое, когда я его увидела – ну, я уже знала, что он живёт здесь, и его жена привозила мне в Питер от мамы помощь такую! И однажды привезла в наволочке, в полнаволочки таких вот пышек из чёрной ржаной муки – такие лепёшки крестьянские она напекла, такие круглые, коричневые и так нарезаны были – насечка сделана на них. Ну, мы в общежитии были рады и устроили пир! А самого Оксмана я увидела, когда уже приехала сюда в сорок седьмом году. Я к маме пришла – а мама там дневала-ночевала, я обед ей принесла туда – он выходил, а я входила. А он уже кругленький стал за это время, что он уже с Колымы приехал. И меня поразили его маленькие ручки, а пальчики как сардельки! – такие сардельки у него. И он – первое, что он! – увидел меня и сказал: «Ну, из голодающего Ленинграда приехала такая!» А меня девчонки затягивали! – я почему-то там! – ну, когда мы поехали туда, мы везли из Саратова арбуз

вот такой – я отдельно ехала: университет! – они ехали своим эшелоном, а я осталась на лето в Саратове. И! – я с подружками своими двумя, Лилией Давыдовой и Раечкой Дубровской – мы ехали отдельно, и нам на троих родители их и моя мама собрали деньги – у нас бак был, как для молока, бак такой топлёного масла. Голодный Ленинград! Всё-таки в Саратове было полегше, конечно – уже к сорок седьмому году-то, а в военные годы, когда война была, голодно в Саратове было очень, очень голодно. И мы все, конечно, на этом масле-то! И меня в юбку от костюма девчонки затягивали коленкой! – пояс затягивали так. И я с такими щёчками приехала – а так у меня здесь сосудики-то видны, и я всегда румяная такая! «Во! Из голодающего Ленинграда! Ей там пышки привозят, а она такая, как пышечка!» И мы очень с ним, очень быстренько подружились с Юлианом Григорьевичем. Я для него была новая, потому что я искусствоведка – а у него все литературоведы и он потом всегда говорил: «Ой, мне тебя Бог послал!» – и: – «С тобой интересно! С тобой интересно!» Он у меня выпытывал всё – какие выставки? Очень живой человек. Это поразительно живой человек. Поразительно живой ум такой. Я его импрессионистом уже обозвала! Мы очень подружились потом. Они! – когда мама умерла, они решили меня удочерить! Я говорю: «Чего ж вы будете дочерить, у меня и так не больно, а тут я буду ещё!.. вы ходите два раза в месяц!» Отмечался в НКВД. Да! Два раза в месяц ходил, – что он на месте, что он – первые годы так у него было здесь. Потом уже, когда какое-то послабление небольшое было, после смерти Сталина совсем по-другому уже было.

– И Гущин тоже ходил отмечаться?

– Нет. Гущин и Оксман – они параллельные у меня были совсем.

– Так про ту картинку с «Нечистью». Что он сказал?

– Ушла картинка эта – вот! Утром стук в мою дверь. Я ухитрилась отдельную квартиру сменить на комнату. Удивительно! Лёвина Горелика мама говорила: «Она эту квартиру сменит на трусики бархатные!» Она такая была остроумная женщина. Ну вот – стук ко мне в дверь! Сосед говорит: «К тебе пришёл Гущин». Я не могу понять, в чём дело, – шесть часов утра где-нибудь. Смотрю, Николай Михайлович какой-то возбуждённый очень. Принёс картинку большую – она сейчас у вас, это «Старичок-полевичок». Принёс! Говорит Николай Михайлович: «Я вот целую ночь писал! Я хочу поменять! Вот вы мне отдадите мою, а я вам эту принёс – она в пять раз больше!..» Она на самом деле большая была, вы её знаете. Я говорю: «Николай Михайлович, что с вами?» Он говорит: «У меня температура тридцать девять, наверное побольше уже теперь!» Ну, я чего? – я его в свою тёпленькую постельку. Звоню – я позвонила после семи-восьми часов, я позвонила знакомому: «Приезжайте за Николаем Михайловичем» – у него машинка была, маленький «Запорожец». «Приезжайте! Николая Михайловича домой отвезти надо». Ну, он приехал поздно, и я позвонила в музей, что я не могу – у меня Николай Михайлович больной.

Вот так он выменял у меня – и когда была выставка большая юбилейная, а я болела – я не могла ни на открытие приехать... Альдона приезжала Ненашева и Солоницын приехал, а я не могла приехать. Я приехала на закрытие выставки уже, искала эту «Чертовщину»-то, у всех спрашивала: «Не видали ли её?» На выставке её не было, ну не видели эту работу! Мне кажется, что он – у «Ганди»! – в какой-то степени у Гущина там тоже какие-то такие лица, какие-то такие образы на фоне можно увидеть. Мне кажется, что вот композиционно как-то вот с этой «Чертовщиной» связано было. Вот так у меня появился «Старичок-полевичок».

Мой маленький племянник – он занятный парнишка был. Я, когда что-нибудь начинала, какую-нибудь вещь анализировать, я спрашивала: «Саш! Что это там изображено?» И он этого «Старичка-полевичка» очень интересно принял, воспринял. Он говорит: «Очень странный какой-то!» – ему что-то около четырёх лет, что ль, было: – «Странный какой-то старик. Он и плачет, и смеётся в одно и то же время».

А я тогда красила ресницы. Он как-то смотрел – малюсенький! Я высокая, я крашу ресницы, а когда красишь ресницы – вы, наверное, тоже красите? – он стоял, стоял и сказал: «Более идиотского выражения лица я не встречал!» Вот такая наблюдательность у него была. Ну, из него получился – они всем классом ушли в армию: в училище – в армию: он кончил пограничное училище московское. Пограничником работал где-то в Сибири, на Дальнем Востоке вот, а потом в Бресте. Ему надоело, он в сорок пять, что ль, ушёл в отставку и вернулся в Москву, приехал к нам в Москву.

Вот – он был очень красив! Мальчишка! Толстый! Николай Михайлович с ним очень любил заниматься. А мы от него – чтобы избавиться от него – ему! – она большая, ещё от бабушки та книга «Мироздание» с поразительными гелиографиями цветными! И он мог часами эту книжку листать и смотреть. А мы счастливы были – он нам не мешает ничем, не бегает тут. Он садился в угол дивана и смотрел эту книжку, смотрел. Куда она пропала, не знаю? С моими переездами с квартиры на квартиру – замечательная была книжка!

Так вот Николай Михайлович! Он какое-то находил – удивительное для себя содержание! – разные-разные люди, и он как-то очень отличал людей всех и какую-то суть понимал в них. Вот в этом вот! – маленькое красивое существо, такое жизнерадостное, синеглазое, его привлекало. Он с ним заниматься мог часами – чего-то они разговаривали очень друг с другом, находили общий язык.

Вот я говорила, что у него разные круги были знакомства. И художники самодеятельные такие, наивные – вот с Подъяпольским очень дружили. С балетом очень дружил и был очень увлечён балериной Дубровиной – был очень увлечён. Ну, она на самом деле очень хорошая балерина. Очень хорошая была Урусова у нас, была и Дубровина. Она хорошая балерина была.

Это была трагедия, когда они расстались! Расстались. Муж не мог понять, – он не мог понять эстетической дружбы, эстетического увлечения. И однажды все вещи, которые Николай Михайлович дарил ей – он много пейзажей ей дарил. Он очень щедрый был! Работал-то много – куда девать? И её портрет очень интересный! Я не знаю, где он теперь – может быть, у её потомков остался. Муж приревновал, все его вещи в коридор выбросил. Николай Михайлович обиделся!

Ну, она наверно – ну, муж дороже друга эстетического! – и она порвала как-то с ним.

И он написал портрет свой – автопортрет. Он сейчас у вас, он называется «Психологический этюд». Это было после разрыва с Дубровиной! Когда он мне показал этот портрет – уже в мастерской было в подвале, а мы ещё! – а наша комната-то была, до ремонта такого послевоенного это был общественный туалет. Большая такая комната! А туалет перенесли вниз, и там у нас и даже душ был при туалете. А нас в эту комнату – отремонтировали её, а потом реставрационная мастерская там была, а уже когда после ремонта мастерскую в подвал перевели. И вот он приходит как-то очень такой взбудораженный, говорит: «Нонна Валерьевна! Я вам хочу показать новую работу». Я посмотрела – у меня дух замер! Он, наверное, тут же понял – очень сильное впечатление! – это были такие глаза! – вот как у собак бывают; – незаслуженно так наказана, как будто визжит собака! Вот! Очень сильное... Он понял, что – может быть, не понял, а...

– Почувствовал?

– Почувствовал, что нельзя такой силы давать, и потом, уже через два дня попросил прийти и – он был уже в таком виде, как счас. Так притушил.

– В каком виде впечатляет?

– По-моему, это самый сильный его портрет. Вот вы все боролись за его портрет, который подарил губернатор, а я считаю, что ЭТО самый сильный – по силе он почти такой же, как врубелевский сидящий... они так сливаются. Мне очень жаль, что он всё-таки притушил – этот фон был такой кричащий. На парижском вот портрете – вот! Ну, небо и земля! – как будто между художниками пропасть. Хотя тоже живописный, очень живописный! А тут фон был – просто рана какая-то, психологическая рана! И он притушил, и взгляд притушен был.

Вообще, у Николая Михайловича творчески было так вот, как – я иногда говорю, как Френхофер был – прямо говорю: «испортите!» Вот автор! – вот «Дирижёр»! – мы с Наталией Ивановной каждое утро ходили – и проверяли чего-то! – он его переписывал раз семь, наверно. Ну, вот такая особенность у него – пишет-пишет и записывает. Он на меня обиделся как-то очень! Вообще-то он на меня обижался. Как-то я ему – мы чего-то спорили-спорили о какой-то вещи, я ему говорю: «Ну!!! Старый!!!» Он приходит к Наталии Ивановне и говорит ей: «А Нонна Валерьевна меня обозвала старым дураком!» Он уже дофантазировал!

Он очень удивлялся, что я одна живу. И как-то приходит и говорит: «А я понял, почему вы одна и не выходите замуж». Он моих поклонников почти всех знал. И говорит: «У меня есть стихотворение», – он писал стихи, хорошие стихи. – «Я никому его не читал, я его вам – это про вас.

Горе всем припавшим
К соблазну и покою,
Горе полюбившим
Приветную тюрьму.
Горе всем связавшим
Свою судьбу с другою,
Не понявши счастья
Всегда быть одному!»

Ну, мы так договорились, конечно с ним. А потом получилось так – ну, в музее такие перевороты... Завьялова умерла. При всём том, что она была дурная какая-то и искусствовед, конечно, никакой, она была очень добрым человеком. Сколько гадостей я ей ни говорила, сколько я её крови попортила! Ну, я! – после моей потери всех моих любимых – ничего мне не страшно было! ну ничего не страшно было! – я ей прямо говорила чего-нибудь: «Да ну! Да не поймёте вы этого!» Чего-то и однажды я её матом пустила. Грех! Я два раза поругалась матом – её пустила и Горелика один раз. Не вытерпела! Само собой получилось – русская душа! Ну вот...

– За что ж вы её так?

– Я любила летом с театрами нашими, особенно с кукольным театром – любила ездить! – Заволжье! – или по деревням здесь, на этой правой стороне. Особенно любила Заволжье – я очень люблю! Особенно после, как жила в Калмыкии – вот эти просторы степные! Мне Володя Солянов написал картинку даже, вернее, скопировал свою, повторил свою большую картинку на маленькую такую – ну, она не маленькая, она почти метровая! Заволжская степь весной! Внизу немножко зелёненького, а сверху только небо. Она у меня висит в кухне над столом. Все приходят и говорят: «Чего это пустота такая висит?» Я говорю: «Это не пустота – это простор!» Вот!

Так что было у нас с Николаем Михайловичем? Чего я рассказывала, девочки?

– Про то, как Завьялову!

– Ну, меня ждёт машина, уже к вечеру дело, во второй половине дня. Машина – на полуторке мы ездили: брезентовый верх – кукольный театр! Я рассказывала перед спектаклем о советском искусстве, показывала шедевры советского искусства, а когда Дрезденская галерея, – Дрезденскую галерею возила. Я десять дней там поработала – у Завьялихи выбила на десять дней командировку и изучила Дрезденскую галерею, приехала с репродукциями и возила по Заволжью. «Сикстинскую мадонну» у меня украли!

– Понравилась!

– Ну вот, я уже – целая труппа, машина стоит! – ждёт нас. На другой конец переезжать надо, а ещё моста не было, на пароме переезжать надо туда. А она тянет! А коридор этот большой, у неё кабинет-то – вы знаете кабинетик? – в промежутке между лестницей – где теперь эмаль, выставка, это кабинет директорский был. А окно на противоположной стороне было загорожено, и там у нас бухгалтерия была. Мне выдают деньги – она никак не подпишет, чтобы выдали мне деньги командировочные. И эта бедная бухгалтер – то к ней придёт, то к себе придёт. А я стою жду, а меня у музея на Радищева ждёт машина. А Завьялова выйдет из кабинета – и всё мне какие-то указания даёт, что «так-то нельзя», «чтобы я с коллективом не конфликтовала» – я с ней всё время в конфликтах! – «коллектив хороший». А мне деньги... – и надоела она мне! Раза четыре – уйдёт, а потом придёт и через весь коридор мне указания даёт. Ну и пустила её: «Идите вы!!! Меня машина ждёт!»

Вот признаюсь – два раза я близких людей! И с Гореликом. Дождик шёл, а я у них жила – как-то приехала сюда и жила у них. Последние десять лет я у Ольги Фёдоровны – она одна осталась, и решили, что я у ней буду жить, когда приеду. Дождик идёт, нехорошо как-то, грустно, жарко – Горелик ходит и ноет. Ему очень хочется пойти к своей актрисе Пергамен – у него была такая актриска, разговорница такая комедийная. Смешная была! А неё отец с Гореликом играл в шашки. А она замечательно готовила, она изучила всяческие кухни, чтобы Горелику угождать – вот он

такой-то! И он – ему хочется туда сходить, потому что Ирка ему приготовит необыкновенное что-нибудь и в шашки поиграть с её отцом – а дождик! И ему не хочется идти. И он ходит и ноет, и ноет, и ноет, и ноет. Лилька отмахнулась – жена отмахнулась от него. А я: «Да иди ты!!!» А он тогда говорит: «Да! И с вами весело!»

– И остался?

– Не пошёл. Вообще он очень остроумный человек по жизни – настроение своё. Вот ругаемся с ним. Он говорит: «Жванецкий совершенно гениальный юморист!» А я говорю: «А у Чехова юмор и тоньше...» – и так далее, и так далее: – «Что Жванецкий, и что Чехов!»

У меня был халат. Ситцевый! И рисунок там – вишенки две спаренные, на этих своих держалочках. И весь халат в этих вишенках. А внуку тогда было лет десять – мы с ним играли, он прицепил хвост к этому моему халату на даче у них, и рванулось что-то, и у меня дырка ещё, дырка на халате этом сзади. Я, конечно, своё веское слово про Чехова сказала, повернулась и ухожу из кухни. А у него напротив двери за столом кресло – трон Горелика, его персональный трон. Он сидит на этом троне, я в рамке двери – со спины он смотрит. И он говорит: «Ты мой вишнёвый ЗАД!» У меня отлегло, конечно, я кричу: «Девки! У вас гениальный отец!» Вот так мы...

И с Николай Михайловичем так же. Я что-нибудь вякну! – он много раз пытался сделать мой портрет. Сидим где-нибудь в хорошем месте. Чаще всего в директорском кабинете, потому что свет рассеянный, северный свет. Николая Михайловича это устраивало – нет резкого контраста. Вот он набросок делает – какой-то набросок на этой выставке был, в каталоге, по крайней мере, он есть. Ну, и мы обязательно чего-нибудь с ним – резко! – и он всё время говорил. Как начинает всматриваться – а композицию он почему-то диагональную делал, всегда первый набросок диагональная композиция. И он бурчит себе под нос: «Лобик-то маленький! Не по уму». Я начинаю возмущаться: «При чём тут лобик?»

Ну вот! Ну, когда он, конечно, Наталье Ивановне сказал, что я его «старым дураком» обозвала – я говорю Наталье Ивановне: «Ну, ей богу – нет! Ну! Ну честное слово! Ну как я ему могу сказать?» Ну как-то я ему ласково сказала: «Ну замолчите – старый!!!» Что-то насчёт какой-то музыки – он же музыкант был.

Я не знаю – мне казалось, что он мне говорил, что он во Франции продал виолончель и только смычок привёз. А вот Лопатин пишет, что он здесь продал. Ну, я не знаю, не знаю. Может быть, он Лопатину рассказывал другое. Мне он сказал – у меня впечатление такое с его слов, что он – виолончель огромная! – сказал, что пошлина очень большая на виолончель была, и он там её продал и привёз только – у него висел на стене в этой маленькой комнате! – смычок.

Потом тут к нам несколько раз приезжал реставратор московский. Кажется, он спасал Борисова-Мусатова, но я не уверена. Бедного большого Борисова-Мусатова! – он осыпался, и его всего исколол с каким-то клеем специальным: весь холст был исколот – укреплял так этот реставратор.

И приехал Максим Харитонович Бутаков. Так он говорил, что он незаконный сын Сурикова – он похож, правда похож на него был. Занятный был очень человек. Он Николаю Михайловичу подарил на память маленький свой этюд «Снег в Ташкенте». Когда он был в Ташкенте – неожиданно утром просыпается, и вся улица в снегу – на деревьях, с листьями деревья! – всё в снегу. Очаровательный этюдик был. Ну чисто реалистический совсем, но малюсенький, совсем маленький – вот такой, в половину листа.

А Бутаков начал за мной ухаживать – звал в жены, соблазнял, что у него картинная галерея, что у него Гварди есть, и что у него пластинка «О, голубка моя». Николай Михайлович издевался, как мог, только над этим явлением – я и Бутаков. Ну я уже рассказывала, что мы с ним вопрос моего одиночества обсуждали, а тут такое заманчивое предложение – «Голубка» даже, она была модная тогда в этот год. И Николай Михайлович этот этюдик мне с издевательской миной и словами, чтоб я не забыла этого автора, – этюдик этот мне подарил. Он у меня до сих пор даже.

– Ревновал, наверное?

– Ну, нет. Я, по-моему, не была в его «голубых видениях». Хотя говорили, что какое-то время мой портрет! – у него около его лежанки стояла моя фотография. Он очень хорошие фотографии

делал, с меня, – с Ратнер вместе мы – очень хорошая фотография. Отдельно меня в мастерской своей.

– Он сам делал фотографии?

– Замечательный фотограф! Он очень хороший фотограф был, композиции такие! Вот так вот! – у меня, мне досталась от него, и я не перемонтировала её, ни в какую рамку не взяла – как он был оклеен Николаем Михайловичем с надписью Бутакова ему подарок: «С глубоким уважением Николаю Михайловичу». Так что мне остался.

...а с этой выставкой! Когда выставку-то делали мы, вот кто был в Москве и какие-то мои друзья – мы решили, что фонд Николая Михайловича в музее нужно создать и пополнить, и я вот этого «Старичка-полевичка» отдала. И Ненашева что-то...

– Да, да. У неё есть что-то.

– Ну, рисунок его, я вам сказала, этой Юлии Грязновой я отдала. Вот он у вас, пионерочка такая. Вот с выставки этой – афиша была с его портретом молодым. И я из этой афиши вырезала его автопортрет, и он у меня в рамке висит. Все удивляются: «А кто это?» – «Автопортрет Гущина!» И портрет жены у меня остался. А его автопортрет из этих парижских репродукций! – приехал какой-то коллекционер из Москвы и упросил меня обменять. Ну, в общем, пристал ко мне, вот: – «Дайте мне эту репродукцию, а я вам замечательные "Пионы" Доброва» – хороший был художник, акварель, три пиона, что ль, там было? Ну, не выдержала я! – Господи, ему так хотелось, а у меня ещё оставалась одна. А теперь очень жалею. Но я думаю, что я сканирую репродукцию автопортрета...

...ну что ещё сказать о Николае Михайловиче? Период «Марфуткин» мне незнаком. Тут появились люди – я знаю... я не буду называть, масса интриг всяких. Было даже – сказали, что я на Николая Михайловича ходила жаловаться в Обком.

– Вы?

– Да! Вот мне уже Сорокин как-то сказал, что до него дошло, что я писала письмо в Обком. Господи! Говорили: «Эта Огарёва! – с неё где сядешь, там и слезешь, с неё ничего не добиться!» И когда Гродскову назначали директором и решили назначить – ко мне приехал в Москву – был Долгополов такой, инструктор был в обкоме молодой, который снисходительно ко мне относился, – я ничего для них не делала, не писала никаких докладов. Комсомольские вожаки! Да, я им писала доклады все по искусству, а Обкому я не хотела. Ну, у меня свои отношения были – обкома с мамой! – и со мной! Это было нехорошее противостояние. Долгополов ко мне приехал, говорит: «Мы Гродскову хотим директором». Ну, я и обрадовалась, потому что она всё-таки музей знает, худо-бедно она всё-таки кончила искусствоведческую академию. Ну, она с нами вместе уходила! – это их идея была, Свищёвой и её – Свищёвой идея была! Они в мой день рождения пришли. Совсем не будем!.. Этот период замалчивается. Ну, период был интересный. Я считаю, что музей почти на тридцать лет обескровили, пока новое поколение – все же новые пришли! – пока они занялись всерьёз.

А Наталия Ивановна замечательно знала музей, замечательно знала коллекцию! Она была очень интересным искусствоведом. Но очень скромная, никуда никогда не лезла, в последние годы она была – поменяли! – она стала главным хранителем из заместителя по науке. А заместителей по науке к нам присылали совсем – Невский хотя б приличный человек был! – просто кончивших, только кончивших к нам по науке присылали. Я уже была оперившейся совсем, но я не хотела никогда никаких официальных должностей – это уже когда в Москве мне стало скучно без музея, я тогда согласилась в Кусково пойти. Но я выдержала там четыре года только...

– Нонна Валерьевна! А скажите, почему Солянов ушёл?

– Почему он ушёл?

– Из музея.

– Да я в сущности – я не знаю. Не знаю. С ним я не говорила об этом.

– Для него это так больно, что его не хочется лишний раз спрашивать. У него сложные отношения с музеем?

– Сложные отношения. Но знаю, что он задержался в командировке – по-моему.

Конец рабочего дня: «Да, сейчас мы идём!»

– Милиция? Наверное, уже пора... Я посылала телеграмму: «Задерживаюсь на столько-то». Завьялиха, и потом они все, терпели – Чернышёв терпел, Арбитман хотел меня приучить к дисциплине. Но не приучил...

Но Солянов, конечно, был связан с музеем очень крепко. Настолько крепок, что когда мы уходили – мы же семь человек ушли из музея! – он сказал, что это глупость. Он был прав. Прав был! Он сказал: «Пусть они уходят! А чего вы уходите!» Но... меня в Москву тянуло. Но я очень тяжело переживала! И я до сих пор не могу расстаться с музеем. Не могу! Когда я еду сюда, у меня такое какое-то настроение – я радостная еду сюда.

К сожалению, когда я работала здесь – конечно, я в архиве, тоже и в библиотеке многое знала – но я думала: «Это своё – доберу, когда будет время» и так далее, и так далее. Я хорошо знаю архив Третьяковки и Русского музея, а вот сейчас... идиотка!

...простыню! Жарко очень было – мокроватую простыню, как в тогу римскую, и я, конечно, села рядом. Он был очень худой. Но какая-то порода такая! – и красивый! Вот исхудавший, измучившийся человек. Но какой-то красивый и весь такой цельный! Он уже почти облысел тогда. Натянутые скулы! Глаза! – живые, вот живые глаза! И он сидит и на коленке эту простыню собирает в какой-то... ну собирает на коленке двумя руками – у него хорошие руки были, такие хорошие руки, выразительные – тут худые, худые, вот так вот косточки просвечивают. И я говорю: «Ну, Николай Михайлович!» – и сняла как-то, что он собрал на коленке, на левой коленке; так вот он ко мне сидел – левой коленкой. И тут он говорит: «И тут, Нонна Валерьевна, вы мне всё испортили!» И вдруг меня осенило, что он композицию делал на коленке-то!

Но если мне удастся – как об учителе! – чего-нибудь написать...

Вот пришла я к началу обсуждения этой выставки и стала рассказывать, что умирает такой большой художник и такой интереснейший человек – слушали, как никогда! Тут так лилось прямо из меня...

И большое счастье для музея, для музея и – да! – Саратова! – и Николай Михайлович, такая залётная драгоценная птица неожиданно залетела, а потом целый круг художников вокруг него. Да какие художники выросли!

Я вот к Солянову в субботу съездила. И он растаял! Сначала ничего не хотел показывать – четыре вещи у него стояли там, и не хотел, а потом...

Аудио-видео запись Галины Беляевой. 2 октября 2012 года

*

1948 год

Радищевский музей: ремонт, экспозиция снята.

Протоколы совещаний научных сотрудников Радищевского музея. 5 января 1948 г. – 31 декабря 1948 г.

Протокол № 2. 6-го февраля 1948 г.

Обсуждение резолюции Всероссийского совещания руководящих работников искусств – «Об очередных задачах развития искусства РСФСР».

Прения:

т. Оболенская – ...вывести частично из экспозиции вещи художников «Голубой Розы»; пересмотреть и прокорректировать экспозицию отдела западно-европейского искусства.

т. Бурмистров – ...Для поднятия идейно-политического уровня охватить политической учёбой всех научных сотрудников музея.

Постановили:

...3. Работу с произведениями западно-европейского искусства давать правильную идейную оценку. Надо показать, что русское искусство стоит не ниже западно-европейского.

...6. Охватить политической учёбой весь коллектив музея.

Архив СГХРМ. Опись 2. Ед. хр. 180.

Протокол № 3

собрания коллектива научных работников Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева. 16 февраля 1948 г.

Повестка дня:

1. Постановление ЦК ВКП/б/ от 10.11 – 1948 г. об опере «Великая дружба» – В. Мурадели.

2. Разное.

т. Оболенская Н.И. – ...говорит о том, что после постановления ЦК Партии о кинофильме «Большая жизнь» и доклада т. Жданова, мы вновь имеем постановление ЦК ВКП/б/, осуждающее формалистическое направление в советской музыке, как антинародное и ведущее на деле к ликвидации музыки.

...По окончании чтения постановления ЦК ВКП/б/ выступившая т. Смирнова говорит о том, что в работе музея также нужно... обратить внимание на темы лекций... а также и на подбор людей как для лекций, так и, главным образом, для проведения экскурсий в самом музее, не допускать к этой работе неопытных и непроверенных людей.

т. Оболенская Н.И. – Товарищи, я считаю, что мы должны пересмотреть тематику своих лекций, так и экспозиции в русском искусстве, в частности «Голубую Розу» и, может быть, «Мир Искусства».

т. Кожевников Г.И. – ...Когда мы проводим экскурсии по отделу советского искусства, мы должны останавливать внимание зрителей на отдельных моментах, как-то более выпукло оттенять ту или другую деталь в русской живописи, в русском искусстве.

Возьмём, к примеру, художника А.П. Боголюбова. Говоря о нём, необходимо сказать, что это был один из гуманных русских художников, что он более близок русскому народу. (чем «Голубая роза» и «Мир искусства»).

т. Оболенская Н.И. – Экскурсии мы проводим по-старому, по-стандарту. Нам необходимо перестроить эту работу и, при экскурсиях, при сравнении западного искусства с советским искусством, проводить их под углом современного идейного мышления.

2. Разное:

т. Оболенская Н.И. – информирует коллектив научных работников о том, что 13-го февраля с. г. в Областном Комитете ВКП/б/ состоялось заседание, где обсуждался вопрос о работе Государственного художественного музея им. А.Н. Радищева. Вынесено постановление – работу музея признать неудовлетворительной.

Архив СГХРМ. Опись 2. Ед. хр. 180.

Протокол № 4

совещания научных работников Саратовского государственного художественного музея им. А.Н. Радищева. 6 мая 1948 г.

Повестка дня:

Обсуждение проекта плана экспозиции русского искусства XIX века и начала XX века.

т. Бурмистров /вступительное слово/ – Товарищи... у нас идёт капитальный ремонт здания. Ремонт не простой, а самый сложный и ответственный, так как проходят работы по устройству новой отопительной системы... ...охватывается полностью всё помещение... коллективу музея пришлось немало затратить труда на уборку экспонатов из экспозиции /переноску из помещения в помещение/.

Сейчас мы с вами собрались для того, чтобы обсудить проект плана экспозиции русского искусства XIX века и начала XX века. ...этот проект является первым проектом нашей будущей экспозиции после исторических решений ЦК ВКП/б/ по идеологическим вопросам.

Новая экспозиция является основой всей нашей работы, она является проверкой нашего понимания исторических решений ЦК ВКП/б/ и выступления т. Жданова, и показателем практического воплощения этих решений.

т. Кожевников – Товарищи, вынося на наше обсуждение проект плана экспозиции русского искусства и учтя все прежние ошибки, согласно постановления ЦК ВКП/б/ об искусстве, а также стремясь как можно шире и ближе приблизить искусство живописи к народным массам и зрителю... я мыслю, что нам, после ремонта здания, следует приводить экспозицию в следующем виде:

3-я маленькая комната:

1-я стена: Боголюбов

2-я стена: Харламов, Похитонов, Беггров, Башкирцева, Гун.

5-я комната «Мира искусства»

1-я стена: Коновалов, С. Иванов, В. Бельский, Дубовской, Рерберг, Рябушкин, С. Коровин.

2-я стена: Левитан, Серов.

3-я стена: Нестеров, А. Васнецов, Виноградов, Жуковский.

6. б. советский отдел 1 комната

1-я стена: Мир искусства – Рерих, Головин, Сомов, Бенуа.

2-я стена: Мусатов.

3-я стена: Браз, Коровин, Грабарь, Малявин, Архипов.

4-я стена: Кустодиев, Юон, Богаевский, Петров-Водкин, П. Кузнецов, Сарьян.

т. Оболенская – ...Я считаю принцип построения плана экспозиции правильным, а встретившиеся шероховатости мы устраним на месте, в процессе работы.

т. Никольская – Отдел древне-русского искусства будем вводить в экспозицию?

т. Бурмистров – Пока не будем, так как материал ещё недостаточно обработан. Об этом разделе будем говорить несколько позже.

...Товарищи, при устройстве новой экспозиции, перед нами стоит основная задача – сделать основной упор на реалистическое искусство, показать идейную сторону этого искусства и показать так, чтобы и техническая сторона в изобразительном искусстве соответствовала идейной стороне, что реалистическое искусство стоит на такой высоте, когда не может быть никакой речи о подражании западу, а, наоборот, русское искусство имело своё влияние на западное искусство.

Последнее постановление ЦК ВКП/б/ об искусстве как раз требует показа реалистического искусства во весь его рост, со всей ясностью и чёткостью его идейности, его чистоты от всего чуждого, наносного.

Заключение: Считать направление, взятое т Кожевниковым при построении плана экспозиции русского искусства правильным, с соответствующим уточнением отдельных его деталей.

Архив СГХРМ. Опись 2. Ед. хр. 180.

Протокол № 5

совещания научных работников Саратовского Государственного художественного музея им. А.Н. Боголюбова от 19-го мая 1948 года

Повестка дня:

1. О работе Музея в период ремонта и об участии Музея в посевной кампании по области.

т. Бурмистров И.Д. – имея на руках ряд последних решений ЦК Партии, мы уже пересмотрели свои методы работы, применительно к этим решениям, но, вот, теперь, в связи проводимым у нас капитальным ремонтом, мы должны ещё раз пересмотреть свою методику и поставить перед собой задачу – сейчас, когда идёт ремонт, особенно упорно и настойчиво надо работать, а мы, в порядке самокритики, должны сказать, что мы размягчились и снизили сильно темпы в своей работе. Вы знаете, что нас упрекали на районной конференции в плохой работе, мы особенно строго

должны относиться к себе, к своей работе. Сейчас, к открытию Музея, мы должны тщательно подготовиться.

...Я считаю, что весь коллектив научных работников Музея должен, помимо основной работы на своём участке, вести ещё политико-воспитательную работу, просветительскую работу, научную пропаганду.

Возьмём, к примеру нашего художника-реставратора – Н.М. Гущина. Он, также, как и другие научные работники, может также прочитать лекции о своей работе, о том, как он работает над реставрацией картин, о самом этом процессе, о том как он лечит экспонаты и о результатах этого лечения. Ведь, это для лекции очень интересный материал. То же самое могут сделать и другие научные работники Музея. Я считаю, что это дело надо активизировать. Начать свою работу сейчас-же надо с посевной. Этими днями, дня через два-три, необходимо выезжать в районы области и вести свою работу на станах, в поле, прочесть ряд лекций по изобразительному искусству и ряд других лекций, направленных на приближение искусства к массам, к народу.

Работники, выезжающие от нас сейчас на обслуживание посевной обязаны немедленно разработать план своей поездки и... в частности. Есть предложение от театра кукол общей поездки с их бригадой, но вести работу по своему плану.

т. Фомина – ...хотелось бы знать, хотя-бы приблизительно, когда кончится ремонт?

т. Бурмистров – по словам заведующего «Саратовстрой» – т. Чикина, весь ремонт Музея будет закончен к 1-му июля с. г., конечно, я мало в это верю, но думаю, что к 15.VI – с. г. большая часть может быть закончена и как только переднюю часть нам освободят из-под ремонта, так мы сейчас-же начнём работы по экспозиции.

Работы с ремонтом тормозятся из-за отсутствия олифы у «Саратовстрой». Но сегодня мне сообщили, что, видимо, днями он получит олифу и наш ремонт пойдёт быстрее.

т. Оболенская – ...продумать как следует все детали. В частности, нашему художнику-реставратору – Гущину Н.М. предстоит сейчас очень и очень большая работа и здесь, на совещании, я ставлю вопрос о том, чтобы его по хозяйственной линии снабжали беспрекословно всем необходимым ему материалом, чтобы он не терял напрасно время, не ходил и не просил, а больше уделял времени основной работе.

В заключение, совещание научных работников высказало следующие пожелания.

1. Закончить схемат-экспозиционный план к 1.VI – 48 г.

2. В районы области по обслуживанию посевной выехать не позже 25 мая с. г., проработав маршрут к 20. V. к 12 часам дня.

3. Поручить т. Ратнер проработать план мероприятий по политико-воспитательной работе с предприятиями города... в течение 3-х. дней.

Протокол вела: /Н. Сулье/

Архив СГХРМ. Опись 2. Ед. хр. 180.

Протокол № 6

производственного совещания научных работников СГХМ им. А. Н. Радищева с участием представителей: от Обкома ВКП/б/ т. Фёдорова Н.Н. и Городского Отдела по делам искусств – т. Садковой Н.П.

Присутствовало: 10 человек. 29-го мая 1948 г.

Повестка дня:

т. Бурмистров. – Товарищи, открывая наше производственное совещание с участием т. ФЁДОРОВА Н.Н. – от Обкома ВКП/б/ и т. САДКОВЫМ Н.П. – от Гор. Отд. по делам искусств, мне хочется начать с того, что сейчас для нас является особенно важным, т. е. что нами сделано за тот отрезок времени, когда на совещании в Обкоме Партии были намечены мероприятия по работе Музея, и что надо ещё сделать.

В современных условиях, когда советский народ самоотверженно борется за восстановление и дальнейшее развитие хозяйства и культуры, в период завершения строительства социализма в на-

шей стране и постепенного перехода к коммунизму, перед советским государством стоит огромная задача – подъём культуры и искусства нашего народа.

Перед советским искусством стоит благородная задача: всеми своими формами повышать у народа замечательное чувство любви и преданности к нашей великой Родине: развивать чувство бодрости и уверенности в советском народе. Наше искусство призвано способствовать дальнейшему движению нашей страны вперёд по пути прогресса во всех областях материальной и духовной жизни.

Исторические решения ЦК ВКП/б/ по вопросам литературы, театра, кино и музыки с исключительной ясностью выразили великую заботу и внимание Партии к идеологическому фронту, к советской литературе и искусству.

В этих решениях, направленных против безыдейности и аполитичности к работникам литературы и искусства предъявлены высокие требования: создать произведения, достойные нашей Сталинской эпохи, могущих действительно помогать Партии воспитывать миллионы трудящихся в духе коммунизма.

Художественный Музей им. А.Н. Радищева входит в эту единую цепь могущественного идеологического фронта.

Все исторические решения ЦК Партии по идеологическим вопросам являются политической основой – программой во всей деятельности Музея.

В феврале текущего года, руководствуясь решениями ЦК ВКП/б/ по идеологическим вопросам, Отдел культуры и пропаганды Обкома ВКП/б/ слушал доклад о работе Музея, где была отмечена неудовлетворительная работа Музея, а также ряд существенных недостатков.

Сегодня, Отдел культуры и Обком ВКП/б/ интересуется, как мы восприняли намеченные нам мероприятия и что сделали в смысле перестройки своей работы.

1. В феврале месяце с/г. Было проведено совещание научных работников Музея по вопросу постановления ЦК ВКП/б/ об опере «Великая дружба» В. Мурадели. На этом совещании был принят ряд практических предложения по вопросу перестройки экспозиции.

2. В марте было совещание научных работников по вопросу быстрого исполнения поставленных задач, с распределение ответственности за определённый участок и сроки /план экспозиции II половины XIX в. начала XX в. – закреплён за Кожевниковым и XVIII в. и 1-я пол. XIX в. – закреплены за т. Оболенской/.

3. На совещании 6-го мая обсуждался проект плана экспозиции русского искусства XIX в. и начала XX века.

4. И на последнем совещании /19.У/ обсуждался вопрос политико-воспитательной работы в период ремонта и обслуживание весенне-посевной кампании.

В части ремонта. По заверению Управляющего трестом «Саратовстрой» – Чикова, в течение ближайших пяти дней работы по монтажу отопления будут закончены, малярные работы сейчас встали из-за отсутствия олифы; меры принимаются, хотим надеяться, что в ближайшее время, с помощью может быть, вышестоящих организаций, и этот недостаток изживём и постараемся скоро придти к окончанию ремонта.

Надо сказать, что этот ремонт в сильной степени отразился на научной работе Музея. Потребовалось сразу освобождать все залы из экспозиции. На эту работу был брошен весь коллектив Музея, так как снятие и переноска из помещения в помещение экспонатов требовали большого внимания и бережного отношения и в ней участвовали все научные работники.

Какая ведётся сейчас работа по научной части:

1/ На последнем совещании, в практических предложениях было: «Проанализировать существующую экспозицию», и сейчас эта работа проводится.

2/ Ведётся работа по составлению каталога графики.

3/ Составляются карточки научного описания.

4/ В свете последних решений ЦК Партии, ведётся работа по пересмотру лекционного материала, с изучением последних изданий в области ИЗО-искусства.

5/ На обслуживание весенне-посевной кампании послан наш работник с лекциями в районы области. Обслуживание районов области предполагаем проводить не только в период весенней посевной, а более или менее регулярно.

6/ В области политико-просветительской работы. Установили связь с ВЦСПС для ведения работы Музея на предприятиях и в организациях. Сейчас эта работа несколько задерживается из-за уточнения материала по лекциям.

Имеется договорённость в летний период обслуживать пионер-лагеря и детские санатории.

Здесь мы можем сказать, что у нас в области лекционной работы имеется сдвиг в сторону развития, роста.

В порядке самокритики, мы должны сказать, что мы не имеем в своём составе работников высокой квалификации, т.е. у нас нет научных работников – кандидатов, доцентов и т.д. Стараемся заняться вплотную этим вопросом – подобрать квалифицированные кадры научных работников.

Поставили перед собой также задачу – научной консервации художественных ценностей. Ведём в этой области подготовительную работу с заводами г. Саратова, но, видимо, одни с этим не справимся, так как на заводах неохотно принимают индивидуальные заказы не массового, не стандартного типа, как щиты, тумбы, витрины и другие виды хранения наших экспонатов. Придётся, кажется, заниматься этим самим тут, в Музее, но для этого требуется клей, краски, лесоматериал, а это также очень и очень трудно получить.

По окончании ремонта, а может быть, в конце его необходимо будет выехать в Москву, чтобы получить багеты и рамы для оформления Советского Отдела, а также и для того, чтобы поставить вопрос об оказании помощи Комитетом по делам искусств при Совете министров СССР в дополнительном приобретении художественных произведений для открытия Советского Отдела, так как то, что мы сейчас имеем это будет недостаточно.

Что сейчас от нас требуется:

1/ Углубить работу над экспозицией.

2/ Уложиться в намеченные соки и обеспечить открытие Музея не позже 1. VII.

3/ Потребовать от строительных организаций, проводящих ремонт в нашем Музее, закончить все работы к 15.VI и начать свою экспозиционную работу.

т. Фёдорова /Обком ВКП/б// – Товарищи, я думаю, лучше будет, если мы сейчас поручим ведение нашего собрания т. Садковому, так как нам хотелось бы сейчас послушать всех научных работников Музея о научной работе, может быть, дать самую серьёзную критику и самокритику об этой научной работе, мы можем, конечно, задеть частично и хозяйственные работы. Но нас интересует больше научная работа Музея, хотелось бы получить серьёзные замечания, наметить конкретные пути к быстрейшему открытию Музея.

т. Садковой – То, что нам доложил т. Бурмистров о ремонте – вопрос ясен. Решать вопрос о быстрейшем его окончании нужно будет в соответствующих организациях. Сейчас нам хочется послушать мнение научного коллектива Музея о существе работы. Что сделано и что нужно ещё сделать, устранить, исправить и пойти по правильному пути. Прошу товарищей в этом разрезе и выступать на нашем собрании.

т. Кожевников – Вот, я и начну с последнего, т.е. что необходимо сделать, чтобы Музей начал работать по новому.

По-моему, прежде всего надо иметь план работы, а у нас его нет, отсюда и идёт вся наша работа непланово, безсистемно, получается неразбериха. Вот, скажем, через 10 дней ремонт кончится. Нужно будет разложить картины, устроить просмотр общественности, но, поскольку плана нет, опять ничего этого планового сделать будет нельзя.

Теперь об экспозиции после ремонта. На этой работе заняты сейчас я и Оболенская. Трудности нашей экспозиции в том, что один и тот же художник у нас может быть представлен не одинаково. Другое дело, когда, как, например, в Третьяковской галерее, под художественные произведения кого-либо из крупных художников отводится целое помещение. Там проще размещение экспозиций. У нас это осложняется тем, что в одной комнате мы должны разместить несколько таких художников и в этом большие трудности.

Я решил изменить экспозицию русского искусства, подать его зрителю более широко, улучшить размещение произведений русского искусства. Мы предполагаем, что весь верх у нас будет занято русским искусством дореволюционного времени, а низ, на левой стороне занят Советским Отделом. Конечно, этот размах мы хотим провести не за счёт размягчения крупных произведений более мелкими, второстепенными, а, наоборот, за счёт улучшения его как качественно, так и количественно, так и чисто внешнего, художественного оформления.

Произведения художника Боголюбова мы хотим вынести в отдельную, небольшую комнату наверху. Не считаем это абсолютно верным, но хотим посмотреть, может быть, будет и лучше.

Трудности экспозиции заключаются ещё и в том, что сейчас, во время ремонта, негде даже работать над экспозицией. Нет свободной комнаты, где бы можно было сесть, разложить всё и подумать. В моём распоряжении один только обыкновенный канцелярский стол, а мне нужно несколько столов, спокойную обстановку, а та комната, где мы сидим в рабочее время не отвечает всем этим условиям. Это также очень тяжело отражается на работе с экспозицией.

т. Оболенская – я так же хочу несколько слов сказать об экспозиции. Я согласна с т. Кожевниковым, что условий для этой работы нет. Кроме того, я ещё хочу сказать об оформлении Советского Отдела. Нет рам, нет достаточно художественных произведений, чтобы заполнить целиком Советский отдел. Боюсь, что он будет выглядеть очень невыгодно. Что нет плана, это, безусловно, очень плохо и это вредно отражается на всей нашей работе и будет отражаться в дальнейшем.

т. Садковой – От кого это зависит, чтобы сделать рабочее место таким, каким оно должно быть. Как вы мыслите выходить из этого положения.

т. Оболенская – Должно было исходить от нас, но в данном случае, требования строительной организации и поставили нас в такие условия, что не всегда могли выделить себе отдельную комнату. Но, вот, оборудование местами меня очень сильно беспокоит.

т. Садковой – Что вам нужно?

т. Оболенская – Нужны витрины, рамы и багеты.

т. Садковой – Хорошо, Вы ставите сроки окончания ремонта, открытия Музея, всё это будет сделано, а рам всё-таки к этим срокам не будет. Как Вы думаете выходить из этого положения? Что вами предпринималось ранее для этого?

т. Бурмистров – Рамы заказаны ещё в 1947 г. Деньги на них переведены. Писали неоднократно. Обещали с багетами устроить, большие трудности с упаковкой, так как разные размеры и всё это очень осложняется. Большое беспокойство вызывает оборудование. В этом, без помощи вышестоящих организаций, мы не сумеем добиться благополучного решения вопроса, хотя и дано ведём по этому вопросу работу.

т. Садковой – Да, я знаю, что это вопрос данного времени, но как же дальше это будет? Будете открывать музей со старым оборудованием, или будете ждать нового оборудования и задерживать открытие Музея?

Не надо закрывать глаза – поскольку этого оборудования нет и неизвестно когда оно будет, очевидно Музей надо будет открывать со старым оборудованием. Здесь тоже вопрос упёрся в отсутствие постоянного плана в Вашей работе.

т. Фомина – Я считаю, что при открытии Музея мы должны максимально использовать фондовые запасы. Меня сейчас интересует вопрос – будет ли возможность выставить фарфор, графику. Есть масса парчи и других предметов, которые, если их нельзя и не надо экспонировать, надо куда-то передать, где они будут иметь какое-то значение, а то мы занимаемся тем, что перекладываем целыми годами с места на место, а экспонировать, также целыми годами не экспонируем. Часто в фонды заходят художники и говорят, что много богатства, а экспонировать не экспонируете всё. Также насчёт иконописи. Что-то тут надо делать.

Теперь о шторах. Необходимо в экспозиционных залах иметь шторы, так как солнечный свет очень вредно отражается на экспонатах. Пора об этом подумать.

т. Садковой – В процессе своей работы Вы занимались всеми этими вопросами?

т. Фомина – В принципе этот вопрос поднимался, кое-что сделали, но много ещё есть такого, что нужно как-то разрешить.

В отношении Советского Отдела. Я думаю, что мы не удовлетворим зрителей тем, что имеем. Мне кажется, что не надо увлекаться количеством, а надо дать всё сгущённо, компактно.

Также в отношении помещения для выставок. Необходимо иметь для выставок определённые помещения.

т. Оболенская – Вам, т. Фомина, как музейному работнику, должно быть понятно, что выставлять всё сразу из фондов нельзя. В этом должна быть периодичность и этого не позволит нам наша территория помещений.

Относительно фарфора. Фарфор весь выставлен быть не может, наши помещения нам этого не позволят. Стабильности выставочного помещения у нас также не может быть, по тем же причинам.

т. Смирнова – Я хочу сказать о своей поездке в Москву. У меня было скромное задание – вывезти произведение Чернецова и то, что из наших вещей было на выставке в Третьяковской галерее.

Относительно рам; вопрос этот действительно тяжёлый. Переброска их повлечёт к большим затратам Я считаю, что кому-то нужно выезжать срочно в Москву и двигать этот вопрос быстрее.

В отношении оборудования Советского Отдела. Конечно, дело здесь обстоит неблагополучно. Поднимать этот вопрос уже поздно, т. к. сроки остались слишком маленькие. Нужно принимать какие-то меры, чтобы витрины под фарфор, под вещи палешан изготовить к открытию Музея.

т. Садковой – Тов. Оболенская, когда Музей закрылся на ремонт, какая Вами проводилась массовая работа в городе. Как Вы пропагандировали изобразительное искусство?

т. Оболенская – Проводилась, но только в школах читались лекции.

т. Садковой – В каком количестве?

т. Оболенская – Прочитано было 10-12 лекций.

т. Садковой – Во время ремонта, у работников Музея уплотнённый был рабочий день?

т. Оболенская – Рабочий день был не совсем уплотнённый. Я считаю, что мы не сделали решительного поворота в своей работе после мероприятий, которые наметил Обком партии на совещании в феврале месяце с. г.

т Садковой – Как Вы думаете теперь организовать работу?

т. Оболенская – Немедленно сейчас же дать план – задание всему коллективу и каждому работнику в отдельности.

т. Садковой – Как практически Вы думаете это сделать?

т. Оболенская – Совместно с коллективом работников Музея.

т. Фёдорова /Обком ВКП/б/ / – Мне хочется сделать замечание по докладу т. Бурмистрова. Мы с Бурмистровым имели днями большой и серьёзный разговор.

И сейчас, слушая его, где он часто делает ссылки на свою болезнь, у меня такое мнение, что надо ему сменить стиль своей работы. Болезнь болезнью, но если мы живём, работаем, так надо работать в ногу со всей большой жизнью, которая кругом нас. Надо конкретно научиться работать, надо хорошо руководить. Коренным образом отказаться от старого стиля и стать настоящим руководителем. Надо требовать и от коллектива, от работников и от себя настоящей работы. Т. Фомина права в своём выступлении, надо прислушиваться внимательно к замечаниям своих работников. Музей хорошо знают, но только в городе. Вас знают хорошо и в Москве, значит, надо более настойчиво и упорно добиваться как здесь, так и в Москве, положительного разрешения всех затронутых вопросов, изживать все недостатки, конкретнее и требовательнее быть в своих запросах. Надо планово работать, без плана дело не пойдёт. Будет план, за планом пойдёт и хорошая экспозиционная работа и оснащение экспозиции. Жизнь идёт бурно, отставать от неё мы с Вами не имеем права. Советский Отдел надо показать зрителю, как можно лучше использовать всё, что есть в перспективе. Все мероприятия надо разрешать только совместно с коллективом для лучшего их применения в жизни Музея. Может быть, на следующее заседание нужно будет пригласить

т. Чикова, чтобы всё знать от него конкретно – когда закончатся строительные и малярные работы. Не надо отказываться и от этого.

В Музее есть возможность жить и работать хорошо и надо добиться этого, чтобы работать и жить хорошо. Пора положить конец тому состоянию, в котором находится Музей в данное время, т. Бурмистров надо преодолевать себя.

т. Садковой – Во время моего пребывания в Москве я лично слышал много нареканий на Музей. Там, в Комитете по делам искусств ничего не знают – как идёт ремонт, что делает Музей. Ведь, если в Комитете пошли на то, что приняли те сроки, какие установили здесь, а сроки эти теперь не выдерживаются, то Комитет-то тоже несёт кукую-то ответственность в этом деле, он должен знать, что делается в Музее, как здесь идёт и ремонт и научная работа коллектива Музея. Одним словом, т. Бурмистрову надо будет изменить стиль в работе, так продолжаться не может.

Я думаю, мы сейчас должны придти к следующему:

1/ Немедленно составить рабочий план Музея.

2/ Высвободить одну комнату из-под ремонта и дать возможность научным работникам заняться в ней экспозицией.

3/ Установить срок когда будет готов этот план.

т. Бурмистров – Нужно сказать, что уже в процессе этого совещания я уже увидел, что здесь есть какая-то помощь и со стороны. Я согласен, что я, как руководитель, кое-в чём виноват, но я был сильно болен и это, конечно, имело отражение на работе Музея.

Основной план по экспозиции у нас делается, а рабочий план, действительно, из-за своего состояния, я не мог составить, а в порядке самокритики должен сказать, что его могли сделать и без меня. Важно ведь, чтобы каждый товарищ серьёзно и глубоко продумал над тем, что он делает и как делает, отсюда и качество его работы. Я полагаю, что 2.VI рабочий план мы поставим на заседании коллектива.

т. Садковой – Я считаю, что рабочий план не позднее 4. VI – 48 г. должен быть завершён. Чтобы иметь помощь у вышестоящих организаций, необходимо иметь план и конкретнее выставлять свои требования. Комитету по делам искусств при Совете министров РСФСР доложить немедленно что конкретно сделано и что делается в Музее.

На этом совещание закрывается.

Председатель

Протокол вела: /Н. Сулье/

Архив СГХРМ. Опись 2. Ед. хр. 180.

...у нас свирепствует диктатура Сталина.

...Да здравствует холуйство!!!

Щеглов И.Н.

Мировое значение советского изобразительного искусства

Советский народ пошёл по пути социализма, по пути, указанному партией Ленина-Сталина, и создал новую, советскую идеологию, культуру, новое искусство, национальное по форме, социалистическое по содержанию, в корне отличное от искусства буржуазного общества. Завоевание политической власти трудящимися в нашей стране явилось главным условием создания подлинной народной культуры и её успешного развития. Советский Союз стал оплотом мировой цивилизации. Его культура и искусство – самые передовые, самые идейные во всём мире.

Эпоха империализма означала полный упадок буржуазной культуры и искусства. Капитализм превратил писателей, поэтов, художников, журналистов в своих наёмных рабов, лишил их свободы и индивидуальности. В эпоху империализма буржуазное искусство дошло до крайнего упадка.

Кубизм, футуризм, экспрессионизм и им подобные течения заняли в искусстве господствующее положение. Среди художников, писателей получает распространение мысль, что искусство и капитализм несовместимы. Раздаются голоса: «Искусству пришёл конец.» С. 10-11.

Как советский социалистический строй является новым, невиданным в истории человечества, в корне отличным от буржуазного строя, так и новое, советское искусство коренным образом отличается от буржуазного искусства, имеет свои черты, свой стиль, своё содержание и форму, соответствующие жизни, мировоззрению, запросам советского общества. Навсегда ушло то время, когда в искусстве нашей страны господствовали парижские, английские моды. Советское искусство идёт своим самостоятельным путём, являясь неотъемлемой частью советского народа и его идеологии.

Законодателями вкусов в искусстве нашей страны являются не французисты и англофилы, а передовые советские люди, знающие цену современного упадочного буржуазного искусства.

Однако на протяжении многих лет в советском искусстве действовали сторонники буржуазной идеологии, различные «левые», формалистические, антинародные течения. Они не перевелись и сейчас, и сейчас находятся пошлые подражатели упадочного искусства.

С помощью большевистской партии и всего советского народа наши художники преодолели в основном эти враждебные советскому искусству течения. Но они и сейчас имеются, хоть и действуют теперь осторожно, скрытно, но пользуются всяким удобным случаем, чтобы нанести вред нашему советскому искусству. Не так давно наша общественность нанесла сокрушительный удар по буржуазным взглядам на искусство искусствоведов Пунина и Эфроса. Советская общественность и впредь будет вести беспощадную борьбу против всех враждебных советскому искусству течений. С. 13.

Вспомним творчество Петрова-Водкина до Октябрьской революции. Какой это был страшный тупик для талантливого человека. Но уже в 1923 г. он показал картину «После боя», а в 1928 г. – «Смерть комиссара», в 1933 г. – «Тревога». Сравнивая эти картины с дореволюционными, легко убедиться в том, какое благотворное влияние оказала Октябрьская революция на этого художника. Вспомните дореволюционное творчество таких художников, как Кончаловский, Сарьян, и станет ясным, что Октябрьская революция вывела этих художников из тупика, создала все возможности для расцвета их таланта.

Это творческое перевооружение удалось лишь тем художникам, кто стал на реалистический путь и начал работать в соответствии с требованиями и запросами советского народа. С. 15.

Только человек, свободный от ига эксплуатации, воспитанный в духе социализма, преданный партии Ленина-Сталина может быть творцом новой культуры. Рабочий класс, крестьянство, интеллигенция нашей страны являются носителями совершенно новой идеологии в истории человечества. Товарищ Сталин говорил: «Последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства».

В нашем искусстве получила выражение новая, советская концепция художественного образа человека, советская концепция художественного образа природы.

Самой трудной проблемой всякого искусства является создание художественного образа вождя народа, трибуна.

Первое место в решении этих сложных задач принадлежит А. Герасимову. Герасимов решает самые сложные проблемы советского искусства. В произведении «Ленин на трибуне» им создана сложная композиционная тематическая картина-портрет, выражающая героический, романтический образ Ленина – вождя масс, ведущего за собой революционный народ, образ, воплощающий устремление к борьбе миллионов трудящихся. Цветовое и композиционное построение этого произведения убедительно выражает представление народа о любимом вожде, о революции, о наступлении новой эры человечества, творимой самим народом.

В картине «Сталин на XVI партсъезде» те же черты у Герасимова получили новое, правдивое выражение, – в образе товарища Сталина переданы простота и гениальность, демократизм и твёрдость вождя. Художник создал образ, близкий и дорогой широким массам народа.

«Сталин и Ворошилов в Кремле» А. Герасимова – глубокое монументальное произведение. В нём также получили выражение черты нашей героической эпохи. В образах Сталина и Ворошилова нет ни тени официальности, помпезности. Герасимов в своём творчестве всегда правдив и искренен.

Можно было бы перечислить много других произведений, созданных Герасимовым, отличающиеся теми же особенностями. Глубокая интеллектуальность образов Герасимова не носит аристократического характера, – наоборот, она отражает духовный рост советского народа и ещё больше роднит вождя с каждым трудящимся человеком. С. 18-20.

Советские скульпторы идут по тому же пути, что и наши лучшие живописцы, и создали немало высокохудожественных образов Ленина и Сталина, портретов передовых советских людей, а также сложных композиционных произведений...

Очень яркие, сильные художественные образы Ленина и Сталина созданы Меркуровым, Манизером, Томским, Ингалом, Боголюбовым, Кепиновым.

В деле создания монументальных народных образов Ленина и Сталина и их соратников почётное место занимают работы Манизера. Продолжатель традиций русской реалистической скульптуры, Манизер сумел внести в неё новые, народные советские черты. Его произведения отличаются жизненностью, точностью мастерства. В борьбе за советскую художественность образов, за реалистичность скульптуры, Манизеру принадлежит большая заслуга...

На протяжении 25 лет, вслед за покойным Н. Андреевым, над образами Ленина и Сталина трудится художник П. Васильев. Его многочисленные работы, альбомы, рисунки займут почётное место в любой библиотеке, музее и квартире каждого советского человека. В них просто, без претензий, правдиво Васильев воспроизводит дорогие черты Ленина, Сталина и их соратников. Многие из его работ представляют большую художественную ценность. С. 21.

...даже самым лучшим образам, созданным, например, русскими художниками XIX в. Репиным, Серовым, Перовым, Крамским, свойственны неудовлетворённость, противоречие между богатством внутренней жизни и окружающей прозаической, неприглядной действительностью. Перед нами тонкие натуры благородных людей, лишённых, однако, прочной основы в реальной жизни. Конечно, советскому портрету ещё очень далеко до мастерства, глубокого знания жизни, которыми обладали замечательные русские художники. Но перед советскими художниками стоят и огромные трудности – им нужно отобразить передового советского человека, стоящего на неизмеримо более высоком уровне по своему мировоззрению, по делам, которые он совершает, чем люди XIX в.

...это передовые строители социализма, которые, засучив рукава, преобразили нашу страну и сломали хребет врагу, мешавшему нашему движению вперёд.

...в них, в этих образах, получила выражение советская интеллектуальность, противоположная интеллигентской дегенерации, отличавшей образ дореволюционного интеллигента-декадента.

...нельзя было иллюстрировать Чехова так, как его иллюстрировали до Октябрьской революции. Советский человек по-новому взглянул на героев Чехова, он понимает всю мелочность и ничтожество интересов людей, выведенных Чеховым, но он сочувствует всему человеческому в них. С. 22-23.

Но советское искусство имеет и серьёзные недостатки. Мы ещё в большом долгу перед советским народом. Как и прежде, основной задачей советского искусства остаётся борьба за дальнейшее повышение идейно-воспитательного значения советского искусства. Оно должно отвечать во-время на запросы советских людей, партии Ленина-Сталина. Товарищ Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» говорил: «Тот, кто неспособен идти в ногу с народом, удовлетворять его возросшие требования, быть на уровне задач развития советской культуры, неизбежно выйдет в тираж... Руководствуясь методом социалистического реализма, добросовестно и внимательно изучая нашу действительность, стараясь глубже проникнуть в сущность процессов нашего развития, писатель должен воспитывать народ и вооружать его идейно...

Наши люди должны быть образованными, высокоидейными людьми, с высокими культурными, моральными требованиями и вкусами. Для этой цели нам нужно, чтобы литература наша, журналы наши не стояли в стороне от задач современности, а помогали бы партии и народу воспиты-

вать молодёжь в духе беззаветной преданности советскому строю, в духе беззаветного служения интересам народа». Эти слова целиком и полностью относятся и к советскому изобразительному искусству.

И ещё товарищ Жданов указывал: «Ленинизм исходит из того, что литература не может быть аполитичной, не может представлять собой "искусство для искусства", а призвана осуществлять важную передовую роль в общественной жизни. Отсюда исходит ленинский принцип партийности литературы – важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе». С. 24-25.

В 1917 году человечество пошло двумя различными путями. Наша страна пошла по пути социализма и строительства коммунистического общества. Советское государство делает всё, чтобы в нашей стране развивались культура и искусство. Между тем в капиталистических странах ещё больше, чем прежде, распространяется реакционность идей...

Советской культуре и искусству чужда какая бы то ни было проповедь национальной исключительности, высокомерия, пренебрежительного отношения к культуре других стран и народов. ...Великая идея дружбы народов и уважения к независимости малых народов – один из важнейших вкладов советского народа в мировую культуру...

В то время, как искусство народов СССР идёт неуклонно вперёд, современное искусство буржуазного мира пришло к полной гибели. В само деле, что может советской культуре противопоставить современная культура капиталистического общества? Линчевание негров в Америке, борьбу против Индонезийской республики, против демократии в Греции. Может ли современная буржуазная культура противопоставить своё вырождающееся искусство нашей советской музыке, балету, театру, литературе, живописи, скульптуре? Нет искусства в современном буржуазном мире...

Советские художники и дальше будут служить своему великому народу и дальше будут двигать успешно своё советское искусство. Для этого у них имеются все возможности, потому что советское государство, партия Ленина-Сталина создают все условия для их работы. Под руководством Великого вождя и учителя товарища Сталина советское искусство с честью справится со своими задачами. С. 27.

П. Лебедев // Искусство. 1948. № 1, январь-февраль.

Слава партии будет жить вечно

– не эпитафия, не некролог, заголовок статьи Г. Коновалова в газете «Ульяновская правда» 50-х годов XX века. На обороте клочка – без даты – газеты сообщается о состоявшемся 27 июля перемирии в Корее, об открытии 25 июля в Бухаресте Третьего Всемирного конгресса молодёжи, о том, что коммюнике закончившегося на днях в Вашингтоне совещания министров иностранных дел США, Англии и Франции вызвало резкую критику со стороны мировой демократической общественности.

– Каждый день, рано утром и в полдень, сходят с пароходов и теплоходов люди, поднимаются по самой длинной и крутой на Волге лестнице, идут в город и спрашивают первопопавшегося человека: – Где домик Ленина?

И любой житель Ульяновска расскажет приезжим, как пройти к домику, где много лет назад жила хорошая русская семья Ульяновых, давшая миру Владимира Ильича Ленина, создателя партии коммунистов и Советского государства.

И сотни людей: пионеры из Молотова и старики из Москвы, рабочие Ярославля и нефтяники Баку идут мимо молодых скверików и старых тополей к домику Ленина. Вся жизнь этих простых людей кровно связана с именем создателя и гениального вождя нашей партии.

В эти дни в домике и в филиале Центрального музея В.И. Ленина особенно многолюдно. Посетители осматривают домик, сад с ясными и вместе с тем задумчивыми лицами, потому что имя Ленина, имя партии всегда вызывают в душе людей самые светлые и хорошие чувства и мысли.

Потому-то и горят глаза живым огнём, что люди, особенно молодёжь, ждут от себя, от своего будущего невыразимо много хорошего, счастливого. А побывав в музее, проследив героический путь

партии и народа за 50 лет, люди проникаются ещё большей верой в свои творческие силы, ещё более прочной становится их живая связь с партией.

...Этот домик, этот сад, насыщенный запахом влажной земли и зреющих яблок, родные для них. Снова проходят они по залам внизу и наверху, всматриваются в документы партии, в тезисы и записные книжки В.И. Ленина. И весь великий путь, пройденный партией за 50 лет, встаёт перед их взором.

Теперь, после того, как они прочитали тезисы к 50-летию партии, они особенно подолгу останавливаются у витрин с документами II съезда. ...не поддаётся учёту вся та гигантская работа, размах титанической борьбы за народное счастье, которые проделали рабочий класс, беднейшее крестьянство наше страны под руководством Коммунистической партии.

Сыны партии прошли через тюрьмы, каторгу, казни. Партия вооружила народ всепобеждающим ученьем марксизма-ленинизма. Окрылённый этим учением, ведомый партией, народ сокрушил мир капитала, утвердил советскую власть, одолел многочисленных врагов в гражданской войне. Смело идя по пути, указанному партией, народы нашей страны построили социализм, создали многонациональное, изумляющее единством и крепостью государство, разгромили фашистское нашествие, открыв перед народами Европы и Азии пути к мирной жизни.

Для таких простых людей, как молодые рабочие завода, социализм значит всё то, что они имеют в жизни: свободный творческий труд, свободная учёба, здоровье и счастье их самих и их семей.

Как же советскому человеку, комсомольцу не любить свою родную партию, если она указывает путь к счастью? Как же человеку не гордиться своей партией, если она никогда не обманула и не обманет его лучших надежд? Как же человеку не быть уверенным в своём светлом будущем, если он знает, что в это светлое будущее ведёт его партия, отчётливо видящая дали коммунизма? Как же, наконец, не стремиться молодому человеку вступить в ряды партии, исполнять её веление, если в лице партии он видит героический, бесстрашный передовой отряд народа, если коммунисты воплощают в себе самые благородные качества советских людей?

И по зову своего сердца идёт советский молодой человек в партию, чтобы множить её славу. Он самоотверженно, самозабвенно трудится на заводе, в шахте, в поле, на море и в лесу, в лаборатории и в рядах армии с одной целью, с одной мечтой – как можно больше дать народу, ещё богаче украсить свою свободную Отчизну, сделать её ещё сильнее.

Партия – живой организм, развивается, творит, дерзает, мечтает, покоряет природу, переделывает человека именно потому, что она сильна сплочённостью своих рядов, верностью ленинизму, творческой активностью своих рядовых членов.

...Глядишь на них, на этих молодых парней и девушек, на этого бодрого старика, и ощущаешь ту всепобеждающую, творческую силу советского народа, силу, которая создала партия, объединив людей труда в единой цели созидания коммунизма.

Пройдёт много лет. Новые люди, ещё более красивые и мужественные, будут жить и трудиться на земле. Не будет тогда ни войны, ни капиталистов, ни горя, ни лишений. Не только солнце будет светить всё так же ярко, как светит оно сейчас, в этот июльский полдень, так слава нашей партии, как вождя человечества, немеркнущим светом будет сиять в веках.

Г. Коновалов, ответственный секретарь Ульяновского отделения Союза советских писателей. «Слава партии будет жить вечно». Архив семьи Коноваловых. Папка «О литературе».

Продолжение следует

Содержание номеров за 2018 год

ПОЭЗИЯ

Алексей Александров. Это были торпеды добра. *Стихи из книги.* № 9-10. *С.* 279
София Амирова. «Не обижай меня, за мной...» *и др.* № 3-4. С. 147
Анастасия Андреева. «по ком здесь плачут наугад...» *и др.* № 11-12. С. 15
Иван Белецкий. «Черная кошка...» *и др.* № 9-10. *С. 234*
Станислав Бельский. Зазеркалье. № 9-10. *С.* 3
Ольга Брагина. «говорит и лучшие не вернутся с этой войны...» *и др.* № 9-10. *С.* 135
Мария Галина. Из цикла «Мертвый город». № 7-8. С. 95
Дмитрий Гаричев. «Воспоминание» *и др.* № 1-2. С. 3
Анна Голубкова. Женская лирика. № 7-8. С. 129
Янис Грантс. «Месяц» *и др.* № 1-2. С. 67
Юрий Гудумак. Американский фронтир. *Стихи.* № 5-6. С. 115
Данила Давыдов. «положим, я иду за ними...» *и др.* № 9-10. *С.* 193
Владимир Ермолаев. Чистая речь. *Стихи.* № 1-2. С. 29
Настя Запоева. «нас накрывает тьмой...» *и др.* № 5-6. С. 135
Сергей Золотарёв. «Зевну я бабочку земную...» *и др.* № 7-8. С. 107
Сергей Ивкин. «Петербургский трилистник» *и др.* № 11-12. С. 194
Евгения Изварина. «Через подтопленные плетни...» *и др.* № 1-2. С. 81
Лариса Йоонас. Мировое словесное электричество. *Стихи.* № 5-6. С. 3
Александр Кабанов. «Друзьям» *и др.* № 7-8. С. 82
Геннадий Каневский. «честные заборы и кюветы...» *и др.* № 9-10. *С.* 199
Ирина Котова. Белый самокат боли. *Стихи.* № 3-4. С. 155
Виталий Лехциер. «Magna Mater» *и др.* № 11-12. С. 171
Люба Макаревская. «Сколько раз я разрезала зрение» и др. № 11-12. С. 137
Станислава Могилёва. «нет или да / *ближе...*» *и др.* № 3-4. С. 31
Владимир Морозов. Ночное время года. *Стихи.* № 3-4. С. 3
Владимир Навроцкий. Локации. № 3-4. С. 14
Алиса Орлова. «майское введенское» *и др.* № 3-4. С. 113
Наталья Панишева. На другой стороне бумаги. *Стихи.* № 3-4. С. 167
Александр Петрушкин. «Из камня видно птицу...» *и др.* № 7-8. С. 117
Алексей Порвин. «От сырости деревья пустотелы...» *и др.* № 1-2. С. 93
Игорь Силантьев. «Поеду ли я в Питер...» и др. № 11-12. С. 3
Сергей Слепухин. «Хор ангелов над цепью горной...» *и др.* № 1-2. С. 152
Иван Стариков. «Занимательная палеонтология» *и др.* № 5-6. С. 150
Евгений Стрелков. «Служба» *и др.* № 7-8. С. 165
Елена Сунцова. Ответный взмах. № 1-2. С. 54
Андрей Торопов. «Едет, едет шанхайский экспресс» *и др.* № 5-6. С. 161
Владимир Тучков. «В Папуа – Новой Гвинее...» *и др.* № 9-10. *С.* 210
Сергей Шуба. Поездка. *Рассказ.* № 3-4. С. 143
Рафаэль Шустерович. Набережная. *Стихи.* № 5-6. С. 171

ПРОЗА

Ольга Аникина. Белая обезьяна, чёрный экран. *Роман.* № 5-6. С. 7
Владимир Аристов. Жизнеутвердительные рассказы. *Из цикла «Жизнь незамечаемых людей».* № 1-2. С. 37
Каринэ Арутюнова. Мимо леса и реки. № 11-12. С. 7
Михаил Бару. Уравнение воздушного поцелуя. № 1-2. С. 99
Сорин Брут. Безветрие. *Рассказ.* № 11-12. С. 175
Марина Бувайло. Истории из жизни Миганомии. № 9-10. С. 237
Анатолий Бузулукский. «Эгоист» *и др. рассказы.* № 1-2. С. 60
Александр Вергелис. Тихими, тяжелыми шагами... *Рассказ.* № 11-12. С. 187
Родион Вереск. То самое лето. *Нон-фикшн.* № 7-8. С. 136
Надя Делаланд. Драконьи сказки. № 7-8. С. 126
Алла Дубровская. Девушка. Реклама. Интернет. *Повесть.* № 3-4. С. 119
Елена Зейферт. Плавильная лодочка. *Карагандинская повесть.* № 9-10. *С. 146*
Сергей Зельдин. «Джунгарский Алатау» *и др.* № 5-6. С. 140
Дмитрий Колисниченко. Метель. *Рассказ.* № 5-6. С. 177
Марина Крапивина. День рожденья. Урок труда. Полоса отчуждения. *Рассказы.* № 3-4. С. 161
Андрей Краснящих. О вас, читающих меня. *Глава из романа «О себе».* № 7-8. С. 168
Сергей Круглов. Про о. Филофила. № 7-8. С. 88
Наталия Крупенина. Пейзаж с жилыми домами. *Повесть.* № 7-8. *С. 22*
Сергей Кулаков. Лавка ненужностей. *Рассказ.* № 3-4. С. 150
Дмитрий Лагутин. Сердце. *Рассказ.* № 7-8. *С.* 112
Иван Макаров. Бедный Удодов. Барбос де Карабас. *Рассказы.* № 7-8. С. 97
Михаил Окунь. «Коллекционер» *и др. рассказы.* № 5-6. С. 168
Антон Пайкес. Танцующие на Крышах. *Повесть.* № 3-4. С. 49
Татьяна Риздвенко. Симметрия. Животъ. *Рассказы.* № 9-10. *С. 203*
Алексей Сальников. Опосредованно. *Роман.* № 9-10. *С. 7*
Александр Скидан. Труды и дни Даниила Ивановича. № 3-4. С. 22
Алексей Слаповский. Рассказы из книги «Туманные аллеи. № 5-6. С. 118
Григорий Стариковский. Плоскогорье *(боливийский дневник)*. № 1-2. С. 10
Андрей Тавров. Летчик. Поэма. № 11-12. С. 145
Владимир Тучков. Преображение. *Рассказ.* № 5-6. С. 157; Вышка. Роман. № 11-12. С. 19
Гала Узрютова. «Снег, который я пропустил» *и др. рассказы.* № 1-2. С. 85
Егор Фетисов. Свет. Лост энд фаунд. Барсучья тень. *Рассказы.* № 3-4. С. 40
Вячеслав Харченко. Света-щука. Залом. *Рассказы.* № 1-2. С. 78
Павел Чхартишвили. Дневник Клишина. *Рассказ.* № 9-10. *С. 215*
Сергей Шикера. Без названия. *Рассказ.* № 3-4. С. 10
Вадим Ярмолинец. Ключи. *Рассказ.* № 1-2. С. 50

ДЕБЮТ

Андрей Дудко. «Лежатель Свиридович» *и др. рассказы.* № 1-2. С. 156

ПЕРЕВОД

Олег Коцарев. «Бахчисарайский чебурек с орденами» *и др. стихи. Перевод с украинского* ***Станислава Бельского.*** № 11-12. С. 198

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Сергей Боровиков. В русском жанре – 55. № 3-4. С. 171

РЕТРОСПЕКТИВА

Сергей Боровиков. Из дневника (1994–1999). № 5-6. С. 189; Пустая полка. № 7-8. С. 171; Про вино. № 9-10. *С.* 284; Из дневника. 2001 год. № 11-12. С. 209

ВОСПОМИНАНИЯ

Сергей Боровиков. Мой театр. № 1-2. С. 181

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. Сто пятьдесят пудов булавок. № 5-6. С. 216; Письмо бывшего князя. № 7-8. С. 246; Скатерть английской королевы. № 9-10. *С.* 308; Вексель Спиридона Козлова. № 11-12. С. 221

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Виталий Владимиров. «Между грязью и чудом». *Публикация, вступительная статья Георгия Квантришвили.* № 7-8. С. 240

Виктор Іванів. Два стихотворения из письма. *Подготовка текста и комментарий Алексея Дьячкова и Елены Горшковой.* № 5-6. С. 214

Георгий Квантришвили. «На писательство у нас смотрят косо...». *Писатель Иван Борский (Иван Алексеевич Бухалов).* № 3-4. С. 177; «В ладонях завтра»: *биография писателя Александра Кремлёва.* № 1-2. С. 199

Александр Кремлёв. Рассказы. *Публикация Георгия Квантришвили.* № 1-2. С. 206

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Сергей Соловьев. Между жизнью и записью. *Некоторые фрагменты из фб.* № 5-6. С. 248

Александр Марков. Цикл с отброшенным ключом. *О стихах Екатерины Симоновой из цикла «Уехавшие, высланные, канувшие и погибшие».* № 11-12. С. 236

МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ

Анна Жучкова. Любовь и зяблики. Новая сказка о главном. *Дарья Бобылёва. Вьюрки (Октябрь, 2017, № 7).* № 3-4. С. 194

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Роман Арбитман: Признания человека-словаря. №11-12. С. 242

Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»: Ефим Зубков, Владимир Матиевский, Игорь Поглазов, Геннадий Лукомников, Игорь Бухбиндер, Михаил Фельдман, Анатолий Кыштымов. *Подготовка, предисловие* ***Бориса Кутенкова.*** № 9-10. *С. 298*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей Баталов. Равновесие голоса. *Екатерина Деришева. точка отсчёта.* № 3-4. С. 200

Ольга Бугославская. Мир – продолжение войны. *Полина Жеребцова. 45-я параллель.* № 9-10. *С. 323*

Александр Вергелис. «Ничтожна смерть, сильней любовь моя». *Калле Каспер. Песни Орфея.* № 5-6. С. 292

Анна Голубкова. Глобальное экзистенциальное целое. *А.А. Житенев. Палата риторов: избранные работы о поэзии, исповедальном дискурсе и истории эмоций.* № 5-6. С. 301

Елена Зейферт. «В подземелье тупик это боги». *Анна Глазова. Земля лежит на земле.* № 3-4. С. 202

Игорь Караулов. Суровый стиль по-ржевски. *Любовь Колесник. Мир Труд Май*. № 1-2. С. 214

Владимир Коркунов. Мёртвые души Вадима Месяца. *Вадим Месяц. Искушение архангела Гройса.* № 11-12. С. 245

Вера Котелевская. Мужское – женское Герты Мюллер. *Герта Мюллер. Как даме жить в пучке волос; Герта Мюллер. Бледные господа с чашечкой кофе в руках.* № 11-12. С. 249

Борис Кутенков. «И вся земля видна». *Денис Новиков. Река-облака.* № 5-6. С. 286

Марина Кузичева. «Тишина аки лев рыкающий». *Андрей Тавров. Речи в огне (Дети Ра. 2017. № 5), Из Византии (Волга. 2017. № 9-10)*. № 1-2. С. 216

Денис Липатов. Переназвать мир заново. *Алексей Остудин. Вишнёвый сайт.* № 3-4. С. 205

Андрей Пермяков. Перрон останется. *Паровозъ. Поэтический альманах-навигатор (№6)*. № 3-4. С. 209; Феномен танкетки, или Короче, некуда. *Александр Корамыслов, Полина Потапова. Танкетки на двоих.* № 5-6. С. 295; Дойти до самой жути. *Татьяна Бонч-Осмоловская. Умножение сущностей: Статьи и рецензии; Татьяна Бонч-Осмоловская. Развилка: Повести и рассказы.* № 9-10. С. 325; «...В знак расставанья с детством». *Антон Васецкий. Монтаж все исправит; Вячеслав Памурзин. Мертвая петля Веселого Роджера.* № 11-12. С. 250

Юлия Подлубнова. И в кармане труп Гагарина. *Ия Кива. Подальше от рая.* № 7-8. С. 282

Олег Рогов. Есенин – XXI. *Алексей Слаповский. Тоска веселая. Два дня из жизни Сергея Есенина.* № 3-4. С. 212

Станислав Секретов. Маленькие романы. *Инна Иохвидович. Женский портрет.* № 5-6. С. 299

Сергей Соколовский. Черкизон. *Наталия Черных. Неоконченная хроника перемещений одежды.* № 9-10. С. 322

Лариса Сонина. Герой в интерьере. *Ольга Славникова. Прыжок в длину (Знамя. 2017. № 7, 8)*. № 1-2. С. 218

Сергей Трунев. В ритме вальса. *Роман Михеенков. Упражнения на развитие беглости*. № 7-8. С. 283

Сергей Шиндин. «Шишига его смутил...». *Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, предисл. О.А. Лекманова, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан*. № 1-2. С. 220

ЖИЗНЬ ХУДОЖНИКОВ

Алексей Голицын. История ареста художника Ивана Щеглова. № 7-8. С. 285

Вячеслав Лопатин. Происхождение Радищевского музея *(Продолжение)*. № 3-4. С. 214; № 5-6. С. 304; № 9-10. *С. 334*; № 11-12. С. 258

АРХИВ

Ирина Тарасова. Мальдяк: история одного расстрела. № 1-2. С. 234

Контакты:

Анна Сафронова *(гл. редактор, проза)*: safronova-volga21@yandex.ru
Алексей Александров *(зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru
Алексей Голицын *(документальные исследования)*: agolitzin@yandex.ru
Олег Рогов *(архивные публикации, критика)*: rgv@mail.ru
Алексей Слаповский *(проза)*

Сайт журнала: http://volga-magazine.ru/

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:
http://magazines.russ.ru/volga/

Подписано в печать 10 декабря 2018 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.